

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 2

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

Volume 22. No. 2

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

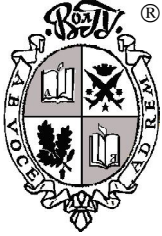
Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 2

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editor, Proofreader *M.V. Gayval*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Febr. 19, 2023.

Date of publication: June 29, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.3. Published pages 18.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies).

Order 67. «C» 12.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редактор, корректор *М.В. Гайваль*

Редакторы английских текстов *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 19.02.2023 г.

Дата выхода в свет: 29.06 2023 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,3.

Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).

Заказ 67. «С» 12.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Ребрина Л.Н.* Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузуальные неонимации 5
- Павлова Е.Б., Валеева Н.Г.*
Зоны токсичной коммуникации и эмотивные маркеры в русскоязычной производственной среде [На англ. яз.] 23
- Андреев В.К., Дмитриева С.О., Никитина Т.Г.*
Динамика лексикона молодежных субкультур (по материалам интернет-форумов) 36
- Акимова Э.Н., Мочалова Т.И.* Рыболовецкая лексика в русских говорах на территории Республики Мордовия 49

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Алексеева И.С., Бояркина А.В., Просюкова К.О., Тахтарова С.С.* Транслатологический трилингвизм: вызовы и перспективы [На англ. яз.] 61
- Иванов А.В.* «Umlaut» как терминологическое отражение межязыковых связей в лингвистике 72
- Бекреева Ю.В.* Характерологическая функция глаголов передвижения (на материале белорусского и английского языков) 84

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Сокур Е.А., Беданоклова З.К., Адзинова А.А.*
Гидронимическое пространство Адыгеи: структурная и семантическая организация 97
- Проклов Р.И.* Этнокультурный код в бразильском романе первой четверти XX века: проблемы выявления и описания 109
- Анисимова Т.В., Чубай С.А.* Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы 122
- Минаева Л.В.* Функции экспрессивности в корпоративной прессе 140
- Антоненко Н.С.* Лингвистическое кодирование объектов гонимического пространства Волгограда и Севастополя 152

ДИСКУССИИ

- Богинская О.А.* Стратегии популяризации как дискурсивные инструменты устранения асимметрии знания [На англ. яз.] 164
- Малахова В.Л.* Отношения как фактор формирования смыслового пространства дискурса 175

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Rebrina L.N.* Disapproved/Approved Fragments of Contemporary Social Reality: Unusual Neonominations 5
- Pavlova E.B., Valeeva N.G.*
Toxic Communication Zones and Emotive Markers in the Russian-Language Work Environment 23
- Andreev V.K., Dmitrieva S.O., Nikitina T.G.*
The Lexicon of Youth Subcultures in Dynamics (Exemplified by Internet Forums) 36
- Akimova E.N., Mochalova T.I.* Fishing Vocabulary in Russian Subdialects on the Territory of the Republic of Mordovia 49

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Alexeeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S.* Translatological Trilingualism: Challenges and Perspectives 61
- Ivanov A.V.* “Umlaut” as a Terminological Reflection of Interlanguage Relations in Linguistics 72
- Bekreyeva Yu.V.* Characterizing Function of Verbs of Movement (On the Material of Belarusian and English Languages) 84

MATERIALS AND REPORTS

- Sokur E.A., Bedanokova Z.K., Adzinova A.A.*
Hydronymic Space of Adygea: Structural and Semantic Organization 97
- Proklov R.I.* Ethnocultural Code of the Brazilian Novel (1902–1922s): On Revealing and Description 109
- Anisimova T.V., Chubay S.A.* Precedent Texts as a Means of Increasing the Efficiency of Social Advertising 122
- Minaeva L.V.* Functions of Expressivity in Corporate Media 140
- Antonenko N.S.* Linguistic Coding in Hodonymic Space of Volgograd and Sevastopol 152

DISCUSSIONS

- Boginskaya O.A.* Popularization Strategies in Eliminating Knowledge Asymmetry in Expert-Lay Discourse 164
- Malakhova V.L.* Relations as an Important Factor in Discourse Sense Formation 175

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>

UDC 81'373.611:004.738.5
LBC 81.052.0

Submitted: 03.10.2022
Accepted: 09.02.2023

DISAPPROVED/APPROVED FRAGMENTS OF CONTEMPORARY SOCIAL REALITY: UNUSUAL NEONOMINATIONS ¹

Larisa N. Rebrina

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article presents the study of word-building, semantic, motivational, syntagmatic, and functional characteristics of non-usual neominations that appeared in 2005 and have been used in Russian-language Internet communication since that time to the present, denoting the objects of social reality that are either approved or disapproved. The performed analysis has made it possible to identify internationalization, intensification, intellectualization and integration as current trends in the creative neologization of this semantic area. The most productive methods of non-usual word formation in the studied lexical subset include blending, lexicalization of an abbreviation, stem truncation; less frequent – holophrasis, graphics, the inclusion of a foreign component in the centaur word; rarely used – reduplication, tmesis, anagram, stepwise way of word formation, pluralization, creation; irrelevant – the emancipation of the morpheme, the spillage of the word. It is shown that a most creative reaction of Internet users is caused by disapproved objects of reality with a variety of rejected socially significant features; their neominations are used in contexts with a dominant negative average tone. The dominant regular sphere of functioning of neolexemes, which are formed in unusual ways with the semantics of disapproval/approval are such genres of Internet communication as social networks, blogs and forums. Protologisms, even with a transparent internal form and a readable motivation, are rarely conventionalized. Most of the unusual neominations of unacceptable/acceptable objects of social reality can be attributed to transnominatives, whose nominative purpose is secondary.

Key words: neology, non-usual word formation, semantics, motivation, syntagmatics, Internet communication.

Citation. Rebrina L.N. Disapproved/Approved Fragments of Contemporary Social Reality: Unusual Neominations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 5-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>

УДК 81'373.611:004.738.5
ББК 81.052.0

Дата поступления статьи: 03.10.2022
Дата принятия статьи: 09.02.2023

НЕОДОБРЯЕМЫЕ / ОДОБРЯЕМЫЕ ФРАГМЕНТЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: НЕУЗУАЛЬНЫЕ НЕОНОМИНАЦИИ ¹

Лариса Николаевна Ребрина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования неузальных неониминаций, появившихся в русскоязычной интернет-коммуникации в период с 2005 г. по настоящее время, обозначающих неодобряемые / одобряемые объекты социальной реальности. Описаны словообразовательные, семантические, мотивационные, синтагматические, функциональные характеристики этих лексических единиц. В качестве актуальных тенденций креативной неологизации семантической области «одобряемые / неодобряемые фрагменты действительности» определены как интенсификация, интернационализация, интеллектуализация и интеграция. Установлено, что к наиболее продуктивным способам неузального словообразования в изучаемом лексическом подмножестве относятся блендинг, лексикализация аббревиатуры, усечение основы; менее продуктивны – голофразис, графиксация, включение иноязычного компонента в слово-кентавр; непродуктивны – редупликация, тмезис, анаграмма, чересступенчатый способ словообразования, плюрализация, креация; нерелевантны – эмансипация морфемы, разливание слова. Показано, что изобретательную реакцию интернет-пользователей преимущественно вызывают неодобряемые объекты действительности с разнообразными отвергаемыми социально значимыми признаками; их неониминации употребляются в контекстах с доминирующей негативной усредненной тональностью. Сферой регулярного функционирования образованных неузальными способами неолексем с семантикой неодобрения / одобрения выступают такие жанры интернет-коммуникации, как социальные сети, блоги и форумы. Протологизмы (при прозрачной внутренней форме и считываемой мотивации), редко узализируются. Большая часть неузальных неониминаций неодобряемых / одобряемых объектов социальной реальности квалифицирована нами как трансономинативы, номинативное назначение которых является вторичным.

Ключевые слова: неология, неузальное словообразование, семантика, мотивированность, синтагматика, интернет-коммуникация.

Цитирование. Ребрина Л. Н. Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузальные неониминации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 5–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>

Введение

Неологические процессы в лексических подсистемах языка отражают общественно значимые изменения в разных сферах жизни социума, динамику и особенности современного освоения языком новых фрагментов реальности, социального опыта или иного восприятия уже имеющих в лингвокультуре вербальное обозначение денотатов, развитие образных систем, трансформации общественного и языкового сознания. Особый интерес лингвистов вызывают неониминации, возникающие в рамках неузальных способов словообразования, указывающие на растущую потребность носителей языка в креативной речемыслительной деятельности. Неузальное словообразование восполняет лакуны узального как область более свободная от ограничений и предписаний [Земская, 2006]. Исследование неологизмов имеет богатую, восходящую своими корнями к XIX в. традицию. Они изучались: 1) с позиций стилистической теории неологизмов как стилистически маркированные единицы с эффектом новизны относительно конкретного носителя языка и языкового коллектива (см. работы А.В. Калининой,

А.Г. Лыковой, Е.В. Сенько и др.); 2) в рамках психолингвистической теории как субъективно новые единицы в индивидуальном речевом опыте носителя языка (см. работы С.И. Тогоевой, Н. Костюшиной, Т.Ю. Сазоновой, Т.Г. Родионовой, Н.С. Шумовой, В.В. Петрова, К.З. Чигондзе, Ю.Ф. Сухоплещенко, Е.М. Поздняковой и др.); 3) в русле лексикографической теории как нелексикографированные единицы, включая семантические инновации (см. работы К. Барнхарта и других представителей западной неологии); 4) с позиций реализуемой во многих словарях неологизмов денотативной теории как единицы с новым денотатом, что, однако, выносит за рамки исследовательского внимания внутриязыковые факторы развития словарного состава (см. работы О.С. Ахмановой, В.А. Козырева, В.Д. Черняк и др.); 5) с точки зрения структурной теории как новые в формальном, структурном плане, непроемные, лексически и морфологически немотивированные единицы (такого рода неологизмы исследовались в работах Е.А. Ждановой, М.П. Сухих, Н.А. Янковой и др.); 6) в рамках конкретно-исторической теории как единицы, возникшие на памяти употребляющих их носителей языка, харак-

теризующиеся семантической и/или формальной новизной относительно определенных коммуникативных сфер / подъязыка, жанров или национального языка / многих языков (см. работы Н.З. Котеловой; Т.В. Поповой; Т. Шиппан и др.) (подробнее о подходах к изучению неологизмов см.: [Попова, 2011]). Исследования неологизмов ведутся в рамках разных лингвистических направлений: структурно-семантического (в фокусе внимания отношения производности, соотношение формы и значения, структурные и семантические классификации лексем); социолингвистического (особое внимание уделяется воздействию разных подъязыков на литературный язык, интернационализации, жаргонизации языка; роли внеязыковых факторов и их отражению в неологических процессах); когнитивного (исследуются кодируемые неологизмами структуры новых знаний и их влияние на когнитивное и языковое отражение мира); психолингвистического (неологизмы интерпретируются как динамическое явление когнитивной природы в речемыслительной деятельности индивида); динамического (анализируются зоны разной неологической активности языка и ее причины).

Помимо собственно узуальных неологизмов (вошедших в узус новых в формальном и/или содержательном планах слов) активно изучаются: а) новые окказиональные слова – по Лыкову, индивидуальные неониминации, заданно ненормативные, экспрессивные, относящиеся к речи, невоспроизводимые, в особой мере контекстуально зависимые, функционально одноразовые и номинативно необязательные, характеризующиеся единством синхронного и диахронного планов слова [Лыков, 1972; Земская, 1972] (см. работы А.А. Аржанова, В.В. Лопатина, Р.Ю. Намитоковой, Э. Ханпира, Н.И. Фельдман И.С. Улуханова и др.); б) потенциальные слова – согласно определению Ю.Н. Шаталовой, созданные по продуктивным моделям (то есть не нарушающие языковых законов), как бы потенциально существующие и легче, чем окказиональные, входящие в систему языка единицы [Шаталова, 2009; Земская, 1972]; в) протологизмы (термин М. Эпштейна) – слова, созданные конкретным лицом / группой и предлагаемые носителям языка в качестве потенциально общепринятых слов, но употребляемые

на данный момент преимущественно их автором / авторами [Epstein, 2011]; г) относительные неологизмы – вернувшиеся, актуализированные единицы, внутренние заимствования [Поповцева, 1990]. Таким образом, неониминации могут возникать посредством искусственной (осознанное обозначение и отбор, нацеленные на закрепление) или естественной (в спонтанной речи в разных сферах коммуникации) номинативности. Узуальным может стать и протологизм, чему способствует понятность новой лексической единицы (далее – ЛЕ) вне контекста [Голев, 2001].

Современное коммуникативное пространство в разных лингвокультурах характеризуется мощным подъемом словообразовательной активности, в том числе широким распространением окказиональной, незуальной деривации, что обуславливает появление множества работ по неологии и неографии. Выполненные на материале русского языка исследования посвящены: актуальным тенденциям именного словообразования (Е.А. Жданова, Е.И. Коряковцева, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.В. Щеникова); функциям неолексем в отдельных коммуникативных практиках (В.А. Торопкина); проблемам лексикографирования неолексем (А.В. Щетинина); новым сверхсловным номинативностям субъекта, включая заимствования (О.В. Григоренко); новым словообразовательным гнездам с ключевым онимом (И.А. Нефляшева); семантико-мотивологической характеристике идеографических множеств неолексем (Л.Н. Ребрина); блендингу как способу незуального словообразования (П.В. Григорьева); оценочным неологизмам в заголовках СМИ (В.А. Куликова); словообразовательной, графической, орфографической языковой игре (О.В. Дедова, С.В. Ильясова, Т.В. Попова, Е.В. Маринова); словам-кентаврам (Л.П. Крысин); креализованным дериватам (Т.В. Попова); неологизмам периода пандемии (О.А. Анищенко, Е.С. Громенко, К.А. Журавлева, А.А. Иваненко, В.В. Катермина, С.Д. Левина, С.Х. Липириди, З.И. Минеева, Й. Митурска-Бояновска, В.М. Мокшенко, Н.А. Прокофьева, Ю.С. Ридецкая, Е.А. Щеглова и др.); семантико-деривационным характеристикам авторских окказионализмов (В.В. Никульцева, Б.Н. Гаджимурадова, Н.Д. Яцук); стилистическим, лингвокультурологическим свойствам отдельных неологических

подмножеств (А.Е. Белькова, М.А. Демусик, Г.С. Клычков, И.Ю. Безукладова, А.Ф. Строкова, К.А. Тихонова и др.); индивидуальному восприятию новизны слова, этапам существования нового слова в индивидуальной речевой практике носителя языка (Е.М. Позднякова, С.И. Тогоева); подмножествам аббревиатурных неологизмов (Г.Н. Алиева, Р. Lopez, A. Lahiri, P. Fikkert); сопоставлению (фрагментарно) неологических процессов в русском и других языках (Л.Б. Гацалова).

На фоне представленной богатой исследовательской традиции, полученных новых значимых научных результатов в области неологии остаются нерешенными множество задач. В частности, отметим дефицит работ, посвященных комплексному изучению невузальной, креативной неологизации в рамках определенных тематических сфер, в особенности отражающих оценочное восприятие носителями языка современной реальности, их социальные установки. Наше исследование нацелено на описание семантических, мотивационных, словообразовательных, функциональных характеристик неониминаций (с 2005 г. по настоящее время) с семантикой неодобрения / одобрения фрагментов реальности, образованных невузальными способами. Выбранные для анализа ЛЕ представляют собой важный источник информации о переживаемых социально значимых процессах. Результаты анализа новых ЛЕ (неологизмов, окказиональных слов, протологизмов) с семантикой неодобрения / одобрения чего-либо, образованных невузальными способами и функционирующих в сегодняшней интернет-коммуникации, позволят определить состав и признаки «принимаемых» / «непринимаемых» фрагментов сегодняшней реальности, выделяемых носителями языка, вызывающих их творческую, изобретательную реакцию; специфику креативной неологизации данных смысловых областей; актуальные тенденции развития семантико-мотивационных моделей в выбранных семантических областях.

Материал и методы

Мы исходим из того, что наибольшим эффектом новизны обладают новые лексические единицы, образованные посредством не-

вузальных способов словообразования и поэтому воспринимаемые как непривычные. Эффект новизны, необычности обусловлен часто неожиданной отсылкой к прецедентному феномену (например, *макронить*, *байдененция*), семантическим конфликтом в структуре слова, создающим эффект обманутого ожидания, порождающим иронию или экспрессию (например, *пол-фабрикат*, *инфоцыгане*), ребусным характером номинации (например, *бабайден*, *пенсияне*, *ургантриот*, *френдета*, *хамостийный*, *социопрят*) [Ильясова, 2015; Нефляшева, 2008; Попова, Рацибурская, Гугунава, 2017; Ребрина, 2020]. Единицей исследования является новое слово (вузальная, окказиональная ЛЕ, получающий распространение протологизм), образованное невузальным способом, функционирующее в интернет-коммуникации с 2005 г. по настоящее время, обозначающее неодобряемый / одобряемый объект социальной действительности. Источником материала исследования является русскоязычный сегмент Интернета (электронные СМИ, блоги, чаты, форумы, информационно-развлекательные сайты, сообщества в социальной сети «ВКонтакте», видеохостинги).

К невузальным (потенциальным и окказиональным) способам словообразования относятся:

– голофразис – образование нового слова на базе словосочетания или предложения посредством ликвидации пробелов [Изотов, Панюшкин, 1997; Спиридонов, 2014; Шаталова, 2009]: *собакасутулая*, *ЯЖМАТЬ* (с графикацией), *какбычегоневышлусты* (с аффиксацией);

– редупликация (полная, дивергентная, осложненная) – образование сложного слова посредством повтора компонента / компонентов [Изотов, Панюшкин, 1997]: *тру-трушный*;

– гендиадис – сложение двух и более компонентов, при котором второй и последующие компоненты представляют собой рифмованную фонетическую трансформацию первого компонента [Земская, 2006; Спиридонов, 2014]: *новатор-стимулятор*;

– плюрализация – употребление существительного, имеющего только форму единственного числа, во множественном числе с изменением значения [Изотов, Панюшкин, 1997]: *Кроме того, уважаемая Наталья,*

Вас обязуюсь внести почетный список «со-вестей общества»... (OMR);

– элиминирование – усечение производящей основы (конечное, срединное, начальное – апокопа, синкопа, аферезис); является продуктивным способом словообразования, в особенности сленгизмов, жаргонизмов, лексем разговорного языка [Спиридонов, 2014], например: *Зеля* (Зеленский), *фемка* (феминистка) и мн. др.;

– креация – образование формата как произвольной последовательности звуков и закрепление за ней лексического значения [Изотов, Панюшкин, 1997]: *октодженериана* (Аксенов, с. 24);

– аугментация – неморфемное приращение основы в начале, середине конце – протеза, эпентеза, эпитеза [Изотов, Панюшкин, 1997]: *малюпасенький*;

– анаграмма – ретроспекция (обратное прочтение или написание производящей ЛЕ) и метатеза (перестановка компонентов с/без изменения значения) [Изотов, Панюшкин, 1997]: *альпесинчик, чевряк*;

– тмезис – вторжение аффикса / неморфемного сегмента / целого слова (чаще служебного) / словосочетания или предложения внутрь слова (как правило, сложного) [Намиткова, 1986]: *40-с-чем-то-летний, демонократия, трудноустройство*;

– графикация – (графическое) словообразование с использованием в качестве форманта графических и орфографических средств [Земская, 2006; Изотов, Панюшкин, 1997; Цыганова, 2016]: *без(воз)душно-замкнутое пространство; оп... позиция; Аз'арт* – азы искусства; *Кто-то из знакомых сказал, что сегодня, 14 марта – день числа Пи = 3.14... пойду 3.14ть 3.14во по этому случаю* (instantcms, 14.03.2016);

– эмансипация морфемы – высвобождение морфемы из основы и ее самостоятельное употребление [Земская, 2006; Изотов, Панюшкин, 1997]: *эко (Как мы ходили пробовать всякое эко (ЖЖ, гуабинина, 09.12.2012); Сейчас всякое эко дико модно (ЖЖ, chuch666, 03.05.2016))*;

– субституция – замена компонентов производящей ЛЕ (морфемно-морфемная, морфемно-сегментная, сегментно-морфемная, сегментно-сегментная); вытесненная часть, как

правило, участвует в формировании нового значения [Изотов, Панюшкин, 1997; Шаталова, 2009]: *навориши – ньювориши; кока-кола – кока-кома; спецпомощь – спецнепомощь*;

– блендинг (контаминация / межсловное наложение) – скрещивание производящих слов в одно неразложимое формальное и семантическое целое без участия какого-либо словообразовательного форманта, сопровождаемое частичным наложением в месте соединения [Изотов, Панюшкин, 1997; Шаталова, 2009; Pangritz, 2015]: *муниципалево, ковидиот, шизобретатель, наружитель*;

– разливание – употребление частей существующего слова как самостоятельных слов [Земская, 2006; Изотов, Панюшкин, 1997]: *менталитет... строй сознания распадается на два... литета: литет мента и литет вора* (Molotok, 09.12.2021);

– лексикализация аббревиатур – превращение аббревиатуры в полное слово, отаббревиатурная деривация [Климас 2016; Спиридонов, 2014]: *внутрикадыш, мротовцы*;

– слова-кентавры – образование слов посредством вкрапления иноязычного компонента с сохранением иноязычной орфографии [Крысин, 2010]: *clubиться* (с контаминацией), *люблюес* (с контаминацией);

– чересступенчатое словообразование – образование слова с пропуском звена словообразовательной цепи, дающего непосредственно мотивирующее слово [Шаталова, 2009] (часто прилагательных или причастий от существительных, минуя глагол, или обозначения субъекта женского пола, минуя обозначения мужского рода; например: *наплевательница*);

– псевдомотивация – изменение внутренней формы ЛЕ под влиянием контекста [Гридина, 1996]: *приятных привидений* (то, что привидится); *Сейчас столько садистов развелось, у всех сады (садист – садовод)*.

Анализ материала включает следующие исследовательские шаги:

1) анализ количественных характеристик употребляемости и синтагматики неономинаций;

2) словообразовательная, семантикомотивологическая характеристика новых ЛЕ, определение регулярно выражаемых в контекстах их употребления соотносимых с денотатом признаков; квалификация ЛЕ по типу

денотации (номинативы, обозначающие новый денотат / трансноминативы, называющие поновому уже существующий денотат) и сфере употребления;

3) установление «тяготения» ЛЕ к контекстам с негативной или позитивной тональностью осуществляется посредством модуля Eureka Engine (далее – ЕЕ);

4) определение (с использованием количественных подсчетов) тематических областей с активными неологическими процессами, частотных неузальных способов словообразования в исследуемом лексико-семантическом подмножестве ЛЕ, частотности выражения негативной, позитивной оценки.

Применяются описательный метод, метод классификации, словообразовательный, семантико-мотивологический, контекстуальный анализ, количественные подсчеты, элементы сентимент-анализа (с использованием модуля Eureka Engine).

Для анализа тональности текста (сентимент-анализ) используется модуль автоматического определения тональности текста в системе Brand Analytics ЕЕ. Сентимент-анализ основывается на том, что в сообщении адресант оценивает фрагменты действительности по разным параметрам с неодинаковой эмоциональной нагрузкой, при этом суждения соотносятся с разными зонами оценочной шкалы (позитивная / негативная). Основная задача сентимент-анализа заключается в классификации элементов сообщения (посредством использования статистического, лексикографического методов или их комбинации) на нейтральные, позитивные, негативные; дополнительная – в уточнении оценки относительно объекта тональности; установлении негативности / позитивности / нейтральности атрибутов объекта тональности. Модуль ЕЕ позволяет установить усредненную (как соотношение выражений нейтрального, позитивного, негативного отношения применительно к разным объектам во всем тексте) нейтральную, негативную, позитивную тональность текстов разных типов, учитывает возможность совмещения оценок в одном высказывании, как для нескольких, так и для одного объекта; предусматривает «измерения» тональности заданного или автоматически выбираемого произвольного объекта; представ-

ляет соотношение позитивного и негативного отношения к заданному объекту. Модуль ЕЕ может использоваться для работы в объектном или в смешанном (объектно-безобъектном) режимах. В ЕЕ применяется комбинация статистического (базируется на алгоритме случайных марковских полей) и лексикографического (базируется на тональных словарях и правилах) методов.

Предварительная систематизация отобранного для анализа материала указывает на активную неузальную неологизацию семантических сфер «неодобряемые фрагменты современной социальной реальности» и «одобряемые фрагменты современной социальной реальности» в рамках следующих лексических групп: «неправильная жизненная позиция»; «недолжное выполнение профессиональных обязанностей»; «чрезмерное самопозиционирование и некомпетентность»; «выставление особого статуса и благополучия на показ для (фальшивого) самоутверждения»; «недолжное времяпровождение»; «нежеланный в данном месте»; «неразделяемая, интенсивная политическая деятельность»; «враждебная, агрессивная деятельность»; «причисление к “своим”, тепло, дружеское отношение»; «причисление к тому, что нравится, мило, привлекает».

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем ЛЕ, частотные для интернет-коммуникации на русском языке, в зависимости от их принадлежности к лексическим группам.

1. Группа «неправильная жизненная позиция».

Хитаскрайник. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 6 000; google – 3 880; поиск по блогам на Yandex.ru – 1 000. Обзор отобранных методом сплошной выборки контекстов употреблений ЛЕ указывает на ее функционирование в интернет-коммуникации в период с 2014 г. по настоящее время (здесь и далее в порядке убывания): в блогах, как правило, в Живом Журнале (далее – ЖЖ), в социальных сетях (далее – СС) «ВКонтакте», «Одноклассники», «Макспарк» (СС для зрелых людей с собственной блогосферой), на форумах, информационных сайтах, в электронных СМИ, видеохостингах, развлекательных

сообществах и на информационно-развлекательных порталах. ЛЕ образована посредством голофразиса с суффиксацией. С помощью суффикса *-ник*- образуются обозначения субъекта по его свойству / признаку. Мотивационная форма: ХАТАСКРАЙ/НИК; лексический мотиватор – устойчивое выражение *моя хата с краю*; структурный мотиватор: *любочНИК*, *клеветНИК*, *карманНИК*, *взяточНИК*, *пакостНИК* и др. (классификационный признак – ‘субъект как носитель определенного признака’). Мотивационное значение: «субъект <со свойством> “моя хата с краю”». ЛЕ следует, по-видимому, отнести к трансноминативам, поскольку сходный денотат уже существует в русской культуре, может быть обозначен рядом слов (*отстранившийся*, *устранившийся*, *безразличный*, *попуститель*, *стоящий в стороне*, *пофигист*).

Обозначаемый субъект описывается как представитель некой, объединенной одинаковым отношением к жизни общности. Лексическое значение ЛЕ: «равнодушный, руководствующийся только своими интересами, не во что не вмешивающийся субъект». Ядерные семы – ‘равнодушный’, ‘пассивный’. Существительное *хатаскрайник* сочетается в контексте со словами *трус*, *мещанин*, *мешающий*, *молчащий*, *безответственный*, *отсиживающийся*, *позорный*, *как медуза*, *сам по себе*, *бывший*, *типичный*, *обыкновенный*, *эталонный*, *убежденный*, *ленивый*, *классический*; *превратиться*, *переобуваться*, *прятаться*, *испугаться*, *потреблять*, *не готов* (*хатаскрайник* – субъект); *соблазнить*, *привлекать*, *побеждать*, *обзывать*, *разубедить* (*хатаскрайник* – объект). ЛЕ употребляется в интернет-коммуникации чаще всего для характеристики неопределенного субъекта как представителя класса: «*Хатаскрайник* это ярко выраженная форма обывателя (Уралов, 16.04.2022); реже для оценочной характеристики конкретного субъекта: *Ты ж хатаскрайник...* (bmcwclub, 21.02.2022); *Интервьюируемый типичный хатаскрайник* (zugunder, 12.05.2022); редко для самопрезентации / самоидентификации: *Я действительно хатаскрайник...* Но с интересом наблюдаю... (pikabu, 2016); в единичных случаях – в функции оценочного обращения: *Ну как, «дорогие» друзья «хатаскрайники»... и иже*

с ними? Нравятся теперь новости? (ВКонтакте, wall6305325_2830, 27.02.2022). В контексте регулярно получают отражение соотносимые с обозначаемым субъектом признаки: «равнодушный», «трусливый», «занимающийся самоуспокоением», «с индивидуалистическим мышлением», «потребитель», «ищет свою выгоду», «хамелеон», «поригаемый». ЛЕ выражает отрицательное отношение, неприятие обозначаемого признака и самого субъекта. Результаты анализа словоупотребления указывают на превалирование контекстов с негативной тональностью.

2. Группа «недолжное выполнение профессиональных обязанностей».

Татунед. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 10 000; google – 3 570; поиск по блогам на Yandex.ru – 5 000. Существительное функционирует с 2013 г. по настоящее время на информационных сайтах, в электронных СМИ, в блогах (большая часть в ЖЖ), в СС и в развлекательных сообществах, на форумах. Данный вошедший в употребление протологизм (предложен А. Задорновым) представляет собой анаграмму ретроспекцию (производящее слово *депутат*). Мотивационная форма: ТАТУ/ПЕД; лексический мотиватор: *депутат*; структурный мотиватор: *логоПЕД*, *ортоПЕД* (классификационный признак – ‘субъект, занимающийся определенным родом деятельности’); мотивационное значение: «депутат наоборот»; лексическое значение: «(иронично) (ассоциативная связь с прилагательным в краткой форме *туп*) депутат Государственной Думы». Ядерные семы: ‘представитель народа’, ‘не думающий о народе’, ‘выполняющий работу недолжным образом’. ЛЕ выражает отрицательное отношение, неприятие обозначаемого субъекта. В русском языке существует нейтральное обозначение субъекта с соответствующим родом занятий (*депутат*), уточняющая характеристика реализуется посредством атрибутов (в синтагме); мы склонны отнести описываемую ЛЕ к номинативам. ЛЕ *татунед* сочетается со словами *чинный*, *богатый*, *сытый*, *зажравшийся*, *потерявший всякий страх*, *продажный*, *гадкий*, *недалекий*, *жирный*; *наглеть*, *просить*, *загрести деньги*, *плевать*, *не понимать*, *отрываться от электората*, *делать все наоборот*, *отжи-*

гать, достать (надоеть), *красть, хапать, заботиться о себе, насмешить, предлагать, вводить, создавать* (*татупед* – субъект); *гнать, изгонять, ненавидеть, обижать*, (*татупед* – объект); *цирк, бездельники, русофоб* и др. ЛЕ употребляется в интернет-коммуникации чаще всего для характеристики неопределенного субъекта как представителя класса / всей общности субъектов: *И проблемы наши тоже / Татупеды не поймут.* <...> / *Что касается зарплаты, – / Татупеды – люд богатый, / Разрешают им мандаты / Деньги загребать лопатой.* <...> / *Что же так наглеть безбожно?* (Бабушкина), реже – для оценочного обозначения конкретного субъекта: *Потерявший всякий страх татупед от ПЖиВ называет своих избирателей «безмозглыми баранами»* (Vikitiki, 27.07.2021), в единичных случаях – в качестве характеризующего обращения: *Дурак ты татупед, фото баллона отправил...* (Богудония, 07.01.2015); не используется для самопрезентации и самоидентификации. В контексте регулярно получают отражение ассоциируемые с обозначаемым субъектом признаки: «жадный», «богатый», «наглый», «глупый», «далекий от народа», «бездельник», «не думающий о народе». Результаты анализа употребления указывают на преобладающее функционирование ЛЕ в контекстах с негативной тональностью.

3. Группа «чрезмерное самопозиционирование и некомпетентность».

ЯЖспец (ЛЕ обнаруживает вариативное написание в современной интернет-коммуникации: *ЯЖспец, Яжспец, яжспец*). Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 7 000; google – 12; поиск по блогам на Yandex.ru – 1 000. ЛЕ наиболее активно функционирует в период с 2019 г. по настоящее время на форумах, СС, в блогах ЖЖ, на информационных и развлекательных сайтах. ЛЕ *ЯЖспец* образована посредством голофразиса (*ЯЖмать, ЯЖотец, ЯЖбосс* – данные ЛЕ также характеризуются разными используемыми вариантами написания); производящий компонент *спец* – посредством элиминирования производящей основы *специалист*. Мотивационная форма: ЯЖСПЕЦ; лексический мотиватор: *я ж спец(иалист)*, структурный мотиватор: *ЯЖотец, ЯЖбосс*;

классификационный признак – ‘субъект с чрезмерным самопозиционированием в некой сфере, высокомерный, считающий себя особенным’; мотивационное значение: «<называющий себя> спецом»; лексическое значение: «(иронично, неодобрительно) о недостаточно компетентном, но чрезмерно преподносящем себя человеке, считающим себя в чем-либо лучшим специалистом, с высокомерием относящийся к мнению и советам других». Ядерная сема: ‘неоправданно высокого мнения о своей компетентности’. Для обозначения соответствующего денотата в русском языке существуют близкие по значению слова, которые, однако, полностью не актуализируют все семантические признаки лексической единицы *ЯЖспец*: *горе-мастер, горе-профессионал, профан* выражают полное отрицание компетенций в какой-либо области, в то время как *ЯЖспец* указывает на несоответствие собственной оценки компетентности и действительного положения дел; *мастер кислых щей* не эксплицирует семантического признака «с чрезмерными самомнением, самопрезентацией»; *самозванец* не выражает связи с профессиональной деятельностью. Не входящие в значение перечисленных ЛЕ семантические признаки могут быть реализованы определениями. Анализируемое обозначение употребляется в контексте со следующими словами: *рассуждать, комментировать, самоутверждаться, отнекиваться, тупой, интернетный, всеведущий, отребье, хомячок* и др. Лексическая единица *ЯЖспец* употребляется в интернет-коммуникации чаще всего для характеристики класса или его типичного представителя: *Нет такой темы, где бы не наслись тучные стада всеведущих яжспецов... по любому вопросу Бытия* (ВКонтакте, wall15516162, 30.01.2022); в единичных случаях – для самопрезентации и самоидентификации: *Меня часто спрашивают родители, ЯЖспец))))* (gramlife, 22.02.2021). Получающие отражение в контексте, ассоциируемые с обозначаемым субъектом признаки: «самоуверенный», «постоянно высказывающий свое мнение», «некомпетентный», «глупый». ЛЕ функционирует преимущественно в контекстах с негативной тональностью (исключения составляют случаи ироничной самопрезентации).

4. Группа «выставление особого статуса и благополучия на показ для (фальшивого) самоутверждения».

VIPендрёж. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 340; google – 75; поиск по блогам на Yandex.ru – 67. Слово употребляется в период с 2008 г. по настоящее время в электронных СМИ (прежде всего в комментариях), СС («Одноклассники», «ВКонтакте»), на форумах, информационно-развлекательных сайтах, в блогах. ЛЕ сочетает в себе черты слова-кентавра, графиксата, лексикализованной аббревиатуры (см. другие дериваты – *VIPовец*, *VIPыши*, *VIPовый*, *vipник*, *по-vipовски*), блендинга (наложение **выпендрёж** – *VIPендрёж* с включением в семантику новой ЛЕ значений обоих производящих слов). Мотивационная форма: VIP/(П)ЕНДРЁЖ; лексические мотиваторы: *VIP*, *выпендрёж*; структурный мотиватор: *галдЁЖ*, *гундЁЖ*, *грабЁЖ*, *кутЁЖ*, *скулЁЖ* (суффикс *-ёж*- участвует в образовании отглагольных существительных, обозначающих интенсивно проявляющееся действие, называемое производящим глаголом); классификационный признак – ‘действие в ярком проявлении’; мотивационное значение: ‘интенсивное действие, <связанное с> выставлением <себя> ВИПом»; лексическое значение: «(иронично, неодобрительно) о явном выставлении напоказ своего статуса, благополучия, привилегий для привлечения внимания других, о чрезмерной любви к роскоши»; ядерные семы: ‘акцентирование своего важного статуса’, ‘выставление напоказ своего благосостояния’, ‘желание привлечь внимание’, ‘заносчивость’. В русском языке уже существует ЛЕ *выпендрёж*, обозначающее схожий поведенческий феномен, по сравнению с которым значение существительного *VIPендрёж* включает дополнительные семантические признаки, акцентируя в рамках обозначаемого поведенческого паттерна любовь к роскоши, показное бравирование своим благополучием и привилегиями. Тем не менее описываемую ЛЕ скорее следует отнести к трансноминативам (наиболее очевидным «приращением» в плане семантико-мотивационных характеристик является именно выразительная игровая форма новой единицы, ее экспрессивность). ЛЕ-партнерами в отобранных методом

сплошной выборки контекстах выступают следующие слова и выражения: *чистой воды*, *фальшивый*, *наследственный*, *показушный*, *беспонтовый*, *глупый*, *тупой*, *пошлый*, *хвастливый*, *процветающий*, *напоказ*, *процветать*, *обманывать*, *раздражать*, *самоутверждение*. Неономинация используется одинаково часто для характеристики: а) явления вообще, поведения соответствующей группы в обществе: *Аж в дрожь / Бросает... / Наследственный vipендрёж. / Едят, одеваются, живут напоказ / И, главное, для кого? / Друг для друга!* (ВКонтакте, wall-56570029_1217, 15.09.2013); б) для оценочной характеристики конкретного события / факта: *VIPендрёж процветает! и вообще мы всегда стремимся, чтобы у нас все было самое-самое большое. И самый высокий флаг в мире – из этого ряда* о том, что флаг Азербайджана на центральной площади Баку возглавляет с сентября 2010 г. – по май 2011 г. рейтинг самых высоких флагов; с элементами критической самопрезентации, негативной самоидентификации (atc, 18.10.2010). Контекстуальное отражение получают следующие соотносимые с обозначаемым денотатом признаки «обманчивый», «ради самоутверждения», «раздражающий», «фальшивый», «бесполезный», «прячущий суть», «глупый», «высокомерный», «хвастливый». Контексты, содержащие лексическую единицу *VIPендрёж*, тяготеют к негативной тональности.

Следует отметить, что графиксация часто является средством, реализующим псевдомотивацию, создавая неожиданный контекст для производящего слова и новые семантические связи между производящим словом и графически выделяемым компонентом в составе новой экспрессивной ЛЕ. Особым случаем является совпадение корневой морфемы / части морфемы производящего слова и графически выделенного компонента (реализует усложнение внутренней формы слова: графиксация, междусловное наложение, псевдомотивация): *WTOржение* – о недружелюбных действиях ВТО, *без НАТОбности* – о неживимости в странах альянса.

5. Группа «недолжное времяпровождение».

Фейсдельник. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 71; google –

30; поиск по блогам на Yandex.ru – 181. Этот протологизм, предложенный Отаром Бежановым, начинает употребляться с 2019 г. преимущественно в ЖЖ и на информационно-развлекательных сайтах. ЛЕ образована посредством подвида блендинга (*sequenzielle Zusammenziehung* – секвенциальное словослияние [Pangritz, 2015]), при котором части первого и второго слов отбрасываются / сегмент одного заменяется на сегмент другого (часто созвучный), а новое слово включает в себя значения обоих производящих ЛЕ: *фейсбук* + *бездельник* = *фейсдельник*. Морфологическим образцом выступает ЛЕ *бездельник*. Мотивационная форма: ФЕЙС/ДЕЛЬ/НИК; лексические мотиваторы: *фейсбук* и *бездельник*; структурный мотиватор: *беспризорНИК*, *бабНИК*, *виновНИК*, *взяточНИК*; классификационный признак – ‘субъект, характеризующийся некой деятельностью / свойством’. Мотивационное значение: «субъект, <основное> дело <которого> Фейсбук»; лексическое значение: «(иронично, неодобрительно) о человеке, проводящем все свое время в социальных сетях, например, бездельничающем в Фейсбуке, пренебрегающем другими занятиями»; ядерные семы: ‘развлекающийся в социальных сетях’, ‘бездельничающий’. ЛЕ следует, по-видимому, отнести к номинативам, поскольку она обозначает новое явление. ЛЕ используется, как правило, для характеристики класса субъектов / его типичного представителя: *Это клуб фейсдельников и требоширов, которые пытаются низвести всю политику до флешмобов и феминизма* (Ratel.kz, 24.04.2020) (*требошир* – скандально-требовательная персона, *требовать* + *дебошир*), редко – для оценочного обозначения конкретного субъекта: *профейсдельничал целый день, фейсдельник!* (КП, 21.12.2019). В контексте получают отражение ассоциируемые с обозначаемым субъектом признаки «никчемный», «легкомысленный», «развлекающийся», «недалекий». Контексты, содержащие данную ЛЕ, тяготеют к усредненной негативной тональности.

6. Группа «нежеланный в данном месте».

Понаех. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 13 000; google – 20 500; поиск по блогам на Yandex.ru – 17 000.

Слово активно функционирует в интернет-коммуникации в период с 2012 г. по настоящее время в СС, блогах ЖЖ, электронных СМИ, на форумах, информационных сайтах, видеохостингах, информационно-развлекательных сайтах. ЛЕ образована посредством элиминирования – усечения основы производящего причастия *понаехавшие* (в современной интернет-коммуникации активно употребляются формы единственного числа *понаехавший* / *понаехавшая*, а также формы единственного числа соответствующего глагола *понаехал* / *понаехала*). Мотивационная форма: ПОНАЕХ; лексический мотиватор: *понаехавшие*; структурные мотиваторы: *морпЕХ*, *главмЕХ*, *пустобрЕХ*; классификационный признак: ‘обозначение лица по роду занятия, признаку’. Мотивационное значение «лицо, <принадлежащее к группе лиц>, приехавших <откуда-то в большом количестве>»; лексическое значение: «(неодобр.) приезжий, неместный, мигрант (при большом количестве); часто провинциал». Ядерные семантические признаки: ‘неместный, недавно переехавший на постоянное место жительства’, ‘вызывающий неприязнь’. В русском языке существует несколько ЛЕ со схожей семантикой: *гастарбайтер* (обозначение с преимущественной негативной окраской работающих по найму иностранцев, приезжих), *лимита* (неодобрительно о приезжих (в большом количестве), живущих без прописки, ограниченных в средствах, провинциалах), *понаехавшие* (совпадает со значением ЛЕ *понаех*, которая отличается только несколько большей степенью выражаемого пренебрежения), что обуславливает статус описываемой единицы как трансноминатива.

Существительное сочетается в контексте со словами *дерзкий*, *деревенский*, *уставший*, *бесцеремонный*, *упертый*, *бедный*, *провинциальный*, *тупой*, *виноватый*, *жаловаться*, *перебраться*, *рвануть*, *заполнить*, *наводнить*, *потреблять*. ЛЕ используется чаще всего для оценочного обозначения неопределенного субъекта / субъектов как представителя / представителей группы: *Понаехи – ринувшиеся в последние 20–25 лет толпы желающих потреблять «черешню тазиками» и «Ракушки» на море собирать круглый год...* (КР, 12.01.2019); реже для обо-

значения конкретного субъекта: *он понаех и есть* (КР, 03.03.2018), самопрезентации, самоидентификации: *Я понаех со стажем, живу в Краснодаре с 2008 г.* (zen, 19.08.2021); в функции характеризующего обращения: *Эй, понаех, ты чо тут забыл?* (ВКонтакте, wall-127387573_603556, 11.03.2022). В контекстах находят регулярное отражение следующие ассоциируемые с обозначаемым субъектом признаки: «имеющийся в большом количестве», «неодобряемый» и «мешающий местным жителям», «не уважающий местные традиции, нормы, правила», «бесцеремонный», «жадный, стяжатель», «испытывающие материальные трудности», «недовольный». ЛЕ функционирует преимущественно в контекстах с негативной тональностью.

7. Группа «неразделяемая, интенсивная политическая деятельность».

Коммунистующий. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 2 000; google – 500; поиск по блогам на Yandex.ru – 14 000. Слово активно используется в период с 2011 г. по настоящее время (большая часть контекстов приходится на временной отрезок с 2020 г. по настоящее время); преимущественно функционирует в ЖЖ, в СС (в том числе в сети «Макспарк»), на информационных / информационно-развлекательных сайтах, на форумах. ЛЕ образована посредством чересчурного способа словообразования от существительного. Мотивационная форма: КОММУНИСТ/ВУЮЩИЙ; лексический мотиватор: коммунист; структурные мотиваторы: фашистВУЮЩИЙ, депутатстВУЮЩИЙ (суффиксы *-ист-*, *-в-*, *-уж-*, *-ущ-* + окончание). При этом в отличие от приведенных структурных мотиваторов для ЛЕ коммунистующий в словарях не зафиксирован производящий глагол (*коммунистовать; ср. также причастие *креаклствующий* от *креакл* = *креативный класс*, глагол *креаклствовать также не представлен в лексикографических источниках). Классификационный признак: «выполняющий некое действие»; мотивационное значение: «лицо, <характеризующееся своими действиями как страстный> коммунист». ЛЕ имеет значение: «(неодобр.) лицо, высказывающееся, действующее как заядлый коммунист»; ядерные семантические признаки: «действующий как коммунист», «вызывающий неприязнь».

В русском языке имеется ЛЕ со схожим значением – *коммуняка, коммуняга* (разг. презрительно о коммунисте), что обуславливает оценку статуса описываемой ЛЕ как трансноминатива. Данное слово сочетается в контексте со словами *любой, местный, нынешний, наш, идеологический, престарелый, дискредитирующий; лжец, холуй, оппортунист, отщепенец, лицемер, бездельник, дилетант, секта, маразм, ошибка; доказывать, провозглашать, выставить* (кем-либо, в каком-либо свете), *болтать, отнять, рассказывать, мусолить, мешать, задурить, разрушить, возомнить, обманывать, ненавидеть* (в роли субъекта). Данная ЛЕ используется чаще всего для оценочного обозначения неопределенного субъекта / субъектов, относящихся к некому классу *...красивыми словами вас пытаются задурить не коммунисты, а «коммунистующие»...* (КМ, 21.01.2018); редко – для оценочного обозначения конкретного субъекта: *...подобное один коммунистующий... у меня в комментариях провозглашал совершенно серьезно* (ЖЖ, погип-2, 22.01.2010); не используется в роли оценочного обращения или для самопрезентации. К получающим регулярное отражение в контекстах соотносимым с обозначаемым субъектом признакам относятся следующие: «лживый», «приспосабливающийся», «лицемерный», «обманщик», «ленивый». ЛЕ функционирует, как правило, в контекстах с негативной тональностью.

8. Группа «враждебная, агрессивная деятельность».

НАТы. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 650; google – 406; поиск по блогам на Yandex.ru – 560. Слово используется с 2011 г. по настоящее время на форумах, в СС, блогах ЖЖ, на информационных сайтах, в онлайн-СМИ (в комментариях). ЛЕ образована посредством плюрализации. Мотивационная форма: НАТ/Ы; лексический мотиватор: НАТО; структурные мотиваторы: ЕвропЫ, антантЫ; классификационный признак: «группа субъектов»; мотивационное значение: «альянсы <как> НАТО». ЛЕ в результате расширения семантики становится нарицательным и получает значение: «(неодобр.) враждебные (военно-политические) организации»; сочетается в контексте со словами *всякие, безнаказанные, обучать, лезть, устра-*

ивать, плевать, подползать, бродить, вводить, откусывать, переманивать, бесить (НАТы – субъект), послать, приструнить, наказать (НАТы – объект). В русском языке отсутствуют однословные номинации со схожей семантикой (вражеский военно-политический / политический блок стран / враждебная международная организация), имеющиеся ЛЕ *контрорганизация*, *контробразование*, *контрблок* малоупотребительны, не включают в свое значение всех семантических признаков ЛЕ *НАТы*, указывают на объединение с противоположными целями, задачами, некий противовес. Описываемую ЛЕ, вероятно, следует отнести к номинативам. ЛЕ функционирует в контекстах с негативной тональностью как обозначение вражеской организации, объединения врагов: *Это всякие наты (антанты, наполеоны, адики и т. д.) от нее, почему то активно-агрессивно «защищаются»* (ФУ, 06.03.2016); *А всякие НАТЫ введут войска под предлогом гуманитарной миссии* (city-n, 10.02.2012). В контекстах словоупотреблений получают отражение следующие соотносимые с денотатом признаки: «агрессивный», «подлый», «обманщик», «наглый», «ненужный». Отметим, что лексическая единица *НАТы* выступает производящим словом для еще одной неонминации – *наты-шматы / наты шматы*: *...теперь у всяких натов-шматов... руки развязаны* (Атросhenka, 01.07.2014); она образована посредством гендиадиса, функционирует с 2014 г., употребляется в контекстах с негативной тональностью для обозначения врагов.

9. Группа «причисление к “своим”, тепло, дружеское отношение».

Роднулькины. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 7 000; google – 2 680; поиск по блогам на Yandex.ru – 2 100. Слово используется в интернет-коммуникации с 2019 г. по настоящее время на форумах, на информационных и развлекательных сайтах, в СС, видеохостингах, в ЖЖ. Автор данной ЛЕ, функционирующей в качестве дружелюбного приветствия в онлайн- и офлайн-коммуникации, популярный фрик-блогер Олег Монгол. ЛЕ иллюстрирует способ неузвального словообразования тмезис, производящее слово – прилагательное *родной*, от которого с помощью суффиксов *-уль-к(а)*

образуется ласкательное обозначение субъекта, характеризуемого признаком, называемым мотивирующим словом (ср. *дедулька, бабулька*). К полученному обозначению добавляется не несущий дополнительной семантической нагрузки суффикс *-ин-*, который образует существительные, обозначающие субъект по его принадлежности к некому сообществу / группе по определенному, называемому производящим словом признаку, наименования представителей некого сообщества (ср. *мещанин, татарин, дворянин, англичанин, боярин*). Мотивационная форма: *РОДН/УЛЬК/ИН/Ы*; лексический мотиватор: *родной, роднулька*; структурные мотиваторы: *папУЛЬКА, мамУЛЬКА, мещаниН, дворянИН*; классификационный признак: ‘принадлежащий к группе субъектов, к которым относится ласкательное обозначение’; мотивационное значение: «все <относимые к> родным»; лексическое значение: «(одобр., тепло) все люди, кого воспринимают как родных, друзей». *Роднулькины* относится к трансноминативам (значение совпадает со значением ЛЕ *роднулька*). ЛЕ сочетается в контексте со словами *подписываться, поддерживать, приветствовать, понимать, поздравлять, мой, все*. Она функционирует как коллективное имя, дружеское обращение ко всем; не используется для обозначения конкретного субъекта: *Роднулькины, Сибирь задыхается. ...Роднулькины, не молчите, надо об этом всем говорить, всем подряд* (Шанс, 21.02.20220). ЛЕ функционирует преимущественно в контекстах с положительной тональностью, где регулярно получают отражение соотносимые с называемыми субъектами признаки «родной», «друг», «теплое отношение», «поддержка».

10. Группа «причисление к тому, что нравится, мило, привлекает».

Няшняшный. Количество результатов по поисковым запросам: yandex – 322; google – 22; поиск по блогам на Yandex.ru – 235. Слово используется в интернет-коммуникации с 2016 г. по настоящее время в СС, на форумах, развлекательных сайтах. ЛЕ образована посредством осложненной редупликации, используемой как средство интенсификации выражаемого признака. Производящая ЛЕ – прилагательное *няшный* со значением «милый,

привлекательный» (*няшка* – «привлекательная девушка», производное от «ня» – звукоподражательная ЛЕ в японском языке, эквивалентная русскоязычному «мяу»). Мотивационная форма: *НЯШ/НЯШ/НЬИЙ*; лексический мотиватор: *няшка, няшный*; структурные мотиваторы: *тру-труШНЬИЙ, крашк-раШНЬИЙ* (также с редупликацией); классификационный признак: ‘характеристика объекта, обладающего неким признаком в высокой степени’. Мотивационное значение: «<некто / нечто как> мурлыкающий <котик>»; лексическое значение: «сленг, очень милый, приятный, вызывающий умиление, привлекательный». Ядерные семантические признаки: ‘милый’, ‘в высокой степени’, ‘нравится’. Обозначение относится к трансноминативам, с соответствующей семантикой в русском языке существует ряд ЛЕ (*милый, умильный, приятный, мимишный, кавайный, уси-пуси*). ЛЕ *няшняшный* используется для оценочной характеристики (преимущественно конкретного) объекта, как одушевленного, так и неодушевленного: *глазки няшняшные* (ВКонтакте, wall-40498005_210807, 20.07.2018); *И просто няшняшные мимишности Все игрушки сделаны из натуральных материалов...* (ВКонтакте, hobbumixpublic, 27.04.2016); *Когда ты слишком няшняшная девушка* (Дом 2, 26.08.2016). ЛЕ сочетается в контексте со словами *нежный, девочки, мимишки, милый, глазки, фото, картинки, личико, фильм, сосед* и др.; в контекстах отражаются регулярно соотносимые с характеризуемым объектом признаки: «привлекательный», «умилительный», «нежный». ЛЕ функционирует чаще всего в контекстах с положительной тональностью.

Выводы

Выражающийся в создании неузуальных неонимаций креативный отклик носителей языка на воспринимаемую действительность обуславливается стремлением адресантов к разделению интернет-сообществом их неодобрительного отношения к обозначаемым объектам социальной реальности. В анализируемой выборке неузуальных неолексем доминируют (более 70 %) ЛЕ, в сигнификативном или прагматическом блоке значения ко-

торых присутствует указание на неприятие денотата. Такие единицы функционируют преимущественно в контекстах с негативной тональностью, что свидетельствует о преобладающем неологическом отражении разнородных процессов социальной сегрегации и стигматизации. При этом выражаемое неодобрение сопрягается с разными признаками называемого объекта действительности, определяющими соотношение изучаемых лексических единиц с выделенными нами семантическими группами (релевантные характеристики: агрессивная, враждебная деятельность; неподобающие политические взгляды, жизненная позиция, выполнение профессиональных обязанностей, времяпровождение; некомпетентность; чрезмерное самопозиционирование; фальшивое самоутверждение; чрезмерность и нежелательность в данном месте).

Сферой активного функционирования неузуальных неонимаций с семантикой неодобрения / одобрения выступают в первую очередь такие жанры интернет-коммуникации как социальные сети, блоги и форумы.

Неузуальные неолексем с семантикой одобрения активно используются для обозначения или характеристики конкретного объекта номинации; с семантикой неодобрения – неопределенного объекта как представителя класса.

Креативные неонимации в рассматриваемых семантических областях образуются разными неузуальными способами, среди которых наиболее продуктивными являются блендинг, благодаря ребусности номинации создающий гедонистический, рекреационный потенциал, лексикализация аббревиатуры, реализующая возможности языковой экономии, усечение основы, создающее особый экспрессивный потенциал и обеспечивающая закрепленность за определенными сферами коммуникации образующихся ЛЕ – сленг, разговорная речь. Менее продуктивны голофразис (вероятно, ввиду громоздкости производных слов), графикация (возможно, из-за сложности реализации новой мотивации обозначения посредством графического выдвигания сегмента), включение иноязычного компонента в слово-кентавр (поскольку иноязычный компонент часто используется в адаптированной форме; остается без изменений при более

сложной в исполнении игровой мотивации обозначения). К наименее продуктивным неузальным видам образования неониминацией неодобряемых / одобряемых фрагментов действительности относятся редупликация (в силу наличия целого ряда иных способов / средств реализации функции усиления признака), тмезис (вероятно, ввиду семантической избыточности внедряемых дополнительных морфем или нарушения мотивации обозначения), анаграмма (по причине сложности реализации данного способа: анаграмма должна иметь интересную форму и раскрывать мотивацию обозначения); чересступенчатый способ словообразования, а также плюрализация, креация как производящие в той или иной степени менее (морфологически / семантически) мотивированные единицы, что противодействует воспроизводимости и узуализации ЛЕ. Появление неониминаций, образованных посредством таких способов неузального словообразования, как эмансипация морфемы и разлияние слова, сопряжено с созданием обширного, раскрывающего мотивацию производных неолексем контекста с особыми эстетическими задачами, что не типично для многих жанров интернет-коммуникации и более свойственно публицистике и художественной литературе.

Результаты анализа показывают также, что протолизмы редко (даже при прозрачной внутренней форме и считываемой мотивации обозначения) становятся узальными единицами и обретают статус неологизма, большая их часть так и остается авторскими, искусственно созданными окказионализмами (например: *дать отгул, руковички, бо-бо-гвардия, пенсиянин, хронопат, кликаньки-лайканьки, перепостиполе, сетячий образ жизни, занудаленка, аудит, мобшенничество* и др.).

Более 60 % процентов единиц изученного лексического множества можно отнести к трансноминативам, появляющимся на фоне уже существующих обозначений называемых фрагментов действительности, создающимся, как правило, ради самоценной языковой игры, отступлений от норм и публичного экспрессивного самовыражения. Их номинативное назначение отступает на второй план, становится факультативным в процессе креативной симуляции узальных слов.

Неузальная неологизация в исследуемых семантических областях характеризуется тенденциями к интенсификации (широкое использование экспрессивного словообразования, что коррелирует с актуальной дискурсивной установкой на реализацию публичной субъективности в социальной коммуникации и трансгрессивным характером современных интернет-жанров последней), интернационализации (функционирование заимствований в качестве производящих ЛЕ, распространение слов-кентавров с иноязычными не ассимилированными компонентами), интеллектуализации (языковая игра, ребусный характер номинаций, ожидаемое от адресата владение прецедентной информацией в разных сферах жизни общества), интеграции (широкая представленность среди неониминаций стилистически сниженной лексики, коллоквиализации в разных жанрах интернет-коммуникации, что отражает актуальную диффузность границ публичного и частного в интернет-общении).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голев Н. Д., 2001. Стихийная узуализация номинативных единиц // Известия УрГУ. № 21. С. 94–101.
- Гридина Т. А., 1996. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 214 с.
- Земская Е. А., 1972. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы респ. науч. конф. (12–15 сент. 1972 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Самарканд: Самарканд. гос. ун-т им. А. Навои. С. 25–26.
- Земская Е. А., 2006. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука. 328 с.
- Изотов В. П., Панюшкин В. В., 1997. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу. Орел: Изд-во ОГУ. 40 с.

- Ильясова С. В., 2015. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. № 1 (6). С. 91–100.
- Климас И. С., 2016. Аббревиатуры в составе актуальной лексики русского языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 3 (22). С. 73–81.
- Крысин Л. П., 2010. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). С. 575–579.
- Лыков А. Г., 1972. Русское окказиональное слово : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 59 с.
- Намиотокова Р. Ю., 1986. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-н/Д : Изд-во Ростов. ун-та. 160 с.
- Нефляшева И. А., 2008. Ключевой оним в современном дискурсе и его словообразовательный потенциал // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». № 10. С. 55–61.
- Попова Т. В., 2011. Неология и неография современного русского языка. Екатеринбург : ГОУ-ВПО УГТУ-УПИ. 168 с.
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В., 2017. Неология и неография современного русского языка. М. : Флинта : Наука. 168 с.
- Поповцева Т. Н., 1990. Относительные неологизмы // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука. С. 90–95.
- Ребрина Л. Н., 2020. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова // Научный диалог. № 8. С. 141–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155
- Спиридонов А. В., 2014. Неузуальные способы образования окказиональной лексики в произведениях В. Аксенова // Вестник Самарского государственного университета. № 5 (116). С. 80–85.
- Шаталова Ю. Н., 2009. Неузуальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи // Молодой ученый. № 2. С. 192–196.
- Цыганова Н. Д., 2016. Графическое словообразование в рамках словотворческих интернет-сайтов // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 321–327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskoe-slovoobrazovanie-v-ramkah-slovotvorcheskih-internet-saytov/pdf>
- Epstein M., 2011. PreDictionary. Experiments in Verbal Creativity. NY : Frank-Thierer. 131 p.
- Pangritz K., 2015. Funktionen von Kontamination in der Werbesprache. München : GRIN Verlag. URL: <https://www.grin.com/document/511779>

ИСТОЧНИКИ

- Аксенов – Аксенов В. П. Редкие земли. М. : Эксмо, 2007. 448 с.
- Бабушкина – Бабушкина Л. Татупедам посвящается // Российский литературный портал Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2015/10/07/359?>
- Богудония – Лишь бы не было зимы // Bogudonia.ru. URL: http://www.bogudonia.ru/chronicle/lish_by_ne_bylo_zimy?ysclid=13msb2yev3
- ВКонтакте – Российская социальная сеть ВКонтакте. URL: <https://vk.com/>
- Дом 2 – Когда ты слишком няшная девушка // Дом 2 новости и слухи. Форум Колочка. URL: <https://kak2z.ru/index.php?topic=325356.0>
- ЖЖ – Во Франции опять «бунтуют» мусульмане пригородов // Блог Живого Журнала. URL: <https://norum-2.livejournal.com/74326.html>
- КП – А вам бы все кликаньки да лайканьки // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27071.7/4140446/?ysclid=13olvhqqkd>
- КР – Форум Kuban.ru. URL: <http://forums.kuban.ru/>
- Уралов – Уралов С. «Хатаскрайничество» как социальное явление. URL: https://vk.com/wall567526373_2837?ysclid=13hond5hal
- ФУ – Как Россия защищается от НАТО // Форум Ukraine.net. URL: <https://forum-ukraine.net/threads/kak-rossija-zaschititsja-ot-nato.15095/>
- Шанс – «Родненькины, не молчите» – «драконорожденный» блогер обратил внимание на воздух Хакасии // Интернет-газета «Шанс». Новости Хакасии и Юга Сибири. URL: <https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/5063-rodnulkinyn-ne-molchite-drakonorozhdennyj-blogger-obratil-vnimanie-na-vozdukh-khakasii?ysclid=1500k0lcq2114306612>
- atc – Философия по поводу Площади Флага // Форум AzeriTriColor. URL: <http://www.atc.az/forum/showthread.php?t=11707&page=17>
- Atroshenka – Комментарий AIS-tear // Дневник пользователя на сайте diary.ru. URL: <https://diary.ru/~Atroshenka/p198502267.htm?from=30&ysclid=14y4yudu47205126394>
- bmwclub – События на Украине. Единая тема (Том 26) // Клуб владельцев и любителей BMW. URL: <https://www.bmwclub.ru/threads/sobytiya-na-ukraine-edinaja-tema-tom-26.1480690/page-135>
- city-n – Опять потрясло // Новостной портал Кемеровской области City-n. URL: <https://www.city-n.ru/view/297467.html>
- EE – EurekaEngine. URL: <http://eurekaengine.ru/demo/>
- gramlife – Что вы никогда не встретите в моем аккаунте! // Сайт gramlife. URL: <https://www.gramlife.ru/igroterapija?lang=en>

Instantcms – Релакс, комментарий #611 // Форум на странице проекта системы управления сайтом InstantCMS. URL: <https://instantcms.ru/forum/relaks.html?page=41>

КМ – Любите ли вы экономистов-кибернетиков так, как люблю их я? // Форум интернет-портала km.ru. URL: <https://www.km.ru/forum/v-rossii/2018/01/18/prezidentskie-vybory-v-rossii/818216-lyubite-li-vy-ekonomistov-kibernetikov-tak>

Molotok – Узуальное и окказиональное словообразование // Информационный сайт «Разные способы». URL: <https://molotokrus.ru/uzualnye-sposoby-slovoobrazovaniya-eto/?ysclid=l6ltv7nuza524321561>

OMR – Вы тащитесь от своих ответов на вопросы которые даже не прочитали // Ответы mail.ru. URL: <https://otvet.mail.ru/question/3011101?ysclid=l6lsl5l6ie82569646>

pikabu – В чем сила брат? // Информационно-развлекательное сообщество pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/v_chyom_sila_brat_zeleneyushchiy_krasniy_ili_istoriya_o_deputate_i_rabotyage_5439367?cid=98870672

Ratel.kz – Обнуление коронавирусом. Часть 1 // Аналитический интернет-портал Ratel.kz. URL: https://ratel.kz/outlook/obnulenie_koronavirusom_chast_1?ysclid=l3omcoymwz

Vikitiki – Татупед // Сайт хорошего настроения Vikitiki. URL: <https://vikitiki.ru/id-%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B5%D0%B4-b90681.html?ysclid=l3ki3g679b>

zen – Краснодар – мнение и отношение понаеха к понаехам и местным жителям // Платформа Дзен на Яндексe. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/600c7ea0e73f7535004683ae/krasnodar-mnenie-i-otnoshenie-ponaeha-k-ponaeham-i-mestnym-jiteliam-611e3eb1e134254500c57ed4>

zugunder – О чем молчит русский украинец // Сайт Цугундер. URL: <https://zugunder.com/index.php?topic=352747.0>

slovoobrazovaniya : materialy resp. nauch. konf. (12–15 sent. 1972 g.). V 2-kh ch. Ch. 1 [Actual Problems of Russian Word Formation. Proceedings of the Republican Conference (12–15 Sept. 1972). In 2 Parts. Part 1]. Samarkand, Samarkand. gos. un-t im. A. Navoi, pp. 25-26.

Zemskaya E.A., 2006. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 328 p.

Izotov V.P., Panyushkin V.V., 1997. *Neuzualnye sposoby slovoobrazovaniya: konspekty lektsiy k speckursu* [Non-Usual Ways of Word Formation: Lecture Notes for a Special Course]. Orel, Izd-vo OGU. 40 p.

Ilyasova S.V., 2015. Yazykovaya igra: slovoobrazovatel'naya, graficheskaya, orfograficheskaya (na materiale tekstov sovremennykh rossiyskikh SMI) [Language Game: Word-Building, Graphic, Spelling (Based on the Texts of Modern Russian Media)]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 1 (6), pp. 91-100.

Klimas I.S., 2016. *Abbreviatury v sostave aktualnoy leksiki russkogo yazyka* [Abbreviations in the Current Vocabulary of the Russian Language]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], no. 3 (22), pp. 73-81.

Krysin L.P., 2010. O nekotorykh novykh tipakh slov v russkom yazyke: slova-«kentavry» [About Some New Types of Words in the Russian Language: Words-“Centaur”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4 (2), pp. 575-579.

Lykov A.G., 1972. *Russkoe okkazionalnoe slovo: avto-ref. dis. ... d-ra filol. sci. abs. diss.* Moscow. 59 p.

Namitokova R.Yu., 1986. *Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Author's Neologisms: Word-Formation Aspect]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta. 160 p.

Neflyasheva I.A., 2008. Klyuchevoy onim v sovremennom diskurse i ego slovoobrazovatel'nyy potencial [Key Onym in Modern Discourse and Its Derivational Potential]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psihologiya»* [Bulletin of the Adyghe State University. Pedagogy and Psychology Series], no. 10, pp. 55-61.

Popova T.V., 2011. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and Neography of the Modern Russian Language].

REFERENCES

Golev N.D., 2001. Stikhiynaya uzualizatsiya nominativnykh edinits [Spontaneous Usualization of Nominative Units]. *Izvestiya UrGU* [Bulletin of the Ural State University], no. 21, pp. 94-101.

Gridina T.A., 1996. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language Game: Stereotype and Creativity]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 214 p.

Zemskaya E.A., 1972. Okkazionalnye i potentsialnye slova v russkom slovoobrazovanii [Occasional and Potential Words in Russian Word Formation]. *Aktualnye problemy russkogo*

- Yekaterinburg, Ural State Technical University. 168 p.
- Popova T.V., Raciburskaya L.V., Gugunava D.V., 2017. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and Neography of the Modern Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 168 p.
- Popovtseva T.N., 1990. Otnositelnye neologizmy [Relative Neologisms]. *Novye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 90-95.
- Rebrina L.N., 2020. Semantiko-motivatsionnye kharakteristiki neoleksem vrazhdy: diskursivnoe raskrytie vnutrenney formy slova [Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes of Enmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 8, pp. 141-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155
- Spiridonov A.V., 2014. Neuzualnye sposoby obrazovaniya okkazionalnoy leksiki v proizvedeniyakh V. Aksenova [Non-Usual Ways of Forming Occasional Vocabulary in the Works of V. Aksenov]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], no. 5 (116), pp. 80-85.
- Shatalova Yu.N., 2009. Neuzualnye sposoby sozdaniya novykh slov v povsednevnoy razgovornoy rechi [Non-Usual Ways of Creating New Words in Everyday Colloquial Speech]. *Molodoy uchenyy*, no. 2, pp. 192-196.
- Tsyganova N.D., 2016. Graficheskoe slovoobrazovanie v ramkakh slovotvorcheskikh internet-saytov [Graphic Word-Formation on Websites Specialized in Word Creation]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 321-327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskoe-slovoobrazovanie-v-ramkah-slovotvorcheskih-internet-saytov/pdf>
- Epshtein M., 2011. *PreDictionary. Experiments in Verbal Creativity*. New York, Frank-Thierer. 131 p.
- Pangritz K., 2015. *Funktionen von Kontamination in der Werbesprache*. München, GRIN Verlag. URL: <https://www.grin.com/document/511779>
- SOURCES**
- Aksyonov V.P. *Redkiye zemli* [Rare Lands]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 448 p.
- Babushkina L. Tatupedam posvyashchaetsya [Dedicated to Tatupeds]. *Rossiyskiy literaturnyy portal Stikhi.ru* [Russian Literary Portal Stikhi.ru]. URL: <https://stihi.ru/2015/10/07/359?>
- Lish by ne bylo zimy [If Only There Was No Winter]. *bogudonia.ru*. URL: http://www.bogudonia.ru/chronicle/lish_by_ne_bylo_zimy?ysclid=13msb2yev3
- Rossiyskaya sotsialnaya set VKontakte* [Russian Social Media VKontakte]. URL: <https://vk.com/>
- Kogda ty slishkom nyashnyashnaya devushka [When You're Too Cute Girl]. *Dom 2 novosti i slukhi. Forum Kolyuchka* ["Dom 2" News and Rumors. Forum Kolyuchka]. URL: <https://kak2z.ru/index.php?topic=325356.0>
- Vo Francii opyat «buntuyut» musulmane prigorodov [In France the Muslims of the Suburbs Are "Rioting" Again]. *Blog Zhivogo Zhurnala* [Livejournal Blog]. URL: <https://norum-2.livejournal.com/74326.html>
- A vam by vse klikanki da laykanki [And You Would Have All the Clicks and the Likes]. *Komsomolskaya Pravda*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27071.7/4140446/?ysclid=13olvhqkqd>
- Forum Kuban.ru*. URL: <http://forums.kuban.ru/>
- Uralov S. «Khataskraynichestvo» kak sotsialnoe yavlenie ["Khataskraynichestvo" as a Social Phenomenon]. URL: https://vk.com/wall567526373_2837?ysclid=13hond5hal
- Kak Rossiya zashchishchaetsya ot NATO [How Russia Defends Itself from NATO]. *Forum Ukraina.net*. URL: <https://forum-ukraina.net/threads/kak-rossija-zaschititsja-ot-nato.15095/>
- «Rodnulkiny, ne molchite» – «drakonorozhdennyj» blogger obratil vnimanie na vozduh Hakasii ["Rodnulkins, Don't be Silent" – The "Dragonborn" Blogger Drew Attention to the Air of Khakassia]. *Internet-gazeta «Shans»*. *Novosti Khakassii i Yuga Sibiri* [Online Newspaper "Chance". News of Khakassia and the South of Siberia]. URL: <https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/5063-rodnulkiny-ne-molchite-drakonorozhdennyj-blogger-obratil-vnimanie-na-vozdukh-khakasii?ysclid=1500k0lcq2114306612>
- Filosofiya po povodu Ploshchadi Flaga [Philosophy About the Flag Square]. *Forum AzeriTriColor*. URL: <http://www.atc.az/forum/showthread.php?t=11707&page=17>
- Kommentarij AIS-tear [AIS-tear Comment]. *Dnevnik polzovatelya na sayte diary.ru* [User Diary on the Website diary.ru]. URL: <https://diary.ru/~Atroshenka/p198502267.htm?from=30&ysclid=l4y4yedu47205126394>
- Sobytiya na Ukraine. Edinaya tema (Tom 26) [Events on Ukraine. Unified Theme (Volume 26)]. *BMW Club. Klub vladeltsev i lyubiteley BMW* [BMW Club. BMW Owners and Fans Club]. URL: <https://www.bmwclub.ru/threads/sobytiya-na-ukraine-edinaja-tema-tom-26.1480690/page-135>

- Opyat potryaslo [Jolted Again]. *Novostnoy portal Kemerovskoy oblasti City-n* [News Portal of the Kemerovo Region City-n]. URL: <https://www.city-n.ru/view/297467.html>
- Eureka Engine*. URL: <http://eurekaengine.ru/ru/demo/>
- Chto vy nikogda ne vstretite v moem akkaunte!?! [What Will You Never Find in My Account!?!]. *Sayt gramlife* [Website gramlife]. URL: <https://www.gramlife.ru/igroterapija?lang=en>
- Relaks, komentariy#611 [Relax, Comment#611]. *Forum na stranitse proekta sistemy upravleniya saytom InstantCMS* [Forum on the Content Management System Project Website InstantCMS]. URL: <https://instantcms.ru/forum/relaks.html?page=41>
- Lyubite li vy ekonomistov-kibernetikov tak, kak lyublyu ih ya? [Do You Love Cybernetic Economists the Way I Love Them?]. *Forum internet-portala km.ru* [Internet Portal forumkm.ru]. URL: <https://www.km.ru/forum/v-rossii/2018/01/18/prezidentskie-vybory-v-rossii/818216-lyubite-li-vy-ekonomistov-kibernetikov-tak->
- Uzualnoe i okkazionalnoe slovoobrazovanie [Usual and Occasional Word Formation]. *Informatsionnyy sayt «Raznye sposoby»* [Information Site “Raznye sposoby”]. URL: <https://molotokrus.ru/uzualnye-sposoby-slovoobrazovaniya-eto/?ysclid=16ltv7nuza524321561>
- Vy tashchites ot svoih otvetov na voprosy kotorye dazhe ne prochitali [You Get Carried Away with Your Answers to Questions That You Haven’t Even Read]. *Otvety mail.ru* [Answers on the Website mail.ru]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/3011101?ysclid=16lsl516ie82569646>
- V chem sila brat? [What Is the Strength in, Brother?]. *Informatsionno-razvlekatelnoe soobshchestvo pikabu* [Infotainment Community “Pikabu”]. URL: https://pikabu.ru/story/v_chyom_sila_brat_zeleneyushchiy_krasnyiy_ili_istoriya_o_deputate_i_rabotyage_5439367?cid=98870672
- O chem molchit russkiy ukrainets [What is the Russian Ukrainian Silent About]. *Analiticheskiy internet-portal Ratel.kz* [Analytical Internet Portal Ratel.kz]. URL: https://ratel.kz/outlook/bnulenie_koronavirusom_chast_1?ysclid=13omcoymwz
- Tatuped [Tatuped – Deputy Vice Versa]. *Sayt khoroshego nastroyeniya Vikitiki* [Good Mood Website Vikitiki]. URL: <https://vikitiki.ru/id-%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B5%D0%B4-b90681.html?ysclid=13ki3g679b>
- Krasnodar – mnenie i otnoshenie ponaekha k ponaekham i mestnym zhitelyam [Krasnodar – The Opinion and Attitude of the Ponaekh to Ponaekhs and Local Residents]. *Platforma Dzen na Yandekse* [Zen Platform on Yandex]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/600c7ea0e73f7535004683ae/krasnodar-mnenie-i-otnoshenie-ponaekha-k-ponaekham-i-mestnym-jiteliam-611e3eb1e134254500c57ed4>
- Obnulenie koronavirusom. Chast 1 [Zeroing by Coronavirus. Part 1]. *Sayt Tsugunder* [Website Zugunder]. URL: <https://zugunder.com/index.php?topic=352747.0>

Information About the Author

Larisa N. Rebrina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Leading Researcher, Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

Информация об авторе

Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, lnrebrina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0512-980X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.2>

UDC 811.161.1:159.942
LBC 81.411.2-006

Submitted: 17.11.2022
Accepted: 09.02.2023

TOXIC COMMUNICATION ZONES AND EMOTIVE MARKERS IN THE RUSSIAN-LANGUAGE WORK ENVIRONMENT

Elena B. Pavlova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia

Nailya G. Valeeva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The paper addresses the problems of toxic communications in the workplace and considers lexical and grammatical means of expressing emotions. The material for the study was former workers' comments and anonymous questionnaires completed by current employees of Russian enterprises. Based on empirical data processed under Fisher's angular transformation method, which enabled highly accurate comparison of small samples, three toxic communication zones in industry were identified: the zones of toxic bosses, toxic management, and toxic workers. The authors performed a Likert scale survey of executives, managers, and workers. The results of single-factor and two-factor analysis of variance helped us to establish the relation between toxic communication and so-called toxicity focuses, that is, standard topics which are constantly in the centre of destructive communications in the workplace. The paper determines lexical and grammatical means of expressing emotions which are emotive markers of toxic communication (affectives and connotatives). It shows that abusive words and phrases, zoolexics, vernacular and slang vocabulary, colloquial emotionally colored vocabulary, and phraseological units are equally relevant for all three zones of toxic communication zones. Quantitative analysis of the identified emotive markers in terms of their structural and morphological characteristics revealed the abundance of interjections, nouns, adjectives, and adverbs of degree and intensity.

Key words: toxic communication, toxic communication zones, work communication, markers of toxicity, affectives, connotatives, lexical and grammatical means of expressing emotions.

Citation. Pavlova E.B., Valeeva N.G. Toxic Communication Zones and Emotive Markers in the Russian-Language Work Environment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 23-35. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.2>

УДК 811.161.1:159.942
ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 17.11.2022
Дата принятия статьи: 09.02.2023

ЗОНЫ ТОКСИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЭМОТИВНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СРЕДЕ

Елена Борисовна Павлова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Наиля Гарифовна Валеева

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы токсичной коммуникации на производстве. Материалом для исследования послужили отзывы бывших работников и анонимные анкеты действующих работников российских предприятий. На основе эмпирических данных, проанализированных с помощью метода углового преобразования Фишера, позволившего провести высокоточное сравнение небольших выборок,

выделены три зоны производственной токсичной коммуникации: зоны токсичного лидера, токсичного менеджмента, токсичных работников. Авторами проведен опрос руководителей, менеджеров и работников с использованием шкалы Ликерта. В результате статистической обработки полученных ответов с применением однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа определена зависимость между токсичным общением и фокусами токсичности – стандартными темами, которые постоянно находятся в центре деструктивной коммуникации. Установлены лексические и грамматические средства выражения эмоций – маркеры токсичного общения (аффективы и коннотативы). Показано, что для всех трех зон токсичной коммуникации одинаково релевантны бранная лексика и фраземика, зоолексика, просторечная и жаргонная лексика, разговорная эмоционально окрашенная лексика и фразеологические единицы. Количественный анализ выявленных эмотивных маркеров в аспекте их структурно-морфологических характеристик обнаружил преобладание междометий, существительных, прилагательных, наречий меры и степени.

Ключевые слова: токсичная коммуникация, зоны токсичной коммуникации, производственная коммуникация, маркеры токсичности, аффективы, коннотативы, лексические и грамматические средства выражения эмоций.

Цитирование. Павлова Е. Б., Валева Н. Г. Зоны токсичной коммуникации и эмотивные маркеры в русскоязычной производственной среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 23–35. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.2>

Introduction

The concept “toxic” has recently become widespread, as evidenced by the fact that in 2018 Oxford Dictionaries chose “toxic” as its international word of the year, selecting it from a shortlist that included such politically inflected contenders as “gaslighting”, “incel” and “teclash”. But the word was chosen less for statistical reasons. Katherine Connor Martin, the company’s head of U.S. dictionaries, said the word was chosen more for the sheer variety of contexts in which it has proliferated, from conversations about environmental poisons to laments about today’s poisonous political discourse. The Oxford Dictionary website also reports that “toxic” has “truly taken off into the realm of metaphor, as people have reached for the word to describe workplaces, schools, cultures, relationships and stress” [McKirdy, 2018]. The results of Google search queries (1,440,000,000 occurrences) in 2022 show that the word is still relevant. In English, phrases with the word “toxic” regularly describe communication in the field of industrial and business relations: *The Toxic Workplace; Toxic Work Environments; toxic communication, a toxic working environment, toxic people, toxic behaviour at the workplace, A Toxic Office, a Toxic Workplace Culture, a Toxic Work Relationship, Toxic Coworkers, Toxic Jobs, toxic work environment. For example, American news and information website Axios says White House As “Most Toxic Working Environment on the Planet”*. A similar trend is

observed in the Russian language as well. In addition to “containing toxins (toxic substances)”; “poisonous”, this word started to have figurative meanings which characterize relations in business: *toksichnyy rukovoditel’* (toxic boss), *toksichnye kollegi* (toxic colleagues), *toksichnye rabotniki* (toxic workers), *toksichnye delovye otnosheniya* (toxic business relationships). All this allows us to talk about extension of the semantic weight of the word “toxic”. The definition of “toxic” is increasingly related to the notion of communication.

The analysis of an extensive body of literature shows that toxic communication is considered mainly from the standpoint of the psychological characteristics of a person, his or her behavioural reactions [Lipman-Blumen, 2006; Kets de Vries, Balazs, 2011; Kets de Vries, 2014; Morais, Randsley de Moura, 2018; Eissa, Wyland, 2018; Ten Brinke, Lee, Carney, 2019]. Researchers examined the effects of the derogatory group labels on the behavioural responses [Carnaghi, Maas, 2006]. They studied destructive communication in various social groups [Glenn, Chow, 2002; Munn, 2020], analysed the use of derogatory language towards groups of people [Carnaghi, Maas, 2007; Fasoli, Carnaghi, Paladino, 2015; Walton, Banaji, 2004] conflict-initiating factors and management styles in intergenerational relationships in and out of family context [Wiebe, Zhang, 2017], thoroughly explored the problems of social pain, which is the pain caused by the threatened or actual loss of social connections [Eisenberger, 2010; Riva, Brambilla, Vaes, 2016]. The problems discussed

are focused upon the dependence between the language style matching (LSM), subjective perception of the interaction quality (perceived responsiveness and affect) and the behaviour of a romantic partner in two communicative contexts: conflict and social support [Bowen, Winczewski, Collins, 2016]. Experts show keen interest in the research of various sides of communication [Moscatelli, Prati, Rubini, 2019; Cavazza, Guidetti, 2018], the specifics of semantics and pragmatics of slurs [Hedger, 2013; Croom, 2014; Anderson, Lepore, 2013], and search for ways to analyze online hate speech and toxic communication [Gagliardone, Pohjonen, Orton-Johnson, 2022].

There are scientific advancements in the field of social neuroscience, which prove that the participants who were exposed to threat demonstrated a consistent increase in their cortisol levels indicative of a stress response, compared to those who were not exposed to a threat. These findings suggest that group-based threats do indeed incur a stress related physiological response [Sampasivam et al., 2018].

All these studies form a good theoretical basis to explore toxic communication in the working environment and its consequences for employees.

Multi-stage, extensive research aimed at understanding the modern forms of employment show “that people do in fact deem poor worker treatment (e.g., asking employees to do demeaning tasks that are irrelevant to their job description, asking employees to work extra hours without pay) as more legitimate when workers are presumed to be ‘passionate’ about their work. Taken together, these studies suggest that although passion may seem like a positive attribute to assume in others, it can also license poor and exploitative worker treatment” [Kim et al., 2020, p. 121].

Some papers examine the problems of leaders possessing various levels of charisma concluding that “leaders low on charisma are less effective because they lack strategic behavior; highly charismatic leaders are less effective because they lack operational behavior” [Vergauwe et al., 2018, p. 110].

In addition to that, there is research dedicated to so-called upward bullying of managers. The results of some qualitative study design suggest that “several factors could be linked to the bullying: being new in the managerial position; lack of clarity about roles and

expectations; taking over a work group with ongoing conflicts; reorganizations. The bullying usually lasted for quite some time. Factors that allowed the bullying to continue were passive bystanders and the bullies receiving support from higher management. The managers in this study adopted a variety of problem-focused and emotion-focused coping strategies. However, in the end most chose to leave the organization” [Björklund et al., 2019]. However, bullying most often comes from destructive bosses and managers.

Toxic communication, particularly in the speech of bosses or managers, is considered mainly from the standpoint of linguistic mechanisms of non-ecological speech behaviour, among which there are violations of business etiquette, the presence of verbal forms of intentional confusion, and the formation of psychological dependence of subordinates on their superiors [Patterson et al., 2018]. In general, researchers have been studying the problem of toxic communication for two decades already [Frost, 2003; Appelbaum, Roy-Girard, 2007, Sheth, Shalin, Kursuncu, 2021]. The studies of English-speaking authors show that about one-fifth of American workers consider that is their work environment toxic. Besides, it is estimated that a single toxic employee can cost a company more than \$12,000 [Housman, Minor, 2015]. The toxicity can affect the performance of other employees as well: 38 percent of employees say they decrease the quality of their work in a toxic work environment, 25 percent say they have taken out their frustration on customers, and 12 percent have simply left their jobs because of a toxic workplace. As noted by experts in the field of linguistics of emotions, verbalized emotions have a significant impact on the psychological and physical health of a person [Shakhovskiy, 2014].

A number of scientific works were devoted to the study of this phenomenon in the theory and practice of interpersonal and business communication [Too, Harvey, 2012], personnel management [Branch, Ramsay, Barker, 2007; Erickson et al., 2015], and also in connection with the problems solved by ecolinguistics [Shamne, Shovgenin, 2010; Fill, 2018; Haugen, 1972; Steffensen, Fill, 2013; Stibbe, 2020; Chen, 2016] and linguoecology [Skovorodnikov, 2019]. The papers of Russian scientists consider linguistic

characteristics of speech communication of the so-called toxic leader [Ionova, 2018, p. 1]. Researchers point out rightly that “toxic communications at the workplace can negatively impact overall job satisfaction and are often subtle, hidden, or demonstrate human biases” [Bhat et al., 2021, p. 2017].

Detailed studies on the impact of toxic communication patterns in industry on management practices were also carried out on the example of Russian enterprises [Fedorova, Menshikova, 2014]. However, in the Russian-language scientific literature, the problems of toxic communication in the workplace, despite their importance, are not given enough attention, which underlines the relevance of research on toxic Russian-language communication in industry due to practical reasons.

The object of this study is toxic communication in industry which means the forms of destructive communication in the production sector that violate ethical standards, incite people to dissatisfaction and anxiety, reduce motivation and urge the intention to quit their jobs. In this study, we analyse main areas of toxic Russian-language communication in the production sector, as well as speech markers of toxicity (negative affectives and connotatives) [Shakhovskiy, 1994; Shakhovskiy, 2019], whose widespread use can reduce the effectiveness of communication.

Materials and methods

We used former employees' comments about Russian chemical enterprises posted on the website work-info.name (Work-Info) as the material of our study. We analysed what reasons had forced these employees to leave their jobs and what negative characteristics of enterprises were emphasized in the comments. A total of 322 comments were studied.

In addition, the employees of two organizations – a chemical enterprise and a healthcare institution – were asked to complete an anonymous questionnaire. The choice of organizations that differ in the scope of activity was determined by the research hypothesis which consisted in the fact that production workers are more likely to encounter toxic communication than employees of a healthcare institution. The sample consisted of 25 employees of the chemical

enterprise and 30 employees of the healthcare institution. All the respondents received the questionnaires with the following questions:

Have you ever felt insecure and frightened in your workplace?

Have you ever felt intimidated by your boss?

Have you ever been irritated when dealing with your boss?

Have you witnessed conflicts between your boss and employees?

Have you been involved in conflicts with your boss?

Have you witnessed conflicts between employees?

Have you been involved in conflicts with employees?

Have you been insulted by your supervisor?

Have you been insulted by your colleagues?

Have you been persecuted because of your ethnicity?

Have you been persecuted because of your religious beliefs?

Have you been persecuted because of your sexual orientation?

Have you been persecuted because of your appearance, your body type?

The criterion for dividing the subjects into those who “had an effect” and those who “had no effect” was a sign of toxic communication presence (the fact of conflicting speech behaviour or the fact of stress in the workplace). Focusing on the hypothesis, we accepted that there was an “effect” when the respondent confirmed the toxicity of communication (60% or more of the answers were “yes”), and that there was “no effect” when the respondent did not note the toxicity of communication (60% or more of the answers were “no”).

In this study, the Fisher angular transformation method was employed to benefit from the opportunity to compare small samples with high accuracy of calculations. The calculation was carried out according to the formula:

$$\varphi^* = (\varphi_1 - \varphi_2) \cdot \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{n_1 + n_2}}$$

where: φ_1 is the angle corresponding to a larger percentage; φ_2 is the angle corresponding to a smaller percentage; n_1 is the number of observations in the first sample; n_2 is the number of observations in the second sample.

Having examined former employees' feedback about Russian chemical enterprises and the anonymous questionnaires, we found that, speaking of the examples of toxic communication at work, employees of Russian companies often noted rudeness and violent language of their bosses and colleagues, but they expressed practically no complaints about bullying related to discrimination by sex, age, ethnicity, religion, etc. Following this observation, we arranged a Likert scale survey (rating scale method) to identify the focuses of toxicity and their possible dependence on the employee's attribution to one of the ranges (boss, manager, employee) among the bosses, managers, and employees of a chemical enterprise (separately for each of these groups). As is known, Likert's methodology uses a scale which allows revealing the respondents' attitude to the problem in question where they express their agreement or disagreement with the proposed statement. There are various modifications of measurement scales which include two to seven evaluation points. We used the classic scale including five points: disagree – 1; partly disagree – 2; neutral – 3; partly agree – 4; agree – 5. To identify the factors that influence toxic communication, we performed further statistical processing of the data which included single-factor and multi-factor analysis of variance performed with the standard Excel tools.

Results and discussion

The results of processing the respondents' questionnaires using the Fisher angular transformation method are shown in Table 1.

For clarity, let us draw the Fisher significance axis (Fig. 1).

As can be seen from the data in Table 1 and Figure 1, the obtained empirical value of φ^* is in the area of insignificance. Therefore, we reject the hypothesis about the dependence between toxic communication in industry and the scope of the organization's activity. In other words, any organization can become toxic. Our conclusion is backed by other pieces of research, (e.g.: [Björklund et al., 2019]). The analysis of the former employees' comments of the Russian chemical enterprises shows that at least three zones of toxic communication can be distinguished: toxic boss; toxic workers; toxic management. The main markers of toxicity expressing emotions and possessing denotative emotionality are negative affectives: abusive words and phrases, invectives. In terms of structural-morphological classification, affectives are represented by interjections, nouns, phrasemes, and fixed noun + adjective expressions. The status of optional emotivity is represented by speech unit connotations. The group of connotatives can include word-formative derivatives with affixes of emotive-subjective evaluation, word-formative (semantic) derivatives of various types, zoolexics, vernacular and slang vocabulary, colloquial emotionally colored vocabulary, phraseological units, adjectives, adverbs of degree and intensity. In toxic communication, the status of optional emotionality can be illustrated by the following typical examples: *chelovechishka* (spineless human); *voryuga* (crook); *direktrisa* (directress) colloquial, disapproving of a female chief executive; *zveryuga* (brute) about the boss, *sil'no-presil'no* (very very), *poedom est* (rap (someone) over the knuckles). The optional emotionality is regularly realized by the tropeized zoolexemes where the

Table 1. Calculation of the Fisher criterion when comparing two groups of employees questioned

Group	"There is an effect" Number of test subjects	p	"There is no effect" Number of test subjects	p	Total
1	19 (76%)	$p < 0,05$	6 (24%)	$p < 0,01$	25 (100%)
2	22 (73,3%)		8 (26,7%)		30 (100%)
$\varphi^*EM=$	0,229				

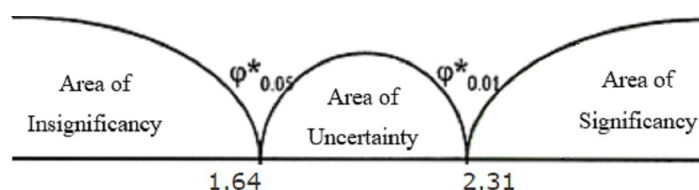

Fig. 1. The Fisher significance axis

semantic structure is reduced to a symbolic component, expressing the social emotion of evaluating such qualities as greed, rapacity, cruelty, dumbness, stupidity and stubbornness: *shakal* (jackal), *baran* (ram), *ovtsa* (sheep), *osyol* (donkey) about the colleagues. In zoolexems, the emotion of evaluating such features of a person's appearance as obesity/thinness (*slon/slonikha* (elephant), *korova* (cow), *vobla* (roach), *selyodka* (herring)) or unattractiveness (*obezyana* (monkey)), untidiness (*svinya* (pig)) is also metaphorically actualized.

Table 2 shows the identified toxic communication zones with illustrative typical examples from the comments analysed. The markers of toxicity are in italics.

All comments given as illustrative material were posted in Russian. In the paper (Table 2) we provide our own translations of these comments into English. As shown in Table 2, the Communication of a toxic boss zone is characterized by aggressive speech actions, violations of business etiquette and destructive activities which incite subordinates to react in

a negative manner and even quit the job. The Communication of toxic workers zone can be divided into two sectors – the sector of toxic actors who poison their colleagues with destructive communication and the sector of toxic recipients who constantly experience colleagues' violent communication. Even though toxic employees-actors are often high performers, eventual results of their work are negative due to the destructive effect on colleagues causing economic harm to the production or organization. Thus, toxic employees-recipients experience a double toxic pressure – from their boss and co-workers, which leads to a decrease in their performance, emotional burnout and, in general, to constant staff turnover. The Toxic management communications zone reflects the destructive component of management communication in industry, which is characterized by intentional confusion, the absence of feedback, and weak corporate culture. Figure 2 shows the zones of toxic communication in industry according to the number of the negative comments analysed.

Table 2. Zones of toxic communication

Zone of toxic communication	Comment examples
Communication of a toxic boss	Just an ordinary energy <i>vampire</i> ... sucks out vitality and energy from the people!!! yells at everybody no matter what they do; he doesn't filter what he says when talking to his subordinates, humiliates them; <i>Gosh!</i> He takes out his rage and negativity on people with such fury that they get sick, go to hospital with a heart attack; throws temper tantrums through the office; I went to work... and two days later it started!!!! <i>The directress</i> speaks with burning hatred of her subordinates calling them <i>fat pigs</i> , <i>lazy critters</i> , etc.; The director and his deputy are simply <i>crooks</i> . The head of the department... does not know how to talk to people. For her, they're <i>cattle</i> , <i>expendable!</i> <i>Ohhhh</i> ... I've never written comments, but the management here is just <i>trash</i>
Communication of toxic workers	Employees look like <i>watch dogs</i> ; ill-mannered; gossips and envious people are everywhere; employees are intimidated and lack initiative; people working there are cowed and slavelike, they twitch nervously when looked at; they are a herd of confused <i>cattle</i> ; in some departments there are <i>Sharks</i> working <i>who rap everyone over the knuckles</i> and ease out any potential employee who can take their place. Of course, because they are all over 55, and they themselves do not want to work and do not give others; ratted on me to the <i>directress</i> , a <i>dry old roach</i>
Toxic management communications	They hold three meetings a day, talk <i>bullshit</i> , and then the secretary calls up and asks who exactly are tasked and what the tasks are; the meeting can last an hour or two with a large number of staff, but for the most part, the only thing you can learn about in such meetings is that someone from our staff is a <i>moron</i> or an <i>idiot</i> ; no living corporate culture; they don't introduce you to anyone, no one gets you acquainted with other employees, no one greets you. The territorial manager is a <i>jackal</i> , he is always <i>nosing about</i> , looking for any kind of a clue to deprive a person of his salary. You have to work like a <i>donkey</i> to reach the targets and no one cares if you make it or not, the targets must be reached or the shift manager will <i>eat you up</i> ; <i>Oh, gosh!</i> This is really some kind of sanctuary for <i>fearless idiots</i>

As shown in Figure 2, the zones of the toxic bosses and toxic colleagues have the greatest impact on workers. In addition, all the zones we have identified tend to overlap each other, thus creating the strongest pressure of toxic communication on the employee (Fig. 3).

As was already mentioned, the detailed study of the comment about organizations and the toxic communication zones revealed the need to find the toxicity focuses and their potential dependencies on the employee's attribution to one of the ranges (boss, manager, employee) among the employees of a chemical enterprise (separately for each of the distinguished groups). To solve this problem, we organized a Likert scale survey. The respondents in each group were asked to

evaluate the degree of their agreement or disagreement with each of the following statements. Tables 3 to 5 show examples of typical answers given by the respondents in each employee group.

As can be seen from the typical answers, the focus of toxic communication gravitates towards such features as stupidity or excessive emotionality; the respondents reacted less to ethnicity, religious beliefs, and sexual orientation. In the Employee group, a strong irritating factor was the specific of someone's body type and appearance. To verify statistical significance of the identified dependencies, we performed the analysis of variance.

Fig. 2. Quantitative data reflecting the distribution of toxic communication zones

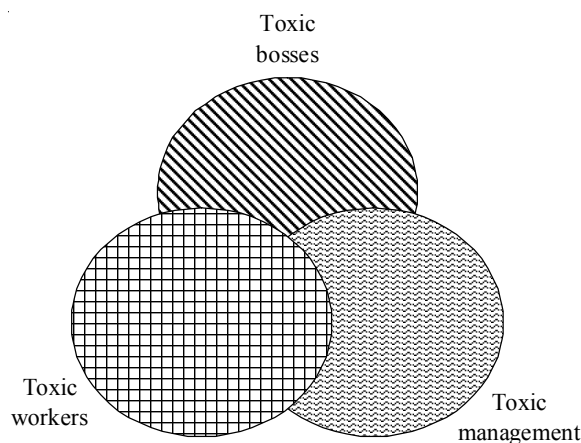

Fig. 3. Overlapping of toxic communication zones in industry

Table 3. Typical Likert scale answers for the boss group

Statement	Strongly disagree (1)	Mostly disagree (2)	Neutral (3)	Mostly agree (4)	Strongly agree (5)
Employee's stupidity irritates me	—	—	—	—	×
Intemperance and the lack of culture irritate me	—	—	—	×	—
The lack of professional skills irritates me	—	—	—	—	×
People whose ethnicity is other than the titular nation irritate me	—	×	—	—	—
People whose religious beliefs are other than the titular religion irritate me	—	×	—	—	—
People with non-standard sexual orientation irritate me	—	—	×	—	—
Specific features of people's body and appearance irritate me	—	×	—	—	—
The fact that the team is mostly female/male irritates me	—	—	×	—	—

Table 4. Typical Likert scale answers for the manager group

Statement	Strongly disagree (1)	Mostly disagree (2)	Neutral (3)	Mostly agree (4)	Strongly agree (5)
Employee's stupidity irritates me	—	—	—	—	×
Intemperance and the lack of culture irritate me	—	—	—	—	×
The lack of professional skills irritates me	—	—	—	×	—
People whose ethnicity is other than the titular nation irritate me	—	×	—	—	—
People whose religious beliefs are other than the titular religion irritate me	—	×	—	—	—
People with non-standard sexual orientation irritate me	—	—	—	×	—
Specific features of people's body and appearance irritate me	—	—	—	—	×
The fact that the team is mostly female/male irritates me	—	—	×	—	—

Table 5. Typical Likert scale answers for the employee group

Statement	Strongly disagree (1)	Mostly disagree (2)	Neutral (3)	Mostly agree (4)	Strongly agree (5)
My colleagues' stupidity irritates me	—	—	—	—	×
Intemperance and the lack of culture irritate me	—	—	—	×	—
The lack of professional skills irritates me	—	—	—	×	—
People whose ethnicity is other than the titular nation irritate me	—	—	×	—	—
People whose religious beliefs are other than the titular religion irritate me	—	—	×	—	—
People with non-standard sexual orientation irritate me	—	—	—	×	—
Specific features of people's body and appearance irritate me	—	—	—	—	×
The fact that the team is mostly female/male irritates me	—	—	—	—	×

At the first stage of our statistical analysis, we planned to find out whether toxic communication in the organization generally depends on the boss, manager, and employee communication zones. The influence of the communication zone on the toxic communication was determined by means of the Excel single-factor ANOVA tool. We used the rates obtained by processing the Likert scale questionnaires as quantitative data.

In Table 6: *SS* are the sums of squares; *df* is the degree of freedom; *MS* are mean squares; *F* is the calculated value of Fisher's *F*-criterion; *P* is the value.

If $P < \alpha = 0.05$, then the factor in question is statistically significant. In our case, $P > \alpha = 0.05$ which evidences the absence of a statistically significant dependence. As $F = 0.78$ does not exceed the upper critical value $F = 1.78$, $F < F_{cr}$, that means that there are no significant differences between the groups, therefore, toxic communication does not depend on the boss, manager, or employee zone.

To verify the results with the Excel two-factor ANOVA tool, in addition to the communication zone factor, we used the topic toxicity focus factor. The topic toxicity focus is understood as an enduring topic identified with the Likert scale, which appears in toxic speech: lack of intelligence, lack of self-control and culture, lack of professional skills, appearance (body type specifics), non-standard sexual orientation, etc. Table 7 summarizes our analysis of variance.

Below is the analysis of the obtained results:

– the calculated value of the *F*-criterion for the communication zone factor is 1.67. The critical value of the *F*-criterion is 1.79, which means that the influence of this factor is insignificant;

– the calculated value of the *F*-criterion for the topic toxicity factor is 17.76. The critical value of the *F*-criterion is 2.10, which means that the influence of this factor is significant.

The obtained statistically significant results of the two-factor ANOVA are in line with the data resulting from the single-factor ANOVA, which proves that the toxic communication does not depend on the employee range, or the boss, manager, or employee zone. In other words, it exists in all these zones.

The obtained statistically significant results of the two-factor analysis of variance are in line with the data obtained using the Likert scale; they prove the statistically significant correlation between the toxic communication and the most enduring toxic (topical) focuses. One of the ways to overcome the destructive effects of toxic communication is to foster a healthy corporate speech culture that may weaken “communicative wars of all against all” in the workplace.

Conclusions

Therefore, the empirical study has not proved the expected dependence between the toxic communication and the organization's area of activity and its goals. Although the percentage of those who encountered toxic communication at the chemical enterprise was higher than at the healthcare institution (76% of respondents vs 73.3%), these differences in percentages are not statistically significant. Verification of these samples using the Fisher criterion showed the absence of statistical superiority of one sample over another. The obtained empirical value $\varphi * EM = 0.229$ is less than the established critical value of statistical significance of 1.64 and is

Table 6. Results of the single-factor analysis of variance

Analysis of variance						
Source of variance	SS	df	MS	F	P-Value	F critical
Between the groups	16.16667	14	1.154762	0.78926	0.678622	1.787079
Intra-group	153.625	105	1.463095	–	–	–
Total	169.7917	119	–	–	–	–

Table 7. Results of the two-factor analysis of variance

Analysis of variance						
Source of variance	SS	df	MS	F	P-value	F critical
Lines	16,16667	14	1,154762	1,67159	0,073984	1,793981
Columns	85,925	7	12,275	17,76883	4,9E-15	2,104448
Error	67,7	98	0,690816	–	–	–

outside the area of significance. Among the markers of toxicity, the employees of the chemical enterprise and health care institution named abusive words and phrases (*tupitsy* (nitwits), *tupye tvary* (stupid brutes), *nepuganye idioty* (fearless idiots), *bydlo* (cattle), *gadyushnik* (shithole), *pomoyka* (trash heap)), zoolexemes (*kollegi – zmei v zmeinom logove* (colleagues are like vipers in their nest); *administratory – sobaki tsepnye* (managers are like watchdog)), colloquial expressions (*organizovannost' na nule* (management is at zero)); phraseological units (*polny nol'* (complete zero); *nol' bez palochki* (an empty zero), *vyzhaty limon* (squeezed lemon)).

The analysis of former employees' feedback about their employers shows that there are at least three zones of toxic communication in the industry (toxic boss, toxic management, toxic employees), which tend to overlap, thereby creating additional risks for the organization's performance. However, no dependence has been revealed between toxic communication and key representatives of the identified zones, that is, bosses, managers, and employees (the obtained criterion $F = 0.78$ does not exceed the upper critical value $F_{cr} = 1.78$, $F < F_{cr}$). In other words, toxic communication proliferates in each of the identified zones.

The Likert scale analysis of the respondent's questionnaires and further statistical analysis ($F = 17,76$, $F > F_{cr}$) also show that in Russian companies there is a strong correlation between toxic communication and so-called toxicity focuses – standard topics – which are constantly in the centre of destructive communication. These topics are lack of intelligence, lack of self-control and culture, lack of professional skills, appearance (body types), non-standard sexual orientation, etc.

Verbalization of zones of toxic communication zones is carried out by means of various linguistic levels. At the lexical level, the main markers of toxicity in work communication are negative emotives and affectives that are abusive words, phrasemes, invectives, and connotatives including word-formative derivatives with affixes of emotive-subjective evaluation, zoolexics, vernacular and slang vocabulary, colloquial emotionally colored vocabulary, and phraseological units.

At the grammatical level, affectives are represented by interjections, nouns, phrasemes, and fixed noun + adjective expressions, emotional and evaluative adjectives and adverbs of degree

and intensity; connotatives are limited to nouns in the material studied.

So, we can say that promoting corporate speech culture targeted against the toxicity focuses that we have identified is the key method of minimizing toxic communication risks in the Russian industry.

REFERENCES

- Anderson L., Lepore E., 2013. What Did You Call Me? Slurs as Prohibited Words. *Analytic Philosophy*, vol. 54, no. 3, pp. 350-363. DOI: 10.1111/philb.12023
- Appelbaum S.H., Roy-Girard D., 2007. Toxins in the Workplace: Affect on Organizations and Employees Corporate Governance. *International Journal of Business in Society*, vol. 7, no. 1, pp. 17-28. DOI: 10.1108/14720700710727087
- Bhat M.M., Hosseini S., Awadallah A.H., Bennett P., Li W., 2021. Say 'YES' to Positivity: Detecting Toxic Language in Workplace Communications. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2021*, pp. 2017-2029. DOI: 10.18653/v1/2021.findings-emnlp.173
- Björklund C., Hellman T., Jensen I., Åkerblom C., Björk Brämderg E., 2019. Workplace Bullying as Experienced by Managers and How They Cope: A Qualitative Study of Swedish Managers. *Int J Environ Public Health*, vol. 16, no. 23, art. 4693. DOI: 10.3390/ijerph16234693. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/16/23/4693>
- Bowen J., Winczewski L.A., Collins N.L., 2016. Language Style Matching in Romantic Partners' Conflict and Support Interactions. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 36, no. 3, pp. 263-286. DOI: 10.1177/0261927X16666308
- Branch S., Ramsay S., Barker M., 2007. Managers in the Firing Line: Contributing Factors to Workplace Bullying by Staff – An Interview Study. *Journal of Management & Organization*, vol. 13, no. 3, pp. 264-281. DOI: 10.1017/S1833367200003734
- Carnaghi A., Maas A., 2006. The Effects of the Derogatory Group Labels on the Behavioral Responses. *Psicologia Sociale*, vol. 1, pp. 121-132. DOI: 10.1482/21504
- Carnaghi A., Maass A., 2007. In-Group and Out-Group Perspectives in the Use of Derogatory Group Label: Gay Versus Fag. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 26, no. 2, pp. 142-156. DOI: 10.1177/0261927X07300077
- Cavazza N., Guidetti M., 2018. Captatio Benevolentiae: Potential Risks and Benefits of Flattering the Audience in a Public Political Speech. *Journal of Language and Social*

- Psychology*, vol. 37, no. 6, pp. 706-720. DOI: 10.1177/0261927X18800132
- Chen S., 2016. Language and Ecology: A Content Analysis of Ecolinguistics as an Emerging Research Field. *Ampersand*, vol. 3, pp. 108-116. DOI: 10.1016/j.amper.2016.06.002
- Croom A.M., 2014. The Semantics of Slurs: A Refutation of Pure Expressivism. *Language Sciences*, vol. 41, pp. 227-242. DOI:10.1016/j.langsci.2013.07.003
- Eisenberger N.I., 2012. The Pain of Social Disconnection: Examining the Shared Neural Underpinnings of Physical and Social Pain. *Nature Reviews Neuroscience*, vol. 13, pp. 421-434. DOI:10.1038/nrn3231
- Eissa G., Wyland R., 2018. Work-Family Conflict and Hindrance Stress as Antecedents of Social Undermining: Does Ethical Leadership Matter? *Applied Psychology*, vol. 67, no. 4, pp. 645-654. DOI: 10.1111/apps.12149
- Erickson A., Shaw B., Murray J., Branch S., 2015. Destructive Leadership. *Organizational Dynamics*, vol. 44, no. 4, pp. 266-272. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2015.09.003
- Fasoli F., Carnaghi A., Paladino M.P., 2015. Social Acceptability of Sexist Derogatory and Sexist Objectifying Slurs Across Contexts. *Language Sciences*, vol. 52, pp. 98-107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2015.03.003>
- Fedorova A., Menshikova M., 2014. Social Pollution Factors and Their Influence on Psychosocial Wellbeing at Work. *International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts – SGEM2014 (Bulgaria, Albena, September 1–10, 2014)*, vol. 2, pp. 839-846. DOI: 10.5593/sgemsocial2014/B12/S2.107
- Fill A., 2018. *The Routledge Handbook of Ecolinguistics*. London, Routledge. 476 p.
- Frost P.J., 2003. *Toxic Emotions at Work: How Compassionate Managers Handle Pain and Conflict*. Cambridge, MA, Harvard Business School Press. 256 p.
- Gagliardone I., Pohjonen M., Orton-Johnson K., eds., 2022. *How to Analyze Online Hate Speech and Toxic Communication*. London, SAGE Publications, Ltd. DOI: 10.4135/9781529609721
- Glenn C.V., Chow P., 2002. Measurement of Attitudes Toward Obese People Among a Canadian Sample of Men and Women. *Psychological Reports*, vol. 91, no. 2, pp. 627-640. DOI: 10.2466/pr0.2002.91.2.627
- Haugen E., 1972. *The Ecology of Language*. Stanford, CA, Stanford University Press. 366 p.
- Hedger J.A., 2013. Meaning and Racial Slurs: Derogatory Epithets and the Semantics/Pragmatics Interface. *Language & Communication*, vol. 33, no. 3, pp. 205-213. DOI: 10.1016/j.langcom.2013.04.004
- Housman M., Minor D., 2015. *Toxic Workers*. Harvard, Harvard Business School. 38 p.
- Ionova S.V., 2018. Toksichnyy rukovoditel: lingvoekologiya rechevogo povedeniya [Toxic Head: Linguoecology of Verbal Behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], vol. 4, pp. 1-12. DOI: 10.17516/2311-3499-033
- Kets de Vries M., 2014. Coaching the Toxic Leader: Four Pathologies That Can Hobble an Executive and Bring Misery to the Workplace – And What to Do About Them. *Harvard Business Review*, vol. 92, no. 4, pp. 100-109.
- Kets de Vries M., Balazs K., 2011. The Shadow Side of Leadership. *The Sage Handbook of Leadership*. London, Sage, pp. 380-392.
- Kim J.Y., Campbell T.H., Shepherd S., Kay A.C., 2020. Understanding Contemporary Forms of Exploitation: Attributions of Passion Serve to Legitimize the Poor Treatment of Workers. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 118, no. 1, pp. 121-148. DOI: 10.1037/pspi0000190
- Lipman-Blumen J., 2006. *The Allure of Toxic Leaders: Why We Follow Destructive Bosses and Corrupt Politicians – And How We Can Survive Them*. Oxford, Oxford University Press. 320 p.
- McKirdy E., 2018. *Toxic: Oxford Dictionaries Sums Up the Mood of 2018 with Word of the Year*. URL: <https://www.ksl.com/article/46427887/toxic-oxford-dictionaries-sums-up-the-mood-of-2018-with-word-of-the-year>
- Morais C., Randsley de Moura G., 2018. *The Psychology of Ethical Leadership in Organisations*. Palgrave MacMillan. 96 p. DOI: 10.1007/978-3-030-02324-9
- Moscatelli S., Prati F., Rubini M., 2019. If You Criticize Us, Do It in Concrete Terms: Linguistic Abstraction as a Moderator of the Intergroup Sensitivity Effect. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 38, no. 5-6, pp. 680-705. DOI: 10.1177/0261927X19864686
- Munn L., 2020. Angry by Design: Toxic Communication and Technical Architectures. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 7, no. 53, pp. 1-11. DOI: 10.1057/s41599-020-00550-7
- Patterson E., Branch S., Barker M., Ramsay S., 2018. Playing with Power: Examinations of Types of Power Used by Staff Members in Workplace Bullying – A Qualitative Interview Study. *Qualitative Research in Organizations and Management an International Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 32-52. DOI: 10.1108/QROM-10-2016-1441

- Riva P., Brambilla M., Vaes J., 2016. Bad Guys Suffer Less (Social Pain): Moral Status Influences Judgements of Others' Social Suffering. *British Journal of Social Psychology*, vol. 55, no. 1, pp. 88-108. DOI: 10.1111/bjso.12114
- Sampasivam S., Collins K.A., Bielajew C., Clément R., 2018. Intergroup Threat and the Linguistic Intergroup Bias: A Stress Biomarker Study. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 37, no. 6, pp. 632-655. DOI: 10.1177/0261927X18799807
- Sheth A., Shalin V.L., Kursuncu U., 2021. Defining and Detecting Toxicity on Social Media: Context and Knowledge Are Key. *Neurocomputing*, vol. 490, pp. 312-318. DOI: 10.1016/j.neucom.2021.11.095
- Shamne N.L., Shovgenin A.N., 2010. Teoreticheskie osnovy postroeniya algoritma ekolingvisticheskogo monitoringa [Theoretical Grounds of Algorithm Design for Ecolinguistic Monitoring]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistic], vol. 9, no. 2 (12), pp. 153-161.
- Shakhovskiy V.I., 2019. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Moscow, URSS Publ. 206 p.
- Shakhovskiy V.I., 2014. Emotivnaya lingvoekologiya: kompleksnyy podkhod k izucheniyu yazyka, rechevoy deyatel'nosti i cheloveka [Emotive Lingua-Ecology: the Complex Approach to the Study of Language, Speech Activity, and a Human Being]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], vol. 19, pp. 13-21.
- Shakhovskiy V.I., 1994. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki [Types of Emotive Vocabulary Meanings]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], vol. 1, pp. 20-25. Steffensen S.V., Fill A., 2013. Ecolinguistics: The State of the Art and Future Horizons. *Language Sciences*, vol. 41, pp. 6-25. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.08.003
- Skovorodnikov A.P., 2019. O nekotorykh nereshennykh voprosakh teorii lingvoekologii [On Some Unanswered Questions of the Linguo-Ecological Theory]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 5, no. 77, pp. 12-25. DOI: 10.26170/pl19-05-1
- Stibbe A., 2020. *Ecolinguistics: Language, Ecology, and the Stories We Live by*. London, Routledge. 260 p. DOI: 10.4324/9780367855512
- Ten Brinke L., Lee J.J., Carney D.R., 2019. Different Physiological Reactions When Observing Lies Versus Truths: Initial Evidence and an Intervention to Enhance Accuracy. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 117, no. 3, pp. 560-578. DOI: 10.1037/pspi0000175
- Too L., Harvey M., 2012. "TOXIC" Workplaces: The Negative Interface Between the Physical and Social Environments. *Journal of Corporate Real Estate*, vol. 14, no. 3, pp. 171-181. DOI: 10.1108/14630011211285834
- Vergauwe J., Wille B., Hofmans J., Kaiser R.B., De Fruyt F., 2018. The Double-Edged Sword of Leader Charisma: Understanding the Curvilinear Relationship Between Charismatic Personality and Leader Effectiveness. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 114, no. 1, pp. 110-130. DOI: 10.1037/pspp0000147
- Walton G.M., Banaji M.R., 2004. Being What You Say: The Effect of Essentialist Linguistic Labels on Preferences. *Social Cognition*, vol. 22, no. 2, pp. 193-213. DOI: 10.1521/soco.22.2.193.35463
- Wiebe W.T., Zhang Y.B., 2017. Conflict Initiating Factors and Management Styles In Family And Nonfamily Intergenerational Relationships: Young Adults' Retrospective Written Accounts. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 36, no. 3, pp. 368-379. DOI: 10.1177/0261927X16660829

SOURCE

Work-Info – Otzyvy o khimicheskikh kompaniyakh i zavodakh. Otzyvy sotrudnikov o rabote na khimicheskikh kompaniyakh i zavodakh [Reviews About Chemical Companies and Factories. Reviews of Employees About Work at Chemical Enterprises and Plants], 2022. *Work-Info.org*. URL: <https://work-info.name/otzyvy-o-khimicheskikh-kompaniyakh-i-zavodakh>

Information About the Authors

Elena B. Pavlova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Environmental Engineering, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, pavlova-eb@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5817-3463>

Nailya G. Valeeva, Candidate of Sciences (Pedagogy), Head of Department of Foreign Languages, Institute of Environmental Engineering, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, valeeva-ng@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4971-4533>

Информация об авторах

Елена Борисовна Павлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков института экологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, pavlova-eb@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5817-3463>

Наиля Гарифовна Валеева, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков института экологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, valeeva-ng@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4971-4533>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.3>

UDC 811.161.1'276.3-053.6
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 05.04.2022
Accepted: 28.11.2022

THE LEXICON OF YOUTH SUBCULTURES IN DYNAMICS (EXEMPLIFIED BY INTERNET FORUMS)

Vadim K. Andreev

Pskov State University, Pskov, Russia

Sofia O. Dmitrieva

Pskov State University, Pskov, Russia

Tatiana G. Nikitina

Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The article examines the dynamic processes in the sphere of subcultural language nomination and their socio-cultural conditionality. The research is carried out on the material that has not been previously considered in the dynamic aspect (slang of football fans, hip-hop culture, and k-pop representatives), new words of student slang are involved, the dynamics of which is currently studied unsystematically. The replenishment of the lexicon of these subcultures is revealed in the projection of modern material on the slang dictionaries of the past years. In the course of the study, the thematic dominants in the field of slang innovations were identified (names of representatives of subcultures and their idols, names of types of subcultural activities and their products). Among the main socio-cultural factors that led to updating the vocabulary of subcultures, transformations in the higher education system (student slang), youth music fashion (slang of the subcultures of k-pop and hip-hop), rotation of players in the team (slang of football fans) were noted. The lexicon of musical subcultures is replenished mainly by transliterated borrowings. The slang of students and football fans is updated due to the native language resources used by nominators in acts of univerbation, abbreviation, suffix word formation. In these areas, the special productivity of the nomination game techniques (phonetic mimicry, structural and semantic phraseological transformations) was noted, which indicates a high level of linguistic creativity of slang speakers.

Key words: Russian language, youth subculture, slang, student slang, football fan slang, music subculture slang, nomination methods.

Citation. Andreev V.K., Dmitrieva S.O., Nikitina T.G. The Lexicon of Youth Subcultures in Dynamics (Exemplified by Internet Forums). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 36-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.3>

УДК 811.161.1'276.3-053.6
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 05.04.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ДИНАМИКА ЛЕКСИКОНА МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

Вадим Константинович Андреев

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Софья Олеговна Дмитриева

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Татьяна Геннадьевна Никитина

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы динамические процессы в сфере субкультурной языковой номинации и их социокультурная обусловленность. Исследование выполнено на материале, ранее не рассматривавшемся в динамическом аспекте (сленг футбольных фанатов, представителей хип-хоп культуры, кейпоперов), привлечены новые единицы студенческого сленга, динамика которого на данный момент изучена фрагментарно. Пополнение лексикона данных субкультур выявлено в проекции современного материала на лексикографические разработки сленга прошлых лет. В ходе исследования определены тематические доминанты в сфере сленговых инноваций (наименования представителей субкультур и их кумиров, наименования видов субкультурной деятельности и ее продуктов). В качестве основных социокультурных факторов, обусловивших обновление лексикона субкультур, отмечены преобразования в системе высшего образования (студенческий сленг), молодежная музыкальная мода (сленг субкультур кейпоп и хип-хоп), ротация игроков в команде (сленг футбольных фанатов). Лексикон музыкальных субкультур пополняют в основном транслитерированные заимствования. Сленг студентов и футбольных фанатов обновляется за счет исконных языковых ресурсов, которые используются номинаторами в актах универбации, аббревиации, суффиксального словообразования. В этих сферах отмечена особая продуктивность игровых приемов номинации (фонетическая мимикрия, структурно-семантические фразеологические трансформации), что свидетельствует о высоком уровне лингвокреативности носителей сленга. *Вклад авторов:* В.К. Андреев, С.О. Дмитриева, Т.Г. Никитина – разработка концепции исследования, В.К. Андреев – сбор материала и описание сленга музыкальных субкультур, С.О. Дмитриева – сбор материала и описание студенческого сленга, Т.Г. Никитина – сбор материала и описание сленга футбольных фанатов.

Ключевые слова: русский язык, молодежная субкультура, сленг, студенческий сленг, сленг футбольных фанатов, сленг музыкальных субкультур, способы номинации.

Цитирование. Андреев В. К., Дмитриева С. О., Никитина Т. Г. Динамика лексикона молодежных субкультур (по материалам интернет-форумов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 36–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.3>

Введение

Молодежный сленг понимается в большинстве современных исследований как социальная разновидность речи, характеризующаяся специфической лексикой и фразеологией [Кубаева, 2021; Милёшина, 2021; Цибизова, Галанкина, 2021; и др.]. Он изучается отечественными авторами в функциональном аспекте [Петрова, Самарская, 2020; Гордиенко, Камалов, 2021], с позиций межъязыковой эквивалентности и региональной маркированности [Никитина, 2018; Арсаханова, Вахаева, 2020; Грунина, Терентьева, 2021], в связи с проблемами культуры речи и обучения русскому языку иностранцев [Никитина, 2016]. В основном исследования проводятся на материале общемолодежного сленга. К нему обращаются и авторы немногочисленных работ, посвященных эволюции сленга, рассматривая тенденции в сфере словообразовательной сленговой номинации, новые иноязычные заимствования, влияние интернет-сленга на общемолодежный лексикон [Каркаева, 2018; Петрухина, Дедова, 2019].

Сленг, как известно, является не только элементом культуры общемолодежного соци-

ума, но и неотъемлемым атрибутом отдельных субкультур, история формирования и функционирования которых в русскоязычном социокультурном пространстве получает следующую периодизацию: 50-е гг. XX в. – стилиги, 60-е гг. – хиппи, середина 70-х гг. – панки, середина 80-х гг. – рейв, конец 90-х гг. – интернет-культура [Кунафина, 2017]. В динамическом аспекте исследован сленг исчезнувших или теряющих популярность субкультурных сообществ [Дмитриева, 2022а; 2022б; 2022в]. Лексикон актуальных, широко распространенных в России молодежных субкультур, за редким исключением [Шипилова, 2019], в динамике не рассматривается, что ограничивает наши знания об эволюции языкового сознания и мировоззренческих установок представителей субкультур, об адаптации заимствованных субкультурных идеологем и сленговой лексики, об особенностях современной субкультурной интернет-коммуникации. В связи с этим актуально исследование динамики лексикона субкультур на материале молодежных интернет-форумов в их проекции на лексикографические интерпретации сленгового лексикона прошлых лет, что позволит выявить значимые для молодежи темы, требующие

обновления лексикона, установить объективные факторы, определяющие эти обновления, охарактеризовать языковые предпочтения номинаторов при создании новых сленгизмов.

Материал и методы

Динамика молодежного лексикона представлена на материале интернет-форумов молодежных субкультур студентов, футбольных фанатов, представителей музыкальных субкультур (2018–2022 гг.). Такой выбор обусловлен стремлением при всем многообразии молодежных субкультур представить их основные типы системно, с опорой на многочисленные классификации (см., например: [Галеева, 2016; Ерофеева, 2018; Яфальян, 2017]), авторы которых противопоставляют субкультуры по сфере деятельности их носителей: 1) основная сфера деятельности (в нашем исследовании – учебная, где функционирует студенческий сленг); 2) досуговая сфера, где молодежь объединяется по интересам, увлечениям: здесь особенно широко представлены спортивно и музыкально ориентированные субкультуры. Среди них выбраны наиболее массовые субкультурные объединения, противопоставленные по национально-культурной принадлежности предмета интереса: субкультура футбольных фанатов (их интересы сосредоточены в сфере российского футбола) и музыкальные субкультуры хип-хоп и кейпоп (их представители ориентированы на зарубежные арт-образцы). Кроме того, отобранные субкультуры различаются на мировоззренческом уровне наличием субкультурной идеи кумироцентричности (футбольные фанаты, кейпоперы) и ее отсутствием (студенты, брейк-дансеры), а также противопоставляются по типу деятельности: продуктивной, творческой (студенты, хип-хоп) и рефлексивной, репродуктивной (футбольные фанаты, кейпоперы). Анализ материала таких разноплановых объединений молодежи позволит установить общие тенденции обновления субкультурного лексикона и специфику этого процесса в отдельных сферах функционирования молодежного сленга.

Исследование проведено с использованием следующих методов лингвистического анализа: словообразовательного – для выяв-

ления моделей номинации в субкультурной коммуникации, продуктивности способов словообразования и отдельных словообразовательных средств в сленговой системе; контекстуального – для уточнения семантической структуры сленгизмов, их значений, реализованных в речи, диапазона ситуаций употребления в интернет-коммуникации; сопоставительного – для определения способов адаптации заимствованных лексических и фразеологических сленгизмов, их русификации и смыслового развития в условиях российских субкультур. Применение указанных методов в совокупности обеспечивает достижение цели исследования, состоящей в выявлении тенденций субкультурной языковой номинации с учетом социокультурного контекста функционирования новых сленгизмов в интернет-коммуникации, что представляется теоретически значимым для социолингвистики и лингвокультурологии и имеет практическую ценность для сленговой лексикографии и неографии.

Результаты и обсуждение

Обновление субкультурного лексикона: тематические доминанты, социокультурные факторы, способы номинации рассмотрим в соответствии с типами субкультур.

Студенческий сленг

Сленг является одной из важнейших составляющих студенческой субкультуры. Сленгизмы данной сферы – объемный «специализированный» пласт собственно субкультурной лексики и фразеологии. Так, в «Толковом словаре русского школьного и студенческого жаргона» [Вальтер, Мокиенко, Никитина, 2005] описано более 4 000 студенческих сленгизмов, отражающих реалии образовательной сферы. Общестуденческие сленгизмы прошлых лет, зафиксированные также в тематическом словаре сленга [Никитина, 2013, с. 623–686], остаются и в настоящее время наиболее частотными в речи студентов: *пара* – ‘учебное занятие продолжительностью 2 академических часа’, *препод* – ‘преподаватель’, *допы* – ‘дополнительные материалы’, *тошнеловка* – ‘столовая в вузе или общежитии’, *сем* – ‘се-

мestр' и др. Например: *Часто бывало, преподы просто не приходили на пару, при этом никого не предупредив; Нужно скачать какие-то допы, но не получается; Растут цены и снижается качество еды в нашей тошиловке* (Записи 2018–2022 гг.).

В период пандемии студенческий сленг пополнился небольшим количеством лексических единиц, связанных с дистанционной формой обучения. Они образованы по разным моделям универбации: *дистанционка, дистуха, диста* – ‘дистанционное обучение’: *Мы тоже переходим на дисту* (2021 г.); *Со следующей недели – дистуха* (2021 г.), зафиксированы суффиксальные образования с усечением основы: *телеконфик* – ‘телеконференция’, *вэбик* – ‘вебинар’: *Не могу с планиета к вэбнику подключиться* (2022 г.), глагольные производные от основы *ZOOM*- (в том числе в ее русифицированном варианте), отражающие все этапы работы с этой платформой: *ZOOMиться, заZOOMиться, отZOOMиться, зумиться, зазумиться, отзумиться*.

Изменениями в учебных планах вузов обусловлено появление немногочисленных сленговых названий новых профилей бакалавриата и магистратуры: в акте языковой игры наименования подбираются по созвучию (принцип фонетической мимикрии), например, с женским именем или названием экзотического плода: *инна* – «Инноватика»: *Поступил на инну, на платное* (2021 г.); *инжирик* – «Инжиниринг информационных систем»: *На инжирик хочу перевестись* (2022 г.).

Студенты, обучающиеся на новых профилях, получают сленговые наименования, созданные по модели прошлых лет, когда номинативная единица выбирается по тематической общности с каким-то компонентом официального названия профиля, например, *олигофрены* – студенты, обучающиеся на «Олигофренопедагогике», *туристы, горничные* – студенты профиля «Туризм и гостиничное дело», [Никитина, 2013, с. 638–639], ср.: в материалах 2018–2022 г.: *банкиры* – студенты профиля «Банковское дело», *водники* – «Экология водных ресурсов», *трудоги* – «Безопасность труда», *киберы* – «Кибербезопасность автоматизированных систем».

Сленгизмы-названия некоторых новых дисциплин можно интерпретировать как про-

дукты аббревиации: *биплан* – «Бизнес-планирование», *упри* – «Управление рисками»: *Куплю курсовик по биплану* (2018 г.); *Ребят, кто завтра на упри идет?* (2020 г.), причем, первое из приведенных наименований имеет двойной семантический план (ср.: *биплан* – самолет с особой конструкцией крыла). Не теряет продуктивности модель номинации учебных предметов существительными в форме множественного числа: к зафиксированным словарями в прошлом десятилетии и функционирующим в современном студенческом дискурсе сленгизмам *архи* – дисциплина «Археология», *культы* – «Культурология» и др. добавились новые наименования: *орги* – «Организация информационной безопасности», *упры* – «Управление карьерой», *опера* – «Операционные системы».

Шутливые наименования преподавателей, ведущих новые дисциплины, носители сленга вычлняют из названий этих дисциплин: *телек* – преподаватель дисциплины «Основы телекоммуникаций», *склад* – «Логистика складирования», *стратег* – «Стратегии личностно-профессионального развития педагога», *корпоратив* – «Формирование корпоративной культуры») или находят по самым разным ассоциациям за пределами вуза в сфере своих интересов, увлечений: *карьерера* – преподаватель дисциплины «Планирование карьеры»: по созвучию *карьера* – *Каррера* (Массимо Каррера – главный тренер ФК «Спартак» с 2016 по 2018 г., под руководством которого команда стала чемпионом России и обладателем Суперкубка РФ), *проектная* – ‘преподаватель дисциплины «Основы проектной деятельности»’ (ср.: в популярном телешоу «Дом-2» *проектными* неодобрительно называют участников, которые пришли на проект исключительно ради саморекламы и ведут себя соответствующим образом). Нельзя не отметить, что большинство упомянутых выше новых сленговых единиц не имеет широкого распространения и используется лишь студентами определенных специальностей.

По сравнению со сленговыми системами, которые будут рассмотрены ниже, лексикон студентов в меньшей степени подвержен динамическим процессам. Определяющие его обновление экстралингвистические факторы (изменения в содержании и технологиях вузов-

ского обучения) не столь действенны, как в других сферах. Снизились и уровень аксиологической нагруженности студенческого сленга: если в лексикографических фиксациях конца XX – начала XXI в. близкие к обценизмам наименования сложных учебных дисциплин и прозвища преподавателей, ведущих эти дисциплины, сопровождались пометами *бран.*, *презр.*, *пренебр.* [Вальтер, Мокиенко, Никитина, 2005], то современные сленгизмы создаются исключительно ради шутки или в целях языковой экономии, что может свидетельствовать как о положительных сдвигах в организации вузовского обучения, так и о переключении лингвоаксиологического интереса студентов на другие сферы их деятельности.

Сленг футбольных фанатов

Исследование субкультуры футбольных фанатов и их языка активизировалось в 90-е гг. XX в. с появлением в России крупных фанатских объединений, заимствующих идеологию и атрибутику западной субкультуры футбольного хулиганства (от англ. «hooligans») и адаптирующих ее к российским условиям [Горюнов, 2014]. Деятельностная составляющая фан-движения на данный момент, как и прежде, характеризуется копированием западных стереотипов поведения (активная поддержка своей команды прославляющими ее песнями и речевками на стадионе, поездки на гостевые матчи своей команды, стычки фанатских группировок, издание клубной печатной продукции), в то время как лексикон «кумироцентрической» субкультуры, ориентированной на отечественный клуб и впитавшей многолетние традиции болельщиков данного клуба, строится на русскоязычном материале и охватывает тематические сферы: футбол и футболисты (прозвища футболистов, сленговые наименования футбольных клубов, действий футболистов и судей на поле); фанаты и фанатская деятельность (наименования фанатских группировок и различных категорий фанатов, сленговые обозначения действий фанатов на стадионе и вне его) [Никитина, 2013, с. 482–502, 504–532].

Материалы форумов футбольных фанатов (<https://vk.com/russianultrascom>, <https://www.footboom.com/forum>, <https://forum.fanat1k.ru/>,

<https://www.chatlist.su/football/>, <http://football.chat-off.com/>, <https://spartak-fanclub.com/>, <https://forum.fanat1k.ru/> и др., 2018–2022 гг.) свидетельствуют о том, что многие сленгизмы отмеченных выше тематических сфер по-прежнему актуальны в субкультуре. Это наименования:

– действий фанатов (*гонять*, *топить* – ‘болеть за какой-л. клуб’, *шизить* – ‘активно, шумно поддерживать свою команду на стадионе’);

– субкультурной атрибутики (*роза*, *грива* – ‘клубный шарф’, *банник* – ‘банер’);

– членов фанатской группировки (*пионер*, *карлик* – ‘молодой, неопытный фанат’, *акционер*, *бык* – ‘агрессивный, участвующий в драках’, *золотник* – ‘фанат, сопровождавший команду на всех выездных матчах в сезоне’);

– прозвища игроков (*Дзюбиньо* – Артем Дзюба, игрок ФК «Локомотив», *Акина*, *Кони-феев* – Игорь Акинфеев, игрок ПФК ЦСКА, *Глушак* – Денис Глушаков, игрок ФК «Пари Нижний Новгород»).

Многие сленгизмы прошлых лет, актуальные и сегодня, эмотивно-оценочными коннотациями передают субкультурную идею превосходства «своих» (своего клуба, своей фанатской группировки) над «чужими» – клубом-соперником и его фанатами. Ср. «свои» названия клуба «Зенит»: *Зенитушка*, *Запитер* и «чужие»: *Бомжи*, *Мешки*, *Звенит*; «Крылья советов»: *Крылышки*, *Крылатые* и *Кры-Сы*, *Перья*, *Перья советов*; ПФК ЦСКА: *Кони*, *Конница* и *Конявые*, *Стойло* и т. п. Активизируются и новые сленгизмы, восполняющие лакуны в фондах экспрессивных средств номинации команд противника и одноименных фанатских группировок: шутливо-иронические и пренебрежительно окрашенные наименования образованы суффиксальными способами на базе официальных названий клубов или подобраны по созвучию: *Кубаноиды* (ФК «Кубань», игроки и фанаты этого клуба), *Хабарики* – (СКА-Хабаровск), *Сочни* (ФК «Сочи»), *Черти* (ФК «Чертаново») и др.: *Да не, ну брось ты, не будет чертей в вышке* (в премьер-лиге), *элементарно не потянут* (2020 г.); *С кубаноидами у РСМ* (ФК «Ростов»; РСМ – по прежнему названию клуба – «Ростсельмаш») *всегда вражда была* (2019 г.).

Редко появляющиеся новые коллективные прозвища команд с экстралингвистической этимологической историей, зафиксированные на форумах, проиллюстрируем сленгизмом *бакланы* (ФК «Зенит», игроки и фанаты этого клуба). Возникновение прозвища Д.Н. Фатеев связывает со словами вице-губернатора Санкт-Петербурга И. Албина, обвинившего птиц в порче крыши стадиона, который строился 10 лет: «Есть такая птица – баклан, которая своим мощным клювом разрушает цельность пленки». Отсюда – шутовое прозвище болельщиков «Зенита» и их новая кричалка (речевка): «Бакланы – сила!» [Фатеев, 2018, с. 23].

Обновление состава тематической группы прозвищ футболистов и тренеров определяется ротацией игроков и их наставников. Выходят из употребления прозвища футболистов, закончивших спортивную карьеру: *Игогошевич* – С. Игнашевич, *Огонёк* – Огнен Короман, *Булкин*, *Бутылкин* – Д. Булыкин, *Билиш* – Р. Билялетдинов, другие игроки переходят на тренерскую работу вместе со своими прозвищами: *Евсей* – В. Евсеев, бывший игрок ФК «Торпедо», «Арсенал», ныне главный тренер ФК «Факел»; *Тимоха*, *Щука* – А. Тимошук, бывший игрок, ныне член тренерского штаба ФК «Зенит», *Лось* – Д. Лоськов, бывший игрок, ныне член тренерского штаба ФК «Локомотив» и др.

«Новые имена» субкультуры также образуются на базе фамилий футболистов, тренеров, футбольных функционеров. Единичными примерами представлены такие оригинальные способы номинации, как контаминация: *Дзюба + терминатор* → *Дзюбинатор* (А. Дзюба, игрок ФК «Локомотив») и травестирование – пародирование иноязычных слов: так, трансформация фамилии А. Заболотного, игрока ЦСКА, приближает ее к португальскоязычной антропонимической модели, ср.: *Зе Луиш*, *Зе Роберто* → *ЗеБолотный: Золотой мяч Модрич не заслужил и Роналду тоже. Это мяч ЗеБолотного. Лучшие голы забивает ЗеБолотный* (2018 г.).

В большинстве же случаев новые сленговые антропонимы – это результат подбора прозвища по созвучию с фамилией (как уже отмечалось, такой прием языковой игры часто называют фонетической мимикрией). Осо-

бого комического эффекта номинаторы достигают, обыгрывая иноязычные фамилии: *Рибус* – М. Рыбус, игрок ФК «Спартак»; *Мелкий* – Г. Мелкадзе, игрок ФК «Сочи»; *Гайка*, *Гаечка* – М. Гайич, игрок ПФК ЦСКА; *Молоко* – Малком, игрок ФК «Зенит»; *Товарищ* – Т. Тавареш, игрок ФК «Спартак».

Мотивы такой игровой номинации определяются не только языковыми (созвучие), но и экстралингвистическими факторами. Так, испанский тренер Г. Абаскаль, недавно возглавивший «Спартак», помог команде быстро выйти на высокие позиции в первенстве страны, отсюда – шутивно-одобрительное прозвище *Обскакаль*, *Абскакаль*. Наоборот, черногорец М. Божович, тренер, поработавший со многими российскими командами и не добившийся успехов, которых обещал достичь, получает прозвище *Ей-божевич* с намеком клятвенные заверения, обещания.

Новым явлением спортивного медиапространства стали выступления футбольных экспертов, которые активно обсуждаются на фанатских интернет-форумах. Упоминающиеся ниже прозвища экспертов, образованные способом усечения фамилий (*Труш* – Р. Трущечкин, *Губер* – Д. Губерниев) или обыгранные по созвучию (*Шуткин* – В. Уткин, *Чердак* – Г. Черданцев), дополнили антропонимический состав сленга футбольных фанатов: *А еще порадовало, что Чердак подумал, что кони (фанаты ЦСКА) поддержали наш перф (перформанс). Либо он уже откровенно троллит, либо окончательно с ума сошел* (2019 г.); *Шуткин слишком долго варился в обществе себя любимого, а потом и «Эха Москвы»* (2019 г.); *Губер напоминает чела (человека) в компании, который для поддержания разговора о футболе лепит (говорит) тривиальные вещи, называет ворота «рамкой» чтобы показать, что он сечет фишку (разбирается в теме)* (2022 г.).

«Околофутбольными» событиями последних лет обусловлены и фразеологические трансформации: как *Мамаев прошел*; *Мамаеве коррише* – ‘о беспорядке где-л.’. В первом случае заменяется компонент *Мамай* → *Мамаев*, во втором – происходит переосмысление компонента *Мамаев* и контаминация: *Кокорин + побоще* (П. Мамаев, бывший игрок ПФК ЦСКА, ФК «Торпедо», «Краснодар» «Химки»), и А. Ко-

корин, выступавший за ФК «Динамо», «Зенит», «Спартак», ныне играющий в ФК «Арис» на Кипре, – скандально известные футболисты, в 2018 г. осужденные за хулиганство).

Технические инновации также нашли отражение в сленговой фразеологии, употребление которой не ограничивается субкультурной сферой: как *ВАРом обдало* – ‘о какой-л. неприятной неожиданности’ (переосмысление внутренней формы – ремотивация фразеологизма как *варом обдало*, когда *вар* интерпретируется как *ВАР* – система видеопомощи арбитрам (англ. VAR – Video Assistant Referee).

Динамические процессы в лексиконе фанатов обусловлены и меняющимися социокультурными условиями функционирования фан-движения. Так, оптимизация работы железнодорожного транспорта (новые конструкции вагонов, усиление контроля на транспорте, удорожание билетов с повышением комфортности поездок) осложнили безбилетный проезд фанатов на электричках и пригородных поездах на выездные матчи своей команды. В связи с этим субкультурный феномен «выезда» утратил такие компоненты и их наименования, как *лежать в гробу* – ‘прятаться от контролеров в закрытых багажных отсеках («гробах») под нижними полками’, *быть на седьмом небе* – ‘прятаться от контролеров на третьей багажной полке’ (переосмысление общеупотребительного фразеологизма). Образное название проезда на электричках к месту гостевого матча (*гонять собак*, где *собака* – сленговое название электрички) крайне редко встречается на интернет-форумах последних пяти лет. Клубы с большим бюджетом начали организовано вывозить своих фанатов на гостевые матчи на автобусах. Однако из *фан-басов* такие автобусы быстро превратились в *алкобасы*: *Транспортное средство было арендовано в Туле и, как говорят сами фанаты, представляло из себя «алкобас» – автобус, в котором не принято ехать трезвым* (2018 г.); *Между Тамбовом и Саранском, прочитал, что 400 км. Реально, как на игры ездить? Ну, самые алкобасеры поедут, человек 150–200, может, а остальные?* (2019 г.) Новыми реалиями «шизы» – активного поведения фанатов на стадионе – стали войны баннеров

(*тряпок*), в том числе изготовленных профессионально; их использование вместе с пиротехникой (*пиро*) превратилось в отдельные перформансы (*перфы*), в том числе за пределами стадионов. Ср. об этом на форумах – в лозунгах и инструкциях-идеологемах: *За наши флаги, за наше пиро!* (2020 г.); *Если сделал себе тряпку, будь добр за нее постоять!* (2021 г.)

Новые сленговые единицы футбольных фанатов быстро получают широкую известность в силу единого для них предметного поля субкультуры. Наиболее подвижным тематическим фрагментом лексикона футбольных фанатов является состав антропонимов – прозвищ футболистов, спортивная карьера которых непродолжительна, а ротация приносит новые имена кумиров, подвергающиеся сленговой обработке.

Изменение социокультурных условий функционирования субкультуры и технические инновации оказывают определенное влияние на деятельность футбольных фанатов и также, хотя и в меньшей степени, способствуют обновлению их лексикона.

Пополнение сленгового лексического состава осуществляется в основном за счет использования исконного языкового материала с преобладанием способов игровой номинации.

Сленг музыкальных субкультур (хип-хоп, кейноп)

Динамику лексикона субкультуры хип-хоперов проследим по материалам форума <https://www.hip-hop.ru/> – основного сайта о хип-хоп культуре в Рунете, отметив наименования, не зафиксированные ранее в словарях молодежных субкультур [Андреев, 2009; Никитина, 2013, с. 552–554].

Как известно, важным в хип-хоп культуре является танец (локинг, брейкданс, брейкинг, си-волк). Брейкданс – одно из основных ее направлений. Достаточно сказать, что Международный олимпийский комитет включил соревнования по брейкдансу в программу летних Олимпийских игр 2024 г. в Париже. Терминология брейкданса (в том числе и сленговая) достаточно стабильна. Тем не менее происходит пополнение ее лексикона, обуслов-

ленное социокультурными и лингвистическими факторами.

Так, эволюция стилей танца приводит к появлению новых наименований. В субкультурной среде хорошо известен *робот* (англ. *Robot Dance*) – один из стилей верхнего брейкданса, который представляет собой имитацию движений робота. Принципом стиля является «изоляция», то есть фиксация отдельных фаз движений. Считается, что именно с этого направления начался брейкданс в России. Позже появляются новые разновидности этого стиля. Например, *кукла* – стиль, в котором движения танцора напоминают движения куклы-марионетки, резкие и быстрые (отсюда – исходное название стиля *Puppet* ‘марионетка’, заимствованное из английского языка). Мастера брейкданса советуют начинающим танцорам: *Кукла – ты двигаешься в танце, как будто к рукам и ногам привязаны веревочки и тобой кто-то управляет* (2018 г.) Очень похож на куклу и стиль *тоймен* (англ. *Toutan* – ‘человек-игрушка’), когда танцоры изображают игрушки Major Matt Mason или G.I. Joe: ноги и руки должны быть выпрямлены, а суставы четко сгибаться: *Тоймэн – движения как у игрушечного классического американского солдата* (2021 г.); *Пугало* (англ. *Scarecrow*, на форумах встречается и в англоязычном написании) – особая разновидность танца «робот», с характерными движениями: ноги хаотично болтаются и встряхиваются, руки либо расслабленно висят вдоль туловища, либо резко вытягиваются в стороны: *Scarecrow – подражание движениям пугало, те самые соломенные страшилы на кукурузных полях в Америке – прямые локти, корпус и т. д.* (2022 г.). *Скелет* (англ. *Skeleton*) тоже разновидность «робота»: *Одновременно делается сразу несколько движений (например: рука, голова, торс и ноги), причем совершенно не параллельно, а как бы сами по себе* (2020 г.); *Скелет танцуется – как бы двигался скелет, либо с биологической точки зрения, либо как в фильмах ужасов* (2022 г.).

Появляются новые элементы и в экипировке брейкдансера – некоторые из них получают сленговые наименования. Например, *хедспинка* – шапочка, которую надевают во время исполнения трюка *хедспин* (*Head*

spin – вращение на голове): *В наличии большое разнообразие хедспинок как детских так и взрослых!* (2022 г.).

Медленно, но все же идет русификация наименований элементов брейкданса. Уже известны брейкданс-термины *гелик*, *бочка*, *дорожка* [Никитина, 2013, с. 554]. В последние годы появились новые сленговые обозначения этой категории. Например, элемент *2000* (*two thousand*) стал именоваться *двухтысячная* (форма женского рода отражает морфологическую составляющую родового понятия – *свечка*), для наименования элемента *хав-бэк* (похож на мостик, но ноги не касаются пола) танцоры все чаще используют частично калькированное *полубэк*.

Поскольку брейкданс сейчас весьма популярен (и явно не относится к андеграунду), некоторые представители молодежи пытаются осваивать другие направления уличного танца, что отражено в развитии лексики рассматриваемой субкультуры. Появляются новые наименования стилей и исполнителей. *Си-волк*, *сиволк* (*C-Walk*) – стиль современного уличного танца, основанный на работе стоп. Наличие в России представителей этого субкультурного направления – *си-волкеров*, судя по материалам форума, пока дискутируется: – *Что думаете? Есть ли в России сиволкеры? Если есть, пишите, а пока я выложу свое видео!* Ответ: *Сто процентов сиволкеры есть, хотя я из Украины, но на моем сайте, посвященном си-волку, уже около 30 пользователей из России, а они еще своих друзей учат, так си-волк в России развивается.* И еще один ответ: *Даа, если б у нас научились сиволк плясать, это было бы очень хорошо* (2020 г.).

Еще один стиль (*локинг*) тоже начинают осваивать русские танцоры (*локеры*) вместе с адаптацией англоязычных субкультурных терминов, о чем свидетельствуют разъяснения на форуме: *базовые элементы локинга – это lock (английское «запирать») и «point» («точка»).* *Сочетание лока и поинта создает основу танца: исполняются оригинальные движения и резко фиксируется положение тела* (2022 г.).

Интенсивное пополнение молодежного лексики происходит за счет освоения российской молодежью новых для нее субкуль-

тур. Одна из них базируется на жанре современной музыки, который сформировался в Южной Корее (*K-pop*, *кейпоп*, *кей-поп*; от англ. *Korean pop*, *K-pop*) и включает в себе элементы таких стилей, как брейкданс, современный ритм-н-блюз и др. В настоящее время кейпоп очень популярен (в том числе и в России), вокруг него формируется субкультура *кейпоперов* или *к-поперов*, фанатов этого музыкального жанра, со всеми присущими субкультуре атрибутами: культом кумиров, стилем одежды, внешности, поведения: *К-попер это человек, который слушает к-поп, смотрит корейские дорамы и является членом фандома какой-то южно-корейской группы («BIGBANG», «BTS», «GOT7», «EXO» и др.) – читаем на форуме <https://aminoapps.com/c/k-pop-rus/home/>. Кейпоперы это одна большая и очень сплоченная семья! Возраст самый разный. Большинство кейпоперов – это подростки, но среди фанатов к-поп есть много тех, кому далеко за 35 (2020 г.)*

Адаптацию сленгового лексикона этой новой субкультуры отражают зафиксированные на сайтах кейпоперов (<https://koreahello.ru/forums/forum/k-pop/>; <https://kpop-social.com/forums/>; <https://topkpop.ru/>; <https://unnie.ru/> и др.) наименования фанатов определенных музыкальных групп: *арми* (мн. ч.) (от англ. *army*) – фанаты корейского бойз-бенда «BTS», *эри* (мн. ч.) – фанаты китайско-корейской группы «EXO». Поклонников, которые преследуют своих кумиров, вторгаясь в их частную жизнь, фанаты резко осуждают и называют *сасэнами* (морфологически адаптированный неологизм корейского языка, созданный специально для обозначения этой категории фанатов). Слово *фанючка* (собственно русское образование – вероятно, контаминация: *фанат* + *вонючка*) называет девочек-фанаток, которые слепо верят в то, что в конечном итоге выйдут замуж за своего кумира. Некоторые фанаты не столько любят своих кумиров, сколько не любят других артистов (одно из базовых субкультурных противопоставлений: «свой – чужой»), таких кейпоперов называют *анти*.

Отдельная группа слов – наименования кумиров: *айдол* (англ. *idol*) – ‘кумир’, *биас* (вероятно, связано с англ. *bias* ‘пристрастие’),

которое означает любимчика, того члена музыкальной группы, которому отдается предпочтение.

В лексиконе кейпоперов представлены традиционные для корейской культуры специфические наименования членов музыкальных групп по возрасту, не имеющие аналогов ни в английском, ни в русском языках: *хён* – ‘член группы, который старше кого-то другого’, *макнэ* – ‘самый младший участник группы’, *онни* – ‘девушка, которая старше другой девушки’, *нуна* – ‘девушка, которая старше парня’ и др.

Спецификой языка кейпоперов является также наличие в нем частотных корейских слов (как в субкультуре аниме – японских). К-попер должен знать, как минимум, слова: *айш* – выражение раздражения, досады (‘черт!’), *кумао* – ‘спасибо’, *саранхэ* – ‘я тебя люблю’.

Таким образом, лексическое наполнение субкультурных интернет-форумов позволяет сделать вывод о том, что в музыкальных субкультурах корпоративная творческая идея определяет эволюцию музыкальных жанров и исполнительских стилей, стимулирует развитие новых видов творческой деятельности и появление новых продуктов такой деятельности, требующих новых наименований.

Материалы интернет-коммуникации представителей рассмотренных музыкальных субкультур отражают процессы активного обогащения молодежного лексикона при заимствовании и освоении новых западных и восточных субкультурных реалий и продуктивность таких способов адаптации иноязычных сленгизмов, как транслитерация, калькирование, аффиксальная русификация иноязычной основы.

Заключение

Как показали результаты анализа материала, новые сленгизмы студентов, футбольных фанатов и представителей музыкальных субкультур четко распределяются по традиционным тематическим доминантам лексикона молодежи субкультур. Наиболее широко представлена новыми сленгизмами тема «Носитель субкультуры» (наименования студентов по их специальностям, футбольных

фанатов по клубной принадлежности, исполнителей брейкданса по практикуемым стилям танца, фанатов кейпопа по их субкультурно значимым признакам, роли в фанатской группировке). Преобладание сленгизмов кейпоперов в данной тематической сфере объясняется быстрым и широким распространением данной субкультуры в России. Тематическая доминанта «Предмет восхищения, поклонения» свойственна лексикону «кумироцентрических» фанатских субкультур (музыкальных, спортивно ориентированных). Здесь по количеству лексических инноваций кейпоперы уступают субкультуре футбольных фанатов, у которых состав кумиров более подвижен. К тематической доминанте «Объекты деятельности носителей субкультуры» можно отнести сленговые наименования новых осваиваемых студентами дисциплин, новых стилей и элементов танца у брейкдансеров, которые дополнили свой лексикон в большем объеме, чем студенты.

Социокультурные факторы, обусловившие обновление лексикона музыкальных субкультур, – это музыкальная мода и возможности ее быстрого распространения посредством межкультурной коммуникации в Интернете. Динамику лексикона футбольных фанатов определяют такие объективные факторы, как преобразования в судейском обеспечении матчей, во взаимодействии футбольных клубов с фанатскими группировками и естественная ротация игроков в зависимости от их возраста, качества игры и т. п. В обновлении студенческого сленгового лексикона важную роль сыграли преобразования в системе высшего образования, изменения в учебных программах вузов, связанные с потребностями рынка труда, внедрение информационных технологий и дистанционных форм обучения.

При создании новых номинативных единиц носители студенческого сленга и футбольные фанаты используют исконные языковые ресурсы, применяя способы универбации, аббревиации, суффиксального словообразования. Новые сленгизмы музыкальных субкультур – это в большинстве своем лексические заимствования, пришедшие в русскоязычный молодежный социум вместе с заимствованной субкультурой. Способы адаптации таких сленгизмов – транслитерация, калькирование,

приспособление к морфологической системе русского языка. Стремление номинаторов реализовать свой лингвокреативный потенциал, достичь комического эффекта в акте номинации в соответствии с общей тенденцией к карнавализации речи проявляется в трансформациях фразеологизмов и создании шуточных лексических номинаций с использованием приема фонетической мимикрии. Таким образом, наряду с объективными социокультурными факторами, определяющими динамику субкультурного сленгового лексикона, важную роль в его обновлении играет установка языкового сознания молодежи на лингвокреативную деятельность. Сленговые лексические и фразеологические продукты такой деятельности апробируются и распространяются в процессе интернет-коммуникации. Активизация игровых способов пополнения сленгового лексикона является очевидной тенденцией, характерной для молодежных субкультур.

Лексикон молодежных интернет-форумов и чатов может стать ценным материалом для исследования динамических процессов в сфере молодежного сленга, а результаты таких исследований могут быть востребованы жаргонологами, лингвокультурологами, социолингвистами, разрабатывающими проблемы языка молодежи в современном социокультурном контексте, выявляющими мировоззренческие установки, ценностные ориентации представителей субкультур. В лексикографической практике результаты исследования новых молодежных сленгизмов, функционирующих в интернет-коммуникации, будут полезны при конструировании и воплощении параметрических моделей описания лексических и фразеологических инноваций. При решении этой задачи как лексикографической перспективы нашего исследования будут привлечены охарактеризованные выше единицы сленга студентов, футбольных фанатов и представителей музыкальных субкультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. К., 2009. Лексикон молодежных субкультур. Опыт словаря. Псков : Логос. 332 с.
Арсаханова М. А. Х., Вахаева А. М., 2020. Особенности перевода молодежного сленга с немецкого языка на русский // Известия Чеченско-

- го государственного университета. № 1 (17). С. 76–79. DOI: 10.36684/12-2020-17-1-76-79
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., 2005. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. М.: АСТ. 360 с.
- Галеева Н. В., 2016. Молодежные субкультуры в современном социокультурном пространстве // Вестник педагогических инноваций. № 4 (44). С. 105–111.
- Гордиенко Д. Я., Камалов А. В., 2021. Молодежный сленг как фактор в формировании индивидуальной идентичности в век цифровизации и глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 2 (117). С. 51–55. DOI: 10.18522/1997-2377-2021-117-2-51-55
- Горюнов П. Ю., 2014. Генезис и динамика развития футбольного хулиганства (на примере Англии и России) // Известия высших учебных заведений. № 2. С. 41–44.
- Грунина Ю. А., Терентьева Е. Д., 2021. Особенности перевода молодежного сленга с испанского языка на русский (на примере современных испанских сериалов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14, № 4. С. 1295–1299. DOI: 10.30853/phil210160
- Дмитриева С. О., 2022а. Динамика молодежного лексикона (на материале субкультуры панков) // Ученые записки Новгородского государственного университета. № 5 (44). С. 542–545. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).542-545
- Дмитриева С. О., 2022б. Динамика молодежного лексикона на примере готической субкультуры в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (169). С. 170–176.
- Дмитриева С. О., 2022в. Динамика молодежного лексикона: сленговое наследие хиппи (на материале заимствований) // Успехи гуманитарных наук. № 11. С. 205–211.
- Ерофеева Е. В., 2018. Типология субкультур: деятельность и коммуникация // Филологические заметки. Т. 2, № 16. С. 163–171.
- Каркаева М. А., 2018. Эволюция в деривации молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3-1 (81). С. 105–107.
- Кубаева О. В., 2021. Употребление англицизмов в русском молодежном сленге // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 205–211. DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51600
- Кунафина Г. А., 2017. Молодежный сленг как неотъемлемое явление современных субкультур // Научный альманах. № 10-3. С. 184–187.
- Милёшина Л. В., 2021. Особенности молодежного сленга в речи современного школьника // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 10, № 1 (34). С. 365–368. DOI: 10.26140/bgj3-2021-1001-0087
- Никитина Т. Г., 2013. Ключевые концепты молодежной культуры. СПб.: Дмитрий Буланин. 864 с.
- Никитина Т. Г., 2016. Между русским «тусовочным» и русским литературным: к вопросу о репрезентации разговорной речи и молодежного сленга в иноязычной аудитории // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 3 (107). С. 117–121.
- Никитина Т. Г., 2018. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. Т. 15, № 2. С. 180–193. DOI: 10.15826/vopg_onom.2018.15.2.020
- Петрова Ю. А., Самарская С. В., 2020. Особенности сленга и его функционирования в современных молодежных субкультурах // Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 65–74. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-65-74
- Петрухина Е. В., Дедова О. В., 2019. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 57. С. 137–159. DOI: 10.17223/19986645/57/8.
- Фатеев Д. Н., 2018. Речевая номинация футбольных коллективов Москвы и Санкт-Петербурга в кричалках болельщиков и СМИ (Часть I. ФК «Динамо», ФК «Зенит», ФК «Локомотив») // Казанская наука. № 4. С. 22–24.
- Цибизова О. В., Галанкина И. И., 2021. Англицизмы в молодежном сленге 2020–2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 3. С. 684–698. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698
- Шипилова И. А., 2019. Характерные особенности жаргона студентов педагогических вузов // СТРИЖ: электрон. журн. № 6. С. 79–81. URL: <http://www.strizh-vspu.ru/avtor/651>
- Яфальян А. Ф., 2017. Возникновение и развитие молодежных субкультур: от вагантов до современных студентов // Педагогика. № 5. С. 41–48.

REFERENCES

- Andreev V.K., 2009. *Leksikon molodezhnykh subkultur. Opyt slovarya* [Lexicon of Youth Subcultures. Dictionary Experience]. Pskov, Logos Publ. 332 p.
- Arsakhanova M.A.Kh., Vakhaeva A.M., 2020. *Osobnosti perevoda molodezhnogo slenga s nemetskogo yazyka na russkiy* [Features of the Translation of Youth Slang from German into Russian]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the

- Chechen State University], no. 1 (17), pp. 76-79. DOI: 10.36684/12-2020-17-1-76-79
- Valter Kh., Mokienko V.M., Nikitina T.G., 2005. *Tolkovyy slovar russkogo shkolo i studencheskogo zhargona* [Explanatory Dictionary of Russian School and Student Jargon]. Moscow, AST Publ. 360p.
- Galeeva N.V., 2016. Molodezhnye subkultury v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve [Youth Subcultures in the Modern Socio-Cultural Space]. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy* [Journal of Pedagogical Innovations], no. 4 (44), pp. 105-111.
- Gordienko D.Ya., Kamalov A.V., 2021. Molodezhnyy sleng kak faktor v formirovaniy individualnoy identichnosti v vek tsifrovizatsii i globalizatsii [Youth Slang as a Factor of Individual Identity Formation in Digital and Globalized Age]. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], no. 2 (117), pp. 51-55. DOI: 10.18522/1997-2377-2021-117-2-51-55
- Goryunov P.Yu., 2014. Genezis i dinamika razvitiya futbolnogo khuliganizma (na primere Anglii i Rossii) [Genesis and Dynamics of Football Hooliganism (On the Example of England and Russia)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Bulletin of Higher Educational Institutions], no. 2, pp. 41-44.
- Grunina Yu.A., Terentyeva E.D., 2021. Osobennosti perevoda molodezhnogo slenga s ispanskogo yazyka na russkiy (na primere sovremennykh ispanskiykh serialov) [Peculiarities of Translating Youth Slang from Spanish into Russian (By the Material of the Modern Spanish Serials)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], vol. 14, no. 4, pp. 1295-1299. DOI: 10.30853/phil210160
- Dmitrieva S.O., 2022a. Dinamika molodezhnogo leksikona (na materiale subkultury pankov) [The Dynamics of the Youth Lexicon on the Example of Punk Subculture in Russia]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], no. 5 (44), pp. 542-545. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).542-545
- Dmitrieva S.O., 2022b. Dinamika molodezhnogo leksikona na primere goticheskoy subkultury v Rossii [Dynamics of the Youth Lexicon on the Example of the Gothic Subculture in Russia]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (169), pp. 170-176.
- Dmitrieva S.O., 2022v. Dinamika molodezhnogo leksikona: slengovoe nasledie khippi (na materiale zaimstvovaniy) [Dynamics of the Youth Lexicon: The Slang Heritage of Hippies (Based on Borrowings)]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Successes], no. 11, pp. 205-211.
- Erofeeva E.V., 2018. Tipologiya subkultur: deyatelnost i kommunikatsiya [Typology of Subcultures: Activity and Communication]. *Filologicheskie zametki* [Philological Notes], vol. 2, no. 16, pp. 163-171.
- Karkaeva M.A., 2018. Evolyutsiya v derivatsii molodezhnogo slenga [Evolution in the Derivation of Youth Slang]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], no. 3-1 (81), pp. 105-107.
- Kubaeva O.V., 2021. Upotreblenie anglitsizmov v russkom molodezhnom slenge [The Usage of Anglicisms in Russian Youth Slang]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social-Humanitarian Knowledge], no 3, pp. 205-211. DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51600
- Kunafina G.A., 2017. Molodezhnyy sleng kak neotyemlemoe yavlenie sovremennykh subkultur [Youth Slang as an Integral Phenomenon of Modern Subcultures]. *Nauchnyy almanakh* [Scientific Almanac], no. 10-3, pp. 184-187.
- Mileshina L.V., 2021. Osobennosti molodezhnogo slenga v rechi sovremennogo shkolnika [Youth Slang in the Speech of a Modern Student]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], vol. 10, no. 1 (34), pp. 365-368. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1001-0087
- Nikitina T.G., 2013. *Klyuchevye kontsepty molodezhnoy kultury* [Key Concepts of Youth Culture]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 864 p.
- Nikitina T.G., 2016. Mezhdru russkim «tusovochnym» i russkim literaturnym: k voprosu o reprezentatsii razgovornoy rechi i molodezhnogo slenga v inoyazychnoy auditorii [Between Russian Slang and the Russian Literary Language: On the Question of the Representation of Colloquial Speech and Youth Slang in Foreign Students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], no. 3 (107), pp. 117-121.
- Nikitina T.G., 2018. Toponimicheskoe prostranstvo goroda: «kulturnye sloi» v leksikograficheskom otobrazhenii [The Urban Toponymic Space: “Cultural Layers” from the Lexicographic Perspective]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 15, no. 2, pp. 180-193. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Petrova Yu.A., Samarskaya S.V., 2020. Osobennosti slenga i ego funktsionirovaniya v sovremennykh molodezhnykh subkulturakh [Features of Slang and Its Functioning in Modern Youth

- Subcultures]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Humanities and Social Sciences], no. 2, pp. 65-74. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-65-74
- Petrukhina E.V., Dedova O.V., 2019. Internet kak istochnik lingvisticheskoy informatsii (dlya izucheniya dinamiki russkogo slovoobrazovaniya) [The Internet as a Source of Linguistic Information (For Studying the Dynamics of Russian Word Formation)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], no. 57, pp. 137-159. DOI: 10.17223/19986645/57/8
- Fateev D.N., 2018. Rechevaya nominatsiya futbolnykh kollektivov Moskvy i Sankt-Peterburga v krichalkakh bolelshchikov i SMI (Chast I. FK «Dinamo», FK «Zenit», FK «Lokomotiv») [Speech Nomination of Football Teams of Moscow and St. Petersburg in the Chants of Fans and the Media (Part 1. FC Dynamo, FC Zenit, FC Lokomotiv)]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], no. 4, pp. 22-24.
- Tsibizova O.V., Galankina I.I., 2021. Anglitsizmy v molodezhnom slenge 2020–2021 gg.: opyt opisaniya i analiza [Loan Words from English in Youth Slang 2020–2021: Evidence of Description and Analysis]. *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 12, no. 3, pp. 684-698. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698
- Shipilova I.A., 2019. Kharakternye osobennosti zhargona studentov pedagogicheskikh vuzov [Peculiarities of Student Jargon of Pedagogical Universities]. *STRIZH: elektron. zhurn.* [STRIZH. Electronic Journal], no. 6, pp. 79-81. URL: <http://www.strizh-vspu.ru/avtor/651>
- Yafalyan A.F., 2017. Vozniknovenie i razvitie molodezhnykh subkultur: ot vagantov do sovremennykh studentov [The Emergence and Development of Youth Subcultures: From Vagants to Modern Students]. *Pedagogika* [Pedagogy], no. 5, pp. 41-48.

Information About the Authors

Vadim K. Andreev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Communication and Russian as a Foreign Language, Pskov State University, Lenina Sq., 2, 180000 Pskov, Russia, v.k.andreev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9417-2211>

Sofia O. Dmitrieva, Assistant, Department of Philology, Communication and Russian as a Foreign Language, Pskov State University, Lenina Sq., 2, 180000 Pskov, Russia, kuznetsova_sonya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5488-1822>

Tatiana G. Nikitina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov State University, Lenin Sq., 2, 180000 Pskov, Russia, nikitina-tg2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

Информация об авторах

Вадим Константинович Андреев, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Россия, v.k.andreev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9417-2211>

Софья Олеговна Дмитриева, ассистент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Россия, kuznetsova_sonya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5488-1822>

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор кафедры образовательных технологий, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Россия, nikitina-tg2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.4>

UDC 811.161.1'282
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 27.09.2022
Accepted: 05.12.2022

FISHING VOCABULARY IN RUSSIAN SUBDIALECTS ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Elvira N. Akimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Tatiana I. Mochalova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The paper concerns the linguistic units that nominate objects, actions, concepts related to the process of fishing in Russian folk dialects that exist on the territory of Mordovia. The specificity of nominative processes associated with the fixation of a linguistically significant fact in the language is determined. The study is conducted on the material of the *Dictionary of Russian subdialects in the territory of the Republic of Mordovia*. It has been established that two main groups of names are actively used in Russian dialects: ichthyonyms, or different types of fish; various devices used for fishing. The largest group consists of ichthyonyms that name fish species. They show region fauna variability of aquatic representatives, point out the factors, which constitute the basis for their nomination, reveal the features of fish that are important in the dialect community. It has been determined that among the recorded numerous names of various fishing tackle used by a person in the process of fishing, fishing nets are the most diverse in the Russian dialects of Mordovia. The study has shown that different types of dialectisms can be distinguished in the composition of the fishing vocabulary, namely: the most common are proper lexical dialectisms, the roots of which have no correspondences in the national language, national words that have different meanings in a dialect system, referred to as lexico-semantic dialectisms, are also actively used. Most of the described words are unambiguous, but there are also solitary polysemantic lexemes. Derived meanings of a word in a dialect environment appear, as a rule, on the basis of an anthropomorphic or material metaphor.

Key words: dialect, vocabulary, semantics, ichthyonym, ethnocultural, nomination, linguaculturology.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Fishing Vocabulary in Russian Subdialects on the Territory of the Republic of Mordovia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 49-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.4>

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 27.09.2022

Дата принятия статьи: 05.12.2022

РЫБОЛОВЕЦКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия

Аннотация. В работе охарактеризованы языковые единицы, номинирующие предметы, действия, понятия, относящиеся к процессу рыбной ловли, в русских народных говорах, бытующих на территории Мордовии. Описана специфика номинативных процессов, связанных с фиксацией в языке значимого в лингвокультурном плане факта. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Установлено, что в русских говорах активно употребляются лексические единицы двух групп наименований: видов рыб (ихтионимы) и приспособлений для рыбной ловли. Выявлено, что самую большую группу составляют ихтионимы, называющие конкретные виды рыб: они показывают, насколько разнообразны водные представители фауны региона, какие признаки положены в основу их номинации, какие особенности рыб важны в диалектном сообществе. Определено, что среди зафиксированных многочисленных наименований принадлежностей, используемых человеком в процессе рыбной ловли, наибольшим разнообразием в русских говорах Мордовии отличаются наименования рыболовных сетей. Исследование показало, что в составе рыболовецкой лексики можно выделить различные типы диалектизмов: наиболее распространены собственно лексические диалектизмы, корневые морфемы которых не имеют соответствий в общенародном языке, активно употребляются лексико-семантические диалектизмы – общенародные слова, имеющие в системе говора иное значение. Большая часть рассматриваемых слов – однозначные, полисемантические лексемы единичны. Производные значения у слова в диалектной среде формируются на основе антропоморфной или вещной метафоры.

Ключевые слова: диалект, лексика, семантика, ихтионим, этнокультурный, номинация, лингвокультурология.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Рыболовецкая лексика в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 49–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.4>

Введение

Республика Мордовия относится к числу финно-угорских регионов Поволжья, на территории которых имеются пресноводные реки и озера, распространены леса с различными породами деревьев, поля с плодородной почвой, что обусловило особенности организации трудовой и хозяйственной деятельности человека. Сельское население республики активно занималось земледелием и животноводством, важной составляющей жизни крестьян этой местности являлись также охота, рыболовство, сбор грибов, ягод, лекарственных растений. Все это составляло основу жизнедеятельности населения региона, обеспечивало пищей, было значимо для человека и отражалось в языке. Рыболовство, считающееся одним из древнейших промыслов, относится к числу не только основных видов деятельности, но и отдыха людей. В связи с этим в речи диалектоносителей Республики Мордовия представлена обширная группа слов, называющих различные виды рыб и приспособления для их ловли. Как отмечает И.В. Желябова, «рыболовецкая лексика, как и лексика охоты и скотоводства, составляет один из архаических пластов, так как рыболовство является од-

ним из древнейших промыслов человечества» [Желябова, 2010, с. 124].

Рыболовецкая лексика неоднократно становилась объектом лингвистических исследований и изучалась на материале языков разных типов: славянских, в том числе русского [Усачева, 2003], татарского [Бятикова, 2003], марийского [Пекшеева, 2011], удмуртского [Ракин, 2014] и др. Большой интерес у лингвистов вызывает рыболовецкая лексика в диалектах русского языка. Так, описаны терминологические словосочетания в лексике Волго-Каспийского региона [Копылова, 1969], рыболовецкая лексика нижегородских вадских говоров [Маринин, 2009], говоров камчадалов [Бархатова, 1979; Олесова, 2006], нарымского говора [Раков, 1985], говоров Кубани [Шестак, 2004] и др. Кроме того, исследователями были охарактеризованы и отдельные тематические группы диалектной рыболовецкой лексики: севернорусские названия рыб [Герд, 1970б], наименования рыболовной сети в донских казачьих говорах [Крапивина, 2009], рыбаков в районе Верховолжских озер [Меркулов, 1985], рыб в русских говорах Пермского края [Нечаева, 2013], наименований голавля в орловских говорах [Халюков, 2007], орудий лова в говорах Среднего Приимышья [Острецова, 1981],

орудий лова и их частей в лексике уральских казаков [Михеева, 1979] и др.

Внимание лингвистов привлекает также история формирования данного лексического пласта в условиях территориально ограниченного социума: возникновение печорских названий рыб [Герд, 1970а], формирование рыболовецкой терминологии Западной Сибири [Орестова, 1972], становление псковской рыболовецкой лексики в языке местных письменных памятников, изучавшееся на материале писцовых книг И.В. Дровина и Г.И. Морозова 1585–1587 гг. [Храмцова, 1967] и др. М.С. Крапивина апробировала мотивационный анализ наименований снастей в рыболовецкой лексике донских казаков [Крапивина, 2011].

На материале русских говоров на территории Республики Мордовия проводилось комплексное описание фразеологического корпуса [Акимова, Маслова, Мочалова, 2014; Человек и его мир..., 2015], в структурно-семантическом аспекте изучались зоонимы [Мочалова, 2010] и орнитонимы [Мочалова, 2018], в то же время специальное исследование, посвященное анализу рыболовецкой лексики, отсутствует. Цель данной работы – охарактеризовать в семантическом и лингвокультурологическом аспектах рыболовецкую лексику в русских говорах Мордовии.

Материал и методы

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы, номинирующие в территориально ограниченном социуме предметы, действия, понятия, относящиеся к процессу рыбной ловли. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ).

В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение и др.) и собственно лингвистические методы изучения языкового материала. Применялся описательный метод научного исследования для представления материала, извлеченного в результате сплошной выборки из СРГРМ; метод компонентного анализа языковых единиц при установлении системных связей между ними; метод контекстного анализа при вы-

яснении плана содержания рассматриваемых слов. В работе был использован метод лингвокультурологической интерпретации, позволяющий осуществлять анализ языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, социальной организации рассматриваемого сообщества.

Результаты и обсуждение

В составе рыболовецкой лексики, функционирующей на территории Республики Мордовия, можно выделить две основные группы: 1) наименования различных видов рыб – ихтионимы; 2) наименования разнообразных приспособлений, используемых для рыбной ловли. Охарактеризуем их.

Наименования рыб

В СРГРМ представлена небольшая группа слов, номинирующих рыб в зависимости от среды обитания, размера, времени улова, но безотносительно к конкретному виду. Так, единичными являются названия рыб по особенностям типичной среды обитания: *щербина* – ‘речная рыба’, *тинник* – ‘любая рыба, которая живет в иле’. *Фсякъ щирбинъ естъ в речки-тъ, токъ ни ловицъ. Висной щирбинъ к устью пайдёт* (Горяйновка, Кочкуровский район); *Я дайчи брідешком цэля вёдро тинникъф взял* (Киржемань, Большеигнатовский район). Существительное *калинка* обозначает любую мелкую рыбу, которая ловится во время цветения калины: *Калинку ни выбрасывэй, уху варить будим* (Инелейка, Большеигнатовский район).

Многочисленными являются наименования небольшой по размеру рыбы – рыбной мелочи: *секавь, гавша* в 1-м знач., *глушонка, мальгавка, секавка, секва, сигалетка* в 1-м знач., *синтева* в 1-м знач. *Синтёва – мелкъ рыбъ, милюзга. Брідинь вязать станиши, дельй ячэйки пькрупней, итьбы синтева ни пьпадалъсь* (Суподеевка, Ардатовский район); *Рыбы нет, адна сиква плавъит* (Каменный Брод, Ельниковский район). В говорах Мордовии представлены также наименования малька – маленькой рыбки, недавно вышедшей из икринки: *сигалетка* во 2-м знач., *синтева* во 2-м знач., *уклейка*: *К осини тут*

рыбь будит, вон сколь синтёвы-ти плавьт (Суподеевка, Ардатовский район).

В СРГРМ большую группу составляют ихтионимы, называющие конкретные виды рыб. Данные наименования показывают, насколько разнообразны водные представители фауны региона, какие факторы кладутся представителями территориально замкнутого социума в основу их номинации, какие особенности рыб важны в диалектном сообществе.

В СРГРМ представлено 11 наименований пескаря – представителя рода пескарей семейства карповых: *голец*, *жельманка*, *оголец* во 2-м знач., *пискун*, *сказоб*, *сказоба*, *сказобец*, *сказобка*, *склизман*, *скозырь*, *сопляк*. Эта небольшая рыба с узким удлинённым туловищем, которая достигает, как правило, длины не более 15 см и водится практически во всех водоёмах республики. Пескарь обитает на каменистом или песчаном дне: *На дне рики, пьт камнями много сказобьк* (Теньгушево, Теньгушевский район). Эта рыба являлась объектом любительского рыболовства: *Зафтрь пойдем гольцоф ловить. На удьчкки гольцы-ть луччи ловить* (Спасское, Большеигнатовский район). Как показывает иллюстративный материал, носители диалекта отмечают невысокую ценность данной рыбы: *Какая еть речькь, адне скъзабы в ней водюцъ* (Максимовка, Темниковский район); *С утра куда-ть у миня рьбитиишки ушли, искаль, искаль их и ни нашла. К вечеру толькь пришли, жыльманкьх принесли. Их спрашивью: «Зачем вам жыльманкитъ?» А ани: «Мы кошки нашъй принесли есть»* (Ефаево, Краснослободский район). В то же время пескаря употребляли в пищу – варили уху: *Внук мне нынчя склизманоф нълавил цэлу чяшку. А ис склизманоф самь слаткь уха пьлучяцъ* (Атемар, Лямбирский район).

В исследуемых говорах зафиксированы ихтионимы *долгосурка*, *линёк*, *менёк*, *ментюк* в 1-м знач., которые обозначают налима – популярную промысловую рыбу из семейства тресковых, являющуюся единственным пресноводным представителем этого вида. Налима в сельской местности как самостоятельно вылавливали, так и покупали в магазине: *В этих карягьх миньки водюцъ* (Кулишейка, Рузаевский район); *В магазин-*

ть наш линькоф привизли (Вярьвель, Атюрьевский район). В сельской местности считалось большой удачей поймать в реке налима, особенно крупного: *Каковь минтюка мы зьцыпили с Васькьй-ть – во!* (Петровка, Большеберезниковский район).

К числу разновидностей промысловой рыбы, обитающей на территории Мордовии, относится также плотва – рыба из семейства карповых, обитающая в пресной или полусоленой воде. Диалектные наименования *верховушка*, *пlostiца*, *плотушка*, *пlocатка*, *тарашка* в 1-м знач., *синтявка* со значением ‘*плотва*’ составляют ряд абсолютных синонимов. Иллюстративный материал подтверждает, что эта рыба была распространённой, ее местные жители ловили и употребляли в пищу: *А тарашки скокь былъ, и-и-и... И сётр, и тарашкь, и щукъ – фсиво вдовель* (Трофимовщина, Ромодановский район); *Мой сидел, сидел, а фсё адна синтяфкь клявалъ. В речьки-ть фсё синтяфкь дъ карасики* (Александровка, Лямбирский район); *Рьбяттишки вирхавушки нълавили* (Сак М, Тенг); *Приходи, жареными пlostiцъми нъкормлю* (Спасское, Большеигнатовский район).

Ихтионимы *берш*, *подуст* называют речную рыбу окунь семейства окуневых. *Бершы висной луччи ловюцъ, када толькь-толькь вада пьсвиглет* (Кулишейка, Рузаевский район). Диалектные наименования *оголец* в 1-м знач., *ментюк* в 3-м знач. называют мелкую рыбу голец, относящуюся к роду лучеперых рыб подсемейства лососевых: *Кака пагодъ яснъя, иш агальцы в рике рьзыгались* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район); *В нашъй рецки и сицас агальцоф пално* (Ивановка, Ромодановский район); *Глиди-кь, адных минтюкоф нълавил* (Муравлянка, Ельниковский район).

В СРГРМ зафиксированы единичные наименования отдельных разновидностей рыб, обитающих в водоёмах Мордовии: *глазан* во 2-м знач. – ‘рыба ери’, *ментюк* во 2-м знач., *ментюк* – ‘рыба стерлядь’, *красноглазка* – ‘рыба красноперка’, *2ротан* во 2-м знач. (*перен.*) – ‘рыба бычок’, *сомятина* – ‘большой сом’, *судок* – ‘рыба судак’, *сука* – ‘рыба вьюн’. Словарные материалы подтверждают, что данную рыбу местные жители ловили в разных районах республики и готовили уху или

другие блюда: *Надавнь гльзаноф хадил лавить. Малъ гльзаноф-ть, а есть. Биз гльзаноф уха някуснъя* (Надеждино, Ельниковский район); *Ф пруду минтюки тожь есть, больнь скусны* (Такушево, Теньгушевский район); *У нас и крьснагласки водюцъ. Мы ис крьснагласки уху варим* (Красный Яр, Теньгушевский район); *Сечас ни тебе судок, ни лешиа ни осталъсь в рекъх-ть* (Русские Дубровки, Атяшевский район); *Бываль тожь судок в рике вадилси* (Кайбичево, Дубёнский район).

Отдельные виды рыбы, которые не водятся в местных водоемах, сельские жители покупали или привозили из других регионов, например: *бублица – ‘рыба вобла’, гамза во 2-м знач. – ‘рыба хамса’. Бублицы сын ыз Астръхъни привёс. У нас бублицу штой-ть ни пръдают* (Кулишейка, Рузаевский район); *Гамзы купилъ, нъ капейку сто галоф. Хлебъ дъ гамзы купиши – вот ы весь абет* (Такушево, Теньгушевский район); *Фёклъ, ты ни слыхаль, правды што ль, ф къпирацью гамзу мъринувъную привизли?* (Ефаево, Краснослободский район).

Заметим, что рыба всегда была популярным продуктом в народной кулинарии, поэтому ее не только варили, жарили или запекали, но и употребляли в соленом и сушеном виде, что подтверждают такие наименования, как ¹колодка во 2-м знач. – ‘соленая рыба тарань’, ¹колодка в 3-м знач. – ‘сушеная вобла’. *К шурыку в Астръхънь паеду, чяво-чяво, а уш калотки какой-нибудь привизу* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район); *Калоткъ самъ дишовъ рыбъ была, иё фсе ели* (Еремеево, Лямбирский район).

Примыкают к этой группе ихтионимов наименования отдельных частей рыбы: ¹копейка – ‘отдельная пластинка рыбьей чешуи’, *остъ* – ‘тонкая, мелкая кость в рыбе’. *Капейки-ть у рыбы так и светюцъ* (Языкова Пятна, Инсарский район); *В язе, карпи многоъ ости. Остъ – этъ мелкъ кость, помимъ остъвъ рыбы. Ф ичуки остъ тожь тпадацъ* (Суподеевка, Ардатовский район).

Необходимо отметить, что в Республике Мордовия, кроме непосредственно разных видов рыбы, в отдельных водоемах был представлен речной моллюск – *калыпка, скарлякалка*: *Раншь у нас калыпкъми свиней кар-*

мили. В Мокшы калыпкъф многоъ (Новая Резеповка, Ковылкинский район).

Представленный в СРГРМ иллюстративный материал позволяет установить, что носители диалекта понимают территориальную ограниченность в употреблении данных наименований рыб, их локальный характер: *Гъварю: «Взвесь мне кило бершьф». А пръдафицицъ гъварит: «Нет таковь». Тут я дъгадалъсь, што окуня-ть па-нашьму нъзвала* (Кулишейка, Рузаевский район); *Пискарей съпляками мы ищё нъзывам* (Такушево, Теньгушевский район). Кроме того, диалектоносители отмечают отнесенность подобных наименований к пассивному составу говора, постепенному выходу из активного употребления: *Ф стърину фсе воблу калоткъми звали, а типерь каторы – вобль, вроди культурный так* (Малый Азясь, Ковылкинский район).

Названия рыболовных приспособлений

В СРГРМ зафиксированы многочисленные наименования различных принадлежностей, используемых человеком в процессе рыбной ловли: *Чем толькъ раншь рыбу ни лавили: и лукнами, и нирётъми, и йиринями, а сичяс удъчъкъй. Раншь мужыки ф прорупъ лукны паставют и уйдут, а утръм смотрют, паймалъсь иль нет* (Грачевник, Краснослободский район).

Большим разнообразием в русских говорах Мордовии отличаются рыболовные сети. Как отмечает М.С. Крапивина, «среди многочисленных рыболовных снастей, которые оказывались незаменимыми помощниками при ловле рыбы, сетная снасть являлась одной из самых востребованных и популярных» [Крапивина, 2009, с. 212]. На территории Мордовии использовались сети, различающиеся по своему устройству, назначению, размеру или форме. Диалектизмы *дель, накидушка* во 2-м знач., *острог, приловка, ремётка, черпало, ²шоха* обладают обобщенной семантикой и называют рыболовную сеть безотносительно к ее особенностям: *Рыбу у нас делью ловили и носили пръдавать* (Большая Пёстровка, Ичалковский район); *Пайдём прилофкъй рыбу лавить* (Аксёл, Темниковский район); *Нъкидушкъ – этъ сеть, ей рыбу ловим* (Сиалеевский Майдан, Инсарский район).

В исследуемых говорах, кроме того, можно выделить разнообразные наименования сетей, которые различались:

1) по размеру: *бредянка* в 1-м знач., *ремётка* – ‘небольшая сеть для рыбной ловли, бредень’, *рыболовка*, *охан* – ‘большая рыболовная сеть, невод’. В словарном иллюстративном материале содержится информация об устройстве этих сетей и особенностях их использования: *Охан нъподобии сети, побольшы бредня, ловют им ф чыстъм мести. Прицэпляют г двум лоткъм, а от лодък идут верёфки на берик, зь верёфки-ми шагают мужыки. Охан почти весь Алатырь захватывът. Он как брединь, с мотнѣй тожъ, токъ и мотня побולי, и крыльи* (Суподеевка, Ардатовский район);

2) по назначению: *лещевник* – ‘сеть для ловли лещей’. *Как нъпадѣцъ в лищевник-ть здаровых рыбыны чытыри, вот и хърашо* (Черемис, Ковылкинский район);

3) по размеру ячеек: *режа*, *режак* – ‘часть рыболовной сети с крупными ячейками’, *чапушка* – ‘рыболовная сеть с мелкой ячейей’. *Пайдѣм с рижой сходим на Мокшу* (Черемис, Ковылкинский район); *Рижак присадил нонъчи, рыбу лавить* (Вырыпаево, Ромодановский район); *Дет-ть мой бываль запустит чяпушку в речьку, фся мельчь в ниѣ нъпадацъ* (Сивинь, Краснослободский район);

4) по особенностям устройства: ¹*круг* в 1-м знач., ²*крыга* – ‘рыболовная сеть, натянутая на обод и прикрепленная к шесту’. *Вичѣр старик пашол нъ рику, цэлый крук рыбы припѣр, токъ мелкъ уш больнъ* (Кулишейка, Рузаевский район); *Рыбы-ть палны крыги нълавили. У Ваньки-ть многоъ крык-ть* (Полое, Ардатовский район).

На территории Республики Мордовия для рыбной ловли применялись также сложные конструкции. *Верша* – особый вид рыболовной снасти конусообразной формы – использовалась практически повсеместно. Это подтверждает многочисленный синонимический ряд *вентель* в 1-м знач., *вириша*, *ѣриш*, *ѣришня*, *кошѣлка* во 2-м знач., *кошотка* в 3-м знач., *мерѣга*, *мерѣт*, *мерѣта*, *мерето*, *нырѣт*, *нырѣта*, *нырѣто*, ¹*рукав* во 2-м знач., *сак* во 2-м знач., *сѣрпало*, *чеченька*, *шат* со значением ‘плетеная рыболовная снасть в ви-

де воронки, верша’. *Рукавом хърашо рыбу-ть в запрудѣх лавить* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район). Носители диалекта поясняют устройство данной конструкции: *Устройствъ мерѣты такая: два кольца, чотыри палки (тоньки их нъзывают), которы связывъют кольца, фсѣ этъ оптягъвъцъ сеткъй. Мерѣтми можнъ ловить рыбу круглый гот. Зимой их ставят ф прорупки, а летъм залес в болотных събогах ф калужыну дѣ поставил, аль с лотки* (Суподеевка, Ардатовский район); *Сак – этъ сеткъ с палкъй, куды рыбу зъганяют ботълъм* (Фѣдоровка, Большеберезниковский район).

Рыболовная снасть в виде корзины шарообразной формы с полукруглым отверстием, употребляющаяся для подледного лова рыбы, в говорах Мордовии называется *лукно* в 1-м знач., *катец*. *Ф катец ежли рыбъ зъплывѣт, то ей децъ некудъ* (Русское Давыдово, Кочкуровский район); *Зимой каццями ловют рыбу-ть* (Красный Яр, Теньгушевский район).

Диалектные наименования *крылан*, *крылѣна*, *крылѣнка* номинируют рыболовную снасть, состоящую из сети, натянутой на оброч, и двух расходящихся крыльев. Как отмечают носители диалекта, такие снасти использовали в разное время года, а наличие крыльев не позволяло рыбе выбраться из нее: *Крыланъм рыбу ловют и зимой, и летъм* (Шаверки, Краснослободский район); *Крылѣну обычнъ ставят ф какой-небуть протоки, штобы чыриз неѣ вода шла, а вмести с водой и рыбъ зъходилъ. А крыльи для тово, штобы эту протоку можнъ былъ пиригъродить* (Суподеевка, Ардатовский район); *Раставиш крылѣну – рыба зайдѣт, а ат-толь ни вылизит* (Русское Давыдово, Кочкуровский район); *Растяниш крылѣнку, к ку-стам зъщипиш и ждѣш* (Кочуново, Ромодановский район).

В исследуемых говорах зафиксированы и другие наименования рыболовных снастей: *медотка*, *недѣтка*, *недот* – ‘рыболовная снасть из редкого холста, сшитого в два полотнища’, *закидушка* – ‘рыболовная снасть: леса с грузилом, прикрепляемая к берегу колом’, *перетяг*, *перебой* – ‘рыболовная снасть, перемет’. *На леску грузик грам пиддисят нъдивам, а леску метрѣф сорѣк*

делъм – вот и зъкидушкъ (Медаево, Чамзинский район); Мядоткъ-тъ у нас чястъя, этъй в нашъй рике хърашо лавить (Дмитриев Усад, Атюрьевский район); Мы нидотъф много имем, рыбу-тъ лавить (Надеждино, Ельниковский район); Рыбу-тъ у нас нъ пиритяги ловют (Красный Яр, Теньгушевский район).

Кроме того, для рыбной ловли в крестьянской среде использовались и другие приспособления: ¹бот в 1-м знач., ботал во 2-м знач., боталка, погон в 1-м знач. – ‘шест с воронкой на конце, употребляющийся для загонна рыбы в сеть’, строга – ‘рыболовное орудие, острога’, заброска – ‘удочка с несколькими крючками и поплавком’, удильник – ‘удочка’. У нас нъ заброску рыбу-тъ ловют (Яковщина, Рузаевский район); Он с страгой пашол рыбу лавить (Алексеевка, Темниковский район); Бот нъ рыбалку-тъ ни забуть (Авгуры, Старошайговский район); Летъм народу много нъижжащяцъ, и рыбу удильникъми ловют (Новая Резеповка, Ковылкинский район).

Необходимо отметить наименования составных частей рыболовных снастей: *пожилина* – ‘тонкая крепкая (обычно капроновая или просмоленная суровая) нить, которой крепится полотно сети или бредня’, ²турурушка – ‘груз для погружения бредня’, *плавок* – ‘поплавок’. Иллюстративный материал содержит комментарии сельских жителей по поводу крепления и назначения этих элементов рыболовной снасти: У тибя сеть-тъ гатовъ? – Нъ пажылины ас-талъсь пъсадить. – Ну, давай мне пажылину, я тибе пмагу. У сети нъ адной пажылины пъплафки, а нъ другой – грузиль такя, штоб ана ни фсплываль (Грачевник, Краснослободский район); Пажылины крипиш к вирёфки и тады ставиш сеть. Я фсё этъ знаю – мужык рыбалоф был (Черемис, Ковылкинский район); Мой-тъ мужык буваль вазъмёт брединь и турурушку привяжът, штоп луччи пъгрузить яво (Черемис, Ковылкинский район).

В русских говорах на территории Мордовии к числу рыболовецкой лексики можно отнести отдельные наименования, не составляющие самостоятельные группы, подобно названиям различных видов рыб и рыболов-

ных снастей. Так, в СРГРМ зафиксированы имена существительные, называющие процесс рыбной ловли (*рыбацтво*), прорубь для лова рыбы (*майна*), питомник для рыбы (*питон*), а также название всех птиц, ловящих рыбу (*рыболов*). Например: *Како здесь рыбацтвъ можът быть? Рыбацтвъм у нас ни зънимаюцъ* (Сиалеевский Майдан, Инсарский район); *Вырубиш майну, туда крылѣну суѣш, а утръм рыбу вытъщиш* (Русское Давыдово, Кочкуровский район); *Прут-тъ этът питон нъзвацъцъ, мальки там разводют* (Медаево, Чамзинский район). *Нони и нъ рике рьбаловъф много* (Русские Найманы, Большеберезниковский район). Глагольные лексемы номинируют различные действия, совершаемые рыбами: *шелубонить* – ‘играть, плескаться (о рыбе)’, *тюкать* – ‘клевать (о рыбе)’. *Вон вдоль тово плафка рыбъ шълубонит* (Суподеевка, Ардатовский район); *Таишы, у тебя тюкът* (Пичеуры, Чамзинский район).

Как показало проведенное исследование, в составе рыболовецкой лексики можно выделить различные типы диалектизмов.

Наиболее распространены собственно лексические диалектизмы, корни которых не имеют соответствий в общенародном языке: *секавь, гавшиа* в 1-м знач. – ‘рыбная мелочь’, *жельманка, сказоб, скозырь* – ‘рыба пескарь’, *менѣк, ментюк* в 1-м знач. – ‘рыба налим’, *тарашка* в 1-м знач., *синтявка* – ‘рыба плотва’, *ремѣтка* – ‘небольшая сеть для рыбной ловли, бредень’, *охан* – ‘большая рыболовная сеть, невод’, ²*крыга* – ‘рыболовная сеть, натянутая на обод и прикрепленная к шесту’, *сак* во 2-м знач., *чеченька, шат* – ‘плетеная рыболовная снасть в виде воронки, верша’, ²*турурушка* – ‘груз для погружения бредня’ и др.

Распространены лексико-семантические диалектизмы – общенародные слова, имеющие в системе говора иное значение: *пискун, сопляк* – ‘рыба пескарь’, ¹*колодка* во 2-м знач. – ‘соленая рыба тарань’, в 3-м знач. – ‘сушеная вобла’, ¹*копейка* – ‘отдельная пластинка рыбьей чешуи’, ¹*круг* в 1-м знач. – ‘рыболовная сеть, натянутая на обод и прикрепленная к шесту’, *кошѣлка* во 2-м знач., ¹*рукав* во 2-м знач. – ‘плетеная рыболовная снасть в виде воронки, верша’, *рыболов* –

‘название всех птиц, ловящих рыбу’, *тюкать* – ‘клевать (о рыбе)’ и др.

Немногочисленны лексико-словообразовательные диалектизмы, отличающиеся от общенародных слов морфемным составом: *рыбацтво* – ‘рыболовство’, *плавок* – ‘поплавок’, *удильник* – ‘удочка’ и др. Единичными примерами представлены лексико-фонетические диалектизмы, отличающиеся от слов общенародного языка звуковой оболочкой: *строга* – ‘рыболовное орудие, острога’, *вириша*, *ершня* – ‘плетеная рыболовная снасть в виде воронки, верша’, *гамза* во 2-м знач. – ‘рыба хамса’, *судок* – ‘рыба судак’ и др.

Проведенное исследование и систематизация материалов СРГРМ показали, что в составе данной группы большая часть слов является однозначными (*ментюх* – ‘рыба стерлядь’, *красноглазка* – ‘рыба красноперка’ и др.), но есть и полисемантические языковые единицы. Производные значения у слова в диалектной среде возникают в результате переноса наименования с человека или какого-либо предмета на рыбу на основании внешнего сходства, ср.: *глазан* в 1-м знач. – ‘человек с большими глазами’, во 2-м знач. – ‘рыба ерш’, *ротан* в 1-м знач. – ‘крикливый человек’, во 2-м знач. (*перен.*) – ‘рыба бычок’, *колодка* в 1-м знач. – ‘деревянная подошва, прикреплявшаяся к лаптям в сырую погоду’, во 2-м знач. – ‘соленая рыба тарань’, в 3-м знач. – ‘сушеная вобла’ и др.

Заключение

Рыболовецкая лексика, функционирующая в русских говорах на территории Республики Мордовия, в силу объективных причин характеризуется семантическим разнообразием и развитой системой парадигматических отношений: представлены синонимичные наименования отдельных видов рыб и рыболовных снастей, немногочисленные омонимичные и антонимичные языковые единицы.

Лексемы, обозначающие в территориально ограниченном социуме предметы, действия, понятия, относящиеся к процессу рыбной ловли, демонстрируют специфику номинативных процессов, связанных с фиксацией в языке значимого в лингвокультурном плане факта.

Среди наименований различных видов рыб самую большую группу составляют ихтионимы, называющие конкретные виды рыб: они показывают, насколько разнообразны водные представители фауны региона, какие факторы кладутся в основу их номинации, какие особенности рыб важны в диалектном сообществе. В группе разнообразных приспособлений, используемых для рыбной ловли, наибольшим разнообразием в русских говорах Мордовии отличаются рыболовные сети.

В составе рыболовецкой лексики можно выделить различные типы диалектизмов: наиболее распространены собственно лексические диалектизмы, корневые морфемы которых не имеют соответствий в общенародном языке; активно употребляются лексико-семантические диалектизмы – общенародные слова, приобретающие в системе говора иное значение. В составе рыболовецкой лексики большую часть составляют однозначные слова, но зафиксированы и полисемантические образования как с прямым, так и с переносным значениями. Производные значения появляются, как правило, в результате антропоморфной или вещной метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., 2014. Этнолингвокультурологическая интерпретация бытовой и обрядовой фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д: Науч. сотрудничество. С. 73–99.
- Бархатова О. Т., 1979. Из наблюдений над рыболовецкой лексикой в русских поговорках камчадалов (статья первая) // Проблемы лексикологии, фразеологии сибирских говоров. Красноярск: Краснояр. ГПИ. С. 33–40.
- Бяतिकова О. Н., 2003. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 26 с.
- Герд А. С., 1970а. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Л.: Изд-во ЛГУ. Вып. 1. С. 108–117.
- Герд А. С., 1970б. Севернорусские названия рыб и некоторые вопросы этнической истории Русского Севера и Северо-Запада // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец: [б. и.]. С. 132–135.

- Желябова И. В., 2010. Рыболовецкая лексика в говоре казаков-некрасовцев // Вестник Ставропольского государственного университета. № 71. С. 124–129.
- Копылова Э. В., 1969. Терминологические словосочетания в рыболовецкой лексике Волго-Каспия // Вопросы теории и методики русского языка. Ульяновск : [б. и.]. С. 119–127.
- Крапивина М. С., 2009. Наименования рыболовной сети в донских казачьих говорах // Русское народное слово в языке и речи : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас-Саров : СГТ. С. 212–214.
- Крапивина М. С., 2011. Мотивация наименований снастей в рыболовецкой лексике донских казаков // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2011. СПб. : Наука. С. 165–170.
- Маринин А. В., 2009. Рыболовецкая лексика в нижегородских вадских говорах: наименования рыб // Русское народное слово в языке и речи : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас-Саров : СГТ. С. 255–261.
- Меркулов Н. Ю., 1985. Названия рыбаков в районе Верховолжских озер // Среднерусские говоры : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1985. 132 с.
- Михеева Н. В., 1979. Из рыболовецкой лексики уральских казаков (названия орудий лова и их частей) // Вопросы русской диалектологии : сб. науч. тр. Л. : Наука. С. 99–105.
- Мочалова Т. И., 2010. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2010. СПб. : Наука. С. 397–403.
- Мочалова Т. И., 2018. Лексика птицеводства в русских говорах на территории Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН. С. 313–320.
- Нечаева Л. С., 2013. ЛСГ «Наименования рыб» в русских говорах Пермского края // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2013. СПб. : Нестор-История. С. 441–457.
- Олесова Л. Г., 2006. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 21 с.
- Орестова Е. И., 1972. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил : [б. и.]. С. 86–97.
- Острецова Л. М., 1981. Тематическая группа «Орудия лова» в говорах Среднего Приимышья // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск : Изд-во КГУ. С. 130–138.
- Пекшеева Э. И., 2011. Основные принципы номинации марийских названий рыб // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. № 2. С. 330–332.
- Ракин А. Н., 2014. Лексика рыболовства в удмуртском языке // Финно-угорский мир. № 1. С. 29–34.
- Раков Г. А., 1985. Лексика ситуации «рыбная ловля» в Нарымском говоре // Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово : Изд-во Кемер. гос. ун-та. С. 105–110.
- Усачева В. В., 2003. Славянская ихтиологическая терминология : Принципы и способы номинации : обрат. слов. М. : Индрик. 352 с.
- Халюков Ю. В., 2007. Лексика орловских рыбаков : наименования голавля // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова : спец. вып. Т. 13. С. 89–91.
- Храмцова В. П., 1967. Псковская рыболовецкая лексика в языке местных письменных памятников (на материале писцовых книг И.В. Дровина и Г.И. Морозова. 1585–1587 гг.) // Герценовские чтения XX (3). Филологические науки : докл. межвуз. конф. Л. : Просвещение. Вып. 20. С. 112–114.
- Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии, 2015 / Э. Н. Акимова [и др.]. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 156 с.
- Шестак О. В., 2004. Словарь рыболовецкой лексики Кубани // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2001–2004. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН. С. 374–380.

СЛОВАРЬ

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. СПб. : Наука, 2013. Ч. 1. 672 с. ; Ч. 2. С. 673–1560.

REFERENCES

Akimova E.N., Maslova A.Yu., Mochalova T.I., 2014 Etnolingvokulturologicheskaya interpretatsiya bytovoy i obryadovoy frazeologii russkikh govorov Respubliki Mordoviya [Ethnical Linguistic and Culturological Interpretation of Everyday and Ritual Phraseology of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivnye vektory razvitiya filologii, lingvistiki, yazykoznaniya i kommunikativistiki. V 3 t. T. 1* [The Current State and Promising Vectors of

- Development of Philology, Linguistics and Communication Studies. In 3 Vols. Vol. 1]. Rostov-on-Don, Nauch. Sotrudnichestvo Publ., pp. 73-99.
- Barkhatova O.T., 1979. Iz nablyudeniya nad ryboloveckoy leksikoy v russkikh pogovorkakh kamchadalov (statya pervaya) [From the Observation of Fishing Vocabulary in Russian Sayings of Kamchadals (Article One)]. *Problemy leksikologii, frazeologii sibirskih govorov* [Problems of Lexicology, Phraseology of Siberian Dialects]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. GPI, pp. 33-40.
- Byatikova O.N., 2003 *Leksika rybolovstva v tatarskom literaturnom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Fishing Vocabulary in the Tatar Literary Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kazan, 2003. 26 p.
- Gerd A.S., 1970a. Iz istorii pechorskikh nazvanij ryb [From the History of Pechora Fish Names]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian Dialects]. Leningrad, Izd-vo LGU, iss. 1, pp. 108-117.
- Gerd A.S., 1970b. Severnorusskie nazvaniya ryb i nekotorye voprosy etnicheskoy istorii Russkogo Severa i Severo-zapada [Northern Russian Names of Fish and Some Questions of the Ethnic History of the Russian North and Northwest]. *Voprosy izucheniya severnorusskikh govorov i pamyatnikov pismennosti* [Issues of Studying North Russian Dialects and Written Monuments]. Cherepovets, s. n., pp. 132-135.
- Zhelyabova I.V., 2010. Ryboloveczkaya leksika v govore kazakov-nekrasovcev [Fishing Vocabulary in the Dialect of Nekrasov Cossacks]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], no. 71, pp. 124-129.
- Kopylova E.V., 1969. Terminologicheskie slovosochetaniya v ryboloveckoy leksike Volgo-Kaspiya [Terminological Phrases in the Fishing Vocabulary of the Volga-Caspian Region]. *Voprosy teorii i metodiki russkogo yazyka* [Questions of Theory and Methodology of the Russian Language]. Ulyanovsk, s. n., pp. 119-127.
- Krapivina M.S., 2009. Naimenovaniya rybolovnoy seti v donskikh kazachikh govorakh [Names of the Fishing Net in the Don Cossack Dialects]. Klimkova L.A., ed. *Russkoe narodnoe slovo v yazyke i rechi: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russian Folk Word in Language and Speech. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Arzamas-Sarov, SGT Publ., pp. 212-214.
- Krapivina M.S., 2011. Motivatsiya naimenovaniy snastey v ryboloveckoy leksike donskikh kazakov [Motivation of Gear Names in the Fishing Vocabulary of the Don Cossacks]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2011* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2011]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 165-170.
- Marinin A.V., 2009. Ryboloveckaya leksika v nizhegorodskikh vadskikh govorakh: naimenovaniya ryb [Fishing Vocabulary in Nizhny Novgorod Vad Dialects: Names of Fish]. Klimkova L.A., ed. *Russkoe narodnoe slovo v yazyke i rechi: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russian Folk Word in Language and Speech. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Arzamas-Sarov, SGT, pp. 255-261.
- Merkulov N.Yu., 1985. Nazvaniya rybakov v rayone Verkhovolzhsikh ozer [Names of Fishermen in the Region of the Verkhovolzhsy Lakes]. *Srednerusskie govory: sb. nauch. tr.* [Central Russian Dialects. Collection of Scientific Papers]. Kalinin, Izd-vo KGU. 132 p.
- Miheeva N.V., 1979. Iz ryboloveckoy leksiki uralskikh kazakov (nazvaniya orudiy lova i ikh chastey) [From the Fishing Vocabulary of the Ural Cossacks (Names of Fishing Gear and Their Parts)]. *Voprosy russkoy dialektologii: sb. nauch. tr.* [Questions of Russian Dialectology. Collection of Scientific Papers]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 99-105.
- Mochalova T.I., 2010. Naimenovaniya domashnikh zivotnykh v russkikh govorakh Respubliki Mordoviya [Names of Domestic Animals in Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2010]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 397-403.
- Mochalova T.I., 2018. Leksika pitsevodstva v russkikh govorakh na territorii Respubliki Mordoviya [Poultry Vocabulary in Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia]. Myznikov S.A., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2018* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2018]. Saint Petersburg, Izd-vo ILI RAN., pp. 313-320.
- Nechaeva L.S., 2013. LSG «Naimenovaniya ryb» v russkikh govorakh Permskogo kraya [“Names of Fish” in Russian Dialects of the Perm Region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2013*

- [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2013]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 441-457.
- Olesova L.G., 2006. *Ryboloveckaya leksika v govorakh kamchadalov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Fishing Vocabulary in the Dialects of Kamchadals. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yaroslavl. 21 p.
- Orestova E.I., 1972. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири [On the History of the Formation of Fishing Terminology in Western Siberia]. *Govory Urala i Zapadnoy Sibiri* [Speak the Urals and Western Siberia]. Nizhny Tagil, s. n., pp. 86-97.
- Ostrecova L.M., 1981. Тематическая группа «Орудия лова» в говорах Среднего Приимышья [Thematic Group “Fishing Tools” in the Dialects of the Middle Imish Region]. *Materialy i issledovaniya po sibirskoy dialektologii* [Materials and Research on Siberian Dialectology]. Krasnoyarsk, Izd-vo KGU, pp. 130-138.
- Peksheeva E.I., 2011. Osnovnye printsipy nominatsii mariyskikh nazvaniy ryb [Basic Principles of the Nomination of Mari Fish Names]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian Sciences], no. 2, pp. 330-332.
- Rakin A.N., 2014. Leksika rybolovstva v udmurtskom yazyke [Vocabulary of Fishing in the Udmurt Language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], no. 1, pp. 29-34.
- Rakov G.A., 1985. Leksika situatsii «rybnaya lovlya» v Narymskom govore [Vocabulary of the Situation “Fishing” in the Narym Dialect]. *Leksika i frazeologiya govorov territoriy pozdnego zaseleniya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Vocabulary and Phraseology of the Dialects of the Territories of Late Settlement. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Kemerovo, Izd-vo Kemer. gos. un-ta, pp. 105-110.
- Usacheva V.V., 2003. *Slavyanskaya ikhtiologicheskaya terminologiya: Printsipy i sposoby nominatsii: obrat. slov.* [Slavic Ichthyological Terminology. Principles and Methods of Nomination. Reverse Dictionary]. Moscow, Indrik Publ., 352 p.
- Halyukov Yu.V., 2007. Leksika orlovskikh rybakov: naimenovaniya golavlya [Vocabulary of Oryol Fishermen: Names of Chub]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova: spets. vyp.* [Vestnik of Kostroma State University. Special Iss.], vol. 13, pp. 89-91.
- Hramcova V.P., 1967. Pskovskaya rybolovetskaya leksika v yazyke mestnykh pismennykh pamyatnikov (na materiale pistsovoy knigi I.V. Drovina i G.I. Morozova. 1585–1587 gg.) [Pskov Fishing Lexicon in the Language of Local Written Monuments (Based on the Cadastral Book of I.V. Drovina and G.I. Morozov, 1585–1587)]. *Gertsenovskie chteniya XX (3). Filologicheskie nauki: dokl. mezhvuz. konf.* [Herzen Readings. Philological Sciences. Reports of the Interuniversity Conference], iss. 20. Leningrad, Prosveshchenie Publ., pp. 112-114.
- Akimova E.N., Maslova A.Yu., Mochalova T.I., Ershova N.I., Denisova L.N., 2015. *Chelovek i ego mir v dialektnoy frazeologii russkikh govorov Mordovii* [Man and His World in the Dialect Phraseology of Russian Dialects of Mordovia]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta. 156 p.
- Shestak O.V., 2004. Slovar rybolovetskoj leksiki Kubani [Dictionary of Fishing Vocabulary of the Kuban]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2001-2004* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2004]. Saint Petersburg, Izd-vo ILIRAN, pp. 374-380.

DICTIONARY

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya: v 2 ch. [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, pt. 1. 672 p.; pt. 2, pp. 673-1560.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross-Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St, 68/1, 430005 Saransk, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St, 68/1, 430005 Saransk, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.5>

UDC 81'255.2
LBC 81.18

Submitted: 10.06.2022
Accepted: 28.11.2022

TRANSLATOLOGICAL TRILINGUALISM: CHALLENGES AND PERSPECTIVES¹

Irina S. Alexeeva

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

Albina V. Boyarkina

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

Ksenia O. Prosyukova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Svetlana S. Takhtarova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The paper considers the analysis of translational trilingualism which is essential for cross-cultural exchange and translation studies. Today trilingualism is perceived as a form of multilingualism that includes a mechanism for formation and development of a language personality. The paper presents the accumulated experience of trilingual educational techniques in Russia and abroad, which was starkly demonstrated by I. Alexeeva, as well as the perspectives of their implementation into the educational process. Trilingualism is considered as a complex phenomenon that includes anthropological, social and linguistic, as well as social and cultural components. The aspect of cultures which implies the phased existence of the same text in three linguistic substances, as well as translation of literary works aimed at transfer of the works of fiction from one language to another through an intermediary language. Concurrently, the special attention is paid to the Russian language and its productive role as a cultural mediator in translation of the world literature to the languages of the peoples of Russia, which has not been thoroughly studied yet. The intermediary results of the research were presented by A. Boyarkina. The paper reveals perspectives for application of the trilingual model in order to expand the translational functions of the artificial intelligence. The Master's programme in "Translation Theory, Cross-Cultural and Cross-Lingual Communication" implemented at Kazan Federal University, revealed by S. Takhtarova, the head of the programme, and K. Prosyukova, the coordinator of the programme, as well as other educational programmes in St. Petersburg and Almaty, carefully analysed by I. Alexeeva and A. Boyarkina, are the successful examples of trilingualism as an educational tool. To sum up, it is concluded that the interaction of three languages is able to create the effective educational environment that ensures the exchange of cultures and transmits cultural values, as well as linguistic and translation skills, formed on the basis of other two languages.

Key words: translation, trilingualism, language as a cultural mediator, Russian language, languages of the peoples of Russia, literary translation.

Citation. Alexeeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S. Translational Trilingualism: Challenges and Perspectives. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 61-71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.5>

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛИНГВИЗМ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**Ирина Сергеевна Алексеева**

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Альбина Витальевна Бояркина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ксения Олеговна Просюкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Светлана Салаватовна Тахтарова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена транслатологического трилингвизма в условиях осуществления межкультурной коммуникации и обучения навыкам перевода. В настоящее время это явление чаще описывается как форма многоязычия, которая оказывает активное влияние на формирование и развитие языковой личности индивида. В статье раскрывается дидактический потенциал транслатологического трилингвизма на материале российских и международных кейсов. И.С. Алексеевой охарактеризованы перспективы внедрения модели с учетом ее комплексной структуры, объединяющей антропологический, социально-языковой и социально-культурный компоненты. Показано, что в условиях трилингвизма при переводе художественной литературы объективно возрастает роль языка-посредника, когда текст на каждом этапе одновременно существует в трех языковых формах. При переводе произведений мировой литературы на языки народов России эта роль отводится русскому языку. Промежуточные результаты исследований, посвященных изучению роли русского языка как культурного посредника при переводе, представлены А.В. Бояркиной. Успешный опыт внедрения модели транслатологического трилингвизма как ключевого подхода при реализации образовательных программ в вузах детально описан С.С. Тахтаровой и К.О. Просюковой (магистерская программа «Теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация», Казанский (Приволжский) федеральный университет), а также И.С. Алексеевой и А.В. Бояркиной (образовательные программы университетов в г. Санкт-Петербург и г. Алматы). В заключении представлены выводы о потенциале транслатологического трилингвизма для создания образовательной среды, целью которой становятся культурный и ценностный обмен, в процессе развития языковых и переводческих навыков.

Ключевые слова: перевод, трилингвизм, язык как культурный посредник, русский язык, языки народов России, художественный перевод.

Цитирование. Алексеева И. С., Бояркина А. В., Просюкова К. О., Тахтарова С. С. Транслатологический трилингвизм: вызовы и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 61–71. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.5>

Introduction

Globalisation places us before multiple tasks, teaching us to make quick and flexible solutions. This dynamic process allows us selecting the best algorithms in education, training specialists who can adapt to our rapidly changing world and effectively cope with the problems.

Translation studies hold a special place in the field of professional training. This process is a necessary requirement for a successful

communication in the age of globalisation and is of particular importance in the era of extremes, when oral and written communication provides both the speed of reaction and effective solution making.

Thus, under the “extremes” we may consider the rapid technological progress, resulted in the exploding increase in the volumes of information and the speed of its exchange. Such extreme changes led to invention of the artificial intelligence and spread of machine translation technologies.

In this case, we are able to measure these “extremes” depending on how unexpected a phenomenon is, how well-prepared we are, and the volume of new information. And while globalisation, equitable multilingualism and artificial intelligence are accelerating these transformations, the pandemic is not only impeding the innovations, but is also a ‘combat shakedown’ for many trends emerging today.

This is particularly important in relation to the increasing role of a human being and his significant role in the era of globalisation. The process of “anthropologisation” has had an impact on approaches to both theory and practice of translation.

This article explores the ways to respond to these challenges.

Extreme phenomena led to development of innovative approaches toward teaching oral and written translation in the modern era, which imply a specific level of consistency and flexibility in teaching that substantiates the relevance of this article.

One of such innovations is the increasing role of translational trilingualism in cross-cultural interaction, language teaching and translation studies.

Nowadays, while implementing new approaches, two goals need to be maintained: the first one is a particularly high degree of sustainability of innovations in teaching; the second one is training students to perform their professional duties while taking higher risks. Attempting to provide such qualities, the authors set a goal to research innovative practices of trilingualism in a language combination of “English/Russian/Tatar” and others.

The term ‘trilingualism’ was introduced to linguistics and education in the 21st century, though situations when people could speak three languages in their lifetime were previously known.

One of the most striking examples in Europe is trilingualism practiced in Luxembourg, where people speak French, German and Luxembourgish (West Frankish) in different life situations.

Apparently, the study of trilingualism in the 21st century is a representation of gradual overcoming of a long-standing idea about the negative influence of interference between several

languages when learning them. It was based upon the observations of bilingual environments (where there is always a certain degree of linguistic interference), and the results of such observations were often interpreted negatively.

The process of globalisation accompanied by a decreasing number of monolingual communities and environments while evidencing the increasing number of polylingual communities with no hegemony of one particular language, has profoundly changed the ways information is perceived and the vectors of lingual development are assessed. For instance, purism – the practice of keeping a language intact from foreign influence and free of loanwords – has practically become instinct. Of course, the replacement of mandatory language regulations with advisory ones, and the increasing opportunities for the use of languages in all of the information environments which are the part of the modern life: mobile communications, the Internet, etc., also played a vital role.

What are modern researchers mostly focused on in terms of trilingualism?

M.M. Fomin, whose publications are often cited by many of the successive researchers, does not specify any term for trilingualism in his monograph on learning foreign languages in the context of multilingualism, apparently considering it a variety of multilingualism [Fomin, 1998]. It is also mentioned as ‘triglossia’ by the authors of a recent publication on teaching a foreign language (i.e. English) in a multilingual environment at a higher school [Sabirova, Kondrateva, 2020, p. 8]. The authors state their own opinion on multilingualism, which they describe as “the acquisition of more than three languages” [Sabirova, Kondrateva, 2020, p. 8]. Thus, the authors identify trilingualism as a niche between the common bilingualism and the much rarer multilingualism. However, this niche substantiates the most common Russian phenomenon in those regions, where two languages (local and Russian) coexist on an equal basis.

L.G. Fomichenko is one of the first researchers in Russia to conduct a profound research into bilingualism [Fomichenko, 2005]. Her work is focused on the problem of prosodic accent in English speech of trilingual persons. In particular, regarding linguistic manifestations of trilingualism, she cites: “trilingualism, being a

special variety of multilingualism, has its own pronunciation model” [Fomichenko, 2005].

In subsequent works, there is an emphasis on observations of daily communication – as, for instance, in the publication by A.A. Tereshchuk [Tereshchuk, 2015], who discusses sociolinguistic aspects of Russian/Spanish/Catalan trilingualism. It is worth noting that in his recent work – as well as in this publication – children take part as test persons.

The major part of articles published in recent years primarily analyse the didactic potential of trilingualism, and this is predictable, since it is this particular sphere that has a large number of models built on the basis of trilingual complexes, which are so important for both Russia and rest of the world. The list of these works includes the number of publications, where authors adopt the role of unbiased observers – two of these authors, A. Font, E.D. Tovar-Garcia, compare the achievements of students from one of rural regions in Russia with 3 languages spoken: Chuvash, Tatar and Russian [Font, Tovar-Garcia, 2018]. The students were either bilingual or trilingual. The authors did not find any differences in students’ achievements. Seemingly, since there are no differences, the conclusion should be negative. However, this conclusion is very important: if the level of ‘educational achievements’ (the term employed by the authors) do not decline because of 3 languages spoken at home (this very hypothesis was not confirmed by the authors), then trilingualism could serve, on the contrary, a valuable resource – the main reason for that being that the command of all three different thinking algorithms inherent to different cultures is a positive phenomenon.

Among the works related to education, the article by O.N. Ivanova and V.P. Starostin [Ivanova, Starostin, 2018] is worth being noted. This publication examines the particular case of teaching students of an agrarian university. The students at this university learn how to read in a trilingual environment: they are bilingual by birth (Yakut/Russian), and they become trilinguals by acquiring their first foreign language. The authors identify the additional didactic opportunities for teaching a foreign language to a bilingual person, emphasizing the universality of the model with one regional language-Russian or Russian-regional language

+ English (the case-study of Yakut, Russian – English is presented in the article). At the same time, the authors find positive and negative characteristics of trilingual audience, concluding that further research is necessary.

Another article by A.N. Likhacheva [Likhacheva, 2020] is of particular interest among the publications by Russian authors. This article deals with the linguistic core of trilingualism and its didactic potential: trilingualism is analysed as a methodological technique for formation of cognitive skills when acquiring the second foreign language with the emphasis on its educational and psychological aspects. The author sets the goal for preparing the effective method of trilingualism as an optimising factor for teaching a second foreign language. The configuration of languages is somewhat different to the previous article: it is focused on teaching the first and the second foreign languages ‘simultaneously with the native one’ [Likhacheva, 2020, p. 2].

Regarding the research activities related to trilingualism carried in other countries, it can be stated that the first results were published at the beginning of the 21st century. Traditionally, they were devoted to linguistic, sociolinguistic and educational aspects of children’s trilingualism. First of all, we should mention the monograph by Charlotte Hoffmann and Jehannes Ytsma [Hoffmann, Ytsma, 2003]. It contains the description of trilingual persons from all around the world – Asia, America, Africa and Europe. Both authors have a number of separate publications. C. Hoffmann studies children’s trilingualism as a special way of adaptation to the world, as well as trilingual competences, etc. While Jehannes Ytsma has his own subject which is familiar to him since childhood: he studies trilingual school education in Friesland. Both authors are trying to describe the way the community consisting of trilinguals functions. They find more than a few interesting aspects to cover.

Also, there is a number of works related to linguistic strategies implemented with children of preschool and school age. The conclusions provide evidence that trilingual children learn several of the monolingual strategies and successfully improve in all of their three languages (with a different degree of linguistic dominance) (see: [Poeste, Müller, Gil, 2019]). It is clearly demonstrated that the family is more important

for development of trilingual skills than kindergartens and schools (see: [Gil et al., 2021]).

Thus, the specialists recognize trilingualism as a special variety of multilingualism, identifying it as a mechanism for formation of linguistic and social personality, applying and shaping its educational, psychological and didactic potential. However, we would like to point out to yet another variety of trilingualism, which is often disregarded as there are no substantial publications on the subject.

Until now, the researchers have focused their efforts on (if such definition is acceptable) usual trilingualism, i.e. the peculiarities of simultaneous speech in three languages by native speakers. The anthropological component, which takes into account both sociolinguistic and sociocultural aspects, is clearly identified here. But there is a cultural sphere where trilingualism is represented by the same text in three different languages. This is the field of literary translation, i.e. translation of works of fiction from one language (L1) to another (L2) through an intermediate language (L3). The presence of an intermediate language (L3) makes this algorithm trilingual. At the same time, the definition of an 'intermediate language' does not cover its functions as a cultural mediator. V.A. Vinogradov offered a dictionary definition of the term: 'An intermediate language is a lingua franca – a language which functions as a tool for international or interethnic communication. This could be either a natural language (for example, Russian in the USSR or Swahili in East Africa) or an artificial one (Esperanto, for example). The secondary languages developing as different dialects of the same language or different languages form a special variety of an intermediate language (Koine, pidgins)' [Vinogradov, 1978].

In the 21st century we faced the necessity to review the role and distribution of living languages in cross-cultural communication, identifying and forming their productive resources. The research as part of new paradigms allows developing a broader matrix of scenarios of how living languages can be applied. Meanwhile, the role of previously dominating languages is being revised. It happened that Russian is one of such languages. It needs to be mentioned that Russian is one of those languages that were tasked with difficult but noble mission of cultural mediation. In the history of humanity, Latin played a similar

role throughout the Middle Ages, and later French – during the Enlightenment period. But Russian was not only an intermediate language throughout the 21st century, but also contributed to creation of world literature fund in different languages. It offered the best works in different genres and created a preliminary level of primary selection, shaping that fine literary taste and popularizing the value of literarism. The significant role of the Russian language as a cultural mediator was developing in Soviet and post-Soviet periods. There is no doubt this role will be the key one in the future being a tool for conflict resolution as the humanity face new challenges. Also, it is a tool aimed at eliminating risks appearing due to the insufficient humanitarian assessment of rapid technological and information progress. That is why, in the present circumstances, it is extremely important to investigate both the process itself and its consequences.

While we do not lack works devoted to the aspects of cultural interaction (including V.V. Kabakchi's school of thought represented by such key works as: Kabakchi, V.V. "Russian Culture Through English Language" [Kabakchi, 2009], and many others), in particular in the field of literary translation, the definition of an 'intermediate language' was normally considered as part of history and culture, as a necessary evil, rather than as a source of additional cultural intent. An informative collection on Russian-German relations through translation in the 20th and 21st centuries is one of the examples that considered mixing of two source languages is as a specific problem [Engel, Menzel, 2011, pp. 299–319]. However, the role of an intermediary language in translation has not been revealed at all (see: [Engel, Menzel, 2011]).

In fact, the role of the Russian language as a cultural mediator in literary translation has never been the subject of any profound research, although it has been previously mentioned in publications on history of literature, and mainly considered in terms of the role of the Russian language when discussing and comprehending texts in a national language while translating them into European languages (see, for example: [Dildabekova, 2017; Nurtdnova et al, 2021]). The role of a text translated into Russian language as an intermediate variant when working on a final

text translated into national languages has never been evaluated. Most of the materials on this topic is obsolete, dating back to the Soviet times, thus cannot be considered.

Not only the material, but the concept of the productive role of the Russian language as a cultural mediator itself, as well as the role of a text translated into Russian as an intermediate variant of the final text translated into one of the national languages has the novelty quality. The novelty also lies in the process of cultural and linguistic modelling, which subsequently allows transferring the identified model to other language combinations of cultural mediation, such as, for example, English-Russian-Kyrgyz or English-Russian-Uzbek.

Methodology

The general methodological basis includes the works by C. Hoffmann and J. Ytsma, N.K. Garbovsky, V.V. Kabakchi. In order to discuss the methodological potential of trilingualism for training translators and interpreters, we should mark a distinction between two types of trilingualism: a) bilinguals (2A languages) translating from/into foreign language B and b) monolinguals (1A language) translating into two foreign languages (B and C). In the first case, a translator can learn the techniques of translation in the A1–B language combination and apply those techniques to A2–B language combination.

Translation competences in the field of literary translation imply a wide range of knowledge in various fields and specific skills that allow conveying the full meaning of the original text. At the same time, knowledge of the source language and the target language is a starting point; the key competences are professional, background, textual, communicative, technical, as well as the personal traits of a translator. In this sense, bilingualism and trilingualism in literary translation have their own advantages and disadvantages.

On the one hand, bilinguals and trilinguals speak more than a single mother tongue, which is a great advantage. In translation, it means that the most important problem – understanding the source text – is solved. What is particularly valuable here is that the linguistic and cultural

components of the text do not require additional decoding; they are familiar to translators from their early childhood and can be adequately perceived. However, knowing a language and understanding a source text do not automatically ensure the ability to translate. It is often the case with multilinguals that the problem of finding an equivalent is particularly acute, as they switch from one language to another rather than translate, which does not always contribute to a faster translation process. A translator must be theoretically and ‘technically’ equipped, i.e. have an ability to analyse the source material, master techniques and methods of translation, ‘consciously’ use the language sources (lexical, stylistic, etc.). In addition, one of the languages may be the dominating one, and depending on which language is active at the moment, the dominating one has a greater influence on all the others. Cross-lingual interference in bilingual and trilingual environments can be a vivid example of violation of norms (lexical and grammatical), so interference can occur in any of languages.

Results and discussion

The experiment based on the first option (see above) was carried out at the St. Petersburg Higher School of Conference Interpreting and Translation twice in 2014–2015, when students from Kazakhstan (11 students in 2 years) took a full one-year course at the school. All of them were bilinguals and, when they started working at the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, they were able to transfer their skills to their second language (Kazakh). This is the option that can be applied in bilingual regions of Russia.

The second option is practicing all over the world in training translators and interpreters, when translation from and into two foreign languages is being mastered simultaneously, which is a widespread approach developed at many international schools. In this case, more hours of practical training are required for translation from/into B language (according to international rules – the language of active communication, classified as the first foreign language in Russia), so students develop their skills in A–B language combination, transferring those skills to A–C language combination (the so-called language of passive

communication, or the second foreign language in Russia). For example, this is how the skill of interpreter's note-taking, necessary for consecutive interpretation, is being mastered; the simultaneous interpretation skill is being developed in the same way, although the methodology itself is somewhat more complicated.

A wide number of examples can be given being the evidence that trilingualism provides great assistance in mastering interpreting skills. We suggest that the same approach can be effectively applied in written translation as well.

The didactic potential of trilingualism can be analysed through the case study of the master's programme "Translation Theory, Cross-Cultural and Cross-Lingual Communication", which has been implemented at the Higher School of Foreign Languages and Translation Studies at Kazan Federal University since 2014.

The first students enrolled for the programme were trained in accordance with the general concept of traditional training at Russian schools – all the students were Russian native speakers and had previously obtained a bachelor's degree in linguistics. However, a year after a certain trend started shaping that would have been difficult to predict before which was the increasing number of international students. Since 2015, the number of international students has become equivalent to the number of local students, which has prompted the need to reconsider the existing approaches. When analysing the major challenges we faced working with international students, we made a decision to develop a new approach to teaching international master's students based on the following principles:

- the trilingual model of "mother tongue – Russian – English", where Russian acts as an intermediary language assisting in developing translation competences;

- studying in mixed groups, where groups of students are not formed on the basis of a single mother tongue (now students who are the native speakers of Chinese, Arabic, French, Kurdish and Vietnamese languages study in the same academic group at the same time);

- teaching translation rather than a language: following the idea of trilingualism, when both Russian and English are not native languages for the students, there is an objective risk that the educational process could be reduced to teaching

languages, which contradicts the aim and goals of the master's programme. For this reason, the idea of "**language learning through translation training**" has become fundamental, which implies a shift to development of professional competences, such as mastering the methods of pre-translation text analysis, which facilitates the accurate perception of the original text, preparation for translation, mastering the methods aimed to achieve equivalence in translation and the ability to apply adequate translation techniques, ability to perform written translation in compliance with lexical equivalence, grammatical and stylistic norms, stylistic editing skills in translation, including literary translation, etc.

Considering the reasons presented above, the training of international master's students in a trilingual environment was focused on development of professional competences related to namely written translation, as this particular type of translation activity implies a more careful, detailed selection of translation strategies, which also contributes to the successful implementation of the "language learning through translation training" concept.

To test this didactic model, we are currently developing a training programme for translators and interpreters aimed at creating an innovative educational ecosystem developed on the principles of personalised, competence-based and project-oriented learning. The educational translatological ecosystem based on the innovative matrix principle of St. Petersburg Higher School of Conference Interpreting and Translation includes the nuclear cluster of the matrix, mandatory for all students, and occupies the maximum study load in the first two years, as well as the clusters of the professional environment, which include courses on various types and aspects of translation and are offered as elective clusters after mastering the nuclear component of the matrix. In addition to the above components of the educational matrix, students will be able to choose the elective courses independently, aimed at deepening translation or other, e.g. soft skills and competences, as well as at expanding their knowledge in specific subject areas. The inclusion of an Interactive Interlinguocultural Module (V.V. Kabakchi) is suggested as a compulsory component of this educational ecosystem.

The translational ecosystem described above, will, in our opinion, ensure that future translators are well-prepared for the ever-changing world; they are able to adapt and be flexible in their professional environment.

An analysis of literary translations by bilingual/trilingual translators (the Strategic Centre for the Development of Translation Training in Russia 2017–2020 translation seminars held in Yakutia, Buryatia, Tuva, Chuvashia and Tatarstan) revealed that semantic errors associated with understanding the source text (omission, addition, replacement, and inaccurate transmission) were virtually non-existent. However, at the level of translation results, several main categories of errors can be identified [Buzaj, 2009; Garbovsky, 2007; Shevnin, 2008]: violation of norms and language usage (spelling/punctuation/grammatical errors, violation of stylistic norms, inaccurate interpretation of the author's idea), pragmatic errors (errors in communication task transmission), factual errors. A detailed examination of the translated texts reveals the translation problems related to compatibility and inaccuracy of variant correspondences, use of colloquial syntax, government errors, and stylistic abruptness. It means that most of the errors can be explained by interlingual interference. These errors indicate that the target language is not the active language for bilingual translators, so certain deviations from the norm are noticeable in the texts.

As for the didactic potential of the trilingual model, the idea of the mediator's language itself is sometimes used in literary translation workshops. For example, in 2013 a large workshop for 30 participants – translators who translate German literature into Kazakh, Kyrgyz, Uzbek and Turkmen languages, organized under the auspices of the Goethe Institute in Almaty (Kazakhstan) by two translators – Rosemary Titze (Germany) and Irina Alekseeva (Russia), where the Russian language was not only the main means of communication, but all translators translated German texts first into Russian (serving as a cultural mediator), discussed the stylistic features and other potential difficulties of the original text, and then split up into groups depending on a final target language, and worked further on translation from Russian into the respective languages. After everyone gathered and discussed the differences

in interpretation of the original cultural and aesthetic phenomena by different cultures.

The revision of traditional approaches to training of professional interpreters and translators has led to a subsequent revision of methodological principles of working with students. In the context of trilingualism, the methodological and educational bases of teaching represent a wide synergetic field, where selection of principles and teaching methods are mainly substantiated by the complexity of the tasks themselves. Those of them that are aimed at increasing the language proficiency in Russian and English can be achieved by integrating the principles of teaching Russian as a foreign language, namely: the principle of visibility with an extended toolkit of visual aids, including graphic images, audio and video content; the principle of concentricism, which, in particular, is implemented by introducing a minimum of the most frequent vocabulary for each thematic area (which is an opposite task compared to training of bilingual translators and interpreters); the principle of feasible complexity and some others. The methodological basis is a set of related techniques that are widely used both when training translators and interpreters and in the process of teaching foreign languages – Russian (as a foreign language) and English; namely, the associative method (in order to establish the relationship between individual definitions, facts, objects, phenomena, when the mention of one object evokes the memory of another one, associated with it); situation-based modelling (in order to familiarize students with the real circumstances, relationships between communicants, speech intentions, etc.); grammar-translation method (in order to teach how to work with the context, as well as analyze the lexical and grammatical difficulties); suggestopedic approach (aimed at mastering foreign languages through language immersion); as well as project-based methods, where translation process is considered a project, a team task, which requires mobilizing the forces of all members of a project group (working in small and large groups formed according to the principle of presence/absence of a single native language (depending on the task goal)). In fact, it is the process of the sustainable three-vector methodological complex formation.

Systematization and substantiation of the accumulated empirical data, as well as the further

development of the presented didactic and methodical model, are based on the principles of translational trilingualism. It aims at teaching bilingual students (Tatar/Russian speakers) and training professional interpreters and translators as a multilingual and a multicultural personality with a certain system of values related to their native culture and native language, and an understanding why it is important to preserve them for future generations.

When teaching literary translation, which is not a priority at colleges, students develop extra skills. Along with the ability to analyze a literary text and perform translation analysis of the text, future translators must identify and convey aesthetic information, time distance, features of the literary direction, the individual style of the author. An important skill for a literary translator, which must be developed separately, is the ability to work with poetic texts. Fluency in several languages, which is the most important advantage of bilingual/trilingual translators, cannot fulfil all the requirements for a translator of literary texts. In addition, it is precisely this category of translators who need to activate their 'non-working/non-primary' native language, counteract interlingual interference (eliminating macaronic language and discrepancies in grammatical structures), while keeping the lingual and cultural competence active. Bilingualism/trilingualism does not guarantee the innate capacity to translate. Translation of literary texts, carried out by a multilingual translator, as well as by any other translator, presupposes a certain amount of knowledge, a number of translation "techniques" and constant training.

Regarding trilingualism as a cultural exchange in the field of literary translation, the study revealed a complete lack of profound research in this field. At the same time, the analysis of the socially significant and communicatively important role of the Russian language as a cultural mediator for formation of the literary fund translated into the languages of the peoples of Russia and the cultural and linguistic modelling of this process is an area that will give the mankind an opportunity to rise to a new level of anthropological self-understanding. Such a model may be valuable for expanding the functions of artificial intelligence, while creating machine translation algorithms based on

a trilingual model, where L1 and L3 are the languages with a large amount of data, and in L2 solutions will be made taking into account the translation patterns of L3.

We suggest that cultural and linguistic modelling is a guarantee of the full-fledged strategic development of Russia, where fundamental activity aimed at deep exploring the present situation with languages and cultures, and offering specific proven models of cultural interaction, and thus working ahead of the curve, ensuring the country's preparedness for major challenges.

Conclusions

In this article we made an attempt to reveal the essential features of trilingualism, placing the special emphasis on its didactic application. It turned out that the environment of three active languages is a fertile one, where each monolingual vector can support the other two vectors: providing cultural exchange and transmitting cultural values (trilingualism in literary translation); supporting and developing the skills acquired in the other two languages (trilingualism for training translators and interpreters); implementing a three-vector methodological complex (when teaching bilinguals a foreign language); forming a model for artificial intelligence (so far this is just a hypothesis).

However, the range of methodological tasks possibly solved by trilingualism is, of course, much wider – and it will broaden when the phenomenon of trilingualism itself is studied properly – in theory and practice. After all, it has enormous potential for fundamental and applied research, including interdisciplinary ones. That is why today we pose more questions in this publication than provide answers.

Many important discoveries are ahead of us, which will certainly assist in improving communication skills teaching process in the broadest sense of the word.

As we have already noted, the era of extremes requires the increased level of flexibility, interactivity and versatility of studying strategies. We understand that digital support of distance learning algorithms is particularly important; but, nevertheless, it is a human being who is still in the core (the anthropological component).

NOTE

¹ This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

REFERENCES

- Buzadzhi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V., 2009. *Noviy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok* [A New Look at the Classification of Translation Errors]. Moscow, Vseros. tsentr perevodov. 120 p.
- Dildabekova A.K., 2017. Russkiy kak yazyk-posrednik v protsesse perevoda s kazakhskogo na drugie yazyki [Russian as the Interim Language in the Process of Transfer from Kazakh into Other Languages]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics], vol. 8, no. 4, pp. 1228-1236.
- Engel Ch., Menzel B., 2011. *Kultur und / als Übersetzung*. Berlin, Frank & Timme. 344 p.
- Fomichenko L.G., 2005. Bilingvizm i trilingvizm: skhodstva i razlichiya [Bilingualism and Trilingualism: Similarities and Differences]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 4, pp. 96-100.
- Fomin M.M., 1998. *Obuchenie inostrannomu yazyku v usloviyakh mnogoyazychiya (dvuyazychiya)* [Teaching a Foreign Language in the Context of Multilingualism (Bilingualism)]. Moscow, Mir knigi Publ. 213 p.
- Font A., Tovar-Garcia E.D., 2018. Trilingvizm, bilingvizm i obrazovatelnye dostizheniya na primere chuvashskogo i tatarskogo yazykov v selskom regione Rossii [Trilingualism, Bilingualism and Educational Achievements: The Case of Chuvash and Tatar in Rural Russia]. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], no. 3, pp. 8-35.
- Garbovsky N.K., 2007. *Teoriya perevoda: uchebnik* [Translation Theory. Textbook]. Moscow, Izd-vo MGU. 544 p.
- Gil A., Müller N., Sette N., Hüppop M., 2021. Active Bi- and Trilingualism and Its Influencing Factors. *International Multilingual Research Journal*, vol. 15, iss. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14790718.2019.1569017>
- Hoffmann Ch., Ytsma J., 2003. *Trilingualism in Family, School and Community*. Clevedon, Multilingual Matters. 248 p.
- Ivanova O.N., Starostin V.P., 2018. Obuchenie inoyazychnomu chteniju studentov agrovuza v usloviyakh trilingvizma [Teaching Foreign Language Reading to Agricultural Students in the Conditions of Trilingualism]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], no. 2, pp. 58-65.
- Kabakchi V.V., 2009. *Angloyazychnoe opisanie russkoy kultury* [Russian Culture Through English Language]. Moscow, Akademiya Publ. 224 p.
- Likhacheva A.N., 2020. Trilingvizm kak yazykovoy fenomen i metodicheskiy priyom formirovaniya uchebno-poznavatelnoy deyatel'nosti uchashchikhsya pri obuchenii vtoromu inostrannomu yazyku: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt [Trilingualism as a Linguistic Phenomenon and Methodical Reception of Students' Educational and Cognitive Activity Formation in Teaching the Second Foreign Language: Psychological and Pedagogical Aspect]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], no. 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/80PDMN220.pdf>
- Nurtdnova G.M., Takhtarova S.S., Khabibullina E.K., 2021. Tatarskoe literaturnoe nasledie v aspekte perevoda [Heritage of Tatar Literature from the Aspect of Translation]. *Polilingvalnost i transkulturnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], vol. 18, no. 4, pp. 442-451.
- Poeste M., Müller N., Gil A.L., 2019. Code-Mixing and Language Dominance: Bilingual, Trilingual and Multilingual Children Compared. *International Journal of Multilingualism*, vol. 16, iss. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14790718.2019.1569017>
- Sabirova D.R., Kondrateva I.G., 2020. Obuchenie inostrannym yazykam v usloviyakh bilingvizma i mnogoyazychiya [Foreign Language Teaching: Bilingualism and Multilingualism]. *Inostrannyye yazyki v sovremennom mire* [Foreign Languages in the Modern World]. Kasa, pp. 7-12. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/160302>
- Shevnin A.B., 2008. *Perevodcheskaya erratologiya: Teoriya i praktika* [Translation Erratology: Theory and Practice]. Yekaterinburg, Izd-vo UrGI. 138 p.
- Tereshchuk A.A., 2015. Sotsiolingvisticheskie aspekty rusko-ispansko-katalanskogo mnogoyazychiya: primer bietnicheskoy semyi v Katalonii [The Sociolinguistic Aspects of Russian-Spanish-Catalan Multilingualism: The Case of a Bi-Ethnic Polylingual Family in Catalonia]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], no. 4, pp. 39-48.
- Vinogradov V.S., 1978. *Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoy prozy* [Translation: Lexical Issues of Literary Translation]. Moscow, Izd-vo MGU. 174 p.

Information About the Authors

Irina S. Alexeeva, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies, Herzen University, Reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, i.s.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8351-1700>

Albina V. Boyarkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of German Philology, Herzen University, Reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, a.boyarkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-5885>

Ksenia O. Prosyukova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St, 21/4, 105006 Moscow, Russia, prokseniya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8567-4658>

Svetlana S. Takhtarova, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, SStakhtarova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Информация об авторах

Ирина Сергеевна Алексеева, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, i.s.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8351-1700>

Альбина Витальевна Бояркина, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, a.boyarkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-5885>

Ксения Олеговна Просюкова, кандидат педагогических наук, доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, 105006 г. Москва, Россия, prokseniya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8567-4658>

Светлана Салаватовна Тахтарова, доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, SStakhtarova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

UDC 81'342.622
LBC 81.051

Submitted: 13.06.2022
Accepted: 28.11.2022

“UMLAUT” AS A TERMINOLOGICAL REFLECTION OF INTERLANGUAGE RELATIONS IN LINGUISTICS

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article examines the history of appearance of the term “umlaut” in the terminology of Russian linguistics. Using the methods of historical-linguistic, definitional and semantic analysis of scholarly and scientific-theoretical sources (grammars, grammar treatises and dictionaries) published in Russia in the period from the late 18th century to the mid 20th century, the author traces the evolution of the phonetic status of umlaut. It was ascertained that in the 18th century, in line with the traditions, established by the German grammarians, umlaut was first considered a diphthong, since it was widely believed to be a combination of two sounds pronounced together. It is shown that in the late 18th century, the approach to the evaluation of the umlaut’s status begins to change. This is to be explained by the change of scientific and linguistic paradigm in Russian linguistics. The facts of terminological variation are revealed and characterized. In the course of its existence, the term “umlaut”, which entered Russian linguistic terminology only by the end of the first third of the 20th century, received several one-word or compound names: “ogolosok” (1799), “peremena glasnykh” (vowel change) (1844), “perezvuk” (1845), “pereglasovka” (1857), “sliyaniye glasnykh” (vowel fusion) (1864), “izmeneniye glasnykh” (vowel mutation) (1871), “pereglasovaniye” (1882), “suzhivaniye glasnykh” (vowel narrowing) (1895). Until now, only the synonym “pereglasovka” has been preserved.

Key words: umlaut, phonetics, linguistic term, terminological semantics, historical-linguistic analysis, history of linguistic studies.

Citation. Ivanov A.V. “Umlaut” as a Terminological Reflection of Interlanguage Relations in Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

УДК 81'342.622
ББК 81.051

Дата поступления статьи: 13.06.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

«УМЛАУТ» КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Андрей Владимирович Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории вхождения термина «умлаут» в терминологическую систему русской лингвистики. С использованием методов историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа учебных и научно-теоретических источников (грамматик, грамматических трактатов и словарей), опубликованных в России в период с конца XVIII до середины XX в., автор прослеживает эволюцию фонетического статуса умлаута. Установлено, что в XVIII в. в русле традиций, заложенных создателями грамматик немецкого языка, умлаут считался дифтонгом, поскольку он, согласно распространенному мнению, представляет собой сочетание двух совместно произносимых звуков. Показано, что в конце XVIII в. подход к оценке статуса умлаута начинает меняться, что объясняется сменой научно-лингвистической парадигмы в русском языкознании. Выявлены и охарактеризованы факты терминологического варьирования. На протяжении своего существования термин «умлаут», который закрепился в русской лингвистической терминологии только к концу первой трети XX в., получил несколько однословных или составных наименований: «оголосок» (1799), «перемена гласных» (1844), «пerezvuk» (1845), «перегласовка» (1857), «слияние гласных» (1864), «изменение гласной» (1871), «перегласование» (1882), «суживание гласных» (1895). До настоящего времени сохраняется только синоним «перегласовка».

Ключевые слова: умлаут, фонетика, лингвистический термин, терминологическая семантика, историко-лингвистический анализ, история лингвистических учений.

Цитирование. Иванов А. В. «Умлаут» как терминологическое отражение межъязыковых связей в лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.6>

Введение

Статья посвящена изучению истории лексемы «умлаут», которая входит в состав терминологической системы русской лингвистики. Автор ставит целью описать историю ее вхождения в лингвистический обиход, выявить возможные параллельные названия этой лексической единицы, проследить эволюцию фонетического статуса умлаута.

«Умлаут» как лингвистический термин, используемый для обозначения живых и исторически обусловленных чередований гласных, появился в немецкой лингвистике, что очевидным образом вытекает из фонетического облика самого этого слова. Авторство термина принадлежит Ф. Клопштоку, который первым использовал его в 1774 году¹. До Клопштока умлаутные буквы специального названия не имели; в источниках, как правило, описывался способ артикуляции звуков, которые этими буквами передавались на письме, и их характеристика, в рамках которой умлауты рассматривались либо как дифтонги или полудифтонги, либо как монофтонги. Такое описание последовательно применялось в течение длительного времени в немецких грамматиках. Письменная фиксация умлаутов также не была унифицирована. По аналогии с грамматиками, изданными в Германии, составлялись грамматики немецкого языка и для русского читателя вне зависимости от того, кто выступал автором: носитель языка или русский автор (переводчик). В этих грамматических сочинениях умлаут всегда описывался в соответствии с немецкой лингвистической традицией.

Каких-либо иных наименований, кроме собственно самой лексемы *Umlaut*, данное понятие в немецкой лингвистике практически не получило (если не считать лексемы *Veränderung*, обладающей исключительно широкой семантикой и на роль термина не претендующей), чего нельзя сказать о названиях умлаута, использовавшихся в русской

германистике. Номинация «умлаут» входит в лингвистический обиход в конце первой четверти XX века. До этого времени встречается целый ряд номинаций, из которых только одна до сих пор сохраняет статус конвенционального синонима².

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают грамматики немецкого языка, грамматические сочинения и словари, опубликованные в России в период с конца XVIII до середины XX века. Научно-теоретические и лексикографические источники сгруппированы в соответствии с хронологическим принципом: 1) источники, опубликованные в XVIII в. (грамматики М. Шванвица, И. Шалля, Ф. Гёлтергофа, И. Фабиана); 2) источники, относящиеся к XIX в. (грамматики А. Шумахера, К. Аксакова, научно-теоретические работы В. Добровского, М. Каткова, П. Перевлесского, А. Майкова, А. Потевни, Н. Некрасова, Т. Флоринского, словари И. Шмидта, Н. Ленстрёма, русские переводы немецкой лингвистической литературы, рецензии и обзоры в периодических изданиях); 3) источники, увидевшие свет в XX–XXI вв. (исследования С. Булича, Р. Шор, Б. Шмелева, Е. Поливанова и др., словари различных типов, энциклопедии). Упомянутые работы представляют собой лишь некоторую часть гораздо более обширной источниковой базы, обследованной методом сплошной выборки. Только в них были обнаружены интересующие нас контексты, проанализированные в дальнейшем с учетом цели и задач исследования.

В статье используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа, позволяющие детально осветить историю заимствования и последующей ассимиляции термина, эволюцию его семантики, уточнить некоторые факты, связанные с первичным и последующими упо-

трблениями исследуемой терминологической единицы и ее многочисленных синонимов в том или ином значении.

Результаты и обсуждение

Описание умлаута в русских грамматических источниках XVIII века

Одно из первых описаний умлаута встречается в *Нѣмецкой грамматике* («Teutfche Grammatica») М. Шванвица: «...въ Нѣмецкомъ языкѣ случаются слѣдующія доегласныя; аа, аа, оо, а̇, о̇, ѳ̇, аѳ, еѳ, аі, еі, аѳ, еѳ, оѳ, аѳ, аѳ, іе...» [Шванвиц, 1745, с. 7]. В соответствии с существовавшей тогда грамматической традицией, Шванвиц отнес умлауты к дифтонгическим звукосочетаниям («Diphthongi»), добавив к этому ряду удвоенные гласные. Удвоение гласных на письме обычно использовалось для указания на долготу соответствующего монофтонга.

Объяснение причины, по которой Шванвиц включил в состав дифтонгов удвоенные гласные и умлауты, можно найти в *Готшедовой грамматике*, опубликованной в 1769 г. в Санкт-Петербурге: «Когда двѣ гласныя буквы стоять вмѣстѣ, то онія называются доегласными (Zweylautende), изъ которыхъ главныхъ тринадцать, то есть: а̇, о̇, ѳ̇, аі или аѳ, еі или еѳ, оі или оѳ, аѳ, еѳ, оѳ, и ѳѳ. Доегласныя буквы а̇, о̇, ѳ̇ называются мягкими или несвойственными, и иногда протяжно, а иногда кратко выговариваются...» [Готшедова грамматика..., 1769, с. 3]. Очевидно, что соседство в слове двух гласных признавалось достаточным основанием для установления их дифтонгического произношения³.

В 1789 г. И. Шалль издал *Новую Нѣмецкую грамматiku* для учащихся Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса. Пожалуй, впервые в немецких грамматиках, изданных для русских читателей, отнесение умлаутов к дифтонгам здесь объясняется не соседством двух гласных, а особым характером их произнесения, поскольку они «въ себѣ имѣють сложной голось двухъ различныхъ гласныхъ буквѣ» [Шалль, 1789, с. 7]. «Голосовая сложность», по мнению Шалля, состоит в том, что умлауты произносятся «въ

половину» исходной гласной (например, «а») и «въ половину буквы е» [Шалль, 1789, с. 7]. Автор находит в русском алфавите звуковой аналог немецкому А-умлауту: «россійское Ъ», которое, как было принято считать, в произношении отличалось от «е».

В *Нѣмецкой грамматике* Ф. Гёлтергофа, изданной двумя годами позже, практически дословно воспроизводятся трактовка и примеры Шалля с той лишь разницей, что Шалль насчитывает в немецком языке одиннадцать дифтонгов, а Гёлтергоф – уже шестнадцать [Гёлтергоф, 1791, с. 3].

В конце XVIII в. обнаружился единственный источник, датированный 1799 г., в котором зафиксировано интересующее нас словоупотребление. В *Новой Нѣмецкой грамматике* И. Фабиана встречается следующее рассуждение: «Въ разныхъ родахъ склоненія, равно какъ въ произведеніи и составленіи словъ очень часто гласныя буквы а превращаются въ а̇, о въ о̇ и ѳ въ ѳ̇, и сіе превращеніе а, о и ѳ въ а̇, о̇ и ѳ̇ называется *оголоскомъ* (der Umlaut)» [Фабиан, 1799, с. 32]. Номинацию «оголосок», используемую автором *Грамматики*, которая, как следует из ее названия, основывается «на правилахъ лучшихъ Нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица», следует признать уникальной (авторской), поскольку ни до, ни после него она не встречается более ни в одном из обследованных источников. С учетом мнений авторов, на которые опирался Фабиан при составлении своей *Грамматики*, можно сделать однозначный вывод о том, что умлауты он относит к монофтонгам, реализующимся в речи несколько отлично от исходных неумлаутированных гласных. Кроме того, название «оголосок» автор применяет не к умлаутам как таковым, а скорее к умлаутизации (Umlautung, Umlauten) исходных корневых гласных, сопровождающей процессы словоизменения и словообразования.

Описание умлаута в русских грамматических источниках XIX века

В 1819 г. А. Шумахер выпустил в свет *Новую практическую Нѣмецкую грамматiku*, в которой он, так же, как и Фабиан, причислял умлауты к монофтонгам. Хотя умлауты, по его

мнению, в произносительном и графическом аспектах выступают как соединение двух гласных букв, они тем не менее «представляют один только голос» [Шумахер, 1819, с. 14]. Специального терминологического обозначения для умлаута Шумахер не вводил.

В 1844 г. умлаут получает второе русскоязычное название – «перемѣна гласныхъ» в *Vollständiges Ruffisch-Deutsches und Deutsch-Ruffisches Wörterbuch* И. Шмидта: «...слѣдующія имена перемѣняютъ въ множественномъ числѣ гласныя {а о u} на {ä ö ü} которая перемѣна гласныхъ по нѣмецки называется *der Umlaut*» (Schmidt, 1844, S. 484); далее у него же: «Въ преходящемъ времени сослагательнаго наклоненія перемѣняютъ гласную а на ä, brächte приносилъ бы; dächte думалъ бы. – Эта перемѣна гласныхъ буквъ а на ä, о на ö, u на ü, и au на äu называется по нѣмецки *der Umlaut*» (Schmidt, 1844, S. 504).

Термин «перемѣна гласныхъ» используется на протяжении всего XIX века. Он обнаруживается, например, у В. Добровского, который применительно к романским языкам отмечал, что в них, в отличие от германских языков, в которых умлаут вызывается прежде всего смысловыми или логическими причинами (Добровский именует их «семасиологическими»), «перемѣна гласныхъ обусловлена требованіями “фонетической ясности” или благозвучія» [Добровский, 1888, с. 679].

Результат анализа текстовых источников показывает, что «оголосок» и «перемена гласных» выступают не единственными терминологическими синонимами к номинации «умлаут». В 1845 г. у М. Каткова в работе *Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка* встречается еще одно терминологическое обозначение умлаута – «перезвук»: «...однако лучше и удобнѣе [буква *ы*] можетъ быть названа просто долгою губной гласной *у* (т. е., какъ у насъ доказано, *ъ-а*) и съ тѣмъ вмѣстѣ ея *перезвукомъ* (*Umlaut*) въ небномъ элементѣ (сл. аналогический процессъ, какимъ въ Нѣмецкомъ изъ *и* становится *й*)» [Катков, 1845, с. 31–32]. Данная номинация представляет собой структурную кальку немецкого термина, смысловое содержание которого Катков проецирует, как ему представляется, на сходные процессы, устанавливаемые в системе русско-

го вокализма. Оставляя за скобками попытку автора объяснить изменение *у* в *ы* вследствие умлаутизации, заметим, что он, судя по всему, под умлаутом понимает вообще «перемену гласныхъ» как таковую.

Подобное толкование понятийного содержания номинации «перезвук», очевидно, препятствовало ее конвенционализации, поскольку процессы, вызывающие модификации корневых гласных, предполагают в таком случае любое изменение последних безотносительно к причинам, его обуславливающим. Такой переменной может быть и аблаут, который в некоторых работах тоже получил название «перезвук» или трактовался как явление, «похожее на перезвук». Ср. в *Памятниках Старословенскаго языка* у П. Перевлесского: «Конечно, въ этихъ формахъ [аориста безъ вставки вспомогательныхъ гласныхъ] нечего искать ни удвоенія (*Reduplication*), ни перезвука (*Ablaut*): измѣненіе гласной, похожее на перезвукъ, имѣеть мѣсто въ формахъ аориста...» [Перевлесский, 1854, с. 23].

В 1857 г. А. Майков в *Исторіи Сербскаго языка* наряду с номинацией «перезвук» употребил параллельный термин «перегласовка»: «Сначала для огласованія въ книжный Сербскій языкъ прибѣгнувъ къ *е*, какъ звуку, ближайшему къ *ь* по способу перегласовки, употребляемому въ другихъ Славянскихъ нарѣчійяхъ и отчасти въ самомъ Ц.-Славянскомъ; потомъ онъ употребилъ самостоятельный и чисто Сербскій способъ перегласовки...» [Майков, 1857, с. 397].

В 1859 г. термин «перегласовка» с опорой на работы Я. Гримма, в которых он разграничил понятия умлаута и аблаута, прочно утверждается в русском лингвистическом дискурсе в качестве еще одной кальки немецкого термина «Umlaut». В частности, в *Обозрѣніи русскихъ газетъ и журналовъ* находим следующее тому подтверждение: «Онъ [Гриммъ] открылъ, доказалъ и неопровержимо установилъ основы образованія языка (перегласовку, перестановку звуковъ, гунированіе, *Ablaut*), и такимъ образомъ произвелъ переворотъ въ способѣ изученія Нѣмецкаго языка» [Обозрѣніе..., 1859, с. 185]. Из этой цитаты понятно, что под «перегласовкой» понимается процесс изменения (подъема или сужения) корневой гласной, отличающийся от аблаута, которому в русской лингвистике еще не было до этого

времени придумано адекватного своеязычного наименования⁴.

Начиная с Майкова, в лингвистической терминосистеме русского языка оба названия умлаута – «перезвук» и «перегласовка» – некоторое время существуют параллельно как минимум до 1880 года. В 1865 г. о немецком умлауте как о «перезвуке» упоминает А. Потебня: «Академик Бетлинкъ видитъ въ подобныхъ явленіяхъ прогрессивную ассимиляцію, то есть вліяніе слѣдующей твердой или мягкой гласной, какъ въ нѣмецкомъ перезвукѣ (Umlaut) или въ Верхнелужицкомъ, гдѣ *e* передъ мягкимъ слогомъ произносится ясно (hell) т. е. ближе къ *i*..., а передъ твердымъ – глухо...» [Потебня, 1865, с. 65]⁵. После Потебни это же словоупотребление фиксируется в *Краледворской рукописи* Н. Некрасова [Некрасов, 1872, с. 211], позже в *Опыте Русской грамматики* К. Аксакова [1880, с. 227]. После Аксакова термин «перезвук» как синоним немецкого термина «Umlaut» в работах русских лингвистов обнаружить не удалось.

В 1864 г. И. Желтов, выступив переводчиком книги *Система языковѣдѣнія* К. Хейзе, предложил в качестве русских вариантов перевода терминов «Umlaut» и «Ablaut» словосочетания «слияніе гласныхъ» и «замѣна гласныхъ» соответственно. Оба термина занимают подчиненную позицию по отношению к термину широкой семантики «перемѣна гласныхъ» Ср.: «Эта перемѣна гласныхъ въ семитическихъ языкахъ есть преобладающій способъ образования и измѣненія словъ; въ языкахъ же индогерманскаго племени является только въ видѣ *замѣны гласныхъ* (Ablaut), которая въ германскихъ языкахъ очевидно составляетъ логическое средство къ производству словъ и въ особенности словесныхъ основъ; между тѣмъ какъ *слияніе гласныхъ* (Umlaut) первоначально есть процессъ только фонетическій, смѣшеніе звука безъ логическаго значенія, и уже въ позднѣйшія времена пріобрѣтаетъ значеніе этимологическое и грамматическое (brach, brich, Bruch, brechen, gebrochen, – brach, bräche, Bruch, Brüche и т. д.)» [Хейзе, 1864, с. 177]. Однозначная квалификация этих вариантов в качестве терминов потребовала обращения к первоисточнику с целью, во-первых, исключить как способ перевода описание сущности этих явлений с помощью пред-

ложенных Желтовым вариантов, во-вторых, убедиться в том, что Хейзе в работе *System der Sprachwissenschaft* также не прибегает к описанию умлаута и аблаута. Результаты анализа показывают, что Хейзе не описывает понятийное содержание этих явлений, а лишь использует интересующую нас терминологию⁶.

В 1871 г. в *Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch* Н. Ленстрёма встречается еще одно терминологическое средство, призванное обозначить умлаут: «Umlaut, *m.*, измѣненіе гласной» (Lenstroem, 1871, S. 787). Как и упоминаемый выше термин «перемена гласныхъ», эта номинация обладает широким значением и может быть использована не только для обозначения умлаута, но и любого другого изменения гласного.

Несколько более частотным оказывается родственное «перегласовке» название «перегласование». Случаи его использования можно обнаружить, например, у К. Аппеля в рецензии на небольшое по объему сочинение *Una lettera glottologica* Г. Асколи⁷, которая была опубликована в «Русском Филологическом Вестнике»: «... голландскій языкъ – один из германскихъ языковъ с кельтической подкладкой – также имѣетъ гл. *ü* (kus = küs), разумѣется, независимо от условий перегласованія (Umlaut)» [Аппель, 1882, с. 330].

В конце XIX в. в составе ряда терминологических синонимов, так или иначе обозначающих умлаут, появляется еще одно, последнее в этом столетии, наименование – «суживаніе гласныхъ»: «Особенное развитіе это явленіе [ассимиляція] получило въ чешскомъ языкѣ, гдѣ оно носитъ названіе перегласовки или суживанія гласныхъ» [Флоринский, 1895, с. 423]. Как видно из приведенной цитаты, речь идет о перегласовках в чешском языке, которые автор описывает с чисто фонетической точки зрения, говоря о сужении корневого гласного в результате ассимиляции. На наш взгляд, в этом случае также можно говорить о параллельном названии перегласовки, а не об объяснении сущности умлаута как процесса.

Описание умлаута

в русских грамматических источниках XX–XXI веков

К началу XX в. в составе терминологии, применяемой для обозначения умлаута, в

употреблении остались два наименования – «перемена гласных» и «перегласовка».

Термин «перемена гласных» в 1904 г. использовал С. Булич в *Очерке истории языкознания в России*: «[Ассоциируются между собой] всѣ имена существительныя муж. рода, образующія множ. число съ переменною гласнаго звука (Umlaut) въ противоположность неизмѣняющимъ гласныхъ...» [Булич, 1904, с. 127–128].

В советской лингвистике обозначение «перемена гласных» в качестве самостоятельной терминологической единицы уже не применялось и встречалось только как метаязыковой элемент в составе дефиниций термина «перегласовка» (БСЭ₁, 1955, т. 32, с. 386; ССРЛЯ, 1959, т. 9, с. 518). Объяснение этому заключается в его широкозначности.

Термин «перегласовка» мог использоваться как в узком смысле («переднеязычная перегласовка»), обозначая подъем или сужение корневой гласной под влиянием *i* или *j* последующего слога (так называемый «первичный умлаут» или «*i*-умлаут»), так и в широком смысле, номинируя «перемену гласной» вообще. По этой причине, по мнению авторов *Сравнительной грамматики германских языков*, слово «перегласовка» по сравнению с заимствованным термином «умлаут» «едва ли лучше как термин» [Сравнительная грамматика..., 1962, т. 2, с. 141]. Тем не менее оно употребляется на протяжении всего XX века. Его можно встретить в качестве леммы в энциклопедиях и словарях русского языка (БСЭ₁, 1955, т. 32, с. 386; ССРЛЯ, 1959, т. 9, с. 518; БАСРЯ, 2011, т. 16, с. 55), а также в составе практически всех дефиниций термина «умлаут».

В 1928 г. в статье Р. Шор *К вопросу о сокращении алфавита*, опубликованной в ответ на статью Н. Яковлева в рамках полемики, возникшей по поводу применения математического подхода к построению алфавита, впервые, судя по результатам наших изысканий, появляется термин «умлаут» [Шор, 1928, с. 71]. В более ранних обследованных источниках он не обнаруживается. Рассуждая об умлауте, Шор видит в нем графическое средство и относит его к числу аналитических начертаний или знаков, дополняющих графему и позволяющих передать некоторые произносительные

особенности соответствующей базовой фонемы. При этом она ссылается на примеры использования диакритики в семитских языках (арабский, древнееврейский). Затруднительно назвать такой подход к умлауту новым, поскольку его в связи с семитской письменной традицией рассматривал еще Хейзе [Heuse, 1856, S. 147], и задолго до него В. Икельзамер в *Teütfche Grammatica* [Ickelsamer, 1534].

Год спустя в *Самоучителе немецкого языка для взрослых* Б. Шмелева наряду с термином «перегласовка» появляется орфографический вариант «умляут» [Шмелев, 1929, стб. 177]. В дальнейшем в двух различных написаниях – «умлаут» и «умляут» – термин встречается в целом ряде работ по истории и теории германских языков⁸.

Термин «умлаут» впервые становится объектом лексикографической фиксации в 1949 г. в третьем издании *Словаря иностранных слов* под редакцией И. Лехина и Ф. Петрова (СИС₁, 1949, с. 665). В составе дефиниции «умлаута» используется термин «палатализация» в применении к «коренному гласному», однако термин «палатализация» не может рассматриваться в качестве синонима, поскольку (как и его аналог «смягчение») обозначает явление общefonетического характера, которое возникает по различным причинам, в частности как следствие каких-либо фонетических процессов, не связанных с умлаутом. В издании упомянутого словаря 1954 г. в качестве леммы фиксируются уже два варианта написания термина – «умлаут» и «умляут» (СИС₂, 1954, с. 712).

Термин «умлаут» обнаруживается во втором издании *Большой советской энциклопедии*. Особенностью его лексикографической репрезентации было не только написание через «я», но и ошибочное ударение на первом слоге, объясняемое, по-видимому, начальным ударением в исходном немецком термине (Umlaut) (БСЭ₁, 1956, т. 44, с. 226–227). В третьем издании *Энциклопедии* даны уже орфографические дубликаты – через «а» и через «я» – с ударением на втором слоге, причем написание через «а» предлагалось в качестве основного (БСЭ₂, 1977, т. 27, с. 10).

В 1964 г. термин «умлаут» лексикографирован в *Словаре современного русского литературного языка* с написанием через

«я» (ССРЛЯ, 1964, т. 16, стб. 613). Один из последних случаев лексикографической фиксации интересующего нас термина отмечен в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* [Виноградов, 1990]⁹.

От термина «умлаут» с течением времени образовывались производные. Одним из первых таких слов стало «умлаутный», которое в 1933 г. встречается в работе Е. Поливанова *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*: «Для сравнения приведем число гласных фонем в узбекских диалектах... в андижанском (IV) и “умлаутном” (IVA) типах – 9 (прибавляются ө и ү)» [Поливанов, 1933, с. 39].

Выводы

1. Умлаут как фонетическое явление стал объектом описания в русской лингвистике около середины XVIII века. В это время умлауты, как правило, относились к разряду дифтонгов, поскольку считалось, что они представляют собой сочетание двух звуков (М. Шванвиц, С. Вуяновский, И. Шалль, Ф. Гёлтергоф). К концу XVIII в. в сочинениях отдельных ученых фиксируется иной подход к оценке фонетического статуса умлаутов (И. Фабиан, А. Шумахер). В частности, Фабиан (1799), с опорой на работы Аделунга, Гейнаца и Морица относит умлауты к простым звукам. Очевидно, что статус умлаута в сочинениях российских языковедов менялся в зависимости от позиции, которую в разное время по этому вопросу занимали немецкие лингвисты. На исходе XVIII в. Фабианом было предложено первое русское терминологическое название умлаута – «оголосок».

2. В XIX в. умлаут получил целый ряд различных наименований. К ним относятся «перемена гласных» (И. Шмидт, 1844; В. Добровский, 1888), «перезвук» (М. Катков, 1845; П. Перевлесский, 1854; А. Майков, 1957; А. Потебня, 1965; Ф. Мюллер (в переводе Дм. Лавренка), 1865; Н. Некрасов, 1872; К. Аксаков, 1880), «перегласовка» (А. Майков, 1957; А. Дювернуа, 1862; И. Бодуэн де Куртенэ, 1871, 1872, 1877; А. Гильфердинг, 1871; Б. Дорн, 1875; А. Кочубинский, 1876; В. Добровский, 1888; Т. Флоринский, 1895), «слияние гласных» (К. Хейзе (в переводе И. Желтова), 1864, 1872), «изменение гласной» (Н. Лен-

стрём, 1871), «перегласование» (К. Аппель, 1882), «суживание гласных» (Т. Флоринский, 1895). Столь обширный список синонимичных наименований умлаута объясняется прежде всего отсутствием у исследователей единой точки зрения на это лингвистическое явление, что приводило к появлению различных, в том числе ошибочных, трактовок его сущности.

3. В начале XX в. название «перегласовка» остается практически единственной номинацией, обозначающей умлаут. Заимствованный методом транслитерации из немецкого языка в русский термин «умлаут» появился, как показывает исследование, в 1928 г. в работе Р. Шор. Параллельно возник его орфографический дублет «умляут» (Б. Шмелев, 1929). В 1933 г. его дериват «умлаутный» использовал Е. Поливанов применительно к типологии узбекских диалектов. С этого времени заимствованная номинация начинает постепенно вытеснять синонимичные языковые единицы, созданные на основе русского морфемного материала. Объяснение здесь видится в ограниченном характере употребления термина «умлаут», применяемого обычно при описании фонетического и грамматического строя языков германской группы, и, следовательно, в возможности узкого толкования его семантики.

4. Термин «умлаут» впервые лексикографирован в 1949 г. в *Словаре иностранных слов* И. Лехина и Ф. Петрова. В переиздании этого словаря (1954) приводятся оба орфографических варианта – «умлаут» и «умляут». Написание через «я» сохраняется в справочных изданиях вплоть до 1964 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе *Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gefetze, Geschichte des letzten Landtags* Клопшток отмечает: «Wem folte es uns deutlich feyn, wenn ich zum Exempel fagte: Aus Strom wird Ströme, und fang aus fingen, durch den Umlaut? Wenn aus a â, aus o ô, und aus u ü wird, als Kraft Kräfte, floß flöße, Fluß Flüffe; so ift der Umlaut beftimt: und wird aus irgend einem Selbstlaute irgend ein anderer, als kommen, kam; laufen, lief; fliehen, floh; so ift der Umlaut unbestimt?» [Klopstock, 1774, с. 229] – Кому из нас было бы понятно, если бы я, к примеру, сказал, что благодаря умлауту из Strom получится Ströme, a fang из fingen? Если из a полу-

чается *ā*, из *o* – *ō* и из *u* – *ū*, например Kraft – Kräfte, floß – flöße, Fluß – Flüße, то это точно умлаут, а если из какого-либо гласного получится другой гласный, как kommen – kam; laufen – lief; fliehen – floh, то здесь умлаут не очевиден? (перевод наш. – А. И.).

Как видим, Клопшток понимает под умлаутом любое изменение корневого гласного в разных частях речи вне зависимости от причин такого изменения.

² В статье не рассматриваются параллельные названия умлаута «метафония» и «вокалическая инфлексия», которые иногда встречаются в русской лингвистической литературе, но в германистике широкого распространения не получили.

³ Ср. с *Нѣмецкой Грамматикой* С. Вуяновского, составленной «изъ... наипачеже готшедовыхъ книгъ»: «Двогласнаа суть, ѡже двѣма гласныма состоятъ; находятса же ихъ въ нѣмецкомъ языкѣ три; ѡко: *ā* (ae), *ō* (we), *ū* (uy)» [Вуяновский, 1772, с. 4].

⁴ Русский эквивалент немецкого термина «Ablaut» появляется в 1865 г. в переводе работы Ф. Мюллера *Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ Королевскомъ британскомъ институтѣ*. Ср.: «...существуютъ такія тонкости, какъ напр. приращеніе въ греческомъ, измѣненіе гласныхъ въ европейскомъ, перезвукъ (Umlaut) и отзвукъ (Ablaut) въ тевтонскихъ діалектахъ, которыя полагають насъ въ пользу предположенія, что языкъ допустилъ чисто музыкальныя или звуковыя различія, соотвѣтственно весьма ощутительнымъ и существеннымъ различіямъ мысли» [Мюллер, 1865, с. 298]. Переводчик попытался подобрать подходящий терминологический вариант, однако ничего лучше, чем структурная калька «отзвук», придумать не сумел. Перевод не прижился в терминологической системе русской лингвистики в силу широкой семантики лексемы «отзвук», которая на немецкий язык переводится как *Nachklang* или *Widerhall*, что имеет мало общего со значением термина «Ablaut».

Термин «перегласовка» в XIX в. можно встретить после 1859 г. в работах А. Дювернуа (*О происхожденіи «варягъ-Руси»*, 1862; *Система основныхъ элементовъ и формъ Славянскихъ нарѣчій*, 1872), И. Бодуэна де Куртенэ (*Нѣсколько словъ по поводу «Общеславянской азбуки»*, 1871; *Языки индо-германскіе семитическіе. Попытки характеристики этихъ двухъ отраслей языковъ*, 1872; *Отчеты командированнаго Министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу съ ученою цілю И.А. Бодуэна де Куртенэ о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг.*, 1877), А. Гильфердинга (*Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій*, 1871), Б. Дорна (*Каспій, о походахъ древнихъ*

русскихъ въ Табаристанѣ, 1875), А. Кочубинского (*Отчетъ о занятіяхъ Славянскими нарѣчійми*, 1876), В. Добровского (*Къ ученію о славянскомъ глаголѣ*, 1888) и др.

⁵ В отдельных случаях Потебня в цитируемой работе вообще не переводит термин «Umlaut» на русский язык, ограничиваясь использованием немецкой лексемы: «Umlaut въ Нѣм. есть ассимиляція несмягченной гласной последующею ётою или гласною *й*» [Потебня, 1865, с. 81].

⁶ В оригинале: «Dieser Vocalwandel ist in den semitischen Sprachen das vorherrschende Mittel der Wortbildung und Biegung, zeigt sich aber in den Sprachen des indogermanischen Stammes nur in der Erscheinung des Ablautes, welcher in den germanischen Sprachen offenbar begriffliches Wort- und besonders Stammbildungsmittel ist; während der Umlaut ursprünglich nur ein phonetischer Vorgang ist, eine Laut-Trübung ohne begriffliche Bedeutung, und nur späterhin scheinbar etymologische und grammatische Bedeutung gewinnt (*brach, brich, Bruch, brechen, gebrochen, – brach, bräche, Bruch, Brüche* etc.)» [Heyse, 1856, S. 147].

⁷ Г. Асколи выдвинул гипотезу, объяснявшую, по его мнению, появление в составе старофранцузского вокализма звука *й* из *u* под влиянием кельтского языка на латынь Галлии, что, однако, не нашло своего отражения в графике. В противоположность Асколи, В. Мейер-Любке полагал, что это изменение произошло вне всякой связи с кельтским языком.

⁸ В числе таких трудов с соблюдением хронологии можно упомянуть исследования Б.А. Ильиша (*История английского языка*, 1935; 1938 и след.), В.М. Жирмунского (*История немецкого языка*, 1948), О.Н. Никоновой (*Фонетика немецкого языка*, 1948), А. Мейе (*Основные особенности германской группы языков*, 1952), М.М. Гухман (*От языка немецкой народности к немецкому национальному языку*, 1955), В.Д. Аракина (*Очерки по истории английского языка*, 1955), К. Бруннера (*История английского языка*, 1955), О.И. Москальской (*История немецкого языка*, 1959), Ж. Марузо (*Словарь лингвистических терминов*, 1960), А.А. Трахтерова (*Английская фонетическая терминология*, 1962), *Сравнительную грамматику германских языков* (1962) и др.

⁹ Разумеется, перечень случаев лексикографирования термина «умлаут» не ограничивается только указанными источниками. В частности, исследуемая терминологическая единица встречается в своих дублетных формах в словаре Р. Симеона (*Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*, 1969), выступает в качестве леммы в словаре О.С. Ахмановой (*Словарь лингвистических терминов*, 1966), в первом и последующих изда-

ниях словаря Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (*Словарь-справочник лингвистических терминов*, 1972, 1985, 2001), в учебном словаре-справочнике В.Н. Немченко (*Основные понятия фонетики в терминах*, 1993) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С. 1880. Опыт Русской грамматики // Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Сочинения филологическая. М. : В Университетской Типографии (М. Катковъ). 469 с.
- Аппель К., 1882. Una lettera glottologica di G.I. Ascoli, pubblicata nell'occasione che raccoglie vasi in Berlino il quinto congresso internazionale degli orientalisti. Torino. 1881 // Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. VII (Годъ 4-ый). С. 329–332.
- Булич С. К., 1904. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. СПб. : Типографія М. Меркушева. 1261 с.
- Виноградов В. А., 1990. Умлаут // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 535.
- Вуяновский С., 1772. Нѣмецкаа Грамматика, изъ различныхъ авторовъ, наипачеже готшедовыхъ книгъ собранна, и въ пользу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ языкѣ изаснена. Вѣнна : При Юсифѣ Курцъбекѣ Цесаро-Крал. Восточно-Иллърыческомъ Типографѣ. 595 с.
- Гёлтергоф Ф., 1791. Нѣмецкая грамматика, въ которой не токмо всѣ части рѣчи, или произведение словъ, но и синтаксисъ, или сочиненіе словъ, оба надлежащими примѣрами объяснены, въ пользу Россійскаго юношества. М. : В Университетской типографіи, у В. Огорокова. 368 с.
- Готшедова Нѣмецкая грамматика, вновь исправленная, и для ползы и употребленія Россійскаго благороднаго юношества напечатанная, вторымъ тисненіемъ, 1769. СПб. : При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ. 423 с.
- Добровский В. М., 1888. Къ ученію о славянскомъ глаголѣ (продолженіе) // Русскій Филологическій Вѣстникъ. Т. V (Годъ 27-й). С. 677–705.
- Катков М. Н., 1845. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка : Разсужденіе, написанное на степень магистра кандидатомъ М. Катковымъ. М. : В Университетской типографіи. 258 с.
- Майков А. А., 1857. Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кирилицею, въ связи с исторіею народа. М. : В Университетской типографіи. 857 с.
- Мюллер Ф. М., 1865. Лекціи по наукѣ о языкѣ, читанныя въ Королевскомъ британскомъ институтѣ. СПб. : Изданіе редакціи «Библиотека для чтенія». 313 с.
- Некрасов Н., 1872. Краледворская рукопись въ двухъ транскрипціяхъ текста. Съ предисловіемъ, словарями, частью грамматическою, примѣчаніями и приложениями. СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ. 439 с.
- Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за послѣднюю треть 1858 года: Отдѣленіе VI. VIII. Языкознание, 1859 // Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. № 102. С. 179–186.
- Перевлесский П. М., 1854. Памятники Старословенскаго языка, изданные для лицея. СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ. 354 с.
- Поливанов Е. Д., 1933. Русская грамматика в сопоставленіи с узбекскимъ языкомъ. Ташкент : Госиздат УзССР. 182 с.
- Потебня А. А., 1865. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій // Филологическія Записки. Вып. I. С. 49–91.
- Сравнительная грамматика германскихъ языковъ : в 5 т. Т. 2 : Фонологія, 1962. М. : АН СССР. 402 с.
- Фабіан И., 1799. Новая Нѣмецкая грамматика, или Руководство правильно говорить и писать по нѣмецки, основанное на правилахъ лучшихъ Нѣмецкаго языка учителей: Аделунга, Гейнаца и Морица. М. : В Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія. 223 с.
- Флоринский Т. Д., 1895. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. I. Киевъ : Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. 527 с.
- Хейзе К., 1864. Система языковѣдѣнія в переводѣ И.М. Желтова (Продолженіе) // Филологическія Записки. Вып. II. С. 125–188.
- Шаль И. Э. Ф., 1789. Новая Нѣмецкая грамматика, обучающагося юношества въ Императорскомъ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. СПб. : Печатано при ономъ же Корпусѣ. 263 с.
- Шванвиц М., 1745. Нѣмецкая грамматика, Собранная прежде изъ разныхъ авторовъ, а нынѣ для употребленія Санктпетербургской гимназіи вновь пересмотрѣнная и во многихъ мѣстахъ исправленная. СПб. : Печатана при Императорской Академіи наукъ. 447 с.
- Шмелев Б. В., 1929. Самоучитель немецкаго языка для взрослых (метод Мертнера). Курс II (для продолжающих). М. : изд. автора. 349 с.
- Шор Р. О., 1928. К вопросу о сокращеніи алфавита : (Критическія замечанія на статью проф. Н.Ф. Яковлева «Математическая формула

построения алфавита». «Культура и письменность Востока». Кн. 1-ая. М. 1928) // Культура и письменность Востока. Кн. II. Баку : Изд. ВЦК НА. С. 62–75.

- Шумахер А. В., 1819. Новая практическая Нѣмецкая грамматика, сочиненная для употребленія въ Педагогическомъ Институтѣ и въ другихъ подобныхъ училищахъ. СПб. : Типографія Департамента народнаго просвѣщенія. 232 с.
- Heyse K., 1856. System der Sprachwissenschaft. Berlin : Ferdinand Dümmler's Verlagsbuchhandlung. 475 S.
- Ickelsamer V., 1534. Ain Teütfche Grammatica. Augsburg : Uhart. 79 S.
- Klopstock F. G., 1774. Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gefetze, Gefchichte des letzten Landtags. Auf Befehl der Aldermaenner durch Salogaft und Wleamar. Hamburg : Gedrukt bey J.J.C. Bode. 448 S.

СЛОВАРИ

- БАСРЯ* – Большой академический словарь русского языка. Т. 16. Перевалец – Пламя. М. : Наука ; СПб. : Наука, 2011. 638 с.
- БСЭ*₁ – Большая советская энциклопедия : в 50 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. М. : Сов. энцикл., 1950–1957. Т. 32 : Панипат – Печура. 1955. 628 с. ; Т. 44 : Ужи – Фидель. 1956. 664 с.
- БСЭ*₂ – Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 27. Ульяновск – Франкфорт / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. энцикл., 1977. 624 с.
- СИС*₁ – Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. 801 с.
- СИС*₂ – Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1954. 853 с.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. Ф. П. Филин. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1965. Т. 9 : П – пнуть. 1959. 741 с. ; Т. 16 : У – Ф. 1964. 805 с.
- Lenstroem N. Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch. Sondershausen : Verlag von Fr. Aug. Eupel (Otto Kirchhoff) ; Leipzig : G.E. Schulze, 1871. 704 S.
- Schmidt J. Vollständiges Ruffifch-Deutſches und Deutſch-Ruffifches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. Erfter Theil: Ruffifch-Deutſch. Leipzig: Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1844. 514 S.

REFERENCES

- Aksakov K.S. 1880. Opyt Russkoy grammatiki [An Essay on Russian Grammar]. *Polnoye*

sobranie sochineniy. V 3 t. T. 3. Sochineniya filologicheskaya [Complete Collection of Works. In 3 Vols. Vol. 3. Philological Works]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii (M. Katkov). 469 p.

- Appel K., 1882. Una lettera glottologica di G.I. Ascoli, pubblicata nell'occasione che raccoglie vasi in Berlino il quinto congresso internazionale degli orientalisti. Torino. 1881. *Russkiy Filologicheskij Vestnik* [Russian Philological Bulletin], vol. 7, pp. 329-332.
- Bulich S.K., 1904. *Ocherk istorii yazykoznaniiya v Rossii* [Essay on the History of Linguistics in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva. 1261 p.
- Vinogradov V.A., 1990. Umlaut [Umlaut]. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sov.entsikl. Publ., p. 535.
- Vuyanovskiy S., 1772. *Nemetskaya Grammatika, iz razlychnykh avtorov, naipachezhe gotshedovykh knig sobranna, i v polzu serbskikh detey na slavenoserbskom yazyke izyasnena* [German Grammar Collected from Various Authors, Especially Gottsched Books, and Explained in Slavonic-Serbian Language for the Benefit of Serbian Children]. Vienna, Pri Iosife Kurzbecke Tsezaro-Kral. Vostochno-Illirycheskom Tipografe. 595 p.
- Gelterhof F., 1791. *Nemetskaya grammatika, v kotoroy ne tokmo vse chasti rechi, ili proizvedenie slov, no i sintaksis, ili sochinenie slov, oba nadlezhashhimi primerami obyasneny, v polzu Rossiyskago yunoshestva* [German Grammar, in Which Not Only All Parts of Speech, or the Production of Words, but Also Syntax, or the Composition of Words, Both Are Explained by Appropriate Examples, for the Benefit of the Russian Youth]. Moscow, V Universitetskoy tipografii u V. Okorokova. 368 p.
- Gotshedova Nemetskaya grammatika, vnov ispravlennaya, i dlya polzy i upotrebleniya rossiyskago blagorodnago yunoshestva napechatannaya, vtorym tisneniyem* [Gottsched's German Grammar, Again Corrected, and Printed for the Benefit and Use of the Russian noble Youth], 1769. Saint Petersburg, Pri morskom shlyakhetnom kadetskom Korpuse. 423 p.
- Dobrovskiy V.M., 1888. K ucheniyu o slovyanskom glagole (prodolzheniye) [To the Study of the Slavic Verb (Continuation)]. *Russkiy Filologicheskij Vestnik* [Russian Philological Bulletin], vol. 5, pp. 677-705.
- Katkov M.N., 1845. *Ob elementakh i formakh slavyano-russkago yazyka. Razsuzhdeniye, napisannoye na stepen magistra kandidatom*

- M. Katkovym* [On Elements and Forms of the Slavic-Russian Language: Study Made for a Master's Degree by Candidate M. Katkov]. Moscow, V Universitetskoy tipografii. 258 p.
- Maykov A.A., 1857. Istoriya serbskogo yazyka po pamyatnikam, pisannym kirilitseyu, v svyazi s istorieyu naroda [The History of the Serbian Language According to Records Written in Cyrillic, in Connection with the History of the People]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii. 857 p.
- Müller F.M., 1865. *Lektsii po nauke o yazyke, chitannyya v Korolevskom britanskom institute* [Lectures on the Science of Language Given at the Royal British Institute]. Saint Petersburg, Izdaniye redaktsii «Biblioteka dlya chteniya». 313 p.
- Nekrasov N., 1872. *Kraledvorskaya rukopis v dvukh transkriptsiyakh teksta. S predisloviyem, slovaryami, chast'yu grammaticheskoyu, primechaniyami i prilozheniyami* [Kraledvorsky Manuscript in Two Transcriptions of the Text. With a Preface, Dictionaries, Grammar Part, Notes and Appendices]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 439 p.
- Obozreniye russkikh gazet i zhurnalov za poslednyuyu tret 1858 goda: Otdeleniye VI. VIII. Yazykoznaniiye [Review of Russian Newspapers and Magazines for the Last Third of 1858: Section 6. 8. Linguistics], 1859. *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], no. 102, pp. 179-186.
- Perevlesskiy P.M., 1854. Pamyatniki Staroslovenskogo yazyka, izdannyye dlya litseya [Monuments of the Old Slavonic Language, Published for the Lyceum]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 354 p.
- Polivanov E.D., 1933. *Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom* [Russian Grammar in Comparison with the Uzbek Language]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 182 p.
- Potebnya A.A., 1865. O zvukovykh osobennostyakh russkikh narechiy [On the Sound Features of Russian Dialects]. *Filologicheskaya Zapiski* [Philological Notes], iss. 1, pp. 49-91.
- Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov: v 5 t. T. 2: Fonologiya* [Comparative Grammar of Germanic Languages. In 5 Vols. Vol. 2. Phonology]. Moscow, AN SSSR. 402 p.
- Fabian I., 1799. *Novaya Nemetskaya grammatika, ili Rukovodstvo pravilno govorit i pisat po nemetski, osnovannoye na pravilakh luchshikh Nemetskogo yazyka uchiteley: Adelonga, Geynatsa i Moritsa* [New German Grammar, or a Guide to Speak and Write German Correctly, Based on the Rules of the Best German Language Teachers: Adelong, Heynatz and Moritz]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii, u Ridigera i Klaudiya. 223 p.
- Florinskiy T.D., 1895. *Lektsii po slavyanskomu yazykoznaniiyu. Ch. 1* [Lectures on Slavic Linguistics. Part 1]. Kiyev, Tipografiya Imperatorskago Universiteta sv. Vladimira. 527 p.
- Heyse K., 1864. Sistema yazykovedeniya v perevode I.M. Zheltova (Prodolzheniye) [The System of Linguistics in Translation by I.M. Zheltov (Continuation)]. *Filologicheskaya Zapiski*, iss. 2, pp. 125-188.
- Shall I.E.F., 1789. *Novaya Nemetskaya grammatika, obuchayushchagosya yunoshestva v Imperatorskom Shlyakhennom Sukhoputnom Kadetskom Korpuse* [The New German Grammar of the Youth Studying in the Imperial Gentry Land Cadet Corps]. Saint Petersburg, Pechatano pri onom zhe Korpuse. 263 p.
- Schwanwitz M., 1745. *Nemetskaya grammatika, Sobrannaya prezhe iz raznykh avtorov, a nyne dlya upotrebleniya Sanktpeterburgskoy gimnazii vnov peresmotrnnaya i vo mnogikh mestakh ispravlennaya* [German Grammar. Once Brought Together from Different Authors, but Now Overlooked Again and Much Improved. Published on the Use of the St. Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, Pechatana pri Imperatorskoy Akademii nauk. 447 p.
- Shmelev B.V., 1929. *Samouchitel nemetskogo yazyka dlya vzroslykh (metod Mertnera). Kurs II (dlya prodolzhayushchikh)* [Self-Taught German for Adults (Mertner's Method). Course 2 (For Continuing Students)]. Moscow, izd. avtora. 349 p.
- Shor R.O., 1928. K voprosu o sokrashchenii alfavita. (Kriticheskiye zamechaniya na statyu prof. N.F. Yakovleva «Matematicheskaya formula postroyeniya alfavita»). *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. 1-aya. M. 1928* [On the Issue of Alphabet Reduction (Critical Remarks on the Article by Prof. N.F. Yakovlev "Mathematical Formula for Constructing the Alphabet". Culture and Writing in the East. Book 1. Moscow, 1928)]. *Kultura i pismennost Vostoka. Kn. 2. Baku, Izd. VTSK NA*, pp. 62-75.
- Shumakher A.V., 1819. *Novaya prakticheskaya Nemetskaya grammatika, sochinennaya dlya upotrebleniya v Pedagogicheskom Institute i v drugikh podobnykh uchilishchakh* [A New Practical German Grammar, Composed for Use in the Pedagogical Institute and in Other Similar Schools]. Saint Petersburg, Tipografiya

- Departamenta narodnago prosveshcheniya. 232 p.
- Heyse K., 1856. *System der Sprachwissenschaft*. Berlin, Ferdinand Dümmler's Verlagsbuchhandlung. 475 S.
- Ickelsamer V., 1534. *Ain Teütsche Grammatica*. Augsburg, Ulhart. 79 p.
- Klopstock F.G., 1774. *Die deutsche Gelehrtenrepublik. Ihre Einrichtung. Ihre Gezeze, Gefchichte des letzten Landtags. Auf Befehl der Aldermaenner durch Salogast und Wleamar*. Hamburg, Gedrukt bey J.J.C. Bode. 448 S.
- Prokhorov A.M., ed. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. T. 27: Ulyanovsk –Frankfort* [Great Soviet Encyclopedia. In 30 Vols. Vol. 27]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1977. 624 p.
- Lekhin I.V., Petrov F.N., eds. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1949. 801 p.
- Lekhin I.V., Petrov F.N., eds. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1954. 853 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950–1965. Vol. 9. P – pnut. 1959. 741 p.; Vol. 16. U – F. 1964. 805 p.
- Lenstroem N. *Russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch*. Sondershausen, Verlag von Fr. Aug. Eupel (Otto Kirchhoff); Leipzig, G.E. Schulze, 1871. 704 p.
- Schmidt J. *Vollständiges Ruffisch-Deutsches und Deutsch-Ruffisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen*. Erfter Theil: Ruffisch-Deutch. Leipzig, Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1844. 514 p.

DICTIONARIES

Information About the Author

Andrey V. Ivanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the International Scientific Laboratory “Basic and Applied Linguistic Research”, Nizhny Novgorod Linguistics University, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Иванов, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.7>

UDC 81'367'37
LBC 81.053+81.052.2

Submitted: 09.11.2022
Accepted: 09.02.2023

CHARACTERIZING FUNCTION OF VERBS OF MOVEMENT (ON THE MATERIAL OF BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Yuliya V. Bekreyeva

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Abstract. The article touches upon a relevant linguistic problem of representation of knowledge about a person in the word semantics. The object of the study is Belarusian and English verbs denoting the movement of a person. The author uses a complex method to reveal implicatory semantic features in the verb meaning, including conceptual analysis and modelling of the situation of movement, component analysis of meaning on the material of dictionary definitions, contextual analysis of concordance examples from national text corpora (COCA, Belarusian N-corpus). As a result of the study, several inferential schemes were identified. These schemes reflect the combining patterns of differential semantic features in the core of verb meaning (movement parameters) and implicatory features of person's characteristics: "direction of movement – person's desire, intention", "body posture – social evaluation", "speed – energy, emotion", "purpose – morality, will". The presented schemes of inferential knowledge, as well as the characteristics of a person that were identified in the meanings of the verbs of movement during the research, serve as a semantic basis for verbs of movement to implement a characterizing function in speech: a description of movement in a certain manner induces a characteristic image of a person. The results of the study proved the hypothesis that some knowledge about a person as a performer of the designated movement is stored in the implicational of the verb meaning. This knowledge becomes the target for inference based on the associative links between the differential components of meaning in the verbs of movement.

Key words: verbs of movement, semantic structure, intensional, implicational, implicatory feature, inference.

Citation. Bekreyeva Yu. V. Characterizing Function of Verbs of Movement (On the Material of Belarusian and English Languages). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 84-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.7>

УДК 81'367'37
ББК 81.053+81.052.2

Дата поступления статьи: 09.11.2022
Дата принятия статьи: 09.02.2023

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Юлия Викторовна Бекреева

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Статья посвящена актуальной для лингвистики проблеме репрезентации знаний о человеке в семантике слова. Объектом изучения избраны белорусские и английские глаголы, обозначающие передвижение человека. Автор применяет комплексную методику экспликации семантических признаков, характеризующих человека: концептуальный анализ и моделирование ситуации передвижения, компонентный анализ системного значения на материале словарных дефиниций, контекстуальный анализ конкордансных примеров из национальных корпусов текстов (COCA, Белорусский N-corpus). Выявлены инференциальные схемы, отображающие закономерности семной комбинаторики интенционала (параметров передвижения) и импликационала (характеристик человека): «направление движения – желание, намерение человека», «поза тела – социальная оценка», «скорость – энергия, эмоция», «цель – мораль, воля». Показано, что представленные схемы выводного знания, а также выделенные в ходе анализа признаки человека, нашедшие отражение в значениях глаголов передвижения, служат семантическим основанием для реализации характерологи-

ческой функции в речи: описание передвижения определенным способом индуцирует образ личности человека. В результате исследования подтверждена авторская гипотеза о том, что знания о человеке как исполнителе обозначаемого передвижения закреплены в импликационале глагольного значения и в коммуникативных целях подлежат процедуре инференции на основе ассоциативных связей дифференциальных компонентов значения глаголов передвижения.

Ключевые слова: глаголы передвижения, семантическая структура, интенционал, импликационал, импликациональный признак, инференция.

Цитирование. Бекреева Ю. В. Характерологическая функция глаголов передвижения (на материале белорусского и английского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 84–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.7>

Введение

Глаголы передвижения относятся к достаточно изученным лингвистическим объектам, однако вопрос о способах выражения знаний о человеке глаголами данной группы остается открытым. Актуальность исследования обусловлена ведущим антропоцентрическим подходом, в рамках которого, по словам Е.А. Поповой, «человек – это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова, 2002, с. 69].

Рассматривая глагол как особый тип репрезентации знаний, Е.С. Кубрякова подчеркивает базисность концепта «движение» для частеречного значения: «глагол представляет собой в принципе нечто вроде метонимического обозначения тех когнитивных характеристик, которые были получены при наблюдении за разными видами движения и которые сами отразили репрезентацию и осмысление протекания движения во времени и в пространстве. Именно в этом заключается смысл определения глагола как процессуального признака, способного метонимически восстанавливать гораздо более сложные и развернутые структуры в нашей памяти, создавая каркас будущего предложения» [Кубрякова, 1992, с. 90].

Движение традиционно определяется как любое изменение положения тела, а перемещение и передвижение – только как поступательное изменение местоположения всего тела [Теньер, 1988, с. 298–299, 322–325]. Термин «перемещение» в силу своих деривационных связей ассоциируется с понятием «место, местоположение». Это дает основание описывать семантику глаголов пе-

ремещения преимущественно через пространственные характеристики. Кроме того, в группу глаголов перемещения включаются единицы, обозначающие перемещение не только субъекта (человека), но и объекта (например, *везти, поднимать, переставлять*), что делает термин «перемещение» неактуальным для исследования движения, носителем которого является человек. В качестве названия лексико-семантической группы глаголов, обозначающих изменение местоположения человека в пространстве, в контексте нашей работы целесообразно использование термина «передвижение», поскольку он указывает на центральный концептуальный элемент анализируемой ситуации – движение – и на его отношение с пространственными определителями.

Глаголы передвижения – это особый семантический пласт лексики, который отражает активную роль человека в познании мира: лишь в движении и осознанном, произвольном взаимодействии с объектами реальной действительности, он способен познавать мир и самого себя. Г. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд отмечают, что глаголы передвижения быстро усваиваются детьми и являются самыми характерными с точки зрения глагольности среди других глаголов: «the most characteristically verbal of all the verbs» [Miller, Johnson-Laird, 1976, p. 527]. Прототипическим субъектом абсолютного большинства лексикализованных ситуаций передвижения во всех языках выступает человек. В структуре полисемантических глаголов, обозначающих передвижение иных существ (например, движение потока воды, ветра, животных), обязательно представлен как минимум один лексико-семантический вариант «передвижение человека».

Поскольку человек является центральным участником ситуации, представления о нем находят отражение в компонентах значения глаголов передвижения. В исследованиях, посвященных семантике этих глаголов, указание на человека ограничивается общим компонентом «одушевленный субъект» [Faber, Mairal, 1999, p. 96; Fillmore, Baker, 2010; Talmy, 2000], отдельные характеристики, например, эмоции, определяются как дифференциальный компонент «манера, способ движения» [Амирова, Храмова, 2020; Поддубный, 2002; Кошелев, 1996].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что знания о человеке как об исполнителе обозначаемого передвижения закреплены в импликационале глагольного значения и в коммуникативных целях подлежат процедуре инференции на основе ассоциативных связей дифференциальных компонентов интенционала. Таким образом, в задачу предпринимаемого исследования входит обнаружение свойств, присущих человеку, – его атрибутов – в семантике глаголов передвижения. С одной стороны, термин «атрибут» коррелирует с философским пониманием характеризующего свойства, «отчуждаемого» от субстанции [Философский словарь, 1991, с. 26]. Атрибутами человека являются те характерные свойства, которые выделяют его из ряда других существей мира: сознание, интеллект, воля, чувства, эмоции, моральные и нравственные ценности и т. п. Вслед за Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1992, с. 90], мы устанавливаем механизм метонимии в значении глагола: наличие атрибута имплицитно предполагает носителя, но сам носитель не объективирован. С другой стороны, термин «атрибут» подчеркивает специфику предикации: человек, называемый именным актантом при глаголе-предикате, наделяется характеристиками, которые предусмотрены его функцией или ролью в обозначаемой ситуации передвижения. Таким образом, присутствие в структуре значения глагола передвижения семантических признаков, отражающих атрибуты человека (далее – атрибутивных признаков), обуславливает характерологическую функцию глагола в речи.

Наиболее ярко особенности репрезентации человека в значениях лексических еди-

ниц обнаруживаются в сопоставлении лексико-семантических систем языков, поэтому в качестве материала исследования избраны глаголы передвижения в английском и белорусском языках.

Материал и методы

В определении структуры и состава значения глаголов передвижения можно выделить три основные стратегии:

- 1) концептуальное моделирование ситуации с вычленением фрагментов и участников передвижения;
- 2) дефиниционный анализ с выделением компонентов смысла, категориальных и дифференциальных сем;
- 3) синтагматический анализ с определением семантических согласований и валентностей (семантических ролей, актантных позиций и т. д.).

Концептуальное моделирование основано на конструировании обобщенной схемы ситуации и анализе значения глагола в аспекте инкорпорации и специализации выделенных фрагментов и/или участников. Например, ставшая классической модель движения, предложенная Л. Тэлми, включает движущийся объект – фигуру (Figure), недвижимый объект – фон (Ground), относительно которого фиксируется смена местоположения фигуры, движение (Motion) и путь (Path), который представляет собой пространственно-геометрический комплекс, определяющий направление движения фигуры относительно фона [Talmy, 2000]. Вербализация модели демонстрируется предложениями, в которых каждый элемент модели выражен эксплицитно. Например: *John*^{Фигура} *ran*^{Движение} *into*^{Путь} *the room*^{Фон} ‘Джон вбежал в комнату’.

Вместе с тем и на материале глагольных лексем в рамках лексико-семантической группы «передвижение» в одном языке, и на материале глаголов передвижения в разных языках обнаружено, что, с одной стороны, определенные компоненты модели инкорпорированы в значение глагола, с другой – в модели не отражены некоторые смысловые компоненты, которые устанавливаются при анализе глагольного значения. В частности, английский глагол *run* и его русский эквивалент *вбежал*

в представленном примере включают в значение компонент «скорость», но только русский глагол инкорпорирует путь «внутри». М. Раппапорт-Ховав и Б. Левин рассматривают инкорпорацию компонентов ситуации передвижения в глагольном значении в аспекте ограничений лексикализации: в корневой морфеме глагола может быть инкорпорирован только один компонент ситуации передвижения – манера движения (например, *walk* ‘передвигаться пешком’) или результат (например, *come* ‘приходить, прибывать’) [Rapaport-Hovav, Levin, 2010, p. 26–28].

На основе типологического анализа глаголов передвижения по концептуальной модели «Фигура – Движение – Путь – Фон» Л. Тэлми приходит к выводу о релевантности выделения трех основных моделей организации глагольного значения:

– инкорпорация способа движения (например, *crawl* ‘ползти’) или причины движения (*abscond* ‘сбегать, скрываться’);

– инкорпорация направления движения (*advance* ‘двигаться вперед’);

– инкорпорация движущейся фигуры (*rain* ‘(о дожде) идти, литься’) [Talmy, 2000].

Даже с указанным дополнением, концептуальная модель не отображает связи между способом, причиной, направлением движения и типом движущейся фигуры или свойствами пути. Человек в предложенной концептуальной модели представлен либо как наблюдатель, находящийся за рамками концептуализируемого события, либо как категориальный тип фигуры.

Моделирование концептуальной структуры ситуации в виде фрейма сопровождается анализом предложений с целью определения синтаксически выраженных компонентов ситуации [Fillmore, Baker, 2010]. При таком подходе семантическая структура значения глагола-предиката сводится (с некоторыми оговорками) к семантической структуре предложения. Во-первых, в отличие от предложения, полученная фреймовая модель представлена в значении глагола «в свернутом виде» [Качнельсон, 2002, с. 83]. Во-вторых, выделяются ядерные компоненты, которые всегда находят выражение при употреблении глагола в предложении, и периферийные компоненты, которые определяют факультативную семантико-

грамматическую сочетаемость глагола в предложении [Fillmore, Baker, 2010].

Компонентный анализ значения глаголов передвижения позволяет установить значимые для носителей языка элементы смысла [Кузнецов, 2015, с. 163–164], которые участвуют в вербальной категоризации (номинации словом фрагмента действительности) и дифференциации вариативных ситуаций на лексическом уровне (например, какие ситуации можно обозначить глаголом *бежать*, а какие – глаголом *идти*). «Идея перемещения в пространстве легко комбинируется с другими совместимыми с движением характеристиками: способом движения (идти, ползти), средой перемещения (идти, плыть), скоростью (бежать, мчаться), направления, пределов, каузации движения и другими разнообразными сопутствующими характеристиками, взятыми порознь или совместно одна с другой» [Никитин, 2007, с. 426]. Как показано Е.И. Булгак, компоненты «среда», «скорость», «направление», «цель», «причина», «способ движения» устанавливаются на парадигматическом уровне при сопоставлении системных лексических значений глаголов лексико-семантической группы «передвижение» [Булгак, 1972].

В терминах стохастической модели значения М.В. Никитина категориальные семантические признаки, по которым слова объединяются в лексические группы, и дифференциальные семантические признаки, которые разграничивают значения слов внутри лексической группы, формируют интенционал глагольного значения. Семантические признаки, выводимые на основе ассоциативных и логических связей и актуализируемые при употреблении слов с определенной долей вероятности, относятся к импликационалу [Никитин, 1988, с. 164]. Вопрос о разграничении семантических признаков передвижения относительно интенционала и импликационала остается открытым.

В качестве примера реализации компонентного анализа приведем исследование семантической структуры глаголов с общим значением «манера передвижения» в английском и русском языках [Амирова, Храмова, 2020]. На основе анализа дефиниций синонимического ряда глагола *walk* ‘идти’ и соответствующих русскоязычных эквивалентов

О.Г. Амирова и А.В. Храмова выделили семантические компоненты разных типов: интегральную сему «самостоятельное передвижение субъекта в пространстве», дифференциальные семантические признаки «скорость передвижения», «цель передвижения», «состояние субъекта при передвижении». Последний компонент определялся авторами гипотетически и верифицировался в ходе эксперимента с носителями языка, направленного на оценку семантической согласованности глагола, обозначающего определенный способ передвижения, и эксплицированного указания на эмоциональное состояние субъекта или цель передвижения. Например, исследователи полагают, что в значении глагола *stride* 'ходить широким, уверенным шагом' присутствует дифференциальный признак «уверенность субъекта при передвижении». Данные эксперимента, проведенного авторами статьи, подтвердили распознавание признака «уверенность» в значении глагола, употребленного в развернутом контексте: *He began to stride up and down the room again, with his confident suggestion of being right* 'Он снова начал ходить взад-вперед по комнате, уверенно намекая на свою правоту'.

Выделяемый на уровне дефиниции компонент «состояние субъекта», уточняющий манеру передвижения, определяется нами как семантический репрезентант атрибута человека в ситуации передвижения, атрибутивный признак. Однако необходимо отметить, что семантические признаки данного типа имеют вероятностный характер, то есть являются скорее импликационными, чем дифференциальными. Во-первых, в дефиниции конкретизирован тип шага. Оппозиция «широкий шаг – маленький шаг» на парадигматическом уровне дифференцирует глаголы *stride, pace, leap* и *scuttle, toddle, hop*. Во-вторых, экспериментальные данные, приведенные в статье О.Г. Амировой и А.В. Храмовой, показывают, что информанты не были едины в своих оценках релевантности признака. В-третьих, определение словарного конкретизатора «уверенным шагом» как репрезентанта семантического компонента «состояние субъекта» предполагает инференциальный вывод на основе реконструкции метонимической ассоциации: *уверенный* – признак-атрибут челове-

ка, который перенесен на результативный этап движения (шаг).

Несмотря на то, что словарные дефиниции содержат богатый материал для семасиологического моделирования, далеко не все компоненты значения находят эксплицитное выражение, в частности, категория субъекта «человек» практически не отражается в словарных толкованиях как конкретизатор глаголов передвижения. Способ определения значения, избранный лексикографами (например, определение через синонимы или иллюстрацию употребления слова в предложении), может затруднить компонентный анализ.

Синтагматический анализ на материале контекстов употребления глаголов передвижения позволяет выявить актуализируемые компоненты значения. Основной тезис такого подхода к определению значения состоит в наличии семантического согласования между словами в синтагме: синтагматическая связь слов обусловлена общими семантическими признаками [Влавацкая, 2010]. Компоненты значения, обеспечивающие сочетаемость глагола, могут определяться на макроуровне как соответствующие элементы когнитивной модели или пропозиции (примером являются фреймовые модели значения [Fillmore, Baker, 2010]), и на микроуровне как совокупность семантических признаков, конкретизирующих категории участников и параметры передвижения [Acedo-Matellan, Mateu, p. 117]. На основе абстрагирования от конкретного лексико-семантического варианта, сопоставления и обобщения семантических признаков, выделенных для членов лексической группы, устанавливается «семантический архетип» ситуации передвижения [Жопорская, 1996, с. 113].

Изменения в значении глагола и, как результаты таких изменений, его вторичные лексико-семантические варианты, подтверждаются сменой семантических категорий и позиций сочетающихся актантов и сирконстантов. Например, во вторичном лексико-семантическом варианте глагола *run* актант, обозначающий путь, выдвигается в позицию субъекта, актант со значением направления является обязательным компонентом конструкции: *The road runs west* 'Дорога бежит на запад'.

Иллюстрацией успешного применения стратегии синтагматического анализа для

определения компонентов значения глаголов передвижения является исследование бесприставочных древнерусских глаголов движения, проведенного О.А. Горбань и представленного в коллективной монографии «Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект» [Семантика..., 2009, с. 99–136]. Обращаясь к анализу функционирования глаголов движения в древнерусских текстах, автор определяет семный состав в структурах глаголов, а также типы модуляционных семантических изменений при сохранении категориально-лексической семы «перемещение в пространстве» и деривационных семантических изменений при замещении категориально-лексической семы и переходе глагола в другую лексико-семантическую группу.

Для определения особенностей репрезентации человека в ситуации передвижения и выявления атрибутивных признаков в структуре значения английских и белорусских глаголов передвижения была избрана комплексная методика, интегрирующая три указанные стратегии моделирования лексического значения.

Дефиниции глаголов передвижения, представленные в лексикографических источниках (Freedictionary.com; Slounik.org), послужили исходным материалом семасиологического анализа. Многоступенчатый компонентный анализ конкретизаторов словарной дефиниции сопровождался распределением выявленных признаков относительно концептуальных участников ситуации передвижения, в частности устанавливались признаки, ориентированные на концептосферу «человек», которая представлена в обобщенной модели передвижения как концептуальный участник «Фигура движения». Метонимический способ репрезентации человека как основного участника ситуации передвижения в значении глагола предусматривает установку схем инференции импликационных признаков. В дополнение к дефиниционному анализу по толковым словарям использовался метод челночного перевода, позволивший выявить сходства и различия в семном составе той части значения, которая отражает знания о человеке в ситуации передвижения в белорусском и английском глагольном лексиконе.

Вероятностный характер импликационных признаков допускает наличие вари-

антного ряда и разной степени актуализации признака при функционировании глагола в речи. Примеры употребления глаголов в синтагмах с субъектом категории «человек», извлеченные из национальных текстовых корпусов (BelNC; СОСА), послужили материалом для синтагматического анализа, направленного на обнаружение актуализации признака в условиях контекста. При этом в качестве подтверждающего маркера для актуализированного признака, характеризующего человека, служит эксплицитное выражение аналогичного свойства человека или дублирование аналогичного семантического признака в других лексических единицах в ближайшем контексте. В качестве опровергающего маркера выступает эксплицитное выражение противоположного по смыслу признака человека в ближайшем контексте. В немаркированных контекстах факт возможности встраивания выявленного атрибутивного признака в семантическую структуру высказывания без искажения смысла рассматривается как случай имплицитной характеристики человека. Актуализация атрибутивного признака с частотой 50 % и выше с учетом контекстуальных уточнителей, ограничивающих лексико-семантический вариант глагола-предиката, подтверждает наличие данного признака в структуре глагольного импликационала.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволил установить некоторые общие закономерности семной комбинаторики интенционала и импликационала, которые составляют семантическое основание для реализации характерологической функции глаголов передвижения в речи. Импликациональные признаки, отражающие характер человека, устанавливаются на базе ассоциативной связи определенных дифференциальных компонентов значения глаголов передвижения. Таким образом, можно выделить следующие схемы инференции атрибутов человека в значении глаголов передвижения.

1. «Направление движения – желание, намерение человека». Глаголы направленного движения индуцируют атрибутивный признак обобщенного типа «намерение, желание», который может преобразовывать-

ся в импликационные признаки «инициативный», «решительный», «целеустремленный» при конкретизации направления «вперед». Такая импликация обнаруживается в семантике базовых глаголов направленного передвижения *ісці* и *go*, что объясняет целый ряд их функциональных особенностей. Так, и для белорусского, и для английского глагола характерна комплементация с другим глаголом действия в повелительных конструкциях, например: *ідзі зрабі штосьці, go get something*. Белорусский приставочный дериват *найсці* употребляется в аналогичных сочетаниях и в повествовательных предложениях (*найсці зрабіць штосьці*) как переводной эквивалент сочетаний *go* с инфинитивной формой другого глагола (*go to do something*). Второй глагол в таких конструкциях выражает действие-цель.

Атрибут «намерение, желание», имплицированный в первичном лексико-семантическом варианте глагола *go*, получает актуализацию и преобразуется в интенциональный компонент значения в грамматической конструкции *to be going to* «намереваться, собираться (что-то сделать)». Признак «намерение, инициатива» сохраняется в структуре значения глаголов *ісці, найсці* при семантической деривации, в результате которой категориальный признак «движение» заменяется на признак «изменение» или «действие», например: *ісці на карысць* «становиться корыстным, делать выбор в пользу корыстного желания», *ісці на ахвяру* «добровольно жертвовать собой, становиться жертвой», *ісці ў навук* «становится ученым, выбирать науку как профессию». Значение глагола *ісці* в последнем примере соответствует английскому фразовому глаголу *go in for*, который употребляется для выражения добровольного выбора занятия, профессии: *go in for science*.

В белорусском лексиконе представлены глаголы, производные от существительного *накірунак* «направление» – *кіравацца, накіравацца*. В значении данных глаголов импликационный признак «целеустремленный» совмещен с признаком «рациональный», «сознательный» на основе логической инференции: для осознанного выбора направления необходимо обладать способностью рационального мышления:

(1) У вас, сялян, усё кіруюцца праўду знайсці ўва ўсім ‘У вас, крестьян, всё стремятся правду найти во всем’ (М. Гарэцкі, BelNC).

Синонимичный глагол направленного передвижения *падацца* имплицитно подразумевает выбор направления, обусловленный внешним воздействием или осознанной потребностью человека, поэтому в контекстах употребления эксплицитно или имплицитно представлена причина движения. Устойчивое словосочетание *куда падацца* имплицитно подразумевает неприкаянность, осознание потребности в действии, но неумение сделать выбор.

2. «Поза тела – социальная оценка». Компонент «способ передвижения» может получать конкретизацию через определение особой позы при движении. В глагольных дефинициях обнаруживаются два типа конкретизаторов: описание положения функциональных частей тела (рук, ног) относительно поверхности пути и прямая оценка манеры движения с помощью характеристик, свойственных человеку. Импликационные атрибутивные признаки выводятся на базе сложившихся в социуме ритуалов для демонстрации отношения к людям: визуально уменьшать тело (склонять голову, плечи, становиться на колени и т. п.) для выражения подчинения, уважения к тому, кто считается выше по социальному статусу; визуально увеличивать тело (расправлять плечи, вытягиваться, поднимать высоко голову) для выражения собственного превосходства или смелости. В процедуре инференциального вывода существенную роль играют причинно-следственные связи: если положение тела при движении оправдано характеристиками пути и среды передвижения (например, узкий проход, наличие препятствия) в значении глаголов передвижения ползком *караскацца, скараскацца, прапаўзіці, дапаўзіці, далезці, залезці, прысунуцца* и английских *creep, crawl, worm* могут актуализироваться признаки «ловкий», «гибкий» (пример (2)). Актуализация признака «усилие», ассоциативно связанного с наличием препятствий или неблагоприятных характеристик поверхности пути движения, индуцирует атрибутивные признаки положительной оценки «упорный», «решительный» (пример (3)). Если признак «усилие» деактуализирован в признак «без труда, слишком легко» в контексте условий и пути

передвижения актуализацию получают признаки отрицательной оценки «наглый», «настырный», «коварный» (пример (4)).

(2) Яны адважна рынуліся ў багавінне. Трэба аддаць справядлівасць нашым хлопцам: паказалі яны сябе тут сапраўднымі героямі. Праціскаліся, караскаліся, скакалі з купіны на купіну, загразалі, выцягвалі адзін аднаго, пакуль... зноў не ўбачылі возера! 'Они отважно ринулись в водоросли. Надо отдать должное нашим парням: показали они себя здесь настоящими героями. Протискивались, карабкались, скакали с кочки на кочку, вязли, вытягивали друг друга, пока... снова не увидели озеро!' (Я. Маўр, BelNC);

(3) Жыццё мяне круціла на ўсе бакі: падаў, караскаўся і зноў уставаў 'Жизнь меня крутила во все стороны: падал, карабкался и снова вставал' (С. Грахоўскі, BelNC);

(4) Янук Качарга, сын вёскі Няўродаўкі, шчасцем пралез у вялікі горад, папаў на службу і застаўся жыць назаўсёды 'Янук Кочерга, сын деревни Невродовки, удачно пролез в большой город, попал на службу и остался жить навсегда' (У. Галубок, BelNC).

В английском языке выделяется глагол *worm* 'передвигаться как червь', производный по конверсии от существительного. Морфосемантическая инкорпорация образа червя обуславливает высокий характерологический потенциал глагола, который реализуется при описании передвижения человека как в физическом (пример (5)), так и в нефизическом (пример (6)) пространствах.

(5) He wormed his way through dirt 'Он пробрался через грязь' (Ophelia, COCA).

(6) They say that Jews wormed their way, in their words, into control over the US government 'Они говорят, что евреи пробрались, по их словам, к контролю над правительством США' (Eli Saslow, COCA).

Компонент «манера движения» в значениях английских глаголов *crawl* и *creep* 'ползти' совмещен с компонентом скорости «медленно». При выдвигении признака «медленно» атрибутивные признаки, ассоциируемые с положением тела при движении, как правило, не актуализируются. В значение глагола *creep* может вводиться целевой компонент «остаться незамеченным для других», который индуцирует атрибутивные признаки «осторожный», «коварный». Глагол *tiptoe* 'передвигаться на

цыпочках' включает целевой признак «остаться незамеченным, чтобы не потревожить других», который не связан с импликацией отрицательной оценки.

В ряде английских глаголов представлены компоненты, которые являются результатом субъективной оценки позы тела при движении. Образ действия оказывается метонимически связанным с характером его исполнителя. Например, в словарных дефинициях глагола *strut* 'ходить с важным видом' дается описание стереотипной позы «as with the chest thrown out» 'будто с выпяченной грудью' и ее оценочная интерпретация «in a pompous manner» 'в напыщенной манере' (Freedictionary.com).

В белорусском языке глаголов, обозначающих передвижение с важным, напыщенным, самодовольным видом, не выявлено. Однако достаточно регулярно встречаются сочетания глагола передвижения с характеризующими именами в качестве эксплицитованного компонента «манера движения», например *хадзіць гогалем / арлом / фертам*.

Передвижение, сопровождаемое серией смены позиции тела относительно поверхности пути в направлении «вверх-вниз», ассоциативно связано с энергичностью и приподнятым настроением. Глаголы, обозначающие такой тип движения, *frisk, gambol, caper, frolic, hop, скакаць, прыскокваць, гарэзаваць, гасаць*, имплицитно атрибутивны «радость», «воодушевление» или «дурость», «легкомыслие» (если актуализируется ассоциация с нерациональной, неуместной затратой энергии).

(7) The woman laughed again, and arms spread wide she spun and capered about the square with girlish glee 'Женщина снова засмеялась и, широко раскинув руки, закружилась и запрыгала по площади с девичьим задором' (The Last Decree of Ban-Fayan, COCA);

(8) А сама Лідачка жартуе, гарэзуе, як дзіцяні 'А сама Лидочка шутит, резвится, как ребенок' (М. Зарэчкі, BelNC).

Дифференциальный признак, определяющий тип шага, ассоциативно связан с параметрами размера и веса. Так, «маленький, легкий шаг» имплицитно атрибутивен предпологаемого физического возраста (ма-

ленький, юный), параметров физического тела (маленький рост или легкий вес), социального статуса (подчиненный, слабый) или интеллектуальных способностей (легкомысленный). Подобные атрибутивные признаки обнаруживаются в импликационале английских глаголов *scuttle* 'бежать мелкими шагами', *toddle* 'идти маленькими шажками (как ребенок)', *mince* 'семенить'. В белорусском языке отдельных глагольных лексем для аналогичных значений не выявлено. «Тяжелый шаг» соотносится с импликацией параметров тела (большой, грузный), «душевной» тяжести, усталости. Данные атрибутивные признаки присутствуют в импликационале английских глаголов *tread* 'идти, тяжело ступая', *lumber* 'передвигаться тяжело, неповоротливо'.

В значении глаголов *trudge*, *toil* 'тащить', *shuffle* 'волочить ноги', *plod* 'брести' и *цягнуцца* 'тащиться', *плесціся* 'плестись', *брысці* 'брести' имплицированы признаки «усталый», «подавленный» на основе инференции по определенной позе в процессе движения: спина согнута, ноги слабо отрываются от земли, руки свисают, голова может быть опущена, шаг тяжелый (примеры (9), (10)). Белорусский глагол *брысці* включает импликациональный признак «незнание, неполная осведомленность о пути следования» (пример (11)). Конкретизация позы тела в значении вышперечисленных глаголов дополняется конкретизированным признаком скорости «медленно»:

(9) Падышоў насільшчык з запэцканым чамаданам, за ім плялася худая, замораная кабета 'Пошел носильщик с заляпанным чемоданом, за ним плелась худая, заморенная женщина' (А. Мрый, BelNC);

(10) With a sinking feeling, I trudged up to my room and swiped my key through the lock 'С тяжелым чувством я поплелся в свою комнату и провел ключом-картой по замку' (С. Doctorow, COCA);

(11) Жывуць, брыдуць, а дзе – не знаюць 'Живут, бредут, а где – не знают' (Я. Колас, BelNC).

Передвижение с неустойчивой координацией тела ассоциативно связано с характеристиками «слабый» или «нездоровый». Данный атрибутивный признак включен в импликационал английских глаголов *toddle*, *totter*, *hobble* 'ковылять', *limp* 'хромать', *stagger* 'идти, шатаясь' и белорусских глаголов *кульгаць*

'хромать', *кльмаць* 'ковылять', *шкандыбаць* 'шкандыбать'.

3. «Скорость – энергия, эмоция». Компонент скорости, выраженный в семантических признаках «быстро», «медленно», связан с импликациональными атрибутами «энергия», «эмоция». Медленная скорость ассоциативно связана с угнетенным эмоциональным состоянием, бессилием, усталостью. Признак скорости «быстро», особенно в комбинации с признаками направления «вперед» или «к конечному пункту», индуцирует атрибутивные признаки «энергичный», «воодушевленный», «настойчивый», «решительный». Два последних признака репрезентируют атрибут «воля», импликация которого связана с совмещением целевого компонента и компонента направления. Примером такой комбинаторики является структура значения белорусского глагола *рынуцца*. Его английский переводной эквивалент *dart* 'побежать, метнуться, ринуться быстро и резко к чему-л. или от чего-л.' имеет более свободную сочетаемость по признаку направления и соответственно демонстрирует более широкую вариативность в импликации эмоций исполнителя движения, например, признак «воодушевленный» (пример (12)) или признак «злой» (пример (13)).

(12) Cissney mimed a salute, then laughed, and darted away 'Циссни изобразил приветствие, затем рассмеялся и умчался прочь' (Death is Part of the Process, COCA);

(13) Commander darted past the arms room, hissing curses under his breath (From a certain point of view, Star Wars, COCA), 'Командир пронесся мимо оружейной, шипя проклятия себе под нос'.

Признаки «внезапно, резко» и «быстро» имплицированы аффективное эмоциональное состояние человека в движении, конкретизация которого зависит от коммуникативной ситуации. Например, белорусский глагол *кідацца* (*кінуцца*) в примере (14) актуализирует вероятностную характеристику человека «агрессивный», в примере (15) аффективное состояние уточняется как «горе, истерика».

(14) Першыя часы быў надта злосны. Пачаў бушаваць, кідаўся да маткі, але яна яго ізноў супакоіла 'Первое время был очень злой. Начал бушевать, бросался на мать, но она его снова успокоила' (Я. Колас, BelNC);

(15) Заламаўшы рукі, маці разрываючым душу крыкам галасіла і прычытвала. Як непрыгоманая, кідалася яна ў ваду, яе трымалі мужчыны ‘Заламывая руки, мать истощным криком голосила и причитала. Как иступленная, кидалась в воду, ее держали мужчины’ (Я. Колас, BelNC).

Комбинация семантических признаков «быстро», «прочь» вводит в импликационную часть значения атрибутивные признаки «трусливый» или «слабый, слабовольный». Такая комбинация представлена в семантике глаголов *збягаць*, *збегчы* и *flee*. Актуализация конкретного признака из вероятностного ряда обусловлена контекстом; при эксплицитном выражении причины, которая оценивается как разумный мотив для описанного действия, естественная реакция, атрибут «трусость» нивелируется, например *збегчы з-пад абстрэлу*, *flee from war*.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «суждение о причинных отношениях нуждается в верификации, суждение о цели – в реализации. Человек ищет существующие в реальном мире причины явлений, но создает возможный мир желательных для него положений дел» [Арутюнова, 1992, с. 15].

4. «Цель – мораль, воля». Компонент направления в семантической структуре глаголов передвижения служит для указания на продуктивную цель. В значении отдельных глаголов представлены дифференциальные признаки, отражающие корыстную цель: *гнацца*, *chase* ‘преследовать (чтобы получить что-л.)’, *красціся* ‘красться’ (общий корень с глаголом красть), *prowl* ‘преследовать (как хищник)’. Данные глаголы включают в импликационал атрибутивные признаки «коварный», «алчный», «хитрый» или «упорный», «решительный». Актуализация положительной или отрицательной оценки зависит от контекстуальных уточнителей обстоятельств передвижения. Например, в следующем предложении актуализирован отрицательный признак «жадный, алчный»:

(16) Надта за хлебам народ гоніцца, а хлеба дастане, дык і за крамнай вопраткай, і за лясаванымі ботамі гоніцца, і ўсё маркоціцца ‘Слишком народ за хлебом гоняется, а когда достанет хлеб, так и за магазинной одеждой, и за начищенными сапогами гоняется и все печалится’ (Ф. Багушэвіч, BelNC).

В двух языках выделяется группа глаголов с дифференциальным компонентом «непродуктивная цель». В дефинициях английских глаголов *wander*, *roam*, *meander* ‘бродить’ данный компонент выражен признаком «без определенной цели»: в импликационал данных глаголов включены признаки «праздный», «ленивый». В белорусских дефинициях представлены дополнительные конкретизаторы «без работы», «без пользы»: *бадзяцца* ‘бродить, мыкаться’, *швэндацца* ‘шляться, околачиваться’, *совацца* ‘слоняться’, *шатацца* ‘шататься’, *шлындаць* ‘шлѐндать’, *шлындацца* ‘болтаться, шататься’, *туляцца* ‘скитаться’. В значениях указанных глаголов можно выделить импликациональные атрибутивные признаки «безынициативный», «неспособный», «ленивый», «бесхарактерный», «нерешительный». Признаки непродуктивной или неопределенной цели комбинируются с признаками направления «туда-сюда», «в неопределенном направлении».

Как отмечают исследователи, глаголам с дифференциальным компонентом «цель» свойственна интерпретационность и субъективность значения [Левонтина, Шмелев, 2005, с. 78]. Такая особенность семантики, на наш взгляд, обусловлена наличием импликациональных атрибутивных признаков, отражающих характеристики человека на основе моральных норм, которые могут варьироваться в зависимости от культуры и индивидуального опыта.

Заключение

Антропоцентричность семантики глаголов передвижения проявляется в особенностях отбора и акцентирования определенных семантических компонентов на основе мысленного представления ситуации передвижения, которое включает конструирование схематического образа фигуры в пространстве и «сканирование» движущейся фигуры относительно неподвижного фона. Человек, объективированный как фигура на фоне, в разных физических и эмоциональных состояниях, с разными намерениями, желаниями, морально-этическими установками, интеллектуальными способностями передвигается по-разному. Концептуальная связь между типом пе-

редвижения (передвижение определенным способом, в определенной среде, в определенном направлении, с определенной скоростью и т. д.) и свойствами человека, который способен осуществлять означенное передвижение, находят отражение в значениях глаголов лексической группы «передвижение». Семантические признаки, характеризующие человека, представляют собой выводное знание и относятся к импликациональной части глагольного значения. Схемы «выведения» импликациональных признаков на основе содержания дифференциальных компонентов значения и семантико-синтагматических согласований глагола с актантами и сирконстантами в предложении объясняют концептуальную связь «тип движения – характер человека» и обосновывают характерологическую функцию глаголов передвижения, которую можно рассматривать в аспекте речепроизводства (подбор глаголов передвижения для создания образа человека, о котором идет речь) и в аспекте речевосприятия (формирование представления о личности человека на основе словесного описания его передвижения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирова О. Г., Храмова А. В., 2020. Метод компонентного анализа глаголов с общим значением «манера передвижения» в английском и русском языках // Развитие образования. № 2. С. 49–54.
- Арутюнова Н. Д., 1992. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия : сб. ст. М. : Наука. С. 14–23.
- Булгак Е. И., 1972. Компонентная структура значения «передвижение» // Вопросы филологии. Вып. 2. Минск : Вышэйшая школа. С. 40–46.
- Влавацкая М. В., 2010. Комбинаторная семасиология: семный состав слова и сочетаемость // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 12. С. 255–265.
- Кацнельсон С. Д., 2002. Типология языка и речевое мышление. М. : Едиториал УРСС. 215 с.
- Копорская Е. С., 1996. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. М. : РАН. С. 112–120.
- Кошелев А. Д., 1996. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике: Семантика. Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики. М. : Яз. рус. культуры. С. 82–194.
- Кубрякова Е. С., 1992. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия : сб. ст. М. : Наука. С. 84–90.
- Кузнецов А. М., 2015. Словарное значение и его психологическая реальность для среднего носителя языка // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 1. С. 160–168.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Ключевые идеи русской языковой картины мира : коллектив. моногр. М. : Яз. слав. культуры. 544 с.
- Никитин М. В., 2007. Курс лингвистической семантики. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 819 с.
- Никитин М. В., 1988. Основы лингвистической теории значения. М. : Высш. шк. 168 с.
- Поддубный А. А., 2002. Глаголы движения и особенности движущихся объектов // Studia Linguistica. Вып. XI: Проблемы когнитивной семантики. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена. С. 85–94.
- Попова Е. А., 2002. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. № 3. С. 69–77.
- Семантика древнерусского глагола: синхронно-диакронический аспект : коллектив. моногр., 2009 / под ред. Е. М. Шептухиной. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 352 с.
- Теньер Л., 1988. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс. 653 с.
- Философский словарь, 1991 / под ред. И. Т. Фроловой. М. : Политиздат. 560 с.
- Acedo-Matellan V., Mateu J., 2015. Parameters and Argument Structure I: Motion Predicates and Resultatives // Contemporary Linguistic Parameters. London ; N. Y. : Bloomsbury. P. 99–122.
- Faber P. B., Mairal R., 1999. Constructing a Lexicon of English Verbs. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. 350 p. DOI: 10.1515/9783110800623
- Fillmore Ch., Baker C. F., 2010. A Frames Approach to Semantic Analysis // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press. P. 791–817. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199544004.001.0001
- Miller G., Johnson-Laird Ph. 1976. Language and Perception. Cambridge : Cambridge University Press. 760 p.
- Rappaport-Hovav M., Levin B., 2010. Reflections on Manner/Result Complementarity // Lexical Semantics and Event Structure. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press. P. 21–38.
- Talmy L., 2000. Towards a Cognitive Semantics. Concept Structural Systems. Vol. I. Cambridge :

The MIT Press. URL: <http://cogsci.edu/semanticstalm.com>. DOI: 10.7551/mitpress/6847.001.0001

ИСТОЧНИКИ

BelNC – Беларускі N-корпус. URL: <https://bnkorporus.info/korpus.be.html>
COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
FreeDictionary.com – *The Free Dictionary*. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>
Slounik.org – Слоўнік: Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі. URL: <https://slounik.org/>

REFERENCES

- Amirova O.G., Hramova A.V., 2020. Metod komponentnogo analiza glagolov s obshchim znacheniem «manera peredvizheniya» v angliyskom i rusском yazykakh [Method of Componential Analysis of Verbs with Common Meaning “Manner of Motion” in English and Russian]. *Razvitie obrazovaniya* [Development of Education], no. 2, pp. 49-54.
- Arutyunova N.D., 1992. Yazyk tseli [Speaking of Acts and Aims]. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli deystviya: sb. st.* [Logical Analysis of Language. Models of Action. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 14-23.
- Bulgak E.I., 1972. Komponentnaya struktura znacheniya «peredvizhenie» [Component Structure of Meaning “Motion”]. *Voprosy filologii. Vyp. 2* [Issues of Philology. Iss. 2]. Minsk, Vyshyeyschaya shkola Publ., pp. 40-46.
- Vlavackaya M.V., 2010. Kombinatornaya semasiologiya: semnyy sostav slova i sochetaemost [Combinatory Semasiology: Semantic Contents of a Word and Combinability]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University], no. 12, pp. 255-265.
- Katsnelson S.D., 2002. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of Language and Verbal Thinking]. Moscow, Editorial URSS Publ. 215 p.
- Koporskaya E.S., 1996. «Semanticheskij arkhetyp» glagolov fizicheskogo dvizheniya v ego otnoshenii k stroeniyu glagolnogo klassa [“Semantic Archetype” of Verbs of Physical Motion in Its Relation to the Construction of the Verb Class]. *Slovar. Grammatika. Tekst* [Vocabulary. Grammar. Text]. Moscow, RAN, pp. 112-120.
- Koshelev A.D., 1996. Referencialnyy podkhod k analizu yazykovykh znacheniy [Referential Approach to the Analysis of Verbal Meanings]. *Moskovskiy lingvisticheskiy almanakh. Vyp. 1: Spornoe v lingvistike: Semantika, Leksikografiya. Referentsialnyy analiz. Metayazyk lingvistiki* [Moscow Linguistic Almanac. Iss. 1: Controversial in Linguistics: Semantics. Lexicography. Referential Analysis. Metalanguage of Linguistics]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 82-194.
- Kubryakova E.S., 1992. Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Action Verbs Through Their Cognitive Characteristics]. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli deystviya: sb. st.* [Logical Analysis of Language. Models of Action. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-90.
- Kuznetsov A.M., 2015. Slovarnoe znachenie i ego psikhologicheskaya realnost dlya srednego nositelya yazyka [Vocabulary Meaning and Its Psychological Reality for an Average Language Speaker]. *Chelovek: Obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 1, pp. 160-168.
- Levontina I.B., Shmelev A.D., 2005. Na svoikh dvoikh: leksika peshego peremeshheniya v rusском yazyke [On Your Own Foot: Vocabulary for Walking in Russian Language]. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: kolektiv. monogr.* [Key Ideas of Russian Language Worldview. Collective Monograph]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 544 p.
- Nikitin M.V., 2007. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course in Linguistic Semantics]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena. 819 p.
- Nikitin M.V., 1988. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Bases of Linguistic Theory of Meaning]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 168 p.
- Poddubnyy A.A., 2002. Glagoly dvizheniya i osobennosti dvizhushchikhsya obyektov [Verbs of Motion and Peculiarities of Moving Objects]. *Studia Linguistica. Vyp. XI: Problemy kognitivnoj semantiki* [Studia Linguistica. Iss. 11: Problems of Cognitive Semantics]. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena, pp. 85-94.
- Popova E.A., 2009. Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykoznaniya [Man as the Fundamental Value of Modern Linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 3, pp. 69-77.
- Sheptukhina E.M., ed., 2009. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kolektiv. monogr.* [Semantics of the Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 352 p.

Tenyer L., 1988. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Basics of Structural Syntax]. Moscow, Progress Publ. 653 p.

Frolova I.T., ed. *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 560 p.

Acedo-Matellan V., Mateu J., 2015. Parameters and Argument Structure I: Motion Predicates and Resultatives. *Contemporary Linguistic Parameters*. London, New York, Bloomsbury, pp. 99-122.

Faber P.B., Mairal R., 1999. *Constructing a Lexicon of English Verbs*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter. 350 p. DOI: 10.1515/9783110800623

Fillmore Ch., Baker C.F., 2010. A Frames Approach to Semantic Analysis. *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 791-817. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199544004.001.0001

Miller G., Johnson-Laird Ph., 1976. *Language and Perception*. Cambridge, Cambridge University Press. 760 p.

Rappaport-Hovav M., Levin B., 2010. Reflections on Manner/Result Complementarity. *Lexical Semantics and Event Structure*. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 21-38.

Talmy L., 2000. *Towards a Cognitive Semantics. Concept Structural Systems. Vol. I*. Cambridge, The MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/6847.001.0001. URL: <http://cogsci.edu/semanticstalmy.com>

SOURCES

Belaruski N-korpus [Belarusian N-Corpus]. URL: <https://bnkorporus.info/korpus.be.html>

Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>

Slounik: Belaruskiya slouniki i yentsyklapedyi [Slounik: Belarusian Dictionaries and Encyclopedias]. URL: <https://slounik.org>

Information About the Author

Yuliya V. Bekreyeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language Lexicology, Doctoral Student, Department of Speech and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, Zakharova St, 21, 220034 Minsk, Belarus, bekreyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1153-2021>

Информация об авторе

Юлия Викторовна Бекреева, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034 г. Минск, Беларусь, bekreyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1153-2021>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.8>

UDC 81'373.215

LBC 81.053.16

Submitted: 28.09.2022

Accepted: 05.12.2022

HYDRONYMIC SPACE OF ADYGEA: STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION ¹

Elena A. Sokur

Adyghe State University, Maykop, Russia

Zuleykhan K. Bedanokova

Adyghe State University, Maykop, Russia

Anzhela A. Adzinova

Adyghe State University, Maykop, Russia

Abstract. The paper deals with the actual issues of regional onomastic space. The names of linear hydro objects – rivers flowing through the territory of the Adyghe Republic are in the focus of consideration. The variety of Adyghe stems and formants, which constitute hydronyms, is represented. The models of such nominations coining are characterized, their productivity is identified. The analysis of etymological, cultural, and ethnolinguistic aspects has enabled the author to conclude that the Adyghe toponyms mostly retained the internal form and connection with the objects that served as the source of nominations. The semantic types of designations, including “nature”, “man”, “landmark in space” have been identified. As a result of the analysis, it was found that the hydronyms of Adyghe Republic represent a certain system of names that reflected the ethnolinguistic picture of the world and the place of a person in it. A comprehensive analysis resulted in structuring the hydronymic space of the region, taking into account systemic relations and interrelations within the subsystem. All hydronyms are combined into a toponymic field, the core of which is topobases, the most frequent in hydronyms and oikonoms derived from them and having the widest semantics. In the center there are units formed according to three semantic types and to productive word-formation models. On the periphery of the field under consideration, there are hydronyms formed on the basis of archaic derivational formants, roots according to unproductive derivational models, but their reference to the selected semantic types is preserved. The suggested approach to the study of hydronyms is applicable to other classes of toponyms, which include the names, traditionally associated with the regional landscape and comprising the regional onomastic field.

Key words: Republic of Adyghea, toponym, toponymic space, regional toponymy, hydronym, principle of nomination, semantic type, structural-and-semantic classification.

Citation. Sokur E.A., Bedanokova Z.K., Adzinova A.A. Hydronymic Space of Adyghea: Structural and Semantic Organization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 97-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.8>

**ГИДРОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АДЫГЕИ:
СТРУКТУРНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ¹****Елена Анатольевна Сокур**

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Зулейхан Кимовна Беданоква

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Анжела Анатольевна Адзинова

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Аннотация. Исследование посвящено проблемам реактуализации регионального ономастического пространства. Объектом исследования послужили названия линейных гидрообъектов рек, протекающих по территории Республики Адыгея. Представлен инвентарь адыгских топооснов и формантов, образующих гидронимы. Охарактеризованы модели создания таких номинаций и определена их продуктивность. С опорой на этимологические, лингвокультурологические и этнолингвистические данные выявлено, что адыгские топонимы преимущественно сохранили внутреннюю форму и связь с объектами, которые послужили источником номинаций. Это дало возможность выделить семантические типы названий: «Природа», «Человек», «Объект – ориентир в пространстве» и показать, что гидронимы Адыгеи формируют систему наименований, отразившую представления народа об окружающем мире и о месте человека в нем. В результате комплексного исследования структурировано гидронимическое поле с закономерными связями и отношениями внутри подсистемы. Его ядро составляют наиболее частотные в гидронимах топоосновы, в центре находятся единицы трех семантических типов, созданные по продуктивным моделям, на периферии располагаются гидронимы, образованные на основе непродуктивных моделей, содержащие архаичный формант и корни, однако сохраняющие отнесенность к семантическим типам. Предложенный в работе подход к изучению гидронимов перспективен для исследования других классов топонимов, содержащих наименования, традиционно ассоциирующиеся с региональным ландшафтом и входящие в региональное ономастическое поле. *Вклад авторов:* Е.А. Сокур разработана концепция исследования, определена структура и содержание рассматриваемого поля, проведен семантический анализ единиц. З.К. Беданоквой подготовлен обзор литературы по теме исследования, проведен структурный анализ гидронимов. А.А. Адзиновой проведен сбор лексикографических данных адыгских названий.

Ключевые слова: Республика Адыгея, топоним, топонимическое пространство, региональная топонимия, гидроним, принцип номинации, семантический тип, структурно-семантическая классификация.

Цитирование. Сокур Е. А., Беданоква З. К., Адзинова А. А. Гидронимическое пространство Адыгеи: структурная и семантическая организация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 97–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.8>

Введение

Человек связан с окружающим миром многообразными отношениями, которые воплощаются в языковых единицах, в том числе в именах собственных. Они, по словам А.В. Суперанской, «активно реагируют на все изменения в обществе, вбирают в себя и сохраняют исторические реалии. Они обычно отражают более древнее состояние языка. Многие факты, скрытые в судьбе имен нарица-

тельных, могут быть вскрыты благодаря анализу собственных имен, в силу особой консервативности последних» [Суперанская, 1973, с. 9]. Имена собственные, в том числе и названия географических объектов представляют собой источник информации об аксиологических и мировоззренческих установках народа, об истории и духовной культуре и являются своего рода формой национальной памяти. Актуальность изучения региональной топонимии обусловлена необходимостью рас-

ширения научных представлений о наиболее продуктивных типах номинации, определении доминирующих тенденций в онимизации аппелятивов как отражении лингвокультурной и этнолингвистической парадигм того или иного региона.

В настоящей статье представлены результаты комплексного исследования гидронимов Адыгеи, проведенного с целью реактуализации гидронимического пространства этого региона в структурном и семантическом аспектах с учетом этимологических, лингвокультурологических и этнолингвистических данных.

Материал и методы

Методологической основой исследования стало понимание системных отношений в региональной топонимии и закономерностей ее развития, принципов анализа единиц этой системы, представленное в трудах известных ученых-ономастологов [Аутлев, 1989; Березович, 1999; Емыкова, 2015; Керашева, 1957; Куек, 2013; Намитокова, Нефляшева, 2016; Подольская, 1988; Суперанская, 1969; Суперанская, 1973; Ханмагомедов, 1990 и др.].

Материалом исследования послужили названия линейных гидрообъектов – рек, протекающих по территории Республики Адыгея. Некоторые из них сохранили свои первоначальные названия, другие же получили новые наименования (именно они зафиксированы на современных и исторических картах). Всего материал составляет 80 гидронимов, извлеченных из словарей, справочников и работ по региональной топонимии (см. список источников и словарей).

Как отмечала А.В. Суперанская, «при более детальном анализе имен собственных мы сталкиваемся с понятием об их ценности в системе. Поскольку это понятие – порождение системы и вне системы не существует, о ценности отдельных имен можно говорить лишь в тех случаях, где рассматривается вся система в целом. Это относится прежде всего к синхронному описанию имен, бытующих на ограниченных территориях, а также в замкнутых коллективах, т. е. к региональным ономастическим исследованиям» [Суперанская, 1973, с. 259].

В различных топонимических системах «река является не столько центром освоения пространства, сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной ориентированностью самого объекта» [Березович, 1999, с. 23], то есть река выступает «организатором» всего топонимического пространства, его связей и отношений. Кроме того, значимость гидронимических объектов исследуемой территории определяется большим количеством рек, а также значительным количеством топонимов, связанных с названиями рек.

Адыгские топонимические наименования уже становились предметом подробного изучения и описания. Так, К.Х. Меретуковым был составлен «Адыгейский топонимический словарь» (издания 1982 и 1990 гг.), в который вошли адыгские названия, зафиксированные в Адыгейской автономной области (существовавшей с 1922 по 1991 гг.), а также в населенных пунктах Краснодарского края. В словаре представлено 3 500 наименований, среди которых не только наименования адыгского происхождения, но и «гибридные, созданные адыгами посредством прибавления своих родных слов к заимствованному иноязычному слову» (АТС, с. 4). Особую ценность представляют впервые зафиксированные микротопонимы, являющиеся, как известно, наиболее уязвимой частью топонимического пространства. В 1974 г. была опубликована работа Дж.Н. Коква «Адыгская (черкесская) топонимия» (более 600 топонимов), в которой описаны единицы топонимии регионов с адыгским населением (или имевшим его) с точки зрения состава (по исходному языку), структурно-грамматических типов и участия в образовании наименований топонимических терминов и топоформантов [Коква, 1974]. Автором подчеркивается, что при сочетании регионального и ареального подходов основное внимание уделяется характеристике общеадыгских ареалов.

Следует отметить, что адыгская топонимия является предметом изучения не только в ономастике, но и в географии [Туова, 2007; Туова, Тугуз, 2015], а также в исторической этнографии (ИТЗЧ). Исследование Н.Х. Емыковой стало первым опытом междисциплинарного изучения проблем адыгской ономасти-

ки, в качестве материала в нем выступают «собственно географические названия, этнонимы, а также личные имена, отраженные в исторических документальных источниках» (ИТЗЧ, с. 5). Несомненной заслугой автора можно считать систематизацию лингвистических (адыгская ландшафтная терминология, словарь устаревших слов), исторических, географических, этнографических, археологических сведений и данных фольклора.

Указанные работы стали «отправной точкой» нашего исследования. Перспективным представляется комплексное описание гидронимического пространства региона с опорой на полевой подход, выявление основных приемов номинации, уточнение этимологии, семантики отдельных географических объектов, традиционно ассоциирующихся с региональным ландшафтом. Отметим, что рассмотрение нерусских географических наименований связано с определенными трудностями. Т.Г. Туовой показано, что некоторые исходные топонимы переосмысливаются соседними народами. Это осложняет изучение топонимических формантов и этимологизацию топонимов. Поэтому установление этимологии топонима осуществляется на основании фонетического, словообразовательного и семантического анализа с учетом исторических и географических данных [Туова, 2006]. Мы используем положения работы Т.Г. Туовой при этимологическом анализе гидронимов, привлекая также данные родственных языков.

При исследовании наименований географических объектов принято выделять группы названий, формируемые на основании каких-либо признаков: в лексико-семантических, морфолого-словообразовательных и структурно-семантических аспектах. В современной лингвистике наиболее востребованной является структурно-семантическая классификация существующих наименований, в которой обозначение семантических типов осуществляется на основе соотношения топонима и апеллятива. При этом семантический тип характеризуется обобщенным признаком, свойственным всем формирующим его географическим названиям (подробно об этом см.: [Рудных, 1972, с. 44]). На наш взгляд, этот вид классификации дает возможность наиболее полно описать топонимические единицы, оп-

ределив продуктивные семантические типы, образуемые названиями, относящимися к одному классу объектов окружающего мира.

В то же время географические названия не связаны напрямую с географическими объектами, между ними всегда стоит человек, выступающий, с одной стороны, субъектом восприятия объектов окружающего его мира, а с другой – создателем наименований этих объектов. Поэтому следует говорить о некоторых принципах номинации гидронимов, характерных, прежде всего, для адыгейского языка, а также для русско-адыгейской языковой среды. Важной в контексте нашего исследования становится высказанная Е.Н. Березович мысль о том, что при изучении топонима необходимо использовать следующие источники информации о его семантике: «Закономерности объектной соотнесенности названий; семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта; связи в пределах семантической микросистемы топонимов; показания языкового сознания носителей топонимической системы; ареал распространения модели» [Березович, 1999, с. 15]. Учет таких источников позволит наиболее полно описать семантическое наполнение наименования водных объектов.

Результаты и обсуждение

В гидронимах Республики Адыгея в качестве топоосновы (топонимического термина) при обозначении водных объектов традиционно используются следующие единицы адыгейского языка:

1) *пс(ы) // пши* «вода, река», причем в препозиции реализуется значение «вода, обладающая каким-либо признаком»: *Псынэф* «вода светлая», *Псыфабэ* «вода теплая», *Псыфыжы* «вода белая»; а в постпозиции – «река, протекающая в определенном месте»: *Афыпс* «река, берущая начало на горе Афа»; *Чигупс* – атрибутивное сложное слово со значением «река, текущая по земле», где *чыгу* «земля»; «данная основа имеет характер остаточного явления» (АТ, с. 50);

2) *псынэ* «родник» > «колодец»: *Псынэкъопс* (*Псинекопс*): *Псынэкъо* «место, где есть родник» + *псы* «река, текущая через Псынэкъо»;

3) *кьо* «долина / ущелье», как правило, в постпозиции: *Мышьэкьо* (*Мишеко*) (*мышьэ* – «медведь, медвежья долина или долина медведей»), *Пыжьыкьо* (*Пижиико*) (*пыжьэ* – «терновый куст, долина с терновником»), *Чыгэякьо* (*Чигеяко*) (*чыгае* – «дуб, дубовая долина»);

4) *кьуладж(э)* «старое русло реки, ручья» > «овраг» (чаще в составных наименованиях): *Псэйктыку кьуладж* (*Псейчетук* «место, где растут клены» + *куладж*): *псэи* «клен», *кэтыку* «низина», *кьуладж* «русло реки» = «овраг или низина, в которой произрастает клен»), *Хьагьур кьуладж* (*Хагур куладж*) «ручей Хагура» или «ручей Хагуровых», *Хьабэкьоц кьуладж* (*Хабэкош куладж*) (*Хьабэкьоц*, *Хьагьур* – имя личное или прозвище); данную топооснову можно считать топонимическим индикатором, поскольку она употребляется преимущественно в адыгейском языке (в отличие от топонимов кабардинского и черкесского происхождения) (АТ, с. 39);

5) *бгы* «вершина, гора»;

6) *бгьу* «бок, боковая сторона»;

7) *гочь* // *гоч* // *гузж* «проток, рукав реки» (ИТЗЧ, с. 42);

8) *кэй* «долина, низина» (ИТЗЧ, с. 59);

9) *кэтыку* // *кэдыку* «низина, ограниченная с одной стороны рекой, а с другой – возвышенностью или лесом» (ИТЗЧ, с. 59);

10) *тыку* // *тыгу* «кут, куток» (АТ, с. 28), «закрытое место» (ИТЗЧ, с. 80);

11) *хьурай* // *хьурей* «круглый, шарообразный».

В качестве топоформанта в наименованиях рек выступают следующие единицы:

1) *жъ* – мелиоративный суффикс со значением «старый, древний или, возможно, большой». Дж.Н. Коков считает, что «во многих названиях элемент *жъ/жь* служит средством отличия собственного имени от соответствующей основы-апеллятива, что позволяет сделать вывод о специально топонимическом значении данного суффикса» (АТ, с. 51–52);

2) *н(э)* – ползунаменательный топоформант со значением места;

3) *лъ* – топоформант со значением местоположения, указывает на изобилие в данной местности чего-либо (как правило, того, что названо основой);

4) *мые* – (фонетическая трансформация в русском языке *май / мае*) со значением «дикая яблоня» или устар. «большой, значительный» – в топонимии используется для усиления значения, свойств, характеристик объекта (ИТЗЧ, с. 63): *Мэзмай* «лес, где растет дикая яблоня», *Гьурмай* «лес, где засохла дикая яблоня» и т. п.;

5) *хь(ы)* от глагола *хьын* «нести, уносить»; в гидронимах выступает как вторая часть, окончание: *Пыцхьэ* (ИТЗЧ, с. 90).

Все гидронимы Адыгеи, подвергшиеся анализу, можно разделить на две группы: сохранившие связь с апеллятивом и утратившие ее.

Большинство гидронимов Адыгеи сохранили связь с апеллятивами. Причиной этого стали особенности образования топонимов в адыгейском языке: основной способ – основосложение. Кроме того, как отмечает Дж.Н. Коков, «дополнительным средством различения подлинных основ топонимов в адыгских языках является специфичность оформления possessивных образований» (АТ, с. 114). Так, если *мышьэ* «медведь» будет указывать не на животное, а на человека (прозвище), то топоним с этим словом будет иметь форму не *мышьэкьуэ* «медвежья балка», а *мышьэ и кьуэ* «медведь и его балка» (АТ, с. 115).

Исходя из сказанного, можно заключить, что при лингвистическом исследовании адыгских гидронимов существует обусловленная особенностями словообразовательной системы адыгейского языка возможность получения подлинной и достоверной информации о характере объекта.

Номинации гидрообъектов имеют тесную связь с такими реалиями окружающего мира, как:

– природные условия: особенности течения, количество и признаки воды (цвет, степень чистоты, запах); рельефные особенности местности; форма, очертания гидрообъектов; растения; животные;

– человек;

– объекты – ориентиры в пространстве.

Сохранение топонимами внутренней формы делает возможным построение их классификации с учетом семантического типа объектов, положенных в основу номинации: «Природа», «Человек», «Объект – ориентир в пространстве».

Семантический тип «Природа»

1. Подтип «Особенности течения, количество и признаки воды»

Единицы этого подтипа преимущественно образованы по продуктивным моделям, характерным для адыгской гидронимии.

Значительное количество единиц образовано от топоосновы *пс* (*пш*) «вода, река» с присоединением элементов, указывающих на особенности течения. Так, обращает на себя внимание гидронимическая пара единиц с противоположным значением: *Пшшш* / *Псыж* / *Пшшз* и *Пшеха* (*Пшыхьэ*). Название *Пшшз* не получило удовлетворительного исчерпывающего описания в специальной литературе (см., например: (АТ; АТС)), К.Х. Меретуков делает следующее предположение: «Кубань (Пшшз) – сильно искаженный фонетический вариант слова “псыж”, где псы “вода” и жь (ж) – суффикс со значением “большой”, “огромный”, то есть “большая, огромная вода”» (АТС, 168). Н.Х. Емыкова считает, что этот адыгский гидроним «относится к группе названий, в которых сохранился архаичный вариант пщ в значении “вода”, “река”... оно состоит из пщы “вода” и щ//щэ от глагола щэн “вести”, и означает “воды ведущая”, т. е. “медленные воды”, “медленная река”» (ИТЗЧ, с. 353). Исследователь сравнивает этимологию *Пшшш* с этимологией названия этой реки в русских документах – *Тихонькая*. Относительно гидронима *Пшеха* (*Пшыхьэ*) отметим, что К.Х. Меретуков приводит разные варианты его толкования, в том числе связывает с *пшыхьэ*, что в абадзехском диалекте адыгейского языка означает «вечер», «сумерки» (АТС, 172). Дж.Н. Коков соотносит название с топоосновой *пш* / *пс* «вода, река», исходя из чего топоним *Пшеха* (*Пшыхьэ*), характеризуется как состоящий из двух частей: *пшы* «вода» и *хь(э)* «нести» – «несущаяся вода» (то есть быстрая река).

Псекоше – предположительно адыг. *Псыкьуащэ* – псы «вода, река», *кьуащэ* «кривой/ая» (ИТЗЧ, с. 313).

Другие единицы данного семантического подтипа образованы по модели «вода + ее признак». *Псефирь* (*Псышьур* / *Псыфыр*): «адыг. Псышьур (каб. Псыфыр) состоит из псы

“вода” и шьур/фыр “гниющая”, “гнилая” от глагола шьун/фын “гнить”» (ИТЗЧ, с. 317). *Псыфыжьы* (*Псифижи*) – псы «вода», *фыжьы* «белая», то есть «белая вода». *Псынэшьугъ* (*Псинешуг*) – псы «вода», *шьугъ* «гнилой», то есть «гнилая вода». На картах приводится искаженное название гидронима. *Псия* (*Псие*) – гидроним состоит из *псы* «вода», «река» и *ей* «зло», «вредный», то есть «злая, вредная река». У гидронима *Шоизжьэ* адыгская форма не сохранилась, однако Н.Х. Емыкова предположила, что возможной адыгской формой было *Шшоизжьэ*: *шшоу* «грязный», *жьэ* «старый» (используется для усиления негативного значения) (ИТЗЧ, с. 501). Гидроним *Псытль* (*Псылъ*) состоит, как и многие единицы данного и других подтипов, из топоосновы *псы* «вода» и *лъ* – топоформанта со значением вместилища, который указывает на наличие в большом количестве участков территории, обозначенных апеллятивом *псы* – «топкое место».

Гидроним *Дыш* (*Дышь*) представляет собой адъективное образование, указывающее только на признак воды «золотая» (*дышь* – «золото»). На основе определения признака воды образован также гидроним *Псечияко* (*Псычьылакьо*): состоит из основ *псы* «вода», *чьылэ* «холодный/ая», *кьо* «балка», то есть «балка холодной реки / воды», причем модель образования топонимов с использованием топоосновы *кьо* «балка, долина» является одной из наиболее продуктивных в адыгской топонимии, что будет подтверждено дальнейшими примерами.

Еще одна продуктивная модель представлена в гидрониме *Тхац* (*Тхоц*); «адыгская форма, вероятнее всего, была Тхьопс/Тхьупс... состоит из тхьо/тхьу от глагола тхьун “грести”, “разгрести” и -пс “вода, река”, т. е. “дождевой поток”, “русло дождевого потока”» (ИТЗЧ, с. 390). Что касается вариантов написания: *Осшаго-Тхац*, *Вочховаиша*, *Ошьхоахго*, *Ошуаг*, то они соответствуют адыг. *Оцхыгьуагьо-тхьопс*, *Оцхгьогьуашьхьэ* (подробно см.: (ИТЗЧ, с. 390)). Сложное название состоит из основ *оцх* «дождь», *гьуагьо* «гроза, гром» и *тхьопс* «ливневая речка».

В рамках данной модели («вода + ее признак») рассматриваются и единицы, образованные в результате семантического переноса на основе сходства, например: гидроним

Шумай (Шъумай) – существительное *шъумай* «зловонье», гидроним *Фьюнт (Фынтьф)* – существительное *фынтьф* «шелуха от проса», слово употребляется, когда говорят о негодности предмета или же какого-либо вещества (АТС, с. 203), гидроним *Гечь (Гочъ)* – существительное *гечь* «рукав».

Непродуктивная модель адыгской топонимии реализована в гидрониме *Тътоаптчь (ТуапкI)*, который имеет значение, определяемое дословно как «два прыжка», и указывает на небольшие размеры водного объекта. По непродуктивной модели образован гидроним *Шебиш (Пшебжъ)*, не вошедший в топонимические адыгские словари. Н.Х. Емыкова считает, что его полная древняя форма – *Пшебжъ* – состоит из *пш* (*пс*) «вода» и архаичной и уже самостоятельно не употребляющейся основы *бжъ* «стремительный», в связи с чем значение можно определить как «быстрая, стремительная река» (ИТЗЧ, с. 487).

2. Подтип «Рельефные особенности местности»

Рельефные особенности местности не могли не найти своего отражения в региональной топонимии, поскольку ландшафт рассматриваемой местности характеризуется разнообразием.

Среди гидронимов этого подтипа обращают на себя внимание единицы, образованные от наиболее частотной топоосновы *пс(ы)* «вода, река». К.Х. Меретуков фиксирует такие гидронимы, как *Афыпс (Афипс)*: *Афы* – название горы, с которой берет начало, *псы* «река», то есть «река Афы»; *Чыгупс (Чигупс)*: *чыгу* «земля, грунт», *псы* «река», то есть «земляная река» или «грунтовая река»; *Чыпсы (Чипси)*: *чы* «земля», «грунт», *псы* «река», то есть «грунтовая река»; *Пси-некопс (Псынэкъопс)*: *псынэ* «родник», *къо* «долина», *псы* «река», то есть «речная долина родников»; *Псиариш (Псылэрыш)*: *псы* «вода, река», *лэр* «рука», *щэн* «вести», то есть «рукой сделанная вода, река»; *Псиарище псинез (Псылэрыщэ псынэжъ)*: «старый родник (колодезь) на реке Псылэрыш» (АТС, с. 159); Н.Х. Емыкова фиксирует также *Шигубс (Шыгубс)*: *шыгу* «вершина», *пс(ы)*

«вода, река» (ИТЗЧ, с. 497). Данные модели являются продуктивными для адыгской топонимии.

По продуктивным моделям образованы также гидронимы, содержащие одну из наиболее частотных топооснов – *къо* «балка, долина». *Шэтыку (Шунтук)*: исходя из названий реки, зафиксированных в различных документах, в том числе на картах (*Чундук, Вундук, Ввиди-кко*), Н.Х. Емыкова определяет исконную форму этого гидронима как *Цундыкъо / Вындыкъо*, состоящую из *цунд / вынд* «ворон» и *къо* «балка, речка», то есть «воронья балка». «Подобные названия часто встречаются в черкесской топонимии. В данном случае, если иметь в виду, что берега речки (балки) сложены из глинистой породы сланца темно-серого и черного цвета, слово *цунд / вынд* может иметь и переносное значение – “черная”, т. е. “черная балка”» (ИТЗЧ, с. 492). *Дэгуак (Дэгуакъо)*: наиболее точное объяснение этимологии и семантики гидронима, на наш взгляд, представлено у Н.Х. Емыковой, которая приводит данные «Толкового словаря адыгейского языка» (1960) и «Словаря кабардино-черкесского языка» (1999) и пишет, что в основу гидронима положена форма *дагуэ* «от причастия *дэгуагъ* “забитый” (между чем-то), “набито”, “напихано” и глагола *дэгуэн* “затолкать”, “втиснуть”. В таком случае *Дэгуакъо* означает “узкая (тесная) глубокая балка (ущелье)”» (ИТЗЧ, с. 181).

У гидронима *Коджох* (три реки – *Коджох глубокий, Коджох средний, Коджох малый*) адыгская форма не сохранилась, однако «в рукописном архиве собирателя фольклора Е. Бахова зафиксировано название речки *Къожъяу*, близ пос. Каменномостского (Хаджох), которое соответствует одной из первых его фиксаций по-русски в форме *Кожау*» (ИТЗЧ, с. 217). Эта форма состоит из частей *къо* «балка, ущелье», *жъяу* «тень», то есть «тенистое ущелье», «что в точности отражает характеристики двух глубоких балок (ущелий) близ пос. Каменномостского, поросших деревьями, на дне которых текут речки» (ИТЗЧ, с. 217). *Шугако*: адыгская форма, возможно, *Шыгуакъо*, где *шыгу* «вершина», *къо* «балка, долина» (ИТЗЧ, с. 501). *Эток (Ятлэкъо)*: от *ятлэ* «глина», *къо* «балка, долина, река», то есть «глиняная балка» (ИТЗЧ, с. 508).

Продуктивная модель реализована в гидрониме *Пщыхашхьэ (Пшихашхе)*: *шхьэ* «верховье» и *Пщыхэ* «название реки», то есть «верховье реки Пщыхэ», где *шхьэ* – одна из наиболее частотных основ в топонимии региона. Гидроним *Чыбгэ кьуладж (Чибге куладж)* – *чы* «земля, грунт», *бгэ* «заваленный», *кьуладж* «река» (дословно: «река заваленной земли», то есть «река, протекающая по обваленной балке») – представляет тоже одну из наиболее продуктивных топонимических моделей, в которой топоосновой является единица *кьуладж* «русло, река, долина», функционирующая, как правило, в составных наименованиях. К группе составных наименований относится и гидроним *Кошка (Кьошхо дэклыгьу* – «проход большого кабана»). Характеризуя его происхождение, Н.Х. Емыкова приводит легенду из нартского эпоса: «Нарты, перед тем, как покинуть эту землю, собрались в Майкопской долине. Отсюда они, гонимые холодом и голодом, двинулись дальше к вершине Фишта, где нашли свое последнее пристанище. Там, один из старших нартов вспомнил, что где-то за Майкопской долиной, на равнине, остался один гигантский белоногий кабан Кьольэфыж (Котлефиж), который мог бы спасти их от голода. Нарты снарядили за добычей... нарта Уача... Конь, нарт и туша кабана были так велики и тяжелы, что конь Уача проседал по колени в землю, на всем протяжении его пути от Шхагуаши к реке Пшиш остался глубокий след, который адыги называют “Кьольэфыж ильагу” (Тропа белого кабана) или “Кьошхо дэклыгьу” (Проход большого кабана)» (ИТЗЧ, с. 223).

Непродуктивные словообразовательные модели представлены гидронимом *Мартэ (Марта)*. «Наименование реки в литературе встречается и под другими названиями – *Тохътомат, Псыхъомат*; очевидно, восходит к древнему абхазо-адыгскому слову *амард* “крутой склон”» (АТС, с. 116); отметим, что река протекает вдоль склона правобережной возвышенности.

3. Подтип «Животный мир»

Данный подтип представлен гидронимами, образованными по продуктивной мо-

дели с использованием топоосновы *кьо* «долина, балка». *Мышээкьо (Мишеко)* – левый приток реки Белой: *мышэ* «медведь», *кьо* «долина», то есть «медвежья долина», «долина медведей»; *Пыжэыкьо (Пижиико)*: *пыжэы* «еж», *кьо* «долина», буквально: «долина ежей»; *Догушоко (Тыгьужэыкьо / Дыгьужэыкьо)*: *тыгьужэ / дыгьужэ* «волк», *кьо* «балка» (ИТЗЧ, с. 181), то есть «волчья балка (долина, речка)»; *Цегуако (Цыгьуакьо)*: *цыгьо* «мышь», *кьо* «балка, речка», то есть «мышьяная балка» (ИТЗЧ, с. 456). Другая продуктивная в целом в адыгской топонимии модель – с топоосновой *пс(ы)* «вода, река» – реализована в этом подтипе только при образовании одного гидронима: *Чхупс* (возм. адыг. *Цухьупс*) «вольва речка» (ИТЗЧ, с. 481).

Гидроним *Чибий (Чыбий)* образован по непродуктивной (для гидронимов) модели и состоит из двух основ: *чы* «земля» и *бые // бый* «крот».

4. Подтип «Растительный мир»

Большинство единиц этого подтипа представляют собой частотные образования от топоосновы *кьо* «балка, долина, река». *Чыгэякьо (Чигеяко)*: *чыгае* «дуб», то есть «дубовая долина»; *Пселюк (Пцэлыкьу)*: *пцэл* «ива, верба», то есть «ивовая балка» или «вербная балка» (ИТЗЧ, с. 316); *Псиеоко (Псэякьо)*: *псэй* «сосна, пихта», то есть «сосновая балка» или «сосновая долина» (ИТЗЧ, с. 323); *Псэикьу (Псеику)*, где *псэй* «черноклен», то есть «долина черноклена» (или «долина, в которой произрастает черноклен»); *Бзэфкука (Бзыфыкьо)*: *бзыфы // бзыху* «липа», то есть «липовая долина»; *Дзюлюк (Дзэлыкьо / Пцэлыкьо)*: *дзэл / пцэл* «верба», то есть «долина верб»; *Майкопка (Мыекьо)*: *мые* «дикая, лесная яблоня», то есть «яблоневая балка», «яблоневое ущелье» (ИТЗЧ, с. 245).

Следующая по количественному составу модель представлена единицами: *Остыгьэпсы (Остигепси)* – *остыгь* «пихта», буквально «пихтовой долины река»; *Пцэлыпс* – «вербовая долина» или «долина верб»; *Псекабе (Псыкьабэ / Псыкьэбы)* – К.Х. Меретуков считает, что название реки образовано от основ «псы “река”, “вода” и кьабэ // кьэбы –

название травы, которой ранней весной кормили овец» (АТС, с. 151); Дж.Н. Коков рассматривает этот гидроним как *Псыкъэбы*: «вода+ тыква» (АТ, с. 247).

Еще одна модель, традиционно используемая при обозначении географических объектов, представлена гидронимом *Псэйктыку къуладж* (*Псейчетук куладж*). Левый приток реки *Зэхэлашъу*. *Псэи* «клен», *кэтыку* «низина, долина», *къуладж* «река», то есть «кленовая речная долина», «долина, в которой произрастает клен».

Семантический тип «Человек»

Этот тип объединяет гидронимы, образованные на основе антропонимов: *Гьылзэмэ япсын* (*Гидземе япсын*) – название небольшой реки, впадающей в *Лабу* недалеко от аула *Уляп*, «река Гидзевых»; *Хьагъур къуладж* (*Хагур куладж*) – левый приток реки *Псыбэ*, впадает в нее недалеко от одноименного аула, «река Хагура» или «река Хагуровых»; *Хьабэкъоц къуладж* (*Хабскош куладж*) – один из притоков реки *Шэхэкэй*; *Къуладжэ* – «долина, река», *Хьабэкъоц* – личное имя, прозвище (из *Хьабэкъу шышь*); *Аулэ* (*Аутле*) – левый приток реки *Пшехи*, *Аулэ* – распространенная адыгейская фамилия; гидроним *Джанбечияко* (*Джанбэчыкьо*) состоит из *Джанбеч* – мужское имя – и *кьо*, то есть «балка, речка Джанбеча» (ИТЗЧ, с. 183); *Куижук* (*Къуижъыкью*) – фамилия *Къуижэ* и *кьо*, то есть «балка Куижевых» (ИТЗЧ, с. 227); *Якубок* (возм. *Ягъубэкьо*): *Ягъуб* – собственное имя и *кьо*, то есть «балка Ягуба» (ИТЗЧ, с. 510). Приведенные гидронимы образованы по продуктивным моделям.

К данному типу считаем возможным отнести и гидроним *Лаба* (*Лабэ*) – название самого крупного притока Кубани. Следует отметить, что в научной литературе вопрос об этимологии гидронима остается спорным. Один из притоков *Малой Лабы* берет начало с горы *Лоуба* (абазинское слово), а в сванском языке слово *лабна* означает «источник» (АТС, с. 108). В то же время Дж.Н. Коков указывает, что *Лабэ* – «широко распространенное адыгское личное имя (но без внутренней формы)» (АТ, с. 218).

Семантический тип

«Объект – ориентир в пространстве»

Данный тип представлен небольшим количеством единиц, образованных как по продуктивным, так и по непродуктивным моделям. Продуктивные модели представляют гидронимы *Руфабго* и *Пиизеж мез*. Название *Руфабго* имеет искаженный фонетический облик, поскольку, исходя из данных, приведенных Н.Х. Емыковой, этот гидроним на русских картах и в документах XIX в. зафиксирован как *Гуфабго*: *гу* («сердце», в топонимии имеет вторичное значение «середина», «центр») и *фэбгъу* (боковая сторона горы, терраса) (ИТЗЧ, с. 167). «Первоначально название Гуфэбгъу могло принадлежать котловинообразному ущелью с террасами, по которому стекает река с притоками, образуя 12 водопадов» (ИТЗЧ, с. 167). К.Х. Меретуков и А.В. Твердый соотносят этот гидроним с *Сырыфыбг*, где *сырыф* «белый, светлый», *бгы* «гора» (АТС, с. 177; ОТС, с. 273), но такое объяснение не соответствует характеру реальной местности, по которой протекает река *Фуабго* (*Фэбгъу*). Как указывает Н.Х. Емыкова, адыгская форма гидронима не сохранилась, однако она зафиксирована в «Абдзехских преданиях» З. Брантова как *Фэбгъу*. «Название состоит из фэ- приставка со значением “по отношению к чему- или кому-либо” и бгъу “сторона, бок”, “берег” и означает “боковая сторона по отношению к чему-либо” или “терраса”» (ИТЗЧ, с. 405). *Пшызэж мэз* (*Пиизеж мез*): *Пшыз* – название реки (*Кубань*), *жэ* «старый, древний», *мэз* «лес», то есть «лес на берегу старого русла Пшыз».

Джэгъу (*Джегу*) – небольшая речка, берущая начало в лесистых предгорьях на окраине города *Майкоп*, впадает в *Лабу* напротив станицы *Новолабинской*. «В нартском эпосе слова *куогъу* и *джэгъу* встречаются в значении меры длины (расстояния). Например, в фольклоре зафиксированы выражения *куогъуищ*, *куогъуибл*, *куогъуих* и т. д. *Иклэпщ* о макъэ *Куогъуиблым шылоу Шылъэгум клэзырэр Къочлэф къолапцэу Огум изэрэхэ* 1. На Таманском полуострове есть река *Куогъу* – левый приток р. Ея 2. *Куогъу* и *Джэгъу*, на наш взгляд, синонимичны по смыслу и оз-

начают меру длины, расстояния, соответствующую русскому “окрик”» (АТС, с. 63).

Гидроним *Гузери́ль (Гъуэзэры́ль)* состоит из «гъуазэ “ориентир” и -ры́ль “смотреть через что-либо, с помощью чего-либо”, означает “ориентир, показывающий путь” (АТС2, с. 80). Вероятно, оно изначально относилось к горе, на которую ориентировались при переходе через перевал, а затем перешло на речку, берущую начало у этой горы» (ИТЗЧ, с. 160). Как отмечает З.И. Керашева, «действительно, все удобные тропы, идущие на высокогорное пастбище Лагонаки к вершине Фишт, на Дагомыс, Красную поляну, сходятся в Гузери́ле» (цит. по: (ИТЗЧ, с. 160)). Здесь представляются существенными отмеченные Н.Х. Емыковой подобные адыгские названия с основой *гъуазэ* «ориентир, маяк»: *Гъозэ дэ́кльып* или *Гъозэ дэ́кльыгъу*, значение которых можно объяснить как «место прохода, являющегося ориентиром в пути» (ИТЗЧ, с. 160; АТС, с. 53).

Заключение

Результаты комплексного анализа гидронимов республики Адыгея позволяют объединить все наименования водных объектов в гидронимическое поле (ядро, центр и периферия) с закономерными связями и отношениями внутри подсистемы. Ядро этого поля составляют топоосновы, которые наиболее частотны в гидронимах и обладают наиболее широкой семантикой: *пс(ы)* // *пш* «вода, рек», *псынэ* «родник» > «колодец», *къо* «долина / ущелье», *къуладж(э)* «старое русло реки, ручья» > «овраг» и др.

В центре находятся гидронимы, представляющие семантические типы «Природа», «Человек», «Объект – ориентир в пространстве» и образующиеся по продуктивным моделям.

На периферии рассматриваемого поля располагаются гидронимы, образованные на основе архаичных формантов и корней, по непродуктивным словообразовательным моделям, однако сохраняющие отнесенность к выделенным нами семантическим типам: *Шоизжэ*, *Гечь (Гочь)*, *Тътоантчь (Тлуанк)*, *Шеби (Пшэбжэ)*, *Марта (Мартэ)*, *Гузери́ль (Гъуэзэры́ль)*, *Лаба (Лабэ)*.

Таким образом, гидронимы Адыгеи представляют собой систему наименований, отразившую представления народа об окружающем мире и о месте человека в нем. При этом гидронимы, являясь частью общей топонимической картины, структурируют ее, что обуславливается значимостью гидрообъектов для жизни человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Адыгейского государственного университета (Договор № 21/21 от 08.12.2021) в рамках научного проекта «Реактуализация топонимического пространства Республики Адыгея: лингвокультурологический контент туристического кластера».

The research was carried out with the financial support of the Adygea State University (Contract No. 21/21 dated 08.12.2021) within the framework of the scientific project “Reactualization of the toponymic space of the Republic of Adygea: linguistic and cultural content of the tourist cluster”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аутлев П. У., 1989. К этногенезу адыгов // Меоты – предки адыгов / отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп : Адыг. кн. изд-во. С. 7–11.
- Березович Е. В., 1999. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Екатеринбург. 40 с.
- Емыкова Н. Х., 2015. Культ дерева Цацы у адыгов и абазин // Святые места абхазов и святыя места адыгов: сравнительно-типологическое исследование / сост.: А. Н. Соколова, Б. С. Хотко. Майкоп : Адыг. кн. изд-во. С. 81–92.
- Керашева З. И., 1957. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп : Адыг. кн. изд-во. 147 с.
- Кук А. С., 2013. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. Вып. 2 (121). С. 161–167.
- Намитоква Р. Ю., Нефляшева И. А., 2016. В мире имен собственных : Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп : Изд-во АГУ. 292 с.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука 187с.
- Рудных А. И., 1972. Семантические модели в гидронимике // Вопросы топониматики / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : УрГУ. Вып. 6. С. 35–74.

- Суперанская А. В., 1969. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // Ономастика. М. : Наука. С. 188–198.
- Суперанская А. В., 1973. Общая теория имени собственного. М. : Наука. 366 с.
- Туова Т. Г., 2006. Особенности топонимического исследования Северо-Западного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. № 1. С. 258–259.
- Туова Т. Г., 2007. Гидронимы Республики Адыгея: географические аспекты современного исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4, Естественно-математические и технические науки. № 4. С. 183–187.
- Туова Т. Г., Тугуз Ф. В., 2015. Эволюция формирования топонимии Адыгеи // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 2 (161). С. 65–72.
- Ханмагомедов Х. К., 1990. Топонимия Дагестана. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. 243 с.
- Emykova N.Kh., 2015. Kult dereva Tsatsyu adygov i abazin [The Cult of the Tsatsa Tree Among the Adygs and the Abazins]. Sokolova A.N., Khotko B.S., eds. *Svyatilishcha abkhazov i svyatyte mesta adygov: sravnitelno-tipologicheskoe issledovanie* [Abkhaz Sanctuaries and Holy Places of the Adygs: Comparative and Typological Study]. Maikop, Adyg. kn. izd-vo, pp. 81-92.
- Kerasheva Z.I., 1957. *Osobennosti shapsugskogo dialekta adygeyskogo yazyka* [Features of the Shapsug Dialect of the Adygean Language]. Maikop, Adyg. kn. izd-vo. 147 p.
- Kuek A.S., 2013. Svyashchennoe derevo v mifopojeticheskikh vozzreniyakh adygov [The Sacred Tree in the Mythopoetic Views of the Adygs]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedeniye* [The Bulletin of the Adyghe State University, the Series “Philology and the Arts”], iss. 2 (121), pp. 161-167.
- Namitokova R.Yu., Neflyasheva I.A., 2016. *V mire imen sobstvennykh: Lingvisticheskie besedy po kraevedeniyu* [In the World of Proper Names: Linguistic Talks on Local History]. Maikop, Izd-vo AGU. 292 p.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 187 p.
- Rudnykh A.I., 1972. Semanticheskiye modeli v gidronimike [Semantic Models in Hydronymics]. Matveev A.K., ed. *Voprosy toponomastiki* [Issues of Toponomastics]. Sverdlovsk, UrGU, iss. 6, pp. 35-74.
- Superanskaya A.V., 1969. Gidronimiya Kryma i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Hydronymy of Crimea and the Northwest Caucasus]. *Onomastika* [Onomastics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 188-198.
- Superanskaya A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ. 366 p.
- Tuova T.G., 2006. Osobennosti toponimicheskogo issledovaniya Severo-Zapadnogo Kavkaza [Features of Toponymic Research North-West Caucasus]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of ASU], vol. 1, pp. 258-259.
- Tuova T.G., 2007. Gidronimy Respubliki Adygeya: geograficheskiye aspekty sovremennogo issledovaniya [Hydronyms of the Republic of Adygea: Geographical Aspects of Modern Research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Estestvenno-matematicheskkiye i tekhnicheskkiye nauki* [The Bulletin of the Adyghe State

ИСТОЧНИКИ

- АТ – Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик : Эльбрус, 1974. 316 с.
- ИТЗЧ – Емыкова Н. Х. Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Ч. 1: Абадзехия. Майкоп : ОАО «Полиграф-Юг», 2021. 768 с.
- ОТС – Твердый А. В. Кавказ в именах, названиях, легендах. Опыт топонимического словаря. Краснодар : Платонов И., 2008. 317 с.

СЛОВАРИ

- АТС – Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. М. : Прометей, 1990. 336 с.
- АТС2 – Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Изд. 3-е, доп. Майкоп : Качество, 2003. 254 с.

REFERENCES

- Autlev P.U., 1989. K etnogenezu adygov [To the Ethnogenesis of the Adygs]. Anfimov N.V., ed. *Meoty – predki adygov* [The Meotians Are the Ancestors of the Adygs]. Maikop, Adyg. kn. izd-vo, pp. 7-11.
- Berezovich E.V., 1999. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: avto-ref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 40 p.

- University, the Series "Natural-Mathematical and Technical Sciences"], no. 4, pp. 183-187.
- Tuova T.G., Tuguz F.V., 2015. Evolyutsiya formirovaniya toponimii Adygei [Evolution of the Formation of Adygea Toponymy]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyghe State University], iss. 2 (161), pp. 65-72.
- Khanmagomedov Kh.K., 1990. *Toponimiya Dagestana* [Toponymy of Dagestan]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. un-ta. 243 p.

SOURCES

- Kokov Dzh.N. *Adygsкая (cherkessкая) toponimiya* [Adyghe (Circassian) Toponymy]. Nalchik, Elbrus Publ., 1974. 316 p.
- Emykova N.Kh. *Istoricheskaya toponimiya Zapadnoy Cherkessii. Po materialam russkikh istochnikov*

XVIII–XIX vv. Ch. 1: Abadzekhiya [Historical Toponymy of Western Circassia. Based on Russian Sources from the 18th–19th Centuries. Part 1. Abadzehia]. Maykop, Poligraf-Jug Publ., 2021. 768 p.

- Tverdy A.V. *Kavkaz v imenakh, nazvaniyakh, legendakh. Opyt toponimicheskogo slovarya* [The Caucasus in Names, Titles, and Legends. The Experience of the Dictionary of Toponymy]. Krasnodar, Platonov I., 2008. 317 p.

DICTIONARIES

- Meretukov K.Kh. *Adygeyskiy toponimicheskii slovar* [Adygeyan Toponymic Dictionary]. Moscow, Prometey Publ., 1990. 336 p.
- Meretukov K.Kh. *Adygeyskiy toponimicheskii slovar* [Adygeyan Toponymic Dictionary]. Maykop, Kachestvo Publ., 2003. 254 p.

Information About the Authors

Elena A. Sokur, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Adyghe State University, Pervomayskaya St, 208, 385000 Maykop, Russia, elensokur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5966-0586>

Zuleykhan K. Bedanokova, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian Language, Adyghe State University, Pervomayskaya St, 208, 385000 Maykop, Russia, bedan23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1311-4221>

Anzhela A. Adzinova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Adyghe State University, Pervomayskaya St, 208, 385000 Maykop, Russia, adan-maikop@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2902-3690>

Информация об авторах

Елена Анатольевна Сокур, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Адыгейский государственный университет, ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Россия, elensokur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5966-0586>

Зулейхан Кимовна Беданоква, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Адыгейский государственный университет, ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Россия, bedan23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1311-4221>

Анжела Анатольевна Адзинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Адыгейский государственный университет, ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Россия, adan-maikop@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2902-3690>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.9>

UDC 811.134.3-31
LBC 81.025

Submitted: 26.05.2022
Accepted: 28.11.2022

ETHNOCULTURAL CODE OF THE BRAZILIAN NOVEL (1902–1922s): ON REVEALING AND DESCRIPTION

Ruslan I. Proklov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The focal points of the study are the issues concerning Brazilian ethnoculture scrutiny and the means of its verbalisation in fictional texts. The study is devoted to the problems of ethnocultural code identification and description. It is carried out within multidisciplinary approach and with special software application in order to verify the preliminary outcomes. The criteria for cultural and ethnocultural codes differentiation are suggested, the author's methodology of philological research into ethnocultural codes and complex verification of the results obtained is tested. The data was obtained from the corpora of precedent Brazilian novels, published in the first quarter of the 20th century (1902–1922s). This period of Brazilian literature is called Pre-Modernism, it has insufficiently been studied by Russian researchers as of yet. The results of social-and-humanitarian expertise and linguistic analysis as well as quantitative characteristics have enabled the author to reveal and describe ethnocultural code, which is contained in Brazilian fictional texts of the first quarter of the 20th century. This code is shown as a structure, which is comprised of the ethnocultural codes of *sertões*, *Bahia*, race, space, and religion. The thematic groups of lexical units that verbalize each of the above-mentioned codes are characterized, the peculiarities of their functioning in the texts are identified.

Key words: Brazilian culture, Brazilian novel, cultural code, ethnocultural code, national-and-cultural vocabulary.

Citation. Proklov R.I. Ethnocultural Code of the Brazilian Novel (1902–1922s): On Revealing and Description. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.9>

УДК 811.134.3-31
ББК 81.025

Дата поступления статьи: 26.05.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОД В БРАЗИЛЬСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

Руслан Игоревич Проклов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В фокусе исследовательского внимания автора находятся вопросы, которые связаны с изучением бразильской этнокультуры и способов ее вербализации в художественном тексте. Работа посвящена проблемам выявления и описания этнокультурного кода и выполнена в междисциплинарном русле с привлечением специализированного программного обеспечения обработки естественных языков. Предложены критерии разграничения культурных и этнокультурных кодов, апробирована авторская методика проведения филологического исследования этнокультурных кодов и комплексного верифицирования полученных результатов. В качестве источника использован составленный автором корпус прецедентных художественных текстов – романов, написанных в эпоху бразильского премодерна (1902–1922 гг.) и мало изученных в отечественной науке. В ходе исследования с опорой на результаты социально-гуманитарной экспертизы и лингвистического анализа, а также с учетом количественных данных выявлен и описан этнокультурный код, отраженный в бразильском романе первой четверти XX века. Показано, что этот код представляет собой структуру, которая формируется этнокультурными кодами сертан, Баии, расы, пространства и религиозным

этнокультурным кодом. Охарактеризованы тематические группы лексических единиц, вербализующих каждый из этих кодов, определена специфика их функционирования в текстах.

Ключевые слова: бразильская культура, бразильский роман, культурный код, этнокультурный код, национально-культурная лексика.

Цитирование. Проклов Р. И. Этнокультурный код в бразильском романе первой четверти XX века: проблемы выявления и описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.9>

Введение

В современной социокоммуникативной парадигме широкое распространение приобретают лингвокультурологические исследования, связанные с анализом различных видов дискурса. Продуктивно описание их культурологической специфики в терминах кода, поскольку оно позволяет создать модели «благодаря которым (сообщения) обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 2019, с. 115]. При этом необходимо принимать во внимание и форму, в которой явлен семиотический знак (semiotic formations) (подробно об этом см.: [Trifonas, 2015, p. 693]). Художественный текст, будучи частью бытийного дискурса, представляет значительный интерес для подобного рода изысканий, потому что, порождая такой текст, автор, по словам В.И. Карасика, «стремится раскрыть свой внутренний мир во всем богатстве, используя при этом неоднородный инвентарь языковых единиц с учетом коммуникативной точности, которая обуславливается культурным фоном общения» [Карасик, 2004, с. 290].

Иберо-романский художественный текст в целом и бразильский роман в частности – это самобытный материал, сочетающий, как показано М.Ф. Надъярных, европейскую, африканскую и индейскую культурные традиции [Надъярных, 2007]. Его анализ обнаруживает языковые структуры, имеющие культурную и этнокультурную маркированность.

Цели данного исследования заключаются в формулировании теоретических основ выявления различных культурных кодов, в том числе этнокультурного, а также в описании практик их применения для установления номенклатуры языковых единиц, реализующих бразильский этнокультурный код в романах начала XX века.

В настоящее время можно констатировать, что процесс формирования бразильс-

кой национальной идентичности завершен тем не менее, как считает Н.С. Константинова, «грань между национальной и культурной идентичностью чрезвычайно зыбкая» [Константинова, 2019, с. 127]. Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что насущной задачей для филологов становится выявление этнокультурных особенностей бразильского социума на различных стадиях его развития, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Материал и методы

В ходе исследования применяются следующие методы: количественный и качественный анализ. Для выявления лексических единиц, вербализующих те или иные коды, использована методика прямой выборки. Для установления статистических параметров, а также оцифровки и распознавания текстов романов используются специализированные программные продукты WordSmith 8.0 и Readiris 16, обеспечивающие анализ естественных языков.

Источником эмпирического материала служит корпус художественных текстов общим объемом свыше 280 тыс. слов или 1,5 млн знаков с пробелами. В состав корпуса включены романы, написанные в эпоху бразильского премодерна (1902–1922 гг.) (подробно о нем см.: [Bosi, 2015]): «Ханаан» Грасы Араньи («Chanaan», Graça Aranha) 1902 г., «Вихрь» Коэлью Нету («Turbilhão», Coelho Netto) 1906 г., «Дневник Айреса» Машаду де Ассиса («Memorial de Aires», Machado de Assis) 1908 г. и «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы» Лимы Барретто («Triste Fim de Policarpo Quaresma» Lima Barreto) 1911 года. Указанные тексты считаются одними из ключевых произведений бразильской литературы первой четверти XX века.

Результаты и обсуждение

Такой социальный феномен, как этническая культура, или этнокультура, распространяется на «сферу быта и способы повседневной жизнедеятельности людей, касаясь, прежде всего, социокультурных особенностей локального однородного сообщества» [Монгуш и др., 2014]. Этнокультура постоянно меняется и обогащается за счет «деятельностной самореализации людей» [Афанасьева, 2007, с. 80]. Ее основу формирует широкий пласт различных социокультурных практик, отличающих представителей одного этноса от другого, к таковым относятся «обряды, обычаи, привычки поведения, характерные народные промыслы и прочие устойчивые черты быта, передаваемые из поколения в поколение» [Монгуш и др., 2014].

В гуманитарной науке сложилась традиция использования термина «этнокультурный код», однако анализ научных работ свидетельствует об отсутствии четкого понимания данной терминологической единицы. Один из подходов представлен в работах Г.В. Зубко: этнокультурный код – это результат идентификационных процессов, в структуре которого реализуются такие признаки, как целостность, присутствие во всех сферах жизни данного этноса прежде всего в системе религиозно-мифологических представлений, в фольклоре, языке, постоянное развитие [Зубко, 2012, с. 152]. В основе ее метода лежит тезис о том, что любой народ стремится к самоидентификации. Для анализа и описания процесса самоидентификации необходимо обратиться к артефактам культуры, которые наилучшим образом выражают представления народа о самом себе, отобрать их, проанализировать и описать [Зубко, 2012].

В настоящее время существуют и другие подходы к выявлению этнокультурного кода, в частности лексико-семантический и дискурсивный. Принимая во внимание тот факт, что практически все лексические единицы языка содержат определенный культурный компонент [Вербицкая, 2015], можно говорить о градуированности культурного компонента. В рамках лексико-семантического подхода ученые выделяют следующие единицы, формирующие этнокультурный код:

1. Имена собственные [Ezhova, Dvoenka, 2018; Muhammadjon, 2021; Alieva et al., 2019]:

- 1) имена героев местного эпоса;
- 2) топонимы.

2. Фразеологические единицы [Ezhova, Dvoenka, 2018].

3. Культурные реалии и национально-культурная лексика [Верещагин, Костомаров, 2005; Ezhova, Dvoenka, 2018]. На дискурсивном уровне исследуются микро-, макро- и глобальная структуры художественных текстов, прежде всего таких жанров народного творчества, как сказки и мифы [Зубко, 2012; Тагаев, Токсомбаева, 2019].

Следовательно, можно констатировать, что этнокультурный код является разновидностью культурного, объективирующего те элементы культуры, которые отражают национальную или этническую самобытность определенного социума. Оговоримся, что такое определение требует дальнейшего уточнения и используется нами в рамках настоящего исследования как рабочее. Семантическим ядром этнокультурного кода выступают те структуры языка, которые служат средством манифестации культурных реалий, а периферией – единицы, содержащие в себе «культурные коннотации» (о них см.: [Телия, 1996, с. 214]).

Полагаем, что современные методики выявления культурного кода могут быть применены и в отношении этнокультурного кода. В отечественной филологии сложилось понимание культурного кода как «совокупности знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры» [Ковшова, Гудков, 2018, с. 40]. Схожий подход можно найти в работах зарубежных специалистов, где культурный код рассматривается как результат контекстуализации культурных значений [Penix-Tadsen, 2016, p. 183].

Для выявления культурного кода применяются:

1) анализ топикальности нарратива, посвященного какому-либо предмету или феномену, где наиболее частотные топики конституируют культурный код. При таком подходе вывод делается в результате обработки корпуса текстов [Клотер, 2010];

2) анализ и описание «набора закономерностей, лежащих за сотней разных моментов», которые формируют внутреннюю логику объекта исследования [Миколайт, Пюркхауэр, 2020, с. 7].

Таким образом, ключевым критерием отнесения тех или иных единиц дискурса к культурному коду является их регулярная воспроизводимость внутри корпуса текстов, который должен составляться на основании ряда критериев. При формировании корпуса текстов для изучения этнокультурного бразильского кода мы опираемся на филологическую экспертизу.

В нашем исследовании к единицам этнокультурного кода мы относим те языковые структуры, которые, с одной стороны, воспроизведены во всем корпусе, а с другой, – зафиксированы и описаны в специализированной литературе. Таким образом, представленные единицы проходят двойную верификацию: исследовательскую и экспертную.

Нами выявлены пять кодов, формирующих бразильский этнокультурный код, а именно: «код сертан», «код Баии», «код расы», «религиозный код» и «код пространства». Рассмотрим каждый из них подробнее.

«Код сертан» (Sertão). Сертаны – засушливые и малонаселенные территории на северо-востоке Бразилии, где долгое время сохранялись старые традиции и обычаи (Dicionário, p. 1922). Точно определить географическое положение сертан нельзя, фактически они занимают территории нескольких северо-восточных штатов, однако в бразильской художественной литературе сертанами принято называть часть штата Баии (рис. 1).

Проблемам сертан и жителей этих суровых мест посвящен ряд бразильских художественных произведений, в частности «Сертанец» Жозе де Аленкара («Sertanejo» José de Alencar) 1875 г., «Путешествие в сертаны» Жозе Вериссимо («Viagem ao Sertão» José Veríssimo) 1878 г., «Тропы по большому сер-

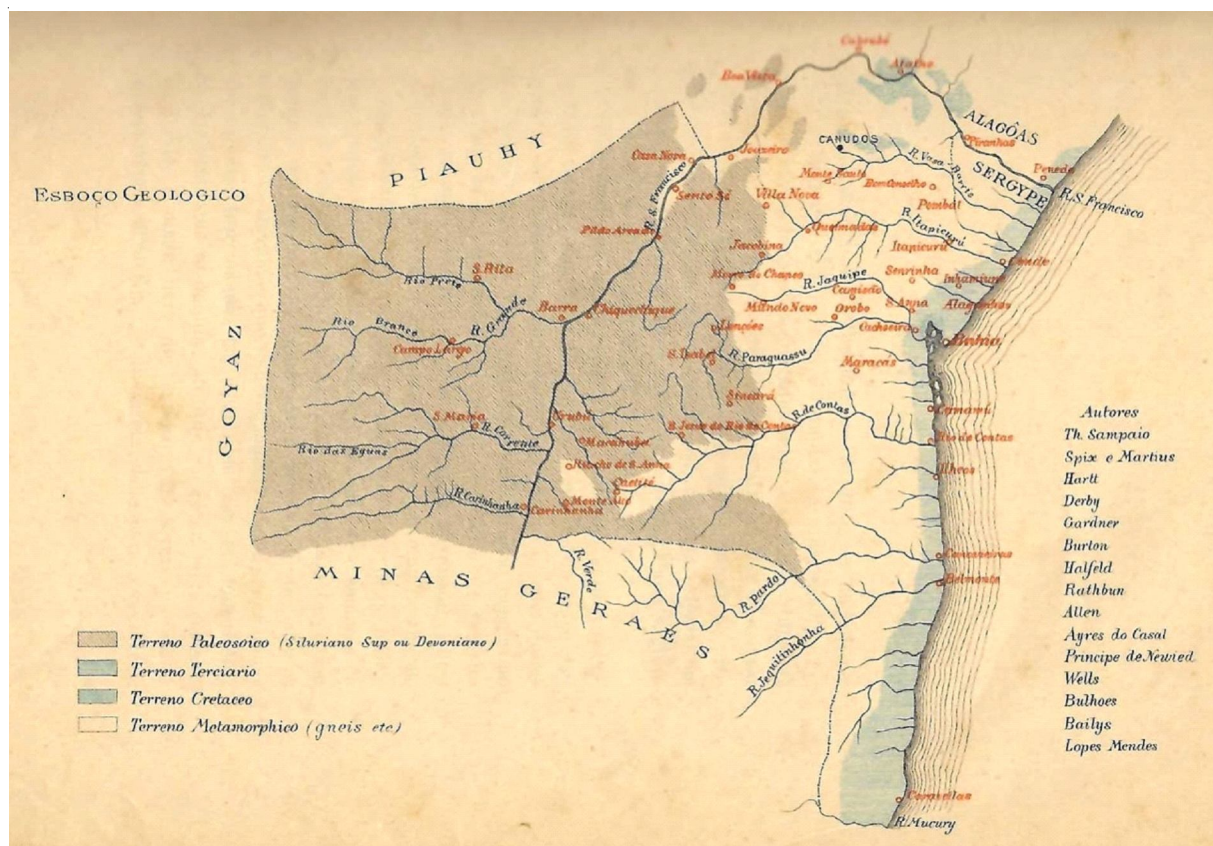

Рис. 1. Карта сертан

Fig 1. Map of sertão

Примечание. Источник: (Cunha, p. 4).

тану» Жоана Гимараэнса Розы («Grande Sertão: Veredas!» João Guimarães Rosa) 1956 г. и другие. Однако ключевым произведением, в котором был сформулирован «код сертан», стала книга «Сертаны» Эуклидса да Куньи («Sertões» Euclides da Cunha), изданная в 1902 году. Это произведение начинает новый этап в истории бразильской литературы [Soares, 1963]. Кунье, «заново осмыслив и изобразив пейзаж сертанов» [Тертерян, 1965, с. 75], показав жизнь населяющих сертаны крестьян «с такой безжалостной правдивостью деталей – изнуряющий труд, неравный, нескончаемый поединок с природой» [Тертерян, 1965, с. 63], вписал этот засушливый регион Бразилии не только в национальную литературную традицию, но и в культурный код региона.

Тема сертан эксплицируется и в бразильской литературе первой четверти XX века. Это осуществлено посредством разных языковых единиц, например:

(1) Na convivência com esses **sertanejos** Milkau apaziguava as ansias¹ (Aranha, p. 277) – Живя вместе с этими сертанцами, Милкау поборол тоску²;

(2) Do **sertão**, de Paranaguá, sim “sinhô” (Barreto, p. 128) – Из сертан, сеньор. Из Паранагуа³ (Баррето, с. 184);

(3) ...A melodia de uma modinha **sertaneja** (Coelho, p. 56) – ...Мелодия какой-то сертанской песни.

В большинстве контекстов используется культурно-маркированная единица *sertanejo/a(s)* в двух значениях: «относящийся к сертанам» и «житель северо-восточных регионов Бразилии».

Количество лексических единиц, связанных с сертанами, в корпусе малó – 7, однако, сертаны упоминаются практически во всех анализируемых произведениях, что свидетельствует о важности «кода сертан» в бразильской литературе первой четверти XX века. Эти данные и представленные выше цитаты филологов подтверждают существование «кода сертан» и его релевантность для бразильской этнокультуры.

«Код Баии». *Bahia* – Баия (бухта) – восточный штат Бразилии, территория которого была открыта одной из первых и откуда

началась колонизация страны [Фаусту, 2013]. В первые десятилетия XIX в. Баия стала центром движения за независимость, на ее территории произошло несколько восстаний [Энциклопедия..., 2012, с. 419] и велись ожесточенные бои против португальских колонизаторов [Фаусту, 2013].

Известность этот бразильский регион получает благодаря книгам Жоржи Амаду, который с 1935 по 1937 годы пишет цикл романов о родной для себя Баии (см. об этом: [Тертерян, 1988, с. 360]). Однако в художественной литературе упоминание этого штата встречается и ранее. Единица *Bahia* зафиксирована практически во всех художественных произведениях, формирующих корпус исследования. Приведем примеры:

(4) Um dia era o petróleo que lera em qualquer parte, como sendo encontrado na **Bahia** (Barreto, p. 14) – Однажды он где-то прочел о залежах нефти в Баии (Баррето, с. 20);

(5) Fui juiz municipal doze annos na **Bahia** (Aranha, p. 208) – На протяжении двенадцати лет он был муниципальным судьей в Баии;

(6) Chegou à **Bahia** o afilhado dos Aguiares (Assis, p. 43) – Крестник из семьи Агуиарес приехал в Баию.

В корпусе номинация *Bahia* встречается 5 раз, и ее употребление неслучайно. С одной стороны, Баия – это штат, частью которого являются сертаны, где долгое время сохранялся традиционный уклад жизни, а с другой, он имеет историческое значение: с ним связана колонизация Бразилии, борьба за независимость и одновременно с этим он воспринимается как часть «подлинной Бразилии» в отличии от крупных городских агломераций, которые начинают формироваться в начале XX века. Большой вклад в такое восприятие Баии внесли «Сертаны» Куньи. Таким образом, писатели воздействуют на читателя, вызывая и одновременно с этим конструируя в его сознании структуры, объективирующие историческую память.

«Код расы». Проблема формирования новых этносов и место коренного населения в социальной структуре бразильского общества находит свое отражение в художественных произведениях, особенно после получения Бразилией независимости. В романах первой

четверти XXв. затрагиваются вопросы этнического и расового самоопределения, поэтому в этих произведениях используются разные этнонимы. Например:

(7) *Abri bem os olhos, e não vi mais nada, nem o caboclo, nem os bichos brabos* (Aranha, pp. 104–105) – Я широко открыл глаза и больше ничего не видел, ни кабокло, ни храбрецов;

(8) ...*O capitão do navio negreiro* haver deixado trezentos *negros* no Rio de Janeiro, ... (Assis, p. 26) – ...Капитан работоргового судна высадил три десятка негров в Рио-де-Жанейро...;

(9) ...*O mulato*, boquiaberto, num assombro, ficou algum tempo a mirá-lo (Coelho, p. 52) – ...Мулат с открытым от удивления ртом некоторое время рассматривал его;

(10) ...*Pedir que o Congresso Nacional decrete o tupi-guarani* como língua oficial e nacional do povo brasileiro (Barreto, p. 48) – ...Просит Национальный конгресс объявить тупи-гуарани государственным и национальным языком бразильского народа (Баррето, с. 69).

Этнонимы представлены во всех анализируемых произведениях; в корпусе зафиксировано 357 словоупотреблений лексических единиц, обозначающих национальные группы (табл. 1).

Основными элементами, формирующими «код расы», являются единицы, называющие:

- европейцев;
- представителей коренного населения;
- виды метисов (включая представителей коренного населения Бразилии: племена тупи-гуарани);
- чернокожее население.

Полученные данные позволяют констатировать, что «код расы» отражает метисацию, которая, как отмечает М.Ф. Надъярных, оказывает принципиальное воздействие на формирование бразильской культуры в целом [Надъярных, 2017, с. 605].

По мнению ученых, предпосылками «создания этнической демократии в Бразилии были факторы религии и пространства» [Мартынов, 2008, с. 16], следовательно, в романах реализуются «религиозный код» и «код пространства».

«Религиозный код». Религиозный ландшафт Бразилии достаточно разнообразен, но основная религия – католицизм [Мартынов, 2008]. Приведем некоторые примеры, вербализующие этот код.

(11) *Esqueceu-me escrever que, à saída, perto da igreja da Candelária...* (Assis, p. 42) – Он забыл мне написать, что у выхода, рядом с церковью Канделария...;

(12) *No canto da sala uma imagem de Nossa Senhora, iluminada por uma lâmpada (...)* presidia a morte (Aranha, p. 319) – В углу комнаты изображение Девы Марии, подсвечиваемое лампой...;

(13) *Chegara sábado e fora passear à vila domingo. Tinha havido missa* (Barreto, p. 100) – Он приехал в субботу, а в город выбрался в воскресенье. В церкви шла служба (Баррето, с. 144).

Пласт единиц, формирующих религиозный код весьма широк (см. табл. 2), предварительно их можно разделить на три группы:

- общехристианская лексика (о термине см.: [Переведенцева, 2022]);
- имена святых;
- названия мест религиозного культа.

Нами учитываются только единицы, которые неоднократно повторяются в корпусе текстов, либо обозначают сакральные места.

Приведем типичные примеры употребления единиц каждой группы.

Общепотребительная религиозная лексика:

(14) *Oh! meu Deus!* (Aranha, p. 131) – Боже мой!;

Таблица 1. Количественная представленность этнонимов в корпусе

Table 1. Quantitative representation of ethnonyms in the corpus

Этноним	Количество единиц
<i>Mulato/a(s)</i> (мулат)	135
<i>Negro / preto</i> (этноним «чернокожий» или колороним «черный цвет»)	128/41 (этнонимов) и 64/26 (колоронимов)
<i>Branco/a(s)</i> (этноним «европеец» или колороним «белый»)	29 (этнонимов) и 83 (колоронима)
<i>Indígena / tupi-guarani</i> (индеец / тупи-гуарани)	21/5
<i>Caboclo / Mestiço</i> (кабокло / метис)	19/8

Таблица 2. Количественная представленность религиозной лексики в корпусе

Table 2. Quantitative representation of religious lexical units in the corpus

Общехристианская лексика (количество)	Имена святых (количество)	Места религиозного культа (количество)
<i>Deus</i> (Бог) – 175	<i>Santa Maria</i> (Святая Мария) – 17	<i>Igreja da Candelária</i> (Церковь Канделария) – 1
<i>Diabo</i> (Дьявол) – 42	<i>Santa Teresa</i> (Святая Тереза) – 12	<i>Igreja do Outeiro</i> * (Церковь Де- вы Марии на холме Славы) – 1
<i>Missa</i> (Месса) – 23	<i>Santo Antônio</i> (Святой Антоний) – 10	
<i>Nossa senhora</i> (Мадонна) – 11	<i>São Cristóvão</i> (Святой Христофор) – 2	
<i>Jesus</i> (Иисус) – 4	<i>São Francisco de Paula</i> (Святой Франциск из Паолы) – 1	
<i>Nosso senhor</i> (Господь) – 3	<i>São Januário</i> (Святой Януарий) – 1	
<i>Pai</i> (Отец) – 3	<i>São João</i> (Святой Иоанн) – 1	
<i>Espírito Santo</i> (Святой Дух) – 1	<i>São João Batista</i> (Святой Иоанн Кре- ститель) – 1	
	<i>São Luís</i> (Святой Луис) – 1	
	<i>São Paulo</i> (Апостол Павел) – 1	
	<i>São Pedro</i> (Апостол Петр) – 1	

Примечание. * – имеется в виду Церковь Девы Марии на холме Славы (Igreja de Nossa Senhora da Glória do Outeiro) – одно из самых известных мест Рио-де-Жанейро.

Note. * Refers to the Church of the Virgin Mary on the Hill of Glory (Igreja de Nossa Senhora da Glória do Outeiro) – one of the most famous sights of Rio de Janeiro.

(15) Que barulho, minha **Nossa Senhora!** (Coelho, p. 114) – Мадонна! Какой беспорядок!

(16) **Meu Deus!** Quando poderei ir à Europa! (Barreto, p. 19) – Бог мой! Когда я смогу отправиться в Европу! (Баррето, с. 23).

Эти единицы используются в бытовой коммуникации для перехода от сакрального к профанному и маркируют коммуникативное поведение бразильцев. Они выражают прежде всего эмоциональную компоненту и приобретают черты междометий. В соответствии с лузофонной филологической традицией такие слова и словосочетания относятся как к междометным, так и лексическим единицам [Santos et al., 2018], что отличается от традиционного понимания междометия в русской грамматической традиции. Однако в контексте нашего исследования грамматическая характеристика этих слов не релевантна, важно то, что в их семантике наличествует религиозная компонента.

Имена святых:

(17) ...s janelas de uma erna rua de **São Januário** (Barreto, p. 10) – ...Окна домов на тихой улице Сан-Жануарио. Баррето, 2015, с. 13);

(18) ...Contornos da terra maravilhosa do **Espírito Santo** (Aranha, p. 85) – ...Окрестности потрясающего штата Эспирито-Санто.

(19) ...Outros seguiam cheios e os de **São Cristóvão** (Coelho, p. 46) – ...Другие (трамваи) были заполнены и ехали из района Святого Христофора.

Приведенные примеры иллюстрируют общую тенденцию использования имен святых в качестве источника возникновения топонимов. Отметим, что улица Святого Януария (*São Januário*) является частью района Святого Христофора (*São Cristóvão*), что свидетельствует о высокой релевантности данной локации для бразильской этнокультуры.

Среди мест религиозного культа упоминаются: *Igreja do Outeiro* (Coelho, p. 117) и *Igreja da Candelária* (Assis, p. 42). Использование упомянутых названий является еще одним способом перехода от сакрального к профанному, поскольку места религиозного культа в текстах художественных произведений используются как объекты культуры, а не культа.

«Код пространства». Влияние среды на человека, его привычки и поведение – сегодня научно доказанный факт. Он может использоваться для конструирования идентичности, примером чего может послужить строительство современной столицы Бразилии, которое ознаменовало отказ от «колониального прошлого с его приморскими городами» [Суджич, 2020, с. 44]. К элементам пространства мы относим те объекты или артефакты среды обитания человека, которые не несут дополнительных культурных коннотаций. Так, к коду пространства мы не относим названия мест религиозного

культы, которые манифестируют прежде всего сакральную компоненту, или сертаны, которые являются не географическим регионом с неопределенными границами, а бразильским этнокультурным концептом.

Нами установлены две тематические группы, формирующие «код пространства», а именно: «флора и фауна» и «городская среда».

Группа «флора и фауна»:

(20) ...Ao longo das **árvores**, dos **pássaros**, dos **insetos**, dos **animais ocultos** no segredo da selva... (Aranha, p. 35) – ...Вдоль **деревьев**, **птиц**, **насекомых**, **животных**, скрытых в гуще **леса**...;

(21) Quaresma foi caminhando por entre aquele rumor de vida, rumor que vinha do farfalhar do mato e do piar das **aves** e **pássaros**. Esvoaçavam **tiés-vermelhos**, **bandos de coleiros**; **anuns** voavam e punham pequenas **manchas** negras no verdor das árvores (Barreto, p. 107) – Куарезма шел, окруженный шумом жизни – шелестом травы, листьев, щебетом птиц. Порхали **танагры**, **летали стайки овсянок**, **ани** садились на деревья – крошечные черные пятнышки на зеленом фоне (Баррето, с. 147);

(22) ...Um aroma **silvestre** de bosque virgem saturava o ar fino (Coelho, p. 48) – ...Дикий **лесной** аромат насыщает чистый воздух.

Представляя количественную характеристику лексических единиц, называющих объекты флоры и фауны, отметим только слова, выражающие родовые или общеизвестные понятия (табл. 3), что мотивировано широким разнообразием в исследуемом корпусе слов, формирующих эту группу.

Количественные данные о представленности единиц, номинирующих различные объекты флоры и фауны, свидетельствуют об актуальности лексем данной группы для формирования «кода пространства».

Группа «городская среда»:

(23) A **cadeia** do Porto do Cachoeiro, resto do antigo povoado, já existente antes da colonização,

talvez fosse a mais velha e a pior **habitação da cidade**. As **paredes** eram negras e as **grades enferrujadas da janela**... (Aranha, p. 221) – **Тюрьма** Порто де Кашоэиру, остатки древнего поселения, существовавшего еще до колонизации, возможно, это было самое старое и **худшее здание в городе**. Ее **стены** были черные, а на **окнах ржавые решетки**...;

(24) E mais lembrava as **paradas**, aqui para beber café, ali para beber água na **fonte célebre**, e finalmente a **vista do alto da serra**... (Assis, p. 11) – Больше вспоминал остановки по пути: здесь чтобы выпить кофе, там чтобы выпить воды в том **известном фонтане**, и, наконец, полюбоваться **видом с вершины горы**...;

(25) Chegando ao **Largo** de S. Francisco teve uma exclamação e deitou a correr para um **bonde** que partia, quase vazio, com as cortinas descidas (Coelho, p. 12) – Подъезжая к **площади** Святого Франциска, он воскликнул и побежал к отправляющемуся **трамваю**, почти пустому, с опущенными шторами.

В большинстве исследуемых произведений события разворачиваются в Рио-де-Жанейро и его окрестностях, поэтому городская среда часто становится объектом художественного осмысления, следовательно, лексические единицы, номинирующие ее элементы, часто воспроизводятся в текстах. Представляя количественную характеристику лексических единиц, называющих объекты городской среды, в силу их разнообразия отметим только слова, выражающие родовые понятия, и названия объектов (см. табл. 4).

Существенную роль в реализации кода пространства играют названия объектов современного исторического центра Рио-де-Жанейро как одной из важных локаций бразильского романа первой четверти XX века. Отметим и такую лексическую единицу, как **bonde** (трамвай), обозначающую особую разновидность городского вида транспорта. Он до сих пор используется в историческом центре Рио-де-Жанейро.

Таблица 3. Лексические единицы, вербализующие смысловую группу «флора и фауна»

Table 3. Lexical units verbalizing thematical group “flora and fauna”

Лексическая единица	Количество словоупотреблений в корпусе
<i>Árvore</i> (дерево)	117
<i>Floresta / bosque</i> (лес)	27/10
<i>Ave / pássaro</i> (птица)	19/14

Таблица 4. Лексические единицы, вербализующие смысловую группу «городская среда»

Table 4. Lexical units verbalizing thematical group “urban environment”

Базовые лексические единицы, описывающие городскую среду (количество)	Лексические единицы, описывающие Рио-де-Жанейро (количество)
<i>rua</i> (улица) – 253	<i>bonde</i> (трамвай) – 17
<i>cidade</i> (город) – 29	<i>Largo da Carioca</i> (площадь Кариоки) – 3
<i>largo</i> (площадь) – 18	<i>Rua de Ouvidor</i> (улица Ювелиров) – 3
<i>praça</i> (площадь) – 17	<i>Largo do Rocio</i> (площадь Росио) – 2
	<i>Largo da Lapa</i> (площадь Лапы) – 2
	<i>Rua de Ipiranga</i> (улица Ипиранга) – 2

Разграничение культурного и этнокультурного кодов. В исследуемом корпусе, кроме рассмотренных выше кодов, возможно выделить ряд других: гастрономический, бытовой, межличностной коммуникации. Они представляют интерес для португалистики и бразилистики, однако мы предлагаем рассматривать их как часть культурного, а не этнокультурного кода по следующим причинам: во-первых, в авторитетных источниках эти коды не упоминаются в контексте бразильской литературной традиции или культуры в целом, что свидетельствует об их невысокой релевантности для бразильской этнокультуры исследуемого периода; во-вторых в корпусе текстов эти коды практически не актуализируются.

Итак, этнокультурный код, будучи частью культурного кода, включает те области семиотического пространства, которые выражают национально-культурную специфику рассматриваемого региона и конституируют этническую принадлежность его жителей, что должно подтверждаться несколькими независимыми источниками.

Полагаем целесообразным предложить следующие критерии отнесения единиц к этнокультурному коду:

1. Манифестация национально-культурной специфики.
2. Воспроизводимость в нескольких источниках, объединенных по определенным признакам (перечень признаков в каждом случае индивидуален и должен быть обоснован).
3. Выделение экспертами данных единиц. При работе с художественными текстами необходимо опираться на филологическую экспертизу. Если ее осуществление не представляется возможным, то полученные или прогнозируемые результаты можно верифици-

ровать посредством дополнительных социально-гуманитарных изысканий.

Таким образом, этнокультурный код является той частью семиотического пространства, которое объективирует наиболее значимые элементы культуры определенного региона, формируя тем самым этническую принадлежность жителей этого региона.

Заключение

Бразильский этнокультурный код можно представить в виде схемы (см. рис. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о релевантности для бразильского сознания прибрежных локаций северо-востока, где зарождалась Бразилия как территориальное, а затем и государственное образование, что находит отражение в кодах сертан и Баии.

Единицы, актуализирующие религиозный код, с одной стороны, маркируют бытовую коммуникацию, способствуя переходу от сакрального к профанному, а с другой, свидетельствуют о значимости христианских святых для бразильской этнокультуры, что выражено в топонимах.

В бразильском романе первой четверти XX в. художественное и философское осмысление получают вопросы расы. Тема расового разнообразия Бразилии в начале XX в. затронута во всех рассматриваемых произведениях, а в романах «Ханаан» и «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы» являются одной из центральных. В связи с этим в исследуемых текстах актуализирован соответствующий этнокультурный код.

Авторы исследуемых произведений формируют код пространства двумя тематическими группами: «флора и фауна» и «городская среда», фиксируя богатство окружающей их

Рис. 2. Бразильский этнокультурный код
Fig 2. Brazilian ethnocultural code

природы и своеобразие городской среды, прежде всего исторического центра Рио-де-Жанейро.

Результаты проведенного анализа нельзя считать исчерпывающими, однако они позволяют предварительно выявить основные векторы формирования бразильского этнокультурного кода, отраженного в романах первой четверти XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь под сертанами подразумевается сельская местность прибрежного штата Парана.

² Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш.

³ В примерах (2), (5), (7), (12), (18), (20), (23) сохраняется орфография оригинала, отражающая бразильский вариант португальского языка до первой орфографической реформы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева А. Б., 2007. Формирование этнокультурной компетентности в системе высшего педагогического образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 8 (30). С. 77–89.
 Вербичка Л. А., 2015. Язык и общество. Роль языка в жизни общества // Педагогика. № 2. С. 3–18.
 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 2005. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик. 1037 с.
 Зубко Г. В., 2012. Самоидентификация этноса и этнокультурный код // Мир психологии. № 1 (69). С. 152–158.

Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС. 389 с.
 Клотер Р., 2010. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. М.: Юнайтед пресс. 166 с.
 Ковшова М., Гудков Д., 2018. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис. 189 с.
 Константинова Н. С., 2019. Бразильская национальная идентичность: мнения и сомнения // Латинская Америка. № 7. С. 123–128. DOI: 10.31857/S0044748X0005402-1
 Мартынов Б. Ф., 2008. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М.: Наука. 318 с.
 Миколайт А., Пюркхауэр М., 2020. Код города: 100 наблюдений, которые помогут понять. М.: Strelka Press. 150 с.
 Монгуш М. В., Зайцева А. А., Бакшеев Е. С., 2014. «Этническая культура»: содержание и составляющие понятия // Культурологический журнал. № 2 (16). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/267.html&j_id=19
 Надъярных М. Ф., 2007. Бразильская литература XX века: проблема становления национальной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 34 с.
 Надъярных М. Ф., 2017. Бразильская литература: трудная идентичность // Разрыв и связь времен. Проблемы изучения литературы рубежа XIX–XX веков. М.: ИМЛИ РАН. С. 597–641.
 Переведенцева В. О., 2022. классификации религиозной лексики // Chronos. № 5 (67). С. 33–36.
 Суджич Д., 2020. Язык городов. М.: Strelka Press. 218 с.
 Тагаев М. Д., Токсомбаева Г. А., 2019. Этнокультурное прочтение и стратегии перевода песни Т. Сатылганова «Алымкан» (На материале переводов М.А. Рудова и В.И. Шаповалова) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. № 10. С. 80–85.
 Телия В. Н., 1996. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультуроло-

- гический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культу-
рь». 284 с.
- Тергерян И. А., 1965. Бразильский роман XX века.
М. : Наука. 230 с.
- Тергерян И. А., 1988. Человек мифотворящий: о ли-
тературе Испании, Португалии и Латинской
Америки. М. : Сов. писатель. 557 с.
- Фаусту Б., 2013. Краткая история Бразилии. М. : Весь
мир. 446 с.
- Эжо У., 2019. Отсутствующая структура : введение в
семиологию. М. : АСТ : CORPUS. 704 с.
- Энциклопедия. Латинская Америка, 2012 / гл. ред.
В. М. Давыдов. М. : Экономика. 949 с.
- Alieva Z., Yusupov K., Ibragimova M., Magomedov M.,
Otsomieva-Tagirova Z., 2019. Toponymical
Ethnocultural Codes In Lexical-Semantic Field
of Relatedness // Social and Cultural
Transformations in the Context of Modern
Globalism / ed. by D. K.-S. Bataev [et al.]. L. :
Future Academy. P. 2579–2585. (European
Proceedings of Social and Behavioural Sciences ;
vol. 76). DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.346
- Bosi A., 2015. História concisa da literatura brasileira.
São Paulo : Cultrix. 528 p.
- Ezhova E. N., Dvoenko O. A., 2018. Interaction of
Universal and Ethnocultural Codes in Structure
of Advertisement Communication // SHS Web
Conf. № 50. DOI: 10.1051/shsconf/20185001206
- Muhammadjon M. Y., 2021. On the Ethnocultural
Features of Anthroponyms // ISJ Theoretical &
Applied Science. № 11 (103). P. 872–875.
DOI: 10.15863/TAS.2021.11. 103.99
- Penix-Tadsen P., 2016. Cultural Code: Video Games and
Latin America. L. : MIT Press. 344 p.
- Santos Estevão L. J., Celino Amorim A. C., Souza
Bezerra M. K., 2018. O fenômeno interjeição e
suas implicações para o ensino de língua
portuguesa // Sinfaro. P. 806–817.
- Soares A. A., 1963. História da literatura brasileira,
séculos XVI–XX. São Paulo : Saraiva. 223 p.
- Trifonas P., 2015. International Handbook of Semiotics.
Toronto : University of Toronto. 1282 p.
DOI: 10.1007/978-94-017-9404-6

ИСТОЧНИКИ

- Баррето* – Баррето Л. А. Э. Печальная судьба По-
ликарпо Куарезмы / пер. с порт. В. Петрова.
СПб. : Symposium, 2015. 292 с.
- Aranha* – Aranha G Chanaan. Rio de Janeiro : H. Garnier
livreiro, 1902. 360 p.
- Assis* – Assis M. Memorial de Aires. São Paulo : Ática,
1985. 127 p.
- Barreto* – Barreto L. A. E. Triste fim de Policarpo Quaresma.
Rio de Janeiro : Nova Fronteira, 2014. 206 p.

- Coelho* – Coelho N. Torbilhão, 1906. URL: [http://
www.bibliologista.com/2014/03/o-turbilhao-de-
coelho-neto.html](http://www.bibliologista.com/2014/03/o-turbilhao-de-coelho-neto.html)
- Cunha* – Cunha E. Os Sertões, 1902. 618 p.

СЛОВАРЬ

- Dicionário* – Dicionário Aurélio da Língua Portuguesa
/ ed. Aurélio H. B. Curitiba : Positivo Editora,
2010. 2272 p.

REFERENCES

- Afanasyeva A.B., 2007. Formirovanie etnokulturnoy
kompetentnosti v sisteme vysshego
pedagogicheskogo obrazovaniya [Formation of
Ethnocultural Competence in Teacher Education].
*Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo
pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*
[Izvestia: Herzen University Journal of Humanities
& Sciences], vol. 8, no. 30, pp. 77-89.
- Verbitskaya L.A., 2015. Yazyk i obshchestvo. Rol
yazyka v zhizni obshchestva [Language and
Society. A Language Role in Life of Society].
Pedagogika [Pedagogy], no. 2, pp. 3-18.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 2005. *Yazyk i
kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii:
leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh
taktik i sapientemy* [Language and Culture. Three
Concepts of Language and Regional Studies:
Lexical Background, Speech Behaviour Tactics
and Sapienttheme]. Moscow, Indrik Publ. 1037 p.
- Zubko G.V., 2012. Samoidentifikatsiya etnosa i
etnokulturnyy kod [Self-Identification of Ethnos
and Ethnocultural Code]. *Mir psikhologii* [World
of Psychology], no. 1 (69), pp. 152-158.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost,
kontsepty, diskurs* [Language Circle:
Personality, Concepts, and Discourse].
Moscow, GNOZIS Publ. 389 p.
- Clotaire R., 2010. *Kulturnyy kod: kak my zhivem, chto
pokupaem i pochemu* [The Culture Code: An
Ingenious Way to Understand why People
Around the World Live and Buy As They Do].
Moscow, United press Publ. 166 p.
- Kovshova M., Gudkov D., 2018. *Slovar
lingvokulturologicheskikh terminov* [Dictionary
of Linguistic and Cultural Terms]. Moscow, Gnozis
Publ., 2018. 189 p.
- Konstantinova N.S., 2019. Brazilskaya natsionalnaya
identichnost: mneniya i somneniya [Brazilian
National Identity: Opinions and Doubts].
Latinskaya Amerika [Latin America], no. 7,
pp. 123-128. DOI: 10.31857/S0044748X0005402-1

- Martynov B.F., 2008. *Braziliya – gigant v globaliziruyushchetsya mire* [Brazil – Giant in Globalized World]. Moscow, Nauka Publ. 318 p.
- Mikoleit A., Purckhauer M., 2020. *Kod goroda: 100 nablydeniy, kotorye pomogut ponyat* [Urban Code. 100 Lessons for Understanding the City]. Moscow, Strelka Press. 150 p.
- Mongush M.V., Zaytseva A.A., Baksheev E.S., 2014. «Etnicheskaya kultura»: sodержanie i sostavlyayushchie ponyatiya [“Ethnic Culture”: The Contents and Components of the Concept]. *Kulturologicheskiy zhurnal* [Journal of Cultural Research], vol. 2, no. 16. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/267.html&j_id=19
- Nadyarnykh M.F., 2007. *Brazilskaya literatura XX veka: problema stanovleniya natsionalnoy traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Brazilian Literature of the 20th Century: The Issue of National Tradition Development. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 34 p.
- Nadyarnykh M.F., 2017. *Brazilskaya literatura: trudnaya identichnost* [Brazilian Literature: Challenges of Identity]. *Razryv i svyaz vremen. Problemy izucheniya literatury rubezha XIX–XX vekov* [Break and Link of Times. The Issue of Literature Studies at the Turn of the 19th – 20th Centuries], Moscow, IMLI RAN, pp. 597-641.
- Perevedenceva V.O., 2022. *Klassifikacii religioznoj leksiki* [Classification of Religious Vocabulary]. *Chronos Publ.*, vol. 5, no. 67, pp. 33-36.
- Subichus B.Yu., 1981. *Iz istorii brazilskoy literatury* [From the History of Brazilian Literature]. *Kultura Brazili* [Brazilian Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 61-100.
- Sudzhich D., 2020. *Yazyk goroda* [Language of a City]. Moscow, Strelka Press. 218 p.
- Tagaev M.D., Toksombaeva G.A., 2019. Etnokulturnoe prochtenie i strategii perevoda pesni T. Satylganova «Alymkan» (Na materiale perevodov M.A. Rudova i V.I. Shapovalova) [Ethno-Cultural Reading and Translation Strategies of T. Satylganov’s Song “Alymkan” (Based on Translations by M.A. Rudov and V.I. Shapovalov)]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta* [Herald of KRSU], no. 10, pp. 80-85.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, Linguistic and Cultural Aspects]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury». 284 p.
- Terteryan I.A., 1965. *Brazilskiy roman XX veka* [The Brazilian Novel of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ. 230 p.
- Terteryan I.A., 1988. *Chelovek mifotvoryashchiy: o literature Ispanii, Portugalii i Latinskoy Ameriki* [Human Creating the Myths: On Spanish, Portuguese and Latin America Literatures]. Moscow, Sov. pisatel Publ. 557 p.
- Faustu B., 2013. *Kratkaya istoriya Brazili* [Brief History of Brazil]. Moscow, Ves mir Publ. 446 p.
- Eko U., 2019. *Otsutstvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu* [The Absent Structure. Introduction to Semiotic Studies]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ. 704 p.
- Davydov V.M. ed., 2012. *Entsiklopediya. Latinskaya Amerika* [Encyclopaedia. Latin America]. Moscow, Ekonomika Publ. 949 p.
- Alieva Z., Yusupov K., Ibragimova M., Magomedov M., Otsomieva-Tagirova Z., 2019. Toponymical Ethnocultural Codes in Lexical-Semantic Field of Relatedness. Bataev D. K.-S. et al., eds. *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. London, Future Academy, pp. 2579-2585. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences; vol. 76). DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.346
- Bosí A., 2015. *História concisa da literatura brasileira*. São Paulo, Cultrix. 528 p.
- Ezhova E.N., Dvoenko O.A., 2018. Interaction of Universal and Ethnocultural Codes in Structure of Advertisement Communication. *SHS Web Conf.*, no. 50. DOI: 10.1051/shsconf/20185001206
- Muhammadjon M.Y., 2021. On the Ethnocultural Features of Anthroponyms. *ISJ Theoretical & Applied Science*, no. 11 (103), pp. 872-875. DOI: 10.15863/TAS.2021.11.103.99
- Penix-Tadsen P., 2016. *Cultural Code: Video Games and Latin America*. London, MIT Press. 344 p.
- Santos Estevão L.J., Celino Amorim A.C., Souza Bezerra M.K., 2018. O fenômeno interjeição e suas implicações para o ensino de língua portuguesa. *Sinfaro*, pp. 806-817.
- Soares A.A., 1963. *História da literatura brasileira, séculos XVI–XX*. São Paulo, Saraiva. 223 p.
- Trifonas P., 2015. *International Handbook of Semiotics*. Toronto, University of Toronto. 1282 p. DOI: 10.1007/978-94-017-9404-6

SOURCES

- Barreto L.A.E.. *Pechalnaya sudba Polikarpo Kuarezmy* [The Sad End of Policarpo Quaresma]. Saint Petersburg, Symposium Publ., 2015, 292 p.
- Aranha G.. *Chanaan*. Rio de Janeiro, H. Garnier livreiro, 1902. 360 p.
- Assis M. *Memorial de Aires*. São Paulo, Ática, 1985. 127 p.
- Barreto L.A.E. *Triste fim de Policarpo Quaresma*. Rio de Janeiro, Nova Fronteira, 2014. 206 p.

Coelho N. *Torbilhão*. 1906. URL: <http://www.bibliologista.com/2014/03/o-turbilhao-de-coelho-neto.html>
Cunha E. *Os Sertões*. 1902. 618 p.

DICTIONARY

Aurélio H.B., ed. *Dicionário Aurélio da Língua Portuguesa*. Curitiba, Positivo Editora, 2010. 2272 p.

Information About the Author

Ruslan I. Proklov, Senior Lecturer, Department of Language Psychology and Foreign Language Teaching, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia, ruslan.i.proklov@lecturer.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Информация об авторе

Руслан Игоревич Проклов, старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Россия, ruslan.i.proklov@lecturer.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.10>

UDC 81'42:659.181
LBC 81.055.51.6

Submitted: 25.07.2022
Accepted: 28.11.2022

PRECEDENT TEXTS AS A MEANS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF SOCIAL ADVERTISING

Tatyana V. Anisimova

Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Kaliningrad, Russia

Svetlana A. Chubay

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article questions the efficiency of modern social advertising posters. The research aims to establish the reasons for the inefficiency of using precedent texts in social advertising and formulate the requirements that should be followed when using them. The material of the study was a collection of posters used in Russia for social advertising, selected by continuous sampling method from various media banks on the Internet, total of more than 14,000 items. The authors analyzed social advertising posters, of which contain various precedent texts (including the transformed ones). A psycholinguistic experiment was conducted to determine the degree of precedent text recognition in social advertising by recipients. It is shown that most of the precedent texts in social advertising do not meet the requirements for this type of advertising tools: they are not well-recognized; they are often not semantically related to the thesis being promoted; and represented in transformed and parcelled forms, which makes it difficult to identify them. The authors come to the conclusion that in order to increase the impact potential of social advertising with the help of precedent texts, it is necessary to take into account not only the very fact of using the precedent text, but also its place in the national culture. Moreover, constant updating of set expressions in the precedent text bank, addressee's cultural, historical and life experience are to be taken into consideration. It has been revealed that the most efficient source of precedent texts for social advertising posters are the works of art (both verbal and visual), since they allow especially high quality and complete reflection of fragments of reality in figurative form.

Key words: precedent text, social advertising, advertising efficiency, intertextuality, allusion, prototext, advertising impact.

Citation. Anisimova T.V., Chubay S.A. Precedent Texts as a Means of Increasing the Efficiency of Social Advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 122-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.10>

УДК 81'42:659.181
ББК 81.055.51.6

Дата поступления статьи: 25.07.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Татьяна Валентиновна Анисимова

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ, г. Калининград, Россия

Светлана Анатольевна Чубай

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о неэффективности современных плакатов социальной рекламы. Цель исследования состоит в определении причин неэффективности включения precedentных текстов в социальную рекламу и формулировании требований, которыми следует руководствоваться при

их использовании. Материалом для изучения послужила картотека плакатов российской социальной рекламы, собранная методом сплошной выборки из различных медиабанков сети Интернет, общим объемом более 14 000 единиц. Авторами проанализировано 822 плаката социальной рекламы, содержащей различные прецедентные тексты (в том числе трансформированные). Для установления степени узнаваемости прецедентных текстов в социальной рекламе проведен психолингвистический эксперимент. Его результаты показали, что большая часть прецедентных текстов в социальной рекламе плохо опознается реципиентами, поскольку такие тексты не являются хрестоматийными и общеизвестными; часто не связаны по смыслу с пропагандируемым тезисом; подаются фрагментарно; содержат существенные трансформации исходного текста. Обнаружено, что для увеличения воздействующего потенциала социальной рекламы с помощью прецедентных текстов необходимо учитывать место этого текста в национальной культуре, постоянное обновление набора устойчивых выражений, считающихся прецедентными текстами, культурный, жизненный и исторический опыт адресата рекламного послания. Показано, что источником прецедентных текстов, наиболее эффективных в социальной рекламе, становятся произведения искусства (как вербальные, так и визуальные), поскольку они позволяют качественно и полно отразить фрагменты действительности в образной форме.

Ключевые слова: прецедентный текст, социальная реклама, эффективность рекламы, интертекстуальность, аллюзия, прототекст, воздействие рекламы.

Цитирование. Анисимова Т. В., Чубай С. А. Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 122–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.10>

Введение

На современном этапе развития общества люди настолько подвержены воздействию негативных социокультурных факторов, что государство считает необходимым формировать у граждан отношение к тем или иным моделям поведения как социально одобряемым или неодобряемым. С этой целью используются как традиционные журналистские жанры, так и интегрированные коммуникации, к которым, безусловно, относится социальная реклама (далее – СР). С ее помощью предъявляются общепринятые стандарты социального поведения и транслируются социальные приоритеты, правила и нормы, культурные ценности и т. п., поэтому СР является важным инструментом воспитания и просвещения населения, способным донести до адресата общественно значимые идеи.

Вместе с тем в нашей стране наряду с удачными и грамотно построенными рекламными сообщениями выпускается и много неудачной, серой и невыразительной рекламной продукции. Это существенно снижает ее способность повлиять на адресата. Проблема нередко усугубляется тем, что в отличие от создателей товарной рекламы, которые стремятся к постоянному обновлению средств воздействия, создатели СР весьма часто используют устаревшие шаблоны и неэффек-

тивные приемы воздействия. В этой ситуации ученые все чаще обращаются к исследованию аргументации в СР и установлению степени ее эффективности [Голенкова, Калмыков, 2020; Тимчак, Осипов, 2019; Троцук, Ильина, 2020; и др.]. Тем не менее можно констатировать, что устранить проблему появления неэффективных рекламных материалов пока не удалось. С одной стороны, это объясняется ее сложностью самой проблемы, а с другой – неконкретностью и глобальностью рекомендаций, обычно предлагаемых в научных работах (например, повышать креативность посланий или усилить эмоциональную составляющую аргументации), что значительно затрудняет их внедрение в практику. Результативным же представляется углубленное исследование приемов повышения эффективности СР с тем, чтобы научные разработки коррелировали с деятельностью копирайтеров.

В частности, отдельного и тщательного анализа требует проблема использования в социальной рекламе прецедентных текстов (далее – ПТ). Считается аксиомой, что их наличие может существенно ускорить усвоение содержания послания за счет эксплуатации тех дополнительных ассоциаций, которые они вызывают. Однако на практике эффективность использования ПТ часто оказывается весьма низкой, что не способствует выполнению социальной рек-

ламой всех возложенных на нее задач. В связи с этим целью настоящего исследования является установление причин неэффективности использования ПТ в СР и формулирование тех требований, которыми следует руководствоваться при их использовании.

Материал и методы

Материалом исследования послужила картотека плакатов используемой в России СР, собранная методом сплошной выборки из различных медиабанков сети Интернет общим объемом более 14 000 единиц (подробно о характере собранного материала см.: [Анисимова, Чубай, 2019а]). В картотеке представлено 822 плаката, содержащих различные ПТ (в том числе трансформированные), которые и стали объектом исследования.

Плакаты с ПТ изучались с применением дискурсивного, контекстуального, интертекстуального анализа и метода лингвистического описания. Проведена количественная обработка эмпирического материала. При исследовании материала использовался метод сплошной тематической выборки примеров представления ПТ в современной российской СР. Для оценки степени эффективности использования ПТ в СР был проведен психолингвистический эксперимент.

Результаты и обсуждение

В научной литературе часто отмечается, что одной из наиболее характерных черт рекламной коммуникации является использование разнообразных средств усиления воздействия на адресата (см., например: [Иванова, Рабинович, 2013; Ларина, 2015; Тимшин, 2011; и др.]).

Наши наблюдения показывают, что СР в гораздо меньшей степени креативна, чем товарная, и в меньшей степени подвержена влиянию современных тенденций, однако при ее создании используются приемы и методы, свойственные товарной рекламе. Из этих приемов прежде всего должна быть упомянута интертекстуальность, поскольку она позволяет при максимальной лаконичности формы добиться емкости и полиакцентности содержания. Состав форм интертекстуальности, ха-

рактерных для СР, уже был описан нами в предыдущих работах (см., например: [Анисимова, Чубай, 2019б]). В данной статье рассмотрим только цитирование прецедентных текстов, поскольку они, будучи нетипичным средством актуализации социально значимой информации, способны повышать уровень интерпретируемости высказывания и усиливать степень его эмоционального влияния на адресата. Для того чтобы это воздействие состоялось, ПТ обязательно должны быть опознаны адресатом именно как прецедентные, а их источник должен быть известен целевой группе и вызывать положительные эмоции. В этом случае ПТ становится триггером, с помощью которого подключается ассоциативный ряд, связанный, с одной стороны, с ценностной системой индивида, а с другой – с лингвокультурой нации.

Признаваемое большинством исследователей определение ПТ принадлежит Ю.Н. Караулову, который указывает, что это тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 216]. К таким текстам обычно относят крылатые фразы, часто повторяемые цитаты из литературных произведений и фольклора, мифологические образы, цитаты из художественных и мультипликационных фильмов и т. п. Существенными признаками ПТ ученый считает «общеизвестность» и «хрестоматийность» [Караулов, 2010, с. 217].

Важно отметить, что в рамках указанной выше концепции текст понимается как поликодовый: включает не только текстовую, но и визуальную составляющую (см. об этом: [Быльева, 2005; Дубовицкая, 2012; Каменева и др., 2018; Ластовка, 2020; Нахимова, 2018; Петренко, Слепакова, 2016; и др.]). Такое понимание текста особенно актуально для рекламной коммуникации, поскольку здесь именно визуальная составляющая выполняет основную функцию воздействия на адресата, а вербальная играет второстепенную роль и использует-

ся только тогда, когда требуется пояснение к изображению (которое может быть неправильно или неоднозначно истолковано). В связи с этим к ПТ относятся не только собственно тексты (интертекстуальность), но и прецедентные изображения (интериконичность).

Концепция ПТ Ю.Н. Караулова разносторонне развивается многими учеными (см., например: [Волкова, Кабаньян, 2020; Мозгунова, 2021; Чернявская, 2021; и др.]). Они подчеркивают, что прецедентные тексты – это обязательно феномены, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, которые являются актуальными в когнитивном плане и обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Самыличева, 2020, с. 178].

Соглашаясь с этим, отметим, что наблюдения за практикой использования ПТ в российской СР вызывают большие сомнения в том, что этот принцип действительно последовательно реализуется. Так, нередко на плакатах без всякого намека на источник помещаются цитаты, претендующие на прецедентность, однако, на наш взгляд, их не сможет опознать подавляющее большинство современных россиян, например: *Волонтер – это звучит гордо! Волонтер – мы решили твердо! Волонтер – это наша сила! Волонтер – мы с тобой Россия!* (ср.: *Человек – это звучит гордо!* М. Горький. «На дне»); *Летние, дворовые, мои* (плакат из серии, выпущенной Ассоциацией дворовых видов спорта; ср. девиз зимних Олимпийских игр в Сочи: *Зимние, жаркие, твои*). Подобные высказывания претендуют на всеобщую узнаваемость, однако непонятны рядовому адресату СР. В связи с этим встает вопрос: все ли тексты, которые позиционируются в СР как прецедентные, действительно являются таковыми и как это отражается на эффективности СР.

О степени восприятия прецедентных текстов рассуждает В.М. Мокиенко. Автор соглашается с общим мнением о катастрофическом падении качества современного образования, упадке культуры и огрублении нравов. Однако указывает, что степень падения нигде точно не сформулирована и это пагубно отражается на преподавании в вузе. Чтобы «приблизительно очертить круг общеобразо-

вательных знаний, которыми реально обладает современный русский школьник или студент», автор использует антипословицы – интертекстемы, которые подвергаются различным трансформациям с целью создания комического эффекта. Ученый утверждает, что именно набор этих переработанных цитат и формирует континуум «интертекстем из русской литературы и других источников, представляющих собой основу общеобразовательного минимума любого интеллигентного человека» [Мокиенко, 2010, с. 53]. «Уже сам выбор таких цитат и шутовское их обыгрывание является, по нашему мнению, достаточно надежным свидетельством того, что такие лингвокультурогемы востребованы русской речью – особенно речью молодежи» [Мокиенко, 2010, с. 54]. Далее приводятся примеры таких антипословиц: *Влечение к лечению – род недуга (Влеченье – род недуга. А.С. Грибоедов. «Горе от ума»); Споили, говорят, народ, а Васька слушает да пьет (А Васька слушает да ест. И.А. Крылов. «Кот и повар»); И на груди его могучей три волоса казались кучей (И на челе его высоко не отразилось ничего. М.Ю. Лермонтов. «Демон»)* и т. п. Хотя в целом эта идея кажется весьма интересной, вызывает большие сомнения тот факт, что современная молодежь помнит наизусть подобные цитаты. В пользу этих сомнений говорит и то, что авторами таких антипословиц чаще всего оказываются не молодые люди, а представители среднего и даже старшего поколения (причем чаще всего профессиональные писатели): рубрика *АиФ АиФоризмы*, Н.В. Фоменко, А.А. Трушкин и др.

Для установления степени узнаваемости ПТ, используемых на плакатах СР, людьми, которым адресованы рекламные послания, нами был произведен психолингвистический эксперимент. Для этого из картотеки плакатов были выбраны 50 примеров, представляющих разные степени трансформации ПТ, разные источники, из которых они заимствованы. Двум группам респондентов было предложено рассмотреть эти плакаты и ответить на вопросы: 1) видят ли они на предложенных для восприятия плакатах прецедентные тексты; 2) если да, то могут ли опознать источник заимствования. В первую (младшую)

группу вошло 100 респондентов: молодые люди 20–25 лет, получающие специальность «юрист» в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД РФ; во вторую (старшую) вошло 50 респондентов: преподаватели разных дисциплин (юридических, психологических, исторических, социологических, культурологических) этого же вуза (40–60 лет).

Проведенный эксперимент показал следующие результаты. Никто из опрошенных не смог опознать все ПТ на плакатах и определить источник заимствования, причем разброс результатов оказался весьма большим (от 7 до 92 % опознанных текстов). По степени узнаваемости реципиентами ПТ можно распределить по следующим рубрикам.

1. Источник цитирования не известен никому из респондентов, поэтому текст воспринимается как народная мудрость (типичные ответы: *это пословица* или *это афоризм*). Такие цитаты В.П. Москвин называет текстовой аппликацией, поскольку они «при длительной и активной эксплуатации превращаются в крылатые слова» [Москвин, 2015, с. 24].

В эту рубрику включены и такие слоганы: *Новое – это хорошо переработанное старое* (о необходимости раздельного сбора мусора; ср.: *Новое – это хорошо забытое старое*. Дж. Чосер) 82 % студентов и 100 % преподавателей помнят исходную форму этого афоризма, однако ни один респондент не высказал никаких предположений о его происхождении; *Сейте разумное, доброе, вечное* (*Сейте разумное, доброе, вечное, Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ...* Н.А. Некрасов. «Сеятелям»); *Человек – царь природы. Разделяй и властвуй!* (плакат о необходимости раздельного сбора мусора; ср.: *Разделяй и властвуй*. Н. Макиавелли) и др.

Нередко усложняет задачу распознавания авторства таких ПТ некоторая структурная трансформация текста или переосмысление его значения. Например: *Все свое унесем с собой* :). На плакате изображена семья, покидающая лес. В руках у отца семейства мешок с мусором. Таким образом, слоган иллюстрирует современное значение оборота *все свое ношу с собой*: характеристика человека предусмотрительного (он имеет при

себе все, что нужно в данный момент) или бедного (все немного, что имею, то и при мне). Однако, как известно, первоначально эта фраза, по словам Цицерона, произнесенная древнегреческим мудрецом Биантом, который не захотел взять с собой в изгнание никакого имущества, означала, что настоящее богатство человека – это его духовные ценности и знания, а не вещи.

2. Источник цитирования известен только определенным социальным группам. Как правило, такая ситуация связана либо с утратой советской идеологии и ее ценностей, либо с использованием цитат из произведений, актуальных только для одного поколения. Примером первого может служить плакат: *Чтобы бороться с коррупцией, нужно иметь чистые руки*. Среди респондентов младшей группы смогли опознать источник этой цитаты только 7 % участников эксперимента. В то же время все респонденты старшей группы уверенно указали ее автора: *У чекиста должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки* (Ф.Э. Дзержинский).

Другой пример ПТ, показавшийся легким для опознавания в старшей группе респондентов, но не опознанный ни одним представителем младшей группы, – плакат, призывающий отказаться от чрезмерного использования Интернета: *Им нечего терять кроме своих соцсетей*. Источником ПТ является известный в свое время афоризм: *Пролетариату нечего терять кроме своих цепей, а приобретает он весь мир*, заимствованный из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Здесь же рассматриваем и слоганы, построенные с использованием ПТ из произведений советских писателей. Раньше их творчество изучали в школе, поэтому такие фразы легко опознавались как прецедентные, однако у современной молодежи они не вызывают никаких ассоциаций: *Рожденный ездить, летать не должен!* (плакат против превышения скорости на дороге, ср.: *Рожденный ползать, летать не может*. М. Горький. «Песня о Соколе»); *В жизни есть место не только технике...* (ср.: *В жизни всегда есть место подвигу*. М. Горький. «Старуха Изергиль»). Непонятным для молодого поколения оказался и слоган *Я волком бы выг-*

рыз коррупционизм (ср.: *Я волком бы выгрыз бюрократизм, к мандамам почтения нету...* В. Маяковский. «Стихи о советском паспорте»).

Полученные в ходе эксперимента результаты подтверждают, что антипословицы, которые В.М. Мокиенко считает принадлежностью молодежного дискурса, в большей степени являются принадлежностью дискурса среднего и старшего поколения. Именно такие люди учили в школе «Стихи о советском паспорте» и смогли опознать источник слогана на плакате. Это дает нам основания полагать, что и антипословица *Я волком бы выгрыз, да нечем грызть*, приводимая В.М. Мокиенко, осталась бы непонятной для студентов.

Большинство плакатов в этой рубрике содержит обращения к популярным произведениям культуры (песни, кинофильмы и т. п.), которые, как правило, актуальны только для одного поколения, имеющего свои приоритеты и своих кумиров. Так, молодые люди не смогли опознать цитаты из кинофильмов, выпущенных в XX веке (даже тех, что относятся к классике кинематографа и повторяются периодически по всем телевизионным каналам), например, афоризм таможенника Верещагина *Я мзду не беру, мне за державу обидно* (к/ф «Белое солнце пустыни») на плакате против коррупции, слоган *Бросают все! 31 мая – день отказа от курения. Навсегда* (ср.: *Танцуют все!* К/ф «Иван Васильевич меняет профессию») и др.

Респонденты старшей группы не смогли опознать слоганы, в которых используются фразы из песен современных исполнителей. Например, *В Питере – пить* (на плакате против пьянства и исправлено на Е: *Ломай стереотипы: В Питере – пить*) – фраза, ставшая популярной в 2016 г., после выхода песни группировки «Ленинград», – была опознана только 6 % преподавателей. Еще один источник прецедентных текстов, близкий только младшему поколению, – социальные сети. В связи с этим плакат против курения *Бросай жечь не по-детски* был опознан как прецедентный текст только респондентами младшей группы. Прототекстом этого выражения является устойчивая фраза *Аффтар жжот нипадецки* (*Автор жжжет не по-детски*) – выражение восхищения тек-

стом или иронического отношения к нему, в зависимости от контекста.

Музыкальные хиты, как правило, недолговечны, поэтому текст, воспринимаемый сегодня как прецедентный, уже завтра может стать малоизвестным. Если для товарной рекламы, которая регулярно обновляется, этот факт не имеет решающего значения, то для СР, рассчитанной на длительное функционирование, использование таких прецедентных текстов в слоганах нежелательно. Подтверждением этому может служить плакат, выпущенный в рамках поддержки Года молодежи (2009), агитирующий за укрепление семьи: *Не гадай, что будет... ведь все будет так, как ты захочешь. Сделай правильный выбор в своей жизни!* (изображение маленькой девочки, обрывающей лепестки ромашки). Здесь опознали цитату из хита группы «Чайф» *Пусть все будет так, как ты захочешь* (девятый номерной альбом группы «Чайф», изданный в 1995 г. фирмой грамзаписи «Фили») только 11 % студентов и 18 % преподавателей (причем это младшая часть группы, люди, чья юность пришлась на 90-е гг. прошлого столетия). Очевидно, это связано с тем, что за последние 20 лет указанная песня потеряла свою популярность, а вместе с ней и узнаваемость.

Необходимо отметить, что обычно произведения эстрадного искусства широко используются в качестве ПТ, поскольку обладают большим эмоциональным потенциалом. Так, исследователи французской СР указывают, что в ней «часто цитируются музыкальные произведения таких исполнителей, как Шарль Трене, Серж Гинзбург, Шарль Азнавур, Жак Брель» [Александрова, Борисова, Калининкова, 2021, с. 132], поскольку они «знакомы каждому французу и могут вызывать в воображении яркие визуальные образы, ассоциации, воспоминания» [Александрова, Борисова, Калининкова, 2021, с. 132]. Вместе с тем в отечественной СР обнаружить примеры из песен кумиров, которые были бы почитаемы представителями разных поколений, не удалось. Этот факт вызывает удивление, поскольку в российской товарной рекламе подобные примеры встречаются часто (см. об этом: [Бобровская, 2015, с. 44]).

В эту же рубрику относим плакаты СР, содержащие визуальные ПТ, в основе которых – советские политические плакаты. В ре-

зультате эксперимента установлено, что даже самые известные из них не обязательно опознаются студентами, особенно если изображение на них трансформируется. Так, на плакате, призывающем соблюдать технику безопасности на производстве, только 12 % реципиентов младшей группы опознали плакат «Родина-мать зовет!» (рис. 1), созданный художником И. Тоидзе в 1941 году. Затруднения вызвало и опознание плаката «А ты записался

добровольцем?» (рис. 2), созданного художником Д. Моором в 1920 г., по поводу которого некоторые респонденты высказали предположение, что это кадр из к/ф «Чапаев». В качестве примера использования визуального образа, потерявшего популярность, приведем плакат о пользе чтения (рис. 3), на котором изображен доктор Хаус, – герой телесериала, имевшего популярность в 2002–2012 гг., но утратившего ее к настоящему времени.

Рис. 1. Трансформированный плакат «Родина-мать зовет!»

Fig. 1. Transformed poster “Motherland is calling!”

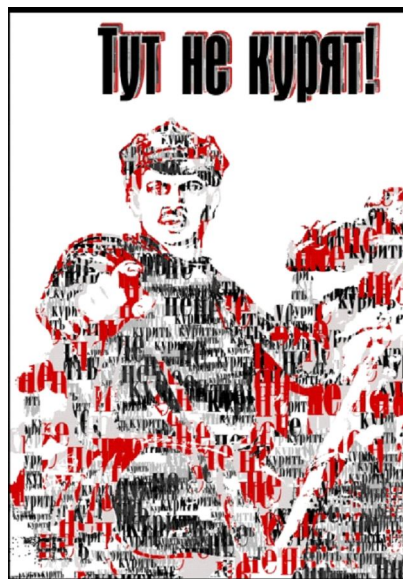

Рис. 2. Трансформированный плакат «А ты записался добровольцем?»

Fig. 2. Transformed poster “Did you sign up as a volunteer?”

Рис. 3. Использование образа персонажа телесериала

Fig. 3. Using the image of the character of the television series

3. Источник цитирования опознается не всеми респондентами, причем это связано только с культурным уровнем конкретного человека, а не с принадлежностью к определенной социальной группе. Здесь условно можно выделить два уровня понимания ПТ: высокий (элитарный) и средний. Высокий уровень понимания ПТ демонстрируют люди, имеющие хорошее образование и широкий кругозор. К прецедентным текстам, требующим такого уровня понимания, относим слоганы, заимствованные из произведений, включенных в современную школьную программу по литературе, например, на плакате, присланном на конкурс КультУрна: *Сжала руки под темной вуалью, отчего так сегодня бледна? Оттого, что я бросила мусор! Мимо урны и не подняла... (Сжала руки под темной вуалью... А. Ахматова)*; на плакате о пользе чтения группы «Мг. Вookman» *Духовной жаждою томим... (Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачил, / И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился. А.С. Пушкин. «Пророк»)*. ПТ на таких плакатах остаются неопознанными. Большинство студентов не опознал и плакат, построенный с использованием цитаты из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: *Любви все возрасты покорны.*

На тот факт, что недавние выпускники школ слабо знают произведения, включенные в программу, указывают многие ученые. Так, И.А. Чемезова и Д.А. Варенцова исследовали степень понимания молодыми людьми «стишков-порошков» (популярный жанр интернет-поэзии), построенных на литературных ассоциациях. В частности, анализируя «стишок»: *что год грядущий мне готовит сибирь кавказ морской пейзаж гадалка грустно ставит кружку пей саш* (отсутствие пунктуации в тексте – характерная черта произведений указанного жанра), авторы отмечают, что как аллюзию на стихи «А.С. Пушкина строки “стишка” восприняли лишь 88 % респондентов. При этом только у 15 % опрошенных так или иначе дана паспортизация первой цитаты как принадлежащей роману “Евгений Онегин”. <...> Кроме того, как следует из формулировок, ни одна интерпретация не проясняет сути основного ассоциативного преобразования, исполь-

зованного в “стишке”» [Чемезова, Варенцова, 2022, с. 201].

Здесь нельзя не отметить, что если автор «стишков» может себе позволить глубокие литературные ассоциации и размышления о трагичности судьбы великого русского поэта, то авторы СР обязаны учитывать культурный уровень адресата и прикладывать усилия к тому, чтобы все эти ассоциации обязательно были считаны им. В противном случае основная цель СР оказывается недостижимой, поскольку утрачивается ее воспитательный смысл.

В эту рубрику включены и плакаты, отсылающие к произведениям классической музыки: *Что ваша жизнь? Игра?* (несколько переосмысленная первая фраза арии Германа из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама»; на картинке изображен пешеход, перебегающий дорогу перед мчащейся машиной). В отношении этого ПТ некоторые респонденты указали, что музыкальной фразой «Что наша жизнь? Игра!» начинается телевизионная передача «Что? Где? Когда?», однако ее источник им неизвестен. Не был опознан и слоган *Ямщик, не гони лошадей!* (изображение аварии на дороге с перевернутой машиной; источник – русский романс начала XX в. на слова Н.А. фон Риттера).

При идентификации респондентами ПТ в таких слоганах заметна тенденция указывать в качестве прототекста не первоисточник, а его позднейшие аллюзии. Так, в качестве источника слогана *Рожденный ездить, летать не должен!* некоторые студенты указали песню группы «ЛСП» «Я рожден не летать, а ползать»; в качестве источника слогана *Ведь все будет так, как ты захочешь* – песню Мити Фомина «Все будет хорошо»; в качестве источника слогана *Книги – лучшие друзья девушек* – песню «ВИАгры» «Лучшие друзья девушек – бриллианты» (несмотря на то, что на плакате изображена Мэрилин Монро, которую все опознали, – исполнительница главной роли в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок», откуда и происходит эта фраза); в качестве источника фразы *Что ваша жизнь? Игра?* указывается песня Басты «Моя игра» и т. д.

Среди визуальных ПТ, требующих для опознания высокого культурного уровня, ука-

жем на известную серию плакатов «Культура меняет нас» разработанную дизайн-студией Артемия Лебедева по заказу и при участии департамента культуры Москвы в 2014 г., объявленном Годом культуры. Предполагалось, что в ней обыгрываются работы известных художников, скульпторов и архитекторов, знакомые всем людям. Однако не все реципиенты смогли опознать источники заимствования. Так, изображенный на рисунке 4 плакат, отсылающий к скульптуре Мирона «Дискобол», у 80 % студентов получил такое толкование: «Это скульптура какого-то грека». При этом 85 % преподавателей точно указали источник заимствования.

Второй уровень понимания может быть квалифицирован как средний. Он требует наличия только хорошего кругозора, что дает возможность опознать цитаты, источник которых известен большинству людей. Так, более 65 % респондентов младшей группы и 98 % представителей старшей группы узнали в слогане *Кто к нам с коррупцией придет, тот от нее и погибнет* афоризм *Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет*, приписываемый древнерусскому князю Александру Невскому. Легко был опознан слоган *Мы с тобой одной крови* (цитата из книги Р. Киплинга «Маугли»); а также слоган *Нет повести печальнее на свете, чем та, где жертвы – это дети* (*Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте*. У. Шекспир) и т. п. Однако нередки случаи, когда текст опоз-

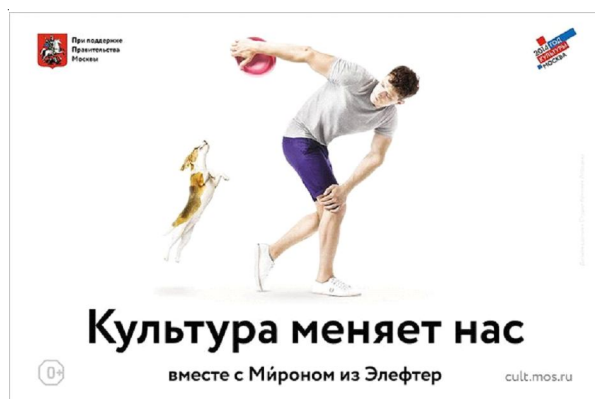

Рис. 4. Плакат с использованием трансформированной скульптуры Мирона «Дискобол»

Fig. 4. Poster using transformed sculpture Miron "Discobolus"

нается как афоризм, но автор указывается неправильно. Так, почти 25 % студентов в качестве автора ПТ *Знание – сила!* (*Будешь читать – будешь знать! А знание – это сила!*) указали не Ф. Бэкона, а В.И. Ленина, при этом 64 % преподавателей правильно определили автора цитаты.

В эту рубрику относим и библеизмы, встречающиеся на плакатах. Это могут быть прямые цитаты из различных Священных текстов (с указанием источника). Однако гораздо чаще в современных текстах используются метафорические устойчивые выражения, построенные на основе библейских сюжетов, или аллюзии на библейские тексты (*вавилонское столпотворение*, *козел отпущения*, *любовь к ближнему* и т. п.). Они по всем параметрам подходят для воздействия на адресата: имеют статус абсолютной истины, характеризуются краткостью и образностью выражения тезиса, понятны без указания автора и первоначального контекста. Кроме того, они довольно легко опознаются реципиентами. Таков, например, плакат против внедрения в России ювенальной юстиции, воспроизводящий библеизм *волк в овечьей шкуре* (рис. 5).

Из визуальных ПТ, опознанных многими реципиентами, для чего требуется средний уровень понимания, отметим обложку последнего совместного альбома группы «The Beatles» (1969), использованную на плакате, призывающем переходить дорогу по пешеходному переходу (см. рис. 6).

Рис. 5. Плакат с использованием аллюзии на устойчивое выражение *волк в овечьей шкуре*

Fig. 5. A poster using an allusion to the set expression *volk v ovech'ej shkure* (wolf in sheep's clothing)

Рис. 6. Плакат с использованием обложки альбома группы «The Beatles»

Fig. 6. Poster using album cover for “The Beatles”

4. Источники цитирования общеизвестны и были опознаны всеми реципиентами. В эту рубрику прежде всего относятся цитаты из детских песен (большая их часть звучит в популярных мультфильмах): *Пусть всегда будет книга (Пусть всегда будет солнце; песня на стихи Л. Ошанина); С голубого ручейка начинается река, ну а свалка начинается с...* (*С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки; песня на стихи М. Пляцковского из м/ф «Крошка Енот»); Так не должно быть на свете, чтоб были обузой дети! (Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети; песня на стихи Д. Непомнящего из м/ф «Мама для мамонтенка»).*

Другим источником безусловно опознаваемых цитат является фольклор (в частности, сказки): *Тянут-потянут, вытащить не могут* (о компьютерной зависимости детей; источник – сказка «Репка»); *Будешь матом ругаться, козленочком станешь* (источник – сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка») и пословицы (даже если используются в трансформированном виде): *Береги энергию смолоду! Лишним тратам скажем «нет» – сэкономим тепло и свет!* (ср.: *Береги честь смолоду*); *Хочешь жить – умей светиться* (ср.: *Хочешь жить – умей вертеться*) и т. п.

Всеми реципиентами опознаны наиболее известные литературные цитаты: *Преступление и наказание* (роман Ф.М. Достоевского); *Бить или не бить? (Бить или не бить? – из моно-*

лога Гамлета, У. Шекспир) и т. п., многие из которых превратились в крылатые выражения.

Из визуальных ПТ легко были опознаны всеми реципиентами плакаты на основе наиболее известных картин выдающихся художников, причем не только отечественных (например, И.И. Шишкин «Утро в сосновом лесу»; см. рис. 7), но и зарубежных. Так, все реципиенты опознали на плакате против порабощения женщин международной неправительственной организации Amnesty International («Международная амнистия») Джоконду Леонардо да Винчи (см. рис. 8), даже несмотря на то, что почти все ее лицо скрыто.

Анализ результатов проведенного эксперимента дает возможность сформулировать те причины, по которым многие ПТ не были опознаны реципиентами (и, следовательно, не выполнили своего назначения):

1) невозможность идентификации адресатом прецедентного текста как источника национальной культуры, поскольку создателями текста СР не всегда учитывается культурный, жизненный и исторический опыт адресата;

2) использование создателями рекламы прецедентных текстов, не позволяющих качественно и полно отразить фрагменты действительности в образной форме, добиться многофокусности послания;

3) постоянная динамика, обновление набора устойчивых выражений, которые могут считаться ПТ: часть текстов с течением времени перестает восприниматься как автори-

Рис. 7. Плакат с использованием картины И.И. Шишкина «Утро в сосновом лесу»

Fig. 7. Poster using paintings by I.I. Shishkin "Morning in a pine forest"

тетные источники и не цитируется, другие, напротив, входят в список часто цитируемых.

4) трансформации изначального ПТ, которые усложняют возможность идентификации исходного текста.

Обозначим характеристики ПТ, позволяющие ему быть легко опознанными реципиентом.

1. Хорошо идентифицируются тексты, действительно являющиеся прецедентными («хрестоматийными» и «общеизвестными»), то есть входящие в число тех источников, которые должен знать каждый образованный человек. К таковым относятся наиболее известные цитаты из произведений классической литературы, как российской («Русь, куда ж несешься ты?» *Не превышайте скорость, о ваших мертвых душах книгу не напишут.* Источник: Н.В. Гоголь. «Мертвые души»), так и зарубежной (*Мы в ответе за тех, кого подключили.* Источник: *Мы в ответе за тех, кого приручили.* А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»). Вместе с тем цитаты из менее известных произведений не опознаются, даже если на плакате имеется портрет автора. Так, никто из реципиентов не опознал не только прототекст слогана, помещенного на плакате из серии, выпущенной к чемпи-

Рис. 8. Плакат с использованием картины Леонардо да Винчи «Джоконда»

Fig. 8. Poster using the painting by Leonardo da Vinci "La Gioconda"

онату мира по футболу в России: *Отчизна там, где любят нас* (М.Ю. Лермонтов «Прощание»; см. рис. 9), но и автора выражения *Чтение – вот лучшее учение* (А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину).

Если упоминаются названия кинофильмов (или цитаты из них), то это должны быть те фильмы, которые (независимо от времени создания) популярны в настоящее время. Так, все реципиенты опознали прототексты слоганов на плакате «*Один дома*» – не комедия. *Оставлять детей дома без присмотра – опасно* (источник: название рождественской комедии Джона Хьюза «Один дома») и на плакате, посвященном профилактике COVID-19 (источник: советский фильм «Кавказская пленница» Леонида Гайдая; см. рис. 10). Если же прототекстами выступают названия уже непопулярных кинофильмов (и цитаты из них), то они не опознаются. Так, на плакате Министерства здравоохранения Краснодарского края помещен слоган: *И целого стула мало. Ожирение – это смертельная болезнь.* Только 13 % студентов и 10 % преподавателей опознали в нем ПТ *И целого мира мало* (название девятнадцатого фильма бондианы).

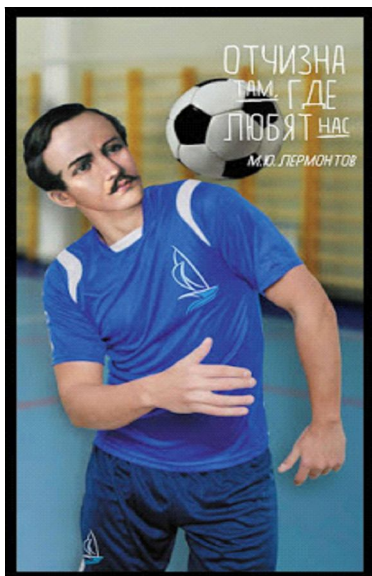

Рис. 9. Плакат с использованием цитаты из стихотворения М.Ю. Лермонтова

Fig. 9. Poster using quotes from a poem M. Yu. Lermontov

СОБЛЮДАЙ ДИСТАНЦИЮ!

Рис. 10. Плакат с использованием кадра из фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница»

Fig. 10. Poster using a frame from the film “Prisoner of the Caucasus” by L. Gayday

Слабо опознаны и названия других фильмов: плакат группы «Mr. Bookman» *Дочитаться до небес* (прототекст – знаменитая песня Боба Дилана «Достучаться до небес» и фильм Т. Яна с таким же названием); плакат *Любите погорячее? Глобальное потепление – результат человеческой деятельности* (музыкальная комедия Билли Уайлдера «Некоторые любят погорячее») и т. п. Все перечисленные фильмы в свое время были популярны, однако современные люди не пересматривают их и не могут помнить их названия.

Круг ПТ, в основе которых лежат визуальные образы, оказывается уже, чем круг

собственно ПТ, и ограничивается только хрестоматийными произведениями. Например, легко опознаны первоисточники плаката *Грачи улетели* (изображение картины А.К. Саврасова «Грачи прилетели», причем птиц нет, а весь снег завален мусором) и патриотического плаката с изображением памятника Минину и Пожарскому в Москве.

Однако никто из опрошенных не смог объяснить, какая именно картина имеется в виду на плакате из серии «Культура меняет нас» (рис. 11). В связи с этим говорить об эффективности использования этого произведения весьма сложно.

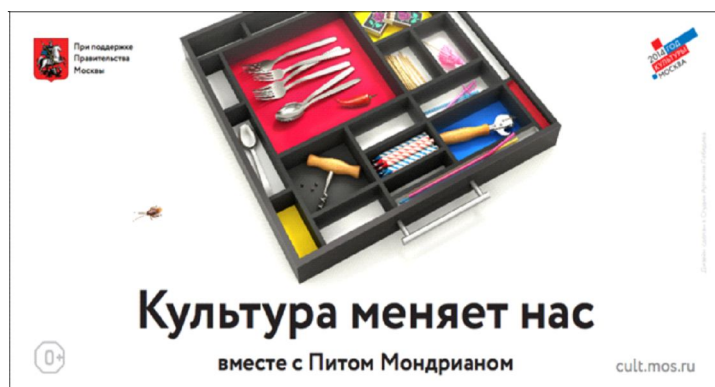

Рис. 11. Плакат с использованием картины Пита Мондриана «Композиция с красным, синим и желтым»

Fig. 11. Poster using the painting “Composition with red, blue and yellow” by Piet Mondrian

Многие лингвисты указывают, что если в рекламе используется неизвестный для адресата прототекст, то это нарушает взаимопонимание адресата и адресанта и может привести к коммуникативной неудаче (см., например: [Demaison et al.]).

2. Легко опознается ПТ, если по смыслу он связан с пропагандируемой идеей и вызывает какие-либо дополнительные ассоциации, способные выступить аргументами предлагаемого тезиса. Так, плакат *Привел себя в порядок, приведи в порядок свою планету* должен быть признан соответствующим всем требованиям, поскольку отсылает к повести-сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», где речь, как и на плакате, идет о необходимости сохранения планеты в чистоте и порядке, отношению к ней как к своему жилищу. Цитата связывает тезис плаката с идеями художественного произведения и способствует повышению воздействующей силы текста. Не соответствующим требованиям следует признать плакат *Кто ж его посадит? Оно же дерево! Посади его ты в своем дворе, на улице, около школы, где учатся твои дети...*, который содержит отсылку на кинофильм «Джентльмены удачи» (*Кто ж его посадит? Он же памятник!*), при этом всякая связь между цитируемым произведением и тезисом плаката отсутствует, дополнительные смыслы не возникают. Даже если адресат опознает цитату (что происходит нечасто), это не способствует лучшему восприятию смысла послания.

Требование смыслового единства ПТ и идеи послания СР по-разному реализуется и в плакатах, где ПТ является визуальным. Так, плакат *Не вляпайся в историю! Не бейте своих детей!* иллюстрируется фрагментом картины И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Этот выбор следует признать удачным, поскольку: 1) используется широко известное произведение, которое легко опознается реципиентами; 2) оно тематически связано с тезисом: наглядно демонстрирует, к чему может привести жестокое обращение с детьми.

На плакате *Искусство впечатляет* (рис. 12) в качестве иллюстрации помещен фрагмент картины А.Н. Мокрицкого «Римский карнавал». Этот выбор следует признать неудачным, поскольку: 1) среднестатистический адресат не знаком с творчеством указанного художника, и, следовательно, не сможет опознать изображение; 2) зрителю непонятно, почему именно это изображение должно доказывать предлагаемый тезис (что «впечатляет» авторов плаката в изображенной женщине и должно впечатлить его?).

3. Легко опознаются ПТ, прямо отсылающие адресата к источнику. И, напротив, излишняя зашифрованность и фрагментарность подачи препятствует адекватному пониманию смысла плаката. Так, на рисунке 13 изображен плакат, агитирующий против наркомании. Не будем утверждать, что он эффективен и соответствует всем тре-

Рис. 12. Плакат с использованием картины А.Н. Мокрицкого «Римский карнавал»

Fig. 12. A poster using a painting by A.N. Mokritsky "Roman Carnival"

бованиям, предъявляемым к СР, однако очевидно, что большинство людей, увидевших его, поймет (как это поняли все участвовавшие в эксперименте реципиенты), что в нем содержится отсылка к библейскому сюжету, описывающему искушение Евы в раю. Здесь понимание гарантируется общеизвестностью сюжета и использованием прямой аналогии между ним и описываемой жизненной ситуацией (см. также рис. 6, 7, 10, полностью соответствующие указанному требованию).

Иная ситуация возникает при интерпретации плаката из серии «Культура меняет нас» (рис. 14). Оpoznать в мороженом ку-

пола храма Василия Блаженного смогли лишь 10 % студентов и 35 % преподавателей (хотя само сооружение им знакомо). Другой плакат (рис. 15) агитирует адресата сдать кровь: *Детям, больным раком, очень нужны доноры крови!* На плакате изображен силуэт девочки, заимствованный с картины П. Пикассо «Девочка на шаре». Этот образ был слабо опознан реципиентами (0 % студентов, 26 % преподавателей), однако после объяснений проводившего эксперимент исследователя многие из них сказали, что знакомы с картиной и смогли бы опознать изображение, если бы оно было более реалистичным.

Рис. 13. Плакат с использованием библейского сюжета

Fig. 13. Poster using biblical story

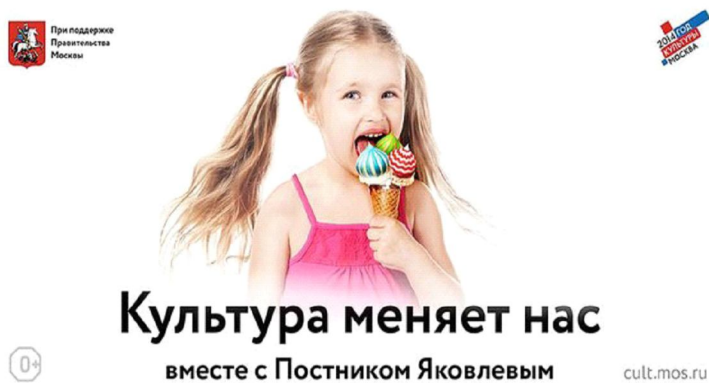

Рис. 14. Плакат из серии «Культура меняет нас»

Fig. 14. Poster from the series “Culture changes us”

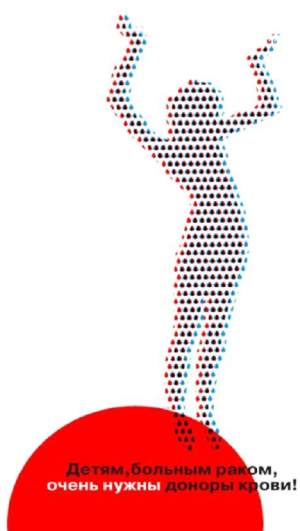
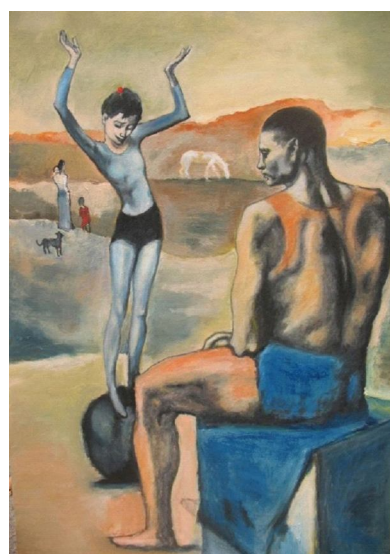

Рис. 15. Плакат с использованием картины П. Пикассо «Девочка на шаре»

Fig. 15. Poster using the painting by P. Picasso “Girl on the ball”

Заключение

Итак, полагаем, что основные требования к использованию ПТ в социальной рекламе, соблюдение которых способно повысить ее эффективность, могут быть сформулированы следующим образом.

1. Для увеличения воздействующего потенциала СР с помощью ПТ необходимо учитывать не только сам факт использования прецедентного текста, но и его место в национальной культуре. Поскольку адресат является полноценным участником коммуникации, именно от того, насколько адекватно он расшифрует послание (и расшифрует ли вообще) зависит ее успешность. Это в свою очередь зависит от культурного, жизненного и исторического опыта адресата, который обязательно должен быть учтен создателями послания.

2. Наиболее эффективным источником ПТ для плакатов СР должны являться произведения искусства (как вербальные, так и визуальные), поскольку они позволяют особенно качественно и полно отразить фрагменты действительности в образной форме, добиться многофокусности послания и способствовать выполнению главной функции СР: воспитательно-воздействующей.

3. Собрание устойчивых выражений, которые могут считаться ПТ, постоянно обновляется: одни тексты перестают узнаваться и не воспринимаются как авторитетные источники, другие, напротив, входят в список часто цитируемых. Авторы СР обязательно должны учитывать это при ее создании и использовать только ПТ, являющиеся актуальными в данное время и для конкретного адресата.

4. ПТ встречаются в СР как в неизменном, так и в трансформированном виде, причем степень трансформации бывает весьма существенной. В связи с этим полагаем, что допустимость трансформации должна находиться в прямой зависимости от степени узнаваемости: чем проще адресату опознать текст, тем большее количество варьирований допустимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О. И., Борисова А. С., Калининкова Е. Д., 2021. Феномен прецедентности во французской социальной рекламе и ее коммуникативно-прагматический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14, № 1. С. 127–135. DOI: 10.30853/phil201003
- Анисимова Т. В., Чубай С. А., 2019а. Риторика социальной рекламы. Волгоград: Проф. наука. 138 с. URL: <http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf>
- Анисимова Т. В., Чубай С. А., 2019б. Особенности интертекстуальности в российской социальной рекламе // Мир русского слова. № 2. С. 49–59. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12049
- Бобровская Г. В., 2015. Интертекст в рекламе: прецедентный текст, речевой контекст, социально-психологический подтекст // Грани познания. № 5 (39). С. 42–45.
- Быльева Д., 2005. Семиотика визуальных образов в рекламном плакате // Реклама. Теория и практика. № 2. С. 55–64.
- Волкова Р. А., Кабаньян Б. С., 2020. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13, № 4. С. 105–108. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.22
- Голенкова З. Т., Калмыков С. Б., 2020. Эффективность и качество социальной рекламы // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 9–19. DOI: 10.24158/typog.2017.3.1
- Дубовицкая Л. В., 2012. Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 15–20.
- Иванова К. Ю., Рабинович О. Т., 2013. Использование концепции постмодернизма в контексте социальной рекламы для повышения эффективности ее воздействия на индивида // SWorld: сб. науч. тр. Т. 25, № 2. С. 28–32.
- Каменева В. А., Рабкина Н. В., Араева Л. А., Горбачева О. Н., 2018. К вопросу о терминологическом аппарате визуальной стилистики текста: визуальные стилистические средства в социальной рекламе // Политическая лингвистика. № 3 (69). С. 96–105. DOI: 10.26170/pl18-03-13
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, УРСС Эдиториал. 264 с.
- Ларина А. В., 2015. Реклама как социально-культурный феномен // Гуманитарные научные исследования. № 7-2 (47). С. 38–42.
- Ластовка Е. Ю., 2020. Визуальное сравнение в англоязычной политической рекламе // Филологические заметки. Т. 2, № 18. С. 168–177. DOI: 10.17072/1857-6060-2020-18-2-168-177
- Мозгунова А. Д., 2021. Трансформация прецедентных феноменов в текстах японской рекламы // Концепт: филология, религия, культура. Т. 5,

REFERENCES

- № 2 (18). С. 100–113. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-100-113
- Мокиенко В. М., 2010. Культурные доминанты русской речи в зеркале антипословиц // Русский язык и культура в пространстве русского мира. В 2 ч. Ч. 1 : материалы II Конгр. РОПРЯЛ (Санкт-Петербург, 26–28 окт. 2010). СПб. : МИРС. С. 53–63.
- Москвин В. П., 2015. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллектив. моногр. М. : Флинта : Наука. С. 16–51.
- Нахимова Е. А., 2018. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 1. С. 41–46. DOI: 10.26170/pl18-01-04
- Петренко Т. Ф., Слепакова М. Б., 2016. Социально-политический поликодовый текст через призму прецедентности // Риторика. Лингвистика. № 12. С. 315–323.
- Самыличева Н. А., 2020. Особенности трансформации прецедентных феноменов на разных языковых уровнях в современных медийных заголовках (на материале «Новой газеты») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. С. 177–184.
- Тимчак К. Н., Осипов Е. М., 2019. Эффективность российской социальной рекламы: критерии и проблемы оценки // Социология. № 6. С. 126–131.
- Тимшин В. А., 2011. Постмодернистский взгляд на рекламу: симуляция в системе вещей // Вестник Вятского государственного университета. № 1 (4). С. 57–60.
- Троцук И. В., Ильина В. В., 2020. Поиск скрытых смыслов как инструмент оценки эффективности социальной рекламы: апробация методического подхода // Коммуникология. Т. 8, № 4. С. 133–150. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-4-133-150
- Чемезова И. А., Варенцова Д. А., 2022. Классические прецедентные тексты в интернет-фольклоре молодежи: аксиологический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 195–206. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-1-195-206
- Чернявская В. Е., 2021. Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- Demaison C., Grivet L., Maury-Duprey D., Mayo-Simbsler S. France, portrait sociale. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/4238781/FPORSOC19.pdf>
- Aleksandrova O.I., Borisova A.S., Kalinnikova E.D., 2021. Fenomen precedentnosti vo francuzskoj socialnoy reklame i ee kommunikativno-pragmaticeskij potentsial [Phenomenon of Precedence in the French Public Service Advertising and Its Communicative and Pragmatic Potential]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 14, no. 1, pp. 127-135. DOI: 10.30853/phil201003
- Anisimova T.V., Chubay S.A., 2019a. *Ritorika sotsialnoy reklamy* [Social Advertising Rhetoric]. Volgograd, Prof. nauka. 138 p. URL: <http://scipro.ru/conf/rhetoric.pdf>
- Anisimova T.V., Chubay S.A., 2019b. Osobennosti intertekstualnosti v rossiyskoy sotsialnoy reklame [Features of Intertextuality in Russian Social Advertising]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal], no. 2, pp. 49-59. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12049
- Bobrovskaya G.V., 2015. Intertekst v reklame: pretsedentnyy tekst, rechevoy kontekst, sotsialno-psikhologicheskij podtekst [Intertext in Advertisement: Precedent Text, Speech Context, Socio-Psychological Implication]. *Grani poznaniya*, no. 5 (39), pp. 42-45.
- Bylyeva D., 2005. Semiotika vizualnykh obrazov v reklamnom plakate [Semiotics of Visual Images in an Advertising Poster]. *Reklama. Teoriya i praktika*, no. 2, pp. 55-64.
- Volkova R.A., Kabanyan B.S., 2020. Pragmaticeskij potentsial pretsedentnykh fenomenov v reklamnoy kommunikatsii [Pragmatic Potential of Precedent Phenomena in Advertising Communication]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 13, no. 4, pp. 105-108. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.22
- Golenkova Z.T., Kalmykov S.B., 2020. Effektivnost i kachestvo sotsialnoy reklamy [Efficiency and Quality of Social Advertising]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 3, pp. 9-19. DOI: 10.24158/tipor.2017.3.1
- Dubovitskaya L.V., 2012. Funktsii pretsedentnosti ikonicheskikh komponentov kreolizovannykh tekstov [Precedent Phenomena in Iconic Components of Written Creolized Texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 2, pp. 15-20.
- Ivanova K.Yu., Rabinovich O.T., 2013. Ispolzovaniye kontseptsii postmodernizma v kontekste

- sotsialnoy reklamy dlya povysheniya effektivnosti yeyo vozdeystviya na individua [Using the Concept of Postmodernism in the Context of Social Advertising to Increase the Effectiveness of Its Impact on the Individual]. *SWorld: sb. nauch. tr.* [SWorld. Collection of Scientific Papers], vol. 25, no. 2, pp. 28-32.
- Kameneva V.A., Rabkina N.V., Araeva L.A., Gorbacheva O.N., 2018. K voprosu o terminologicheskom apparate vizualnoy stilistiki teksta: vizualnyye stilisticheskiye sredstva v sotsialnoy reklame [On the Issue of the Terminological Apparatus of Visual Text Stylistics: Visual Stylistic Means in Social Advertising]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (69), pp. 96-105. DOI: 10.26170/pl18-03-13
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Izd-vo LKI, URSS Editorial Publ. 264 p.
- Larina A.V., 2015. Reklama kak sotsialno-kulturnyy fenomen [Advertising as a Social and Cultural Phenomenon]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches], no. 7-2 (47), pp. 38-42.
- Lastovka E.Yu., 2020. Vizualnoye sravneniye v angloyazychnoy politicheskoy reklame [Visual Comparison in English-Language Political Advertising]. *Filologicheskiye zametki* [Philological Notes], vol. 2, no. 18, pp. 168-177. DOI: 10.17072/1857-6060-2020-18-2-168-177
- Mozgunova A.D., 2021. Transformatsiya pretsedentnykh fenomenov v tekstakh yaponskoy reklamy [Transformation of Precedent-Related Phenomena in Japanese Advertisements and Commercials]. *Kontsept: filologiya, religiya, kultura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], vol. 5, no. 2 (18), pp. 100-113. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-100-113
- Mokiyenko V.M., 2010. Kulturnye dominanty russkoy rechi v zerkale antiposlovits [Cultural Dominants of Russian Speech in the Mirror of Anti-Proverbs]. *Russkiy yazyk i kultura v prostranstve russkogo mira. V 2 ch. Ch. 1: materialy II Kongr. ROPRYaL (Sankt-Peterburg, 26–28 okt. 2010)* [Russian Language and Culture in the Space of the Russian World. In 2 pt. Pt. 1. Materials of the 2nd Congress of Russian Society of Teachers of the Russian Language and Literature (Saint Petersburg, October 26–28, 2010)]. Saint Petersburg, MIRS Publ., pp. 53-63.
- Moskvin V.P., 2015. Teoriya intertekstualnosti: kategorialnyy apparat [Intertextuality: Category Apparatus]. *Intertekstualnost i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollekt. monogr.* [Intertextuality and Figures of Intertext in Discourses of Different Types. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 16-51.
- Nakhimova Ye.A., 2018. O klassifikatsii i differentsiatsii vidov pretsedentnykh fenomenov v politicheskoy kommunikatsii [Classification and Differentiation of the Types of Precedent Phenomena in Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1, pp. 41-46. DOI: 10.26170/pl18-01-04
- Petrenko T.F., Slepakova M.B., 2016. Sotsialno-politicheskiy polikodovyy tekst cherez prizmu pretsedentnosti [Socio-Political Polycode Text Through the Prism of Precedence]. *Ritorika. Lingvistika* [Rhetoric. Linguistics], no. 12, pp. 315-323.
- Samylicheva N.A., 2020. Osobennosti transformatsii pretsedentnykh fenomenov na raznykh yazykovykh urovnyakh v sovremennykh mediynykh zagolovkakh (na materiale «Novoy gazety») [Peculiarities of Transformation of Precedent Phenomena at Different Language Levels in Modern Media Headlines (On the Material of “Novaya gazeta”)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6, pp. 177-184.
- Timchak K.N., Osipov E.M., 2019. Effektivnost rossiyskoy sotsialnoy reklamy: kriterii i problemy otsenki [Efficiency of the Russian Social Advertising: Criteria and Problems of Evaluation]. *Sotsiologiya* [Sociology], no. 6, pp. 126-131.
- Timshin V.A., 2011. Postmodernistskiy vzglyad na reklamu: simulyatsiya v sisteme veshchey [Postmodern View on Advertising: Simulation in Things System]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 1 (4), pp. 57-60.
- Trotsuk I.V., Ilyina V.V., 2020. Poisk skrytykh smyslov kak instrument otsenki effektivnosti sotsialnoy reklamy: aprobatsiya metodicheskogo podkhoda [Hidden Meanings in Evaluation of Social Advertising Efficiency: Methodological Approach]. *Kommunikologiya* [Communicology], vol. 8, no. 4, pp. 133-150. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-4-133-150
- Chemezova I.A., Varentsova D.A., 2022. Klassicheskiye pretsedentnye teksty v internet-folklore molodezhi: aksiologicheskiy aspekt [Classical Precedent Texts in the Internet Folklore of Youth: Axiological Aspect]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and

Pedagogical Linguistics], no. 1, pp. 195-206. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-1-195-206
Chernyavskaya V.Ye., 2021. Vizualnost v sotsiokulturnoy proyektzii [Image and Visuality in Sociocultural Dimension]. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [Praxema. Journal

of Visual Semiotics], iss. 2 (28), pp. 96-109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
Demaison C., Grivet L., Maury-Duprey D., Mayo-Simbsler S. *France, portrait sociale*. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/4238781/FPORSOC19.pdf>

Information About the Authors

Tatyana V. Anisimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, General Galitsky St, 30, 236006 Kaliningrad, Russia, atvritor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-2041>

Svetlana A. Chubay, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, chubaj77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

Информация об авторах

Татьяна Валентиновна Анисимова, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ, ул. Генерала Галицкого, 30, 236006 г. Калининград, Россия, atvritor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-2041>

Светлана Анатольевна Чубай, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, chubaj77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3660-8267>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.11>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.3

Submitted: 29.05.2022
Accepted: 28.11.2022

FUNCTIONS OF EXPRESSIVITY IN CORPORATE MEDIA

Liudmila V. Minaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. To fill the research gap and expand the body of knowledge on the category of expressivity in modern language, the current study investigates the effect of expressive linguistic and paralinguistic means on target audiences of corporate press of different types: clients, business partners and employees. Drawing on insights from approach to expressive means in texts in different functional styles, this article demonstrates how expressive linguistic and paralinguistic means are employed in order to establish a contact with a target audience and facilitate the positive corporate image of the enterprise and its products and services. Corporate magazines which outnumber in total nonrecurrent circulations non-corporate ones and embrace huge audience, are shown as mass media that perform such functions as informing and public opinion formation, typical of non-corporate media. Expressivity in magazines for clients is viewed as a means of goods promotion and clients' loyalty sustainment; in magazines for staff, expressivity is involved in the process of forming a model of employee behavior, thus contributing to company values actualization and staff involvement into their implementation; which enables them to represent the company in the society; whereas in magazines for partners it is used for keeping the readers' attention and influencing their opinion, enhancing the rational assessment of the common professional issues.

Key words: category of expressivity, linguistic and paralinguistic means, corporate press, media text, corporate image.

Citation. Minaeva L.V. Functions of Expressivity in Corporate Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 140-151. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.11>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 29.05.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ФУНКЦИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В КОРПОРАТИВНОЙ ПРЕССЕ

Людмила Владимировна Минаева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование направлено на определение функциональных особенностей категории экспрессивности в современной русскоязычной корпоративной прессе с учетом ее деления на издания для клиентов, персонала и партнеров. В статье с опорой на принципы анализа экспрессивных средств в разных функциональных стилях охарактеризованы возможности экспрессивных языковых и параязыковых средств для установления контакта с целевыми аудиториями корпоративных журналов, координации взаимодействия с разными целевыми аудиториями, решения практической задачи облегчения процесса продвижения положительного корпоративного имиджа компании или организации и производимых ими товаров и услуг. Показано, что корпоративные издания, будучи средствами массовой информации, реализуют функции, свойственные и некорпоративным СМИ: информирование и формирование общественного мнения. Выявлено, что в журналах для клиентов экспрессивность способствует продвижению товара компании и укреплению приверженности клиентов к компании и ее продукции; в журналах для персонала экспрессивность участвует в формировании модели поведения сотрудников, актуализируя ценности компании и демонстрируя роль работников в их сохранении; в журнале для партнеров экспрессивность становится средством удержания внимания читателя и воздействия на его мнение, усиливая рациональную оценку обсуждаемых общих профессиональных проблем.

Ключевые слова: категория экспрессивности, лингвистические и паралингвистические средства, корпоративная пресса, медиатекст, корпоративный имидж.

Цитирование. Минаева Л. В. Функции экспрессивности в корпоративной прессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 140–151. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.11>

Введение

В настоящее время уже накоплен значительный исследовательский материал, касающийся определения экспрессивности, разграничения экспрессивности и эмоциональности, состава способов выражения экспрессивности в разных языках (см., например: [Аванесова, 2010; Виноградов, 1959; Гридин, 1990; Телицина, 2016; и др.]).

Экспрессивность традиционно понимается как «совокупность всех признаков единицы языка или речи, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте в качестве средства субъективного выражения отношения автора к содержанию или адресату сообщения» [Гридин, 1990, с. 591]. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, что убедительно показано в классических и новейших трудах отечественных ученых (см., например: [Галкина-Федорук, 1958; Караулов, 2018; Матвеева, 2012; Степанов, 1973; Шмелев, 2000; и др.]).

Лингвистами выявлено, что экспрессивность отражает связь языковых средств выразительности с функциональным аспектом языка [Пиотровская, 2006; Ромашова, 2001] и в речи служит для усиления восприятия сообщения реципиентом, а также оказания на него эмоционального воздействия [Телия, 1991]. Установлено, что в разных функциональных стилях экспрессивность позволяет решать разные задачи. Так, в художественном стиле она необходима для оказания эстетического воздействия на реципиента и реализуется в произведении выразительными средствами языка, способствуя созданию системы художественных образов [Арнольд, 1975; Гальперин, 1958; Рамазанова, Хасбулатова, Курбанова, 2017]. В научном – наблюдается интеллектуальная экспрессия [Данилевская, 2010], то есть «такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008].

Публицистический стиль выполняет две основные функции – информационно-содержательную и воздействующую. Благодаря реализации последней (с опорой на экспрессивные элементы языка) формируется общественное мнение [Гальперин, 1958, с. 405; Клушина, 2008; Костомаров, 1971]. Таким образом, экспрессивность в публицистическом стиле имеет социальный характер.

Среди современных медиа заметное место занимают корпоративные издания, то есть печатные и электронные СМИ, принадлежащие компании или организации и информирующие целевые аудитории о ее деятельности, сфере интересов, а также создающие корпоративную культуру и служащие каналом обратной связи [Мурзин, 2005, с. 96, 103, 109]. В настоящее время корпоративные издания представляют собой самую многочисленную категорию прессы, превосходящую по суммарному разовому тиражу (500 млн экземпляров) тираж некорпоративных СМИ. По данным делового портала «Управление производством», рейтинг корпоративных изданий промышленных компаний 2022 г. включал 250 корпоративных журналов и газет, и это далеко не все корпоративные медиа, существующие в России. Журналы и газеты для персонала и клиентов, корпоративное радио и телевидение охватывают огромную аудиторию, которая вполне сопоставима с некорпоративными СМИ.

В связи с этим возникает вопрос, имеет ли экспрессивность в корпоративных медиа тот же характер и выполняет ли те же функции, что и в других СМИ.

Материал и методы

Выбор материала определялся задачей исследования – изучить особенности реализации экспрессивности в корпоративной прессе.

Корпоративные издания являются частью корпоративного медиадискурса [Гвозданная, 2020] и входят в систему коммуникации компании. Они призваны способствовать достижению ее стратегических целей, повыше-

нию ее эффективности, формированию положительного корпоративного имиджа. Как показано В.И. Коньковым, корпоративные издания имеют утилитарный и прикладной характер, что в целом типично для медиаречи [Коньков, 2016]. Медiateксты в таких изданиях вписаны в круг деятельности компании, достоверность и объективность их содержания ограничены интересами компании.

Поскольку любая компания выходит на несколько целевых аудиторий, то корпоративный имидж множественен и синтезируется из разных частных: имиджа организации у государственных структур или местного сообщества, имиджа среди клиентов, партнеров по бизнесу, СМИ, сотрудников и т. д. Поэтому корпоративные издания не универсальны, их основным типологическим признаком является аудиторный характер. На его основании выделяются издания для клиентов (business-to-client, b-2-c), для персонала (business-to-personnel, b-2-p), для партнеров и коллег, то есть клиентов отраслевого типа (business-to-business, b-2-b).

В настоящем исследовании в качестве материала использованы следующие издания за 2018–2020 гг.:

– корпоративный журнал для клиентов (business-to-client) компании «КАМАЗ» (далее – К), позиционирующийся как корпоративный журнал для тех, кто интересуется автопромом и набережночелнинским автогигантом;

– журнал для персонала (business-to-personnel) «Время машин» (далее – ВМ) корпорации «Русские машины», который предназначен для сотрудников, но в случае необходимости, например на бизнес-презентациях, распространяется среди партнеров и инвесторов;

– корпоративный журнал для партнеров и коллег (business-to-business) «Энергия без границ» (далее – ЭГ) компании «Интер РАО».

Все рассмотренные издания существуют в двух версиях: печатной и электронной. Таким образом, каналы распространения и технические возможности создания текстов идентичны. Одним из коммуникантов во всех случаях является руководство организации, поскольку корпоративные издания всегда находятся под его полным контролем. Следовательно, они различаются только целевыми

аудиториями, характером взаимоотношения между коммуникантами, а также экстралингвистическим контекстом.

Исследование проводилось в рамках дискурс-анализа, который предполагает учет характеристик целевых аудиторий, экстралингвистического контекста, канала распространения, характера взаимоотношения коммуникантов [Арутюнова, 1990]. Он позволил определить влияние на выбор средств выражения экспрессивности прагматических, социокультурных и психологических факторов. В работе также использовался метод лингвостилистического анализа, который, с одной стороны, дал возможность определить стилистические характеристики медiateкста в разных журналах, а с другой – выявить ингерентно и адгерентно коннотативные единицы языка, способствующие выражению экспрессивности в корпоративных журналах.

Результаты и обсуждение

Сопоставительное изучение журналов основывалось на характерных признаках медiateкста, одним из которых является его поликодовость. Медiateкст характеризуется органичным сочетанием вербальных и невербальных способов передачи информации (см. об этом, например: [Васильева, 2020]).

Рассмотрение материала в аспекте поликодовости показало, что наиболее выразительное комбинация разных кодов наблюдается в журнале для персонала. От 40 до 50 % площади полосы занимает фотография, иллюстрация или инфографика. Причем доминируют изображения с сотрудниками компании. В клиентском журнале на первый план выдвигается продукция, производимая компанией. Фотографии дают четкое представление о ее достоинствах. В журнале для партнеров оформление лаконичное. Редакция выбрала утрированный рисунок как основной способ визуального пояснения темы номера. Отметим, что такой дизайн – это политика редакции. Поскольку журналы для партнеров содержат много аналитики, то в них, в отличие от изданий других типов, широко используется инфографика. Другие способы невербальной подачи информации представлены мало: как правило, в журнале даются фотографии авто-

ров статей и маленькие фотографии объектов. Основной акцент делается на вербальной части текста.

Сравним, например, обложки номеров трех журналов в одном событийном контексте – подведение итогов, юбилей. Для «Русских машин», главное, подчеркнуть, что руководство страны ценит коллектив компании: на обложке фотография президента В.В. Путина, окруженного сотрудниками компании (ВМ № 1, 2018. Тема номера – «ГАЗ: 85 лет в ногу со временем»). «КАМАЗ» представляет свои достижения в производстве, что иллюстрируется коллажем, где доминируют фотографии машин разных периодов (К, № 4, 2019. Тема номера – «50 лет КАМАЗу»). Обложка журнала «Интер РАО» подчеркивает масштаб Программы договоров предоставления мощности, которая была важна для всех отраслей энергетики: на рисунке в стиле инфографики изображено здание, состоящее из блоков «ТЭЦ», «ГРЭС», «АЭС», и два рабочих, вставляющих в него блок «ДППМ» (ЭГ № 1, 2020. Тема номера – «10 лет под знаком ДППМ»).

Далее на примере типовых статей рассмотрим, какие функции реализует экспрессивность в журналах для клиентов, персонала и партнеров.

Журналы для клиентов (*business-to-client, b-2-c*). Издания такого типа появились еще в XIX веке. Одним из первых, кто понял важность прямого контакта с клиентами, была компания «Зингер», выпускавшая специальную газету для покупателей «Gazette», в которой домохозяйки учили правильному пользованию новой бытовой техникой [Мурзин, 2005]. В нашем материале категория корпоративных изданий для клиентов представлена журналом компании «КАМАЗ». В нем при помощи броских фотографий, занимающих много места на развороте журнала, экспрессивно маркированных заголовков и насыщенных разнообразными стилистическими приемами лид-абзацев и текстов статей формируется желание клиента приобрести продукцию КАМАЗа, которая предназначена только для потребителей, ценящих высокие стандарты качества и передовые технологии.

В качестве примера приведем начало публикации под названием «Открытие Континента» (К, 2020, № 1).

(1) [Лид] В год чествования 50-летнего юбилея с начала строительства завода «КАМАЗ» представил множество новинок. Но премьера нового магистрального тягача КАМАЗ-54907 Continent стала самой яркой и неожиданной кульминацией 2019 года. На несколько дней камский автогигант выбил даже мировые новостные агрегаторы из привычной колеи сплетен, где судачат о жизни бомонда. Ведь Госприемку грузовика возглавил лично Президент России.

[Текст статьи] Для «КАМАЗа» минувший год выдался богатейшим на события, и «Континент» затмил все ранее показанное. Тем не менее этот концепт-трак сломал привычные шаблоны и задал самые высокие международные стандарты в элитной группе грузовиков, работающих на магистральных перевозках «от океана до океана». Инженерные решения этой машины поражают тщательностью проработки в мелочах, и дизайнеры «КАМАЗа» не скрывают, что их волновали не лавры звания «Прорыв 2020 года» или внимание Владимира Путина, в основе лежат технические задачи, над которыми тут работают уже давно.

Заголовок статьи «Открытие Континента» не является нейтральным: слово *открытие* экспрессивно на уровне языка, так как имеет значение «новое достижение в результате исследования». В сочетании с лексемой *Континент*, названием новой марки грузового автомобиля, оно приобретает и адгерентную коннотацию, поскольку вызывает ассоциации с великими географическими открытиями.

Лид-абзац, подкрепляя экспрессивный заголовок, включает просторечное неодобрительное слово *судачить*, театральную метафору *премьера тягача*, идиому *выбить из колеи*, метафору *колея сплетен*, что раскрывает смысл последующего повествования: представляемый автомобиль – явление неординарное.

В центре внимания автора статьи находится новый продукт КАМАЗа – магистральный тягач КАМАЗ-54907 Continent. Его описание построено на слиянии нарративной и рекламной составляющих текста, где рекламный посыл завуалирован нарративной формой (подробно о таком слиянии см.: [Сим, 2009]). Ключевые синтагмы (*затмил все ранее показанное; сломал привычные шаблоны; задал самые высокие международные стандарты; в элитной группе грузовиков; работающих на магистральных перевозках «от*

океана до океана») содержат экспрессивные вербальные средства, которые вырабатывают характерную для рекламного текста максимум навязчивости – «Я идеальный» (подробно об этой максиме см.: [Лазарева, 2002]).

В статье вскользь отмечается факт получения разработчиками автомобиля премии «Прорыв 2020», в названии которой содержится указание на революционность достигнутых результатов, что по смыслу переключается с заголовком.

Следует подчеркнуть, что журнал для клиента не является каталогом продукции или рекламным проспектом, хотя это, несомненно, инструмент сбыта. Журнал создает субкультуру бренда и таким образом укрепляет приверженность к нему клиента, который будет стремиться приобретать именно продукцию КАМАЗа, получающую премии за качество и пользующуюся вниманием первого лица государства. Цель статей, публикуемых в журнале, – не только описать технические детали или условия производства, но и способствовать созданию своеобразного эмоционального «ореола» марки, см., например, материалы, посвященные команде «КАМАЗ-мастер», регулярно выступающей на разных международных соревнованиях грузовых автомобилей и регулярно одерживающей победы: «Безупречные машины для особой победы» (К, 2019, № 1), «15 золотых мгновений» (К, 2018, № 1), «Команде «КАМАЗ-мастер» – 30 лет» (К, 2018, № 2).

В статье «15 золотых мгновений» (К, 2018, № 1) читатель проникается напряженной атмосферой соревнования, он как бы сопровождает команду на всем протяжении гонки и вместе с ней преодолевает все трудности на этом пути. Синтагмы с ингерентно окрашенными оценочными словами и фразеологическими единицами (*фатальные поломки; циклопические песчаные воронки; разг. каньоны не стали подарком; проиграть вчистую; книжн. в пылу гонки*), тропы и фигуры речи (*осечка в начале этапа; «КАМАЗ» превратился в огнедышащего дракона и плевался пламенем из воздухозаборников; приводить тело и душу в порядок*) делают повествование чрезвычайно динамичным. Экспрессивные языковые единицы акцентируют не только технические труд-

ности проведения гонки, но и силу духа членов экипажа, которая в конечном итоге помогает гонщикам одержать очередную победу.

Эмоциональное окружение бренда создает и публикация «Симфонии для «КАМАЗа»» (К, 2019, № 2), которая представляет интервью с народным артистом России Денисом Мацуевым, приехавшим на завод уже в третий раз. Пианист дает весьма экспрессивную оценку продукции КАМАЗа:

(2) Я провел тест-драйв КАМАЗа нового поколения, который и автомобилем-то не назовешь – уникальное произведение искусства!

В этом высказывании наряду с лексическими средствами выражения экспрессивности, используется восклицательное предложение, которое передает в письменном тексте экспрессивную интонацию устной речи.

Нужно подчеркнуть в этой связи, что эмоции играют ключевую роль в оказании воздействия на целевую аудиторию журнала. Медиатекст призван, прежде всего, информировать читателя о событиях, которые произошли, но его эмоциональный фон не менее важен, он способствует осмыслению рациональной информации и мотивированию читателя к осуществлению определенных действий. Эмоции создают эмпатию по отношению к автору, включают механизм внушения: не критическое восприятие информации.

Таким образом, экспрессивность языковых и речевых средств используется для того, чтобы укрепить лояльность клиента путем акцентирования наиболее привлекательных для него характеристик продукции компании.

Журналы для персонала (*business-to-personnel, b-2-p*). Такие издания изначально выполняли только функцию информирования о новостях и текущей жизни фирмы. Сейчас они также содержат много информации о фактах и решениях администрации, которые важны для всего коллектива. Однако сегодня руководители компаний и организаций понимают, что этого недостаточно и необходимо больше внимания уделять интересам и потребностям сотрудников.

Как показывают исследования, только 9 % компаний теряют клиентов в результате конкуренции, а 68 % – в результате безразличного отношения персонала к выполняемой работе

[Kotler, Keller, 2021]. В настоящее время руководителям компаний и организаций ясно, что работников надо «настраивать» на выполнение задач, стоящих перед организацией, и внутрикорпоративное издание является для этого важным инструментом. Сотрудники хотят не только получать за свой труд достойную зарплату, но и работать в удовольствие. Директивы уже не эффективны, решающими факторами мотивации сотрудников стали отсутствие скуки и захватывающие задачи. Необходимо уважительное отношение руководства организации к персоналу, которое демонстрируется разными способами, в том числе и при помощи внутрикорпоративного журнала или газеты, где необходимо показать, что главными в организации являются ее сотрудники. Именно они обеспечивают ее успех.

Для того, чтобы подчеркнуть главную роль персонала, редакция внутрикорпоративного журнала корпорации «Русские машины» творчески использовала возможности актуализации концепта *Время* – одного из основных универсальных концептов, существующих в разных языках (см. о нем, например: [Бансимба, 2007]), создав экспрессивную структуру номера. Название журнала («Время машин») и все его рубрики включают лексическую единицу *время*: «*Время, вперед*», «*Время первых*», «*Настоящее время*», «*Время выбирать*», «*Вне времени*», «*Машины времени*».

Названия рубрик создают и вертикальный контекст. Так, «Время, вперед» ассоциируется с романом Валентина Катаева, название которого заимствовано из «Марша времени» Владимира Маяковского, экранизацией этого романа Михаилом Швейцером, и музыкой к фильму, написанной Георгием Свиридовым. «*Время первых*» создает аллюзию на фильм о первом героическом выходе в космос советских космонавтов. «*Машины времени*» – аллюзия на произведения в жанре научной фантастики об устройстве, которое позволяет человеку перемещаться во времени.

В целом рубрики подчеркивают значимость человека, поскольку, как отмечала Н.Д. Арутюнова, «фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени» [Арутюнова, 1997, с. 52]. Таким важным

человеком становится Человек компании, то есть ее сотрудник, который является выразителем миссии компании, ее ценностей и образцом для подражания.

В текстах журнала для демонстрации значимости персонала используется коммуникативная технология корпоративного сторителлинга, которая, согласно Д. Армстронгу, может широко применяться в управлении персоналом [Armstrong, 1992]. Как показано в наших предыдущих публикациях, она представляет особую разновидность нарратива, определенный формат рассказывания, выражающийся в форме сконструированной и воспроизведенной от первого лица истории, цель которой сформировать и развить корпоративную культуру организации путем передачи персоналу ее ценностей (см., например: [Минаева, 2016]). Истории иллюстрируют событие и придают ему достоверность, создают впечатление устойчивости и воодушевляют людей на действия. По мнению М.В. Луканиной и Л.К. Салиевой, это становится возможным потому, что нарратив обладает несомненным потенциалом манипулирования [Луканина, Салиева, 2014]. История есть не просто перечисление фактов и событий, а сознательно созданное произведение речи, которое ориентировано на передачу целевой аудитории определенного смысла, соответствующего авторской интенции.

Примером использования указанной коммуникативной технологии служит рассмотренная выше статья «15 золотых мгновений» (К, 2018, № 1) из журнала для клиентов. Сторителлинг в журналах для потребителей закономерен, потому что, «история выстраивается по линейной схеме “эмоции – вывод – действие”, которая диктует последовательную эмотивно-ориентированную модель поведения аудитории» [Мозжегоров, 2013, с. 109]. Это важно и для коммуникации с сотрудниками. Лояльный клиент и мотивированный сотрудник являются залогом успеха компании. Однако различия между журналами для клиентов и персонала в плане применения данной технологии заключается в том, что в первом истории рассказывает журналист, а во втором – преимущественно сами сотрудники.

Например, представляя новую модель микроавтобуса «ГАЗельCity» в статье «Жди-

те City» (ВМ, 2020, № 1), журнал публикует материал, в котором о ней рассказывают разработчики. Начальник сервисного центра ремонта и технического обслуживания оборудования АЗ «ГАЗ» А. Цыпушкин описывает подготовку оборудования для производства новой модели. Его рассказ стилистически нейтрален.

Начальник цеха сборки автобусов производства спецтехники АЗ «ГАЗ» А. Гушин характеризует процесс запуска новой модели, завершая рассказ следующим образом:

(3) ...Уже в марте сдали первые автобусы для опытной эксплуатации на городских маршрутах! Работы впереди еще много, но главное у нас есть сформированная компетентная команда и желание сделать новый продукт таким, каким его хочет видеть потребитель. А ведь в этом, как показывает опыт предыдущего проекта, и есть ключ к успеху!

Метафора *ключ к успеху*, прилагательное *компетентная* с ингерентной положительной оценкой, синтаксические конструкции, свойственные устной речи, а также экспрессивная интонация рассказчика, которая передается на письме восклицательными предложениями, делают текст выразительным.

В воспоминаниях А. Кочеткова, заслуженного конструктора Российской Федерации, руководителя Центра компетенции «Кузова и кабины» создается исторический фон, на котором показаны изменения процесса разработки новой модели. Фразы *Я помню такие времена, когда «петли согласования» растягивались на 60 дней; сейчас все кардинально изменилось; «с образованием Объединенного инженерного центра нам удалось «сжать» время лексически экспрессивны и придают рассказу личностный характер. Автор – свидетель и участник изменений, происшедших на заводе, поэтому в финале истории, где он говорит о востребованности нашей инженерной школы (мы и тяжелые грузовики конструировали, и электробусы, и автобусы ПАЗ и КАвЗ), его чувство гордости передается читателю.*

И. Суханин главный инженер-конструктор проекта «ГАЗельCity», говоря о технических новинках модели, наряду с экспрессивными словосочетаниями *новаторские экстерьеры и интерьеры, оптимальный выбор*, также как и другие авторы в этой ста-

тье, использует личные и притяжательные местоимения 1 л. мн. ч. *мы и наши*. Такое описание новой модели, не умаляя ее технических достоинств, на передний план выводит создавших ее людей.

Для медиатекста в целом характерна интертекстуальность, поскольку без включения в основной текст фрагментов «чужой речи» в форме полного, прерывистого, косвенного, скрытого, фрагментарного, обобщенного или аллюзивного цитирования журналист не может добиться достоверности описания события.

Нередко он комментирует эти фрагменты или полемизирует с участниками событий, что позволяет, по мнению О.А. Прохвятиловой, говорить о диалогизме медиатекста [Прохвятилова, 2020]. В крайнем своем проявлении диалогизм медиатекста реализуется в жанре интервью, который также присутствует в рассматриваемом материале. В статье «Ждите City» представлен полилог, созданный несколькими рассказами реальных известных читателям сотрудников. Такой текст экспрессивен и эффективен в плане воздействия на реципиента.

Через сторителлинг журнал создает модель сотрудника компании, образец, которому надо следовать. Люди, рассказы которых представлены в журнале, служат примером для подражания для читателей.

Такова статья «Наш Кулибин» (ВМ, 2020, № 1), написанная журналистами в соответствии с традиционными правилами создания интертекстуальности в медиатексте: в авторскую речь журналиста включаются фрагменты прямой речи героя статьи.

Лид-абзац сразу знакомит читателя с героем:

(4) Так на Павловском автобусном заводе называют начальника штампо-инструментального хозяйства прессового цеха Сергея Грибкова.

Текст статьи начинается с прямой речи Сергея Грибкова:

(5) «Вот одна из моих работ, – буднично проносит Сергей и подводит к подъемной тележке с гидроприводом. – Это наша рабочая лошадка, выдерживает массу в полтонны. Оператор легко подгоняет тележку по рельсам, поднимает ее, нажимая на педаль, и выполняет переналадку пресса».

Прямая речь оформляется в тексте разными скрепами (глаголами говорения и наречиями), которые помогают журналисту охарактеризовать рассказчика или содержание цитаты. В приведенном контексте наречие *буднично* дает представление о характере и манере речи героя. Концовка рассказа журналиста о жизни и работе Сергея Грибкова поясняет такую интонацию:

(6) Органически присущая Грибкову скромность нисколько ему не мешает успешно управлять столь непростым коллективом. Ему просто не нужны начальственные окрики, он предпочитает находить подход к каждому и завоевывает уважение своим профессионализмом, неравнодушием и изобретательским талантом.

К сказанному следует добавить, что статья опубликована в рубрике «Вне времени», при этом подзаголовок на колонтитуле – «Наши люди». Создается ассоциативная связь, которая подчеркивает тот факт, что сотрудники данного предприятия работают не только здесь и сейчас, они создают его историю.

Таким образом, экспрессивность медиатекста в журналах для персонала помогает акцентировать корпоративные ценности и оказывать эмоциональное воздействие на сотрудников путем яркой демонстрации примеров преданности работников интересам и корпоративной культуре компании.

Журналы для партнеров (business-to-business, b-2-b). Все публикации таких изданий насыщены, как правило, технической информацией. При этом, если речь идет о принятии важных для отрасли государственных решений, статьи могут содержать и политическую информацию. В плане выражения экспрессивности языковыми и речевыми средствами журнал для партнеров содержит наиболее нейтральные тексты, в сравнении с текстами корпоративных изданий других видов. Кроме того, если журналы для персонала и клиентов не содержат негативной информации и часто перенасыщены хвалебными публикациями, то журнал для партнеров включает либо информационные материалы, либо типичные для традиционной прессы публицистические тексты, содержащие негативную оценку принятых политических решений в отношении данной отрасли. Именно в критичес-

ких статьях используются экспрессивные языковые единицы.

Так, коннотативные слова и словосочетания встречаются для усиления критического содержания публикаций, прежде всего, в заголовках и подзаголовках. Например, публикация, посвященная программе поддержки «зеленой энергетики» (ЭГ, № 5, 2019) имеет заголовок *«Коса Чубайса» отменяется*. Первый компонент словосочетания *коса Чубайса* ассоциативно соотносится с пословицей *нашла коса на камень*, что символизирует неудачу главы «Роснано» в борьбе за государственное финансирование. Эта мысль развивается далее в четырех подзаголовках: *«Первый блин» не по вкусу; СЭС ВЭС не товарищ (СЭС – солнечная электростанция, ВЭС – ветроэлектростанция); Потребители за оптимизацию и В поисках альтернативного будущего*, два из которых также обыгрывают пословицы.

В тексте публикации для усиления негативной оценки предложений А. Чубайса употребляются коннотативные словосочетания: *выступить против «перекоса» в пользу ВЭС; отраслевая байка; пикантность ситуации* и др.

Интертекстуальность в журнале для партнеров реализуется посредством разных видов цитирования и жанра интервью: отражается мнение экспертов, углубляется и детализируется технический контент сообщения, следовательно, осуществляется воздействие на рациональное мышление читателя. В журнале есть специальная рубрика «Эксперт-клуб», в которой публикуются небольшие статьи, содержащие профессиональную оценку той или иной отраслевой проблемы, в том числе и оценку, выраженную членами правительства, например:

(7) «В сфере водородной энергетики мы обладаем серьезным потенциалом, прежде всего из-за близости к рынкам сбыта водорода в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также мощной научно-производственной базой и ресурсами, которые мы имеем», – заявил Михаил Мишустин, представляя план мероприятий по развитию сектора (ЭГ, 2020, № 5).

В приведенном отрывке цитата представляет собой аргумент к авторитету и в этом ка-

честве, являясь инструментом воздействия, формирует мнение читателя.

Таким образом, экспрессивность журнала для партнеров направлена на создание рациональной оценочности. Предметом публикации становится не человек, как в журналах для персонала, не продукт, как в журналах для клиентов, а профессиональная проблема. В данном случае читатель приглашается к разговору со специалистом, который знает ситуацию в отрасли и хочет ее представить широкой аудитории. В этом контексте экспрессивность становится средством удержания внимания читателя и воздействия на его мнение.

Заключение

Результаты сравнительного анализа корпоративных журналов для клиентов, персонала и партнеров показал, что, имея в своем распоряжении большой арсенал вербальных и невербальных средств выражения экспрессивности, их создатели по-разному используют его, ориентируясь на интересы целевой аудитории.

Прагматические особенности выражения экспрессивности в рассмотренных журналах свидетельствуют о том, что корпоративные издания, являясь средствами массовой информации, выполняют те же функции, что и некорпоративные СМИ (информирование и формирование общественного мнения), при этом социальный характер экспрессивности в корпоративной прессе полностью зависит от интересов компании: функционально экспрессивность служит инструментом управления целевой аудиторией и определяет модель ее поведения, выгодную для компании.

В журнале для клиентов экспрессивность позволяет подчеркнуть преимущества производимой продукции, что способствует возникновению у клиента желания ее приобрести. В потребителе воспитывается приверженность к компании и ее продукции. В журнале для персонала экспрессивность помогает актуализировать ценности компании и продемонстрировать роль работников в их сохранении и реализации, что важно для формирования лояльных сотрудников, которые могут выступать послами компании, представляя ее в социуме. В журнале для партнеров экспрес-

сивность усиливает рациональную оценку обсуждаемых общих профессиональных проблем, что мотивирует партнера к сотрудничеству в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н. В., 2010. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. Вып. 2 (17). С. 5–9.
- Арнольд И. В., 1975. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка : сб. науч. тр. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л. : ЛГПИ. С. 11–20.
- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 136–137.
- Арутюнова Н. Д., 1997. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка : Язык и время. М. : Индрик. С. 51–61.
- Бансимба М., 2007. Концепт «время» в языковой картине мира (на материале трех языков: русского, французского и лингала) // Научная мысль Кавказа. № 4. С. 72–77.
- Васильева В. В., 2020. Поликодовость медиатекста // Медиалингвистика в терминах и понятиях : слов.-справ. М. : Флинта. С. 88–91.
- Виноградов В. В., 1959. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат. 654 с.
- Галкина-Федорук Е. М., 1958. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М. : Наука. С. 103–124.
- Гальперин И. Р., 1958. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз. 462 с.
- Гвозданная Н. В., 2020. К вопросу о жанровом разнообразии корпоративного медиадискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Т. 9, № 4. С. 76–82.
- Гридин В. Н., 1990. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. 688 с.
- Данилевская Н. В., 2010. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского университета. Вып. 6 (12). С. 30–36.
- Караулов Ю. Н., 2018. Русский язык и языковая личность. М. : Ленанд. 264 с.
- Клушина М. И., 2008. Стилистика публицистического текста. М. : Медиа-Мир. 244 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А., 2008. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука. 464 с.

- Коньков В. И., 2016. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. № 3. С. 58–63.
- Костомаров В. Г., 1971. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М. : Изд-во МГУ. 267 с.
- Лазарева Э. А., 2002. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек – коммуникация. Вып. 5. С. 186–195.
- Луканина М. В., Салиева Л. К., 2014. Нарративное манипулирование // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 46. С. 210–225. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/46_2014lukanina_salieva.htm
- Матвеева Т. В., 2012. Параметрическая семантика и экспрессивность слова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. № 11 (90). С. 92–98.
- Минаева Л. В., 2016. Корпоративный сторителлинг // Вестник университета. № 2. С. 247–253.
- Мозжегоров С. В., 2013. Методологические основания сторителлинга в контексте исследования личностных нарративов // Социология: 4М. № 37. С. 104–125.
- Мурзин Д. А., 2005. Феномен корпоративной прессы. М. : Хроникер : Компания РАСТР. 188 с.
- Пиотровская Л. А., 2006. Когнитивный анализ эмоциональный и рациональной оценки в семантике эмотивных высказываний // Вторая Международная конференция по когнитивной науке (9–13 июня 2006 г.). В 2 т. Т. 2 : тез. докл. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 392–394.
- Прохватилова О. А., 2020. Внутренняя диалогичность современной медиаречи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 150–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.13
- Рамазанова Д. А., Хасбулатова Х. М., Курбанова З. Г., 2017. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения // Известия ДГПУ. Филологические науки. № 3. С. 86–91.
- Ромашова И. П., 2001. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания (на материале разговорной и художественной речи диалогического типа) : дис. ... канд. филол. наук. Омск. 166 с.
- Сим О. А., 2009. Рекламная и нарративная составляющие рекламного дискурса // Филология и человек. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnaya-i-narrativnaya-sostavlyayuschiezurnalnogo-diskursa/viewer>
- Степанов Ю. С., 1973. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 32, вып. 4. С. 340–355.
- Телицина Е. Л., 2016. К вопросу о разграничении понятий эмоциональность, оценочность и экспрессивность // Вестник Югорского государственного университета. Вып. 1 (38). С. 79–83.
- Телия В. Н., 1991. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука. С. 5–35.
- Шмелев А. Д., 2000. «Общие» слова // Слово в тексте и в словаре : сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Яз. рус. культуры. С. 266–280.
- Armstrong D., 1992. *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. N. Y. : Crown. 272 p.
- Kotler P., Keller K., 2021. *Marketing Management*. [S. L.] : Pearson. 16th ed. 832 p.

REFERENCES

- Avanesova N.V., 2010. *Emotsionalnost i ekspressivnost – kategorii kommunikativnoy lingvistiki* [Emotionality and Expressiveness – Categories of Communicative Linguistics]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugorsk State University], iss. 2 (17), pp. 5-9.
- Arnold I.V., 1975. *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniya i problemy ekspressivnosti* [Interpretation of a Literary Text: Types of Promotion and Problems of Expressiveness]. *Ekspressivnye sredstva angliyskogo yazyka: sb. nauch. tr. LGPI im. A.I. Gertsena* [Expressive Means of the English Language. Collection of Scientific Works of Herzen Leningrad State Pedagogical Institute]. Leningrad, LGPI im. A.I. Gertsena, pp. 11-20.
- Arutyunova N.D., 1990. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., pp. 136-137.
- Arutyunova N.D., 1997. *Vremya: modeli i metafory* [Time: Models and Metaphors]. *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk i vremya* [The Logical Analysis of Language: Language and Time]. Moscow, Indrik Publ., pp. 51-61.
- Bansimba M., 2007. *Kontsept «vremya» v yazykovoy kartine mira (na materiale trekh yazykov: russkogo, frantsuzskogo i lingala)* [The Concept of “Time” in the Language Picture of the World (Based on Three Languages: Russian, French and Lingala)]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], vol.4, pp. 72-77.

- Vasilyeva V.V., 2020. Polikodovost mediateksta [Polycode of the Media Text]. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slov.-sprav.* [Medialinguistics in Terms and Concepts. A Dictionary-Reference Book]. Moscow, Flinta Publ., pp. 88-91.
- Vinogradov V.V., 1959. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [About the Language of Fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ. 654 p.
- Galkina-Fedoruk E.M., 1958. Ob ekspressivnosti i emotsionalnosti v yazyke [On Expressiveness and Emotionality in Language]. *Sbornik statey po yazykoznaniiyu* [Collection of Articles on Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 103-124.
- Galperin I.R., 1958. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the Style of the English Language]. Moscow, Izd-vo lit. na inostr. yaz. 462 p.
- Gvozdannaya N.V., 2020. K voprosu o zhanrovom raznoobrazii korporativnogo mediadiskursa [On the Question of the Genre Diversity of Corporate Media Discourse]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Science], vol. 9, no. 4, pp. 76-82.
- Gridin V.N., 1990. Ekspressivnost [Expressiveness]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. 688 p.
- Danilevskaya N.V., 2010. K voprosu ob ekspressii v nauchnom tekste [On the Question of Expression in a Scientific Text]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], iss. 6 (12), pp. 30-36.
- Karaulov Yu.N., 2018. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Lenand Publ. 264 p.
- Klushina M.I., 2008. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [The Style of the Publicistic Text]. Moscow, Media-Mir Publ. 244 p.
- Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskiy V.A., 2008. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 464 p.
- Konkov V.I., 2016. Mediarech: sodержanie ponyatiya i printsipy analiza [Media Speech: The Content of the Concept and Principles of Analysis]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], vol. 3, pp. 58-63.
- Kostomarov V.G., 1971. *Russkiy yazyk na gazetnoy polose. Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoy gazetnoy publitsistiki* [Russian Language on a Newspaper Page. Some Features of the Language of Modern Newspaper Journalism]. Moscow, Izd-vo MGU. 267 p.
- Lazareva E.A., 2002. K voprosu o spetsifike reklamnogo teksta [On the Issue of the Specifics of the Advertising Text]. *Chelovek – kommunikatsiya* [Man – Communication], iss. 5, pp. 186-195.
- Lukanina M.V., Salieva L.K., 2014. Narrativnoe manipulirovanie [Narrative Manipulation]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], iss. 46, pp. 210-225. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/46_2014lukanina_salieva.htm
- Matveeva T.V., 2012. Parametricheskaya semantika i ekspressivnost slova [Parametric Semantics and Expressiveness of the Word]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 11 (90), pp. 92-98.
- Minaeva L.V., 2016. Korporativnyy storytelling [Corporate Storytelling]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], no. 2, pp. 247-253.
- Mozzhegorov S.V., 2013. Metodologicheskie osnovaniya storitellinga v kontekste issledovaniya lichnostnykh narrativov [Methodological Foundations of Storytelling in the Context of the Study of Personal Narratives]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], no. 37, pp. 104-125.
- Murzin D.A., 2005. *Fenomen korporativnoy pressy* [The Phenomenon of the Corporate Press]. Moscow, Khroniker Publ., Kompaniya RASTR. 188 p.
- Piotrovskaya L.A., 2006. Kognitivnyy analiz emotsionalnyy i ratsionalnoy otsenki v semantike emotivnykh vyskazyvaniy [Cognitive Analysis of Emotional and Rational Evaluation in the Semantics of Emotive Statements]. *Vtoraya Mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke (9–13 iyunya 2006 g.). V 2 t. T. 2: tez. dokl.* [Second International Conference on Cognitive Science (June 9–13, 2006). In 2 vols. Vol. 2. Abstracts of Reports]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, vol. 2, pp. 392-394.
- Prokhvatilova O.A., 2020. Vnutrennyaya dialogichnost sovremennoy mediarechi [Internal Dialogicity of Modern Media Speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 150-158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.13
- Ramazanova D.A., Khasbulatova Kh.M., Kurbanova Z.G., 2017. Ekspressivnost v khudozhestvennom tekste i sposoby ee vyrazheniya [Expressiveness in a Literary Text and Ways of Its Expression]. *Izvestiya DGPU. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the DSPU. Philological Sciences], vol. 3, pp. 86-91.
- Romashova I.P., 2001. *Ekspressivnost kak semantiko-pragmaticheskaya kategoriya vyskazyvaniya*

- (na materiale razgovornoy i khudozhestvennoy rechi dialogicheskogo tipa): dis. ... cand. filol. nauk [Expressiveness in a Literary Text and the Ways of Its Manifestation (On the Material of Colloquial and Artistic Speech of the Dialogue Type). Cand. philol. sci. diss.]. Omsk. 166 p.
- Sim O.A., 2009. Reklamnaya i narrativnaya sostavlyayushchie reklamnogo diskursa [Advertising and Narrative Components of Advertising Discourse]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnaya-i-narrativnaya-sostavlyayushchie-zhurnalnogo-diskursa/viewer>
- Stepanov Yu.S., 1973. Semioticheskaya struktura yazyka (tri funktsii i tri formalnykh apparata yazyka) [Semiotic Structure of the Language (Three Functions and Three Formal Apparatuses of the Language)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Literature and Language], vol. 32, iss. 4, pp. 340-355.
- Telitsina E.L., 2016. K voprosu o razgranichenii ponyatiy emotsionalnost, otsenochnost i ekspressivnost [Concerning the Issue of the Distinction Between the Concepts of Emotionality, Appraisal and Expressiveness]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugra State University], iss. 1 (38), pp. 79-83.
- Teliya V.N., 1991. Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh edinit [Mechanisms of Expressive Coloring of Language Units]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human Factor in Language. Language Mechanisms of Expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-35.
- Shmelev A.D., 2000. «Obshchie» slova [“General” Words]. *Slovo v tekste i v slovare: sb. st. k semidesyatiletiiyu akad. Yu.D. Apresyana* [Word in the Text and in the Dictionary. Collection of Articles on the Seventieth Birthday of Academician Yu.D. Apresyan]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 266-280.
- Armstrong D., 1992. *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. Crown Business, 272 p.
- Kotler P., Keller K., 2021. *Marketing Management*. S. I., Pearson. 832 p.

Information About the Author

Lyudmila V. Minaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of International Communications Department, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russia, liudmila.minaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5777-8815>

Информация об авторе

Людмила Владимировна Минаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой международной коммуникации, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Россия, liudmila.minaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5777-8815>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.12>

UDC 81'373.211
LBC 81.053.16

Submitted: 08.11.2022
Accepted: 09.02.2023

LINGUISTIC CODING IN HODONYMIC SPACE OF VOLGOGRAD AND SEVASTOPOL

Natalia S. Antonenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the description of the linguistic codes of two sister cities – Volgograd and Sevastopol. The coinciding names of linear objects situated in two cities constitute the object of the study. The names are indicated in the official documents of Volgograd City Administration and Sevastopol Department of Architecture and Urban Planning. The undertaken analysis resulted in identification of considerable quantity of similar names. The hodonyms of symbolic, vegetative and anthropogenic linguistic codes were found to have major similarity, which is largely due to the tendency to avoid ideological, historical and personal reference, and assign neutral names to new linear objects. Minor matches occur in hodonyms that realize material, social-and-collective linguistic codes. The nominations that actualize the material code follow the tendency of assigning ideologically unmarked names. The historical heritage of the Soviet Union accounts for the coincidence of names that implement the social-and-collective code. The fewest matches were found in the topographic, memorative (both individual and group) code and names denoting professional activities. This is stipulated by different geographical conditions in which the settlements are located, and their economies. The memorative code also differs substantially and reflects the citizens' striving to commemorate historical figures, military units and other unions that had significant impact on each of the cities. The study carried out has enabled the author to identify the hodonyms, which demonstrate ambiguity in realizing some linguistic codes.

Key words: toponymy, urbanonym, hodonym, hodonymic space, linguistic code, memorative.

Citation. Antonenko N.S. Linguistic Coding in Hodonymic Space of Volgograd and Sevastopol. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 152-163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.12>

УДК 81'373.211
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 08.11.2022
Дата принятия статьи: 09.02.2023

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ГОДОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВОЛГОГРАДА И СЕВАСТОПОЛЯ

Наталья Сергеевна Антоненко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию лингвистических кодов годонимического пространства городов-побратимов – Волгограда и Севастополя. Объектом исследования избраны совпавшие именованные линейных объектов двух городов, закрепленные в документах администрации Волгограда и департамента архитектуры и градостроительства Севастополя. В результате проведенного анализа выявлено значительное количество общих для данных городов наименований. Установлено, что наибольшее сходство обнаруживают годонимы, реализующие условно-символический, растительный, антропогенный лингвистические коды. Это объясняется тенденцией присваивать новым линейным объектам именованные, не обладающие идеологической окраской и не связанные с конкретными историческими персоналиями или периодами. Меньшее количество совпадений обнаруживают годонимы, реализующие материально-вещественный и общественно-коллективный лингвистические коды: номинации, актуализирующие материально-вещественный код, соответствуют тенденции присвоения идеологически не маркированных названий, совпадения наименований, реализующих общественно-коллективный код, объясняются историческим наследием Советского Союза.

Минимальное количество совпадений обнаруживают топонимы, реализующие топографический, профессиональный и меморативный (личностный и групповой) лингвистические коды. Это связано с разными географическими и экономическими условиями Волгограда и Севастополя, а также стремлением жителей увековечить память персоналий, воинских подразделений и других объединений, значимых для истории каждого из городов. Определены топонимы, характеризующиеся неоднозначностью интерпретации в аспекте реализации ими того или иного лингвистического кода.

Ключевые слова: топонимика, урбаноним, топоним, топонимическое пространство, лингвистический код, меморатив.

Цитирование. Антоненко Н. С. Лингвистическое кодирование объектов топонимического пространства Волгограда и Севастополя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 152–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.12>

Введение

Урбанизация сегодня представляет собой процесс, типичный как для развитых, так и для развивающихся стран. Так, О.Л. Перерва и Ю.В. Тучина установили, что в течение примерно сорока лет (с 1970 по 2012 г.) количество городского населения в мире увеличилось почти в 10 раз [Перерва, Тучина, 2014]. Изучая развитие жилой застройки на территории европейской части России, исследователи обнаружили, что в среднем территория города увеличивается на 4 % в год [Чугунова, Нарожняя, Морковская, 2022, с. 47]. Такой стремительный рост городов неизбежно приводит к возникновению новых объектов, подлежащих номинации, в связи с чем ономастические исследования наименований внутригородских объектов (урбанонимов), сохраняют актуальность.

Эти единицы рассматриваются лингвистами в рамках основных направлений топонимических исследований. Как отмечают В.В. Корнева и Д.Б. Меняйлова, первое направление связано с изучением общих проблем функционирования топонимов в качестве особого класса слов, который, с одной стороны, является частью общезыковой системы, а с другой – формирует свою. Второе направление концентрируется на принципах топонимации, словообразовательных моделях и их продуктивности, а также типологии топонимов. Подавляющее большинство таких исследований сосредоточены на сравнительном структурно-семантическом анализе топонимов пограничного ареала. В рамках третьего направления (семасиологического) описываются семантика топонима и его внутренняя форма, организация топонимических систем, семан-

тические особенности топонимов разных видов [Корнева, Меняйлова, 2012]. В рамках указанных направлений характеризуется и такая разновидность урбанонимов, как топонимы (см., например: [Голикова, 2014; Егорова, 2013; Рабаданова, 2011]).

В современной ономастике существует несколько точек зрения на толкование понятия «топоним». Одна из них основана на противопоставлении линейных и точечных объектов: топонимы трактуются как наименования линейных объектов (проспект, улица, бульвар, переулок, проезд, набережная) [Бекасова, 2016; Горланова, 2011; Комарова, 2014; Подольская, 1988; Попов, 2020; Пушкарева, 2016]. По мнению Т.В. Шмелевой, противопоставление линейных и точечных объектов является излишним. Расширение значения термина и рассмотрение топонима как номинации объектов городского пространства объясняется не только традициями именования, но и отсутствием специфических принципов номинации, в частности, площадей [Шмелева, 2008, с. 1]. В работе мы принимаем определение топонимов, сформулированное Е.Г. Сидоровой, и рассматриваем их как «имена собственные, называющие адресообразующие элементы дорожно-уличной сети» [Сидорова, 2021, с. 216].

Городское пространство, как показано С.С. Аванесовым, является специфическим, сложным культурным конструктом, воплощающим в своем материальном «устройстве» фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей [Аванесов, 2018]. Значимость топонимов при его изучении, по мнению Д.Ю. Ильина и Е.Г. Сидоровой, «детерминирована отражением в наименованиях линейных топообъектов куль-

турных представлений жителей той или иной местности, их устоев, обычаев и верований, трансформацией ценностных стереотипов и приоритетов социума, информацией о его исторических, идеологических и эстетических вкусах и пристрастиях» [Ильин, Сидорова, 2020, с. 70]. В этой связи актуально установление реализованных в топонимах лингвистических кодов, которые вслед за Д.Ю. Ильиным и Е.Г. Сидоровой понимаются нами как способы и средства создания лексических единиц с целью номинации объекта внеязыковой действительности в соответствии с системой определенных правил, присущих языку [Ильин, Сидорова, 2020, с. 71]. Представляется, что лингвистическое кодирование имеет универсальный характер, поэтому цель нашего исследования состоит в характеристике лингвистических кодов, отраженных в топонимах, общих для двух российских городов – Волгограда и Севастополя.

Материал и методы исследования

Предполагается, что сходство ряда экстралингвистических факторов оказало влияние на наименования линейных объектов Волгограда и Севастополя и привело к множественным совпадениям номинаций элементов их дорожно-уличной сети, что свидетельствует об общих для разных городов тенденциях наименования. Сходство топонимов в центральной части городов объясняется общим историческим и культурным наследием Советского Союза. В результате полного разрушения городов во время Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления линейным объектам разных городов могли быть присвоены одинаковые наименования. Важным фактором, влияющим на систему топонимов, можно считать стремление жителей увековечить память об ожесточенных боях, проходивших на территории Волгограда и Севастополя, и их участниках. Еще один фактор совпадения топонимов заключается в специфике роста городов: и Волгоград, и Севастополь расширяются за счет включения в городскую черту садово-огороднических некоммерческих товариществ с сохранением исторически сложившихся наименований объектов дорожно-уличной сети.

В центре нашего внимания – общие для Волгограда и Севастополя топонимы, закрепленные в официальных документах. Согласно постановлению администрации Волгограда «Об утверждении Общегородского перечня наименований элементов дорожно-уличной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» с учетом последних изменений, внесенных в документ 3 августа 2022 г., наиболее многочисленной группой элементов дорожно-уличной сети являются улицы (2 868). Существенно меньше в городе переулков (271). Самые малочисленные объекты – проезды (27), площади (15), проспекты (8), набережные (5), бульвары (3), шоссе, тупики, разъезды (по 2) (Постановление).

Как отмечено на официальной интернет-странице правительства Севастополя, особенность города заключается в том, что «по сути он является городом-регионом, имеющим соответственно городское поселение – город Севастополь, а также сельскохозяйственную зону и города-спутники, целый ряд населенных пунктов» (Портал). Все топонимы региона закреплены в приказе департамента архитектуры и градостроительства города Севастополя № 79 от 13 июля 2017 г. (Приказ). В рамках исследования мы сосредоточимся на именовании линейных топообъектов, расположенных в пределах городского поселения – эквивалента Волгограда как областного центра.

Согласно данному документу, в Севастополе 1 199 улиц и 211 переулков. Следующей по численности группой именованных являются проезды (62), затем – площади (24), тупики (22), бульвары (15), шоссе (13, в приказе Качинское шоссе указано дважды), набережные (10), проспекты (8), аллеи (3). Некоторые типы объектов, включенные в перечень севастопольских топонимов, не находят своих аналогов в волгоградском перечне. Это спуски (11), скверы (9), урочище, парк, микрорайон, пристань (по 1). Наличие в городе спусков объясняется его сложным рельефом, отразившимся в типах урбанонимов и в их именовании. Еще одним специфическим для города-региона типом линейных объектов являются аллеи, причем у одного из названий – *аллеи Астапова* – номенклатурный термин (*аллея*) входит в наименование. Аллеи, рас-

положенные в Волгограде, с точки зрения принадлежности к элементам дорожно-уличной сети классифицируются как улицы, например, *улица Аллея Героев*. Разъезды – единственный тип объектов, присутствующий в системе линейных обозначений Волгограда и отсутствующий в Севастополе. Это, как и в случае спусков в Севастополе, может быть связано с экстралингвистическим фактором – особенностями рельефа местности.

Характеристика линейных объектов с точки зрения их типов и количества представлена в таблице.

Как отмечает Е. Стаселько, большинство урбанонимов являются двучленными номинациями, в состав которых входит географический номенклатурный термин (улица, разъезд, спуск и т. п.) и атрибутивный компонент – непосредственно индивидуализирующее наименование [Стаселько, 2013]. При сравнении топонимов Волгограда и Севастополя, а также дальнейшем подсчете совпадений рассматривались только атрибутивные компоненты. Номенклатурные компоненты не учитывались, поскольку они не влияют на характер лингвистического кода, реализованного в топониме (например, лингвистический код улицы *Мостовая* в Севастополе и проезда *Мостовой* в Волгограде будет одним и тем же, несмотря на то, что типы линейных объектов разнятся). В связи с тем, что в обо-

их городах встречаются дублирующие друг друга наименования, лингвистические коды которых не различаются, мы рассматриваем количество наименований, а не элементов дорожно-уличной сети (например, наименование *Восточная*, которое имеют четыре улицы в Волгограде, рассмотрены как одно наименование). По этой причине в дальнейшем при подсчете совпадений учитывается количество не линейных объектов в обоих городах, а наименований: 2 186 для Волгограда и 1 277 для Севастополя. При сопоставлении номинаций было выявлено 439 общих топонимов.

Лингвистические коды топонимов Волгограда представлены в исследовании Д.Ю. Ильина и Е.Г. Сидоровой: описаны локативный, меморативный, антропогенный, условно-символический, нумеративный коды [Ильин, Сидорова, 2020]. Предложенная классификация применима для характеристики наименований линейных объектов Севастополя. Это связано с тем, что проприативы – производящая база топонима, по которой и определяется лингвистический код, – в большинстве наименований являются общими. В случае затруднений при определении проприативов, положенных в основу наименования, мы обращаемся к сведениям, представленным в справочнике «У карты Севастополя» (далее – Справочник), в частности, при анализе личностных меморативов города Севастополя, в от-

Типовая и количественная характеристика линейных объектов Волгограда и Севастополя

Linear objects in Volgograd and Sevastopol: data on their types and quantity

Тип объекта	г. Волгоград	г. Севастополь
Улица	2 868	1 199
Переулок	271	211
Проезд	27	62
Площадь	15	24
Проспект	8	8
Набережная	5	10
Бульвар	3	15
Шоссе	2	13
Тупик	2	22
Разъезд	2	–
Спуск	–	11
Аллея	–	3
Урочище	–	1
Сквер	–	9
Парк	–	1
Микрорайон	–	1
Пристань	–	1

ношении которых в официальном документе отсутствуют историческая и топонимическая справки (Ляхович и др.).

Результаты и обсуждение

Обнаруженные совпавшие именованные мы сгруппировали в зависимости от лингвистического кода, который в них реализован. Описание групп дано в порядке убывания количества единиц, их наполняющих.

Наиболее многочисленную группу совпавших наименований формируют топонимы, реализующие **локативный лингвистический код**. Для Волгограда этот код является одним из наиболее продуктивных, он отражен в 640 единицах. В Севастополе такие наименования представлены 123 единицами. Совпадает 85 номинаций, что составляет 13 % для Волгограда и 70 % для Севастополя (здесь и далее при описании лингвистического кода за 100 % принимается количество единиц, реализующих его в топонимическом пространстве каждого из городов). К этой группе относятся именованные, образованные:

– от названий республик СССР (*Российская, Литовская*);

– столиц республик СССР (*Бакинская, Ереванская, Киевская, Минская, Московская*). Как отмечают Д.Ю. Ильин и Е.Г. Сидорова, подобные именованные довольно многочисленны, а сам факт их наличия был весьма значим для города в советское время, так как подчеркивал единство государства [Ильин, Сидорова, 2020, с. 72];

– названий населенных пунктов, расположенных на территории России (*Алуштинская, Астраханская, Барнаульская, Бахчисарайская, Вологодская, Воронежская, Елецкая* и др.);

– номинаций населенных пунктов, расположенных на территории бывшего СССР (*Акмолинская, Актюбинская, Батумская, Брестская, Винницкая, Донецкая, Запорожская* и др.);

– названий исторически сложившихся территорий и областей, расположенных как на территории России, так и за ее пределами (*Балканский, Волынская, Кольская, Таврическая*).

Многочисленную группу составляют наименования, реализующие **антропогенный**

код. Это наименования, присвоенные «по антропогенному топообъекту, то есть созданному человеком в целях обустройства жизни, быта» [Ильин, Сидорова, 2020, с. 73]. Такие номинации представлены 235 единицами в Волгограде и 83 в Севастополе. Общие названия – 34 номинации – составляют 15 % и 40 % соответственно. Это, например, улица *Аэродромная* в Волгограде, шоссе и переулок в Севастополе, улица *Водопроводная* (Волгоград) и переулок (Севастополь), улицы *Дорожная, Парниковая* в обоих городах.

Растительный код представлен в 138 топонимах Волгограда и в 77 топонимах Севастополя. Общих наименований 48: улицы *Абрикосовая, Гиацинтовая, Катальповая, Кленовая, Мускатная* и др. Они составляют 35 % в Волгограде и 62 % в Севастополе. Отметим, что в обоих городах линейные объекты с наименованиями, отражающими этот лингвистический код, расположены главным образом на территории садово-огороднических некоммерческих товариществ, включенных в состав города при его расширении.

Пространственный код связан с положением объекта в пространстве или отношением элемента городской застройки к другим аналогичным объектам. В эту группу входят такие названия, как *Крайняя, Дальняя, Продольная, Рубежная, Центральная*. Волгоградские топонимы насчитывают 137 единиц этого лингвистического кода, севастопольские же – 74. Общие наименования, 9 топонимов, составляют 7 % и 12 % соответственно.

Топографический лингвистический код – указание на ландшафт определенных территорий, их рельеф – положен в основу 121 номинации Волгограда и 37 единиц Севастополя. Общих наименований 17: улицы *Береговая, Горная, Долинная, Курганная, Овражная* и др. Это составляет 14 % от таких номинаций Волгограда и 46 % Севастополя.

Условно-символический лингвистический код представлен 102 номинациями Волгограда и 58 Севастополя. Общие наименования (32 единицы) составляют 31 % и 55 % соответственно. Исследуя эту группу волгоградских топонимов, Д.Ю. Ильин и Е.Г. Сидорова отмечают, что некоторые подобные номинации «вызывают определенные мелиоративные ассоциации» [Ильин, Сидорова, 2020,

с. 73]. Это, например, улицы *Благодатная*, *Веселая*, *Изобильная*, *Красивая*, *Отрадная*. К этой же группе относятся такие условно-символические именованья, как улицы *Мира*, *Победы*, *Просвещения*. Несмотря на кажущееся сходство именованний улиц *Правды* в обоих городах, характеризовать их как семантически тождественные нельзя: в Волгограде, согласно данным Общегородского перечня, годоним указывает на газету «Правда»; сведений, позволяющих однозначно определить мотивацию названия линейного топообъекта Севастополя, не обнаружено.

В топонимическое пространство обоих городов входят объекты, лингвистический код которых можно обозначить как **профессиональный**. Такие наименования связаны с представителями определенной профессии и/или рода занятий. В Волгограде этот лингвистический код реализован 98 единицами, в Севастополе объектов с аналогичным кодом насчитывается 52. Общие именованья (23 единицы) составляют 24 % и 44 % соответственно. Отметим, что наряду с номинациями профессий мирного времени (улицы *Учительская*, *Строительная*) в группу входят и номинации линейных объектов, апеллирующие к военной деятельности: улицы *Снайперская*, *Саперная*, *Партизанская*.

Гидрообъектный лингвистический код представлен 94 наименованиями в Волгограде и 29 единицами в Севастополе, из них 14 общих для обоих городов (15 % для Волгограда, 50 % для Севастополя). Основой для этих именованний стали гидрообъекты, полностью или частично расположенные на территории бывших республик СССР: *Амурская*, *Байкальская*, *Днепровская*, *Донская*, *Сивашская*.

Наименования, которые реализуют **общественно-коллективный код**, обозначают социальные объединения, коллективы и формы организации общества, которым принадлежит значимая роль на определенном историческом этапе развития государства, представлены 49 единицами в Волгограде и 26 в Севастополе. Общие именованья (17 единиц), составляют 35 % и 53 % соответственно. Это такие названия, как *Динамо*, *Комсомольская*, *Пионерская*, *Профсоюзная* и др.

В основу 37 номинаций линейных объектов Волгограда и 26 элементов городской застройки Севастополя положено обобщенное наименование форм человеческой деятельности без уточнений профессиональной или коллективной принадлежности, что позволяет выделить **деятельностный лингвистический код**. Совпавшие наименования (11 единиц) составляют 30 % и 42 % соответственно. В состав группы входят такие названия, как *Индустриальная*, *Оборонная*, *Промышленная*, *Сельскохозяйственная*, *Торговая*.

Некоторые названия улиц и переулков Волгограда связаны с обозначениями веществ и материалов и, следовательно, реализуют **вещественно-материальный код**. В годонимическом пространстве Волгограда таких единиц 57, Севастополя – 29, совпавших номинаций 19: 33 % и 65 % соответственно. В группу включены названия *Агатовая*, *Жемчужная*, *Каменная*, *Кирпичная*, *Мраморная* и др.

Номинации, обозначающие отдельные параметры линейного объекта, его конфигурацию, размеры, реализуют **характеризующий лингвистический код**. Он представлен 38 единицами в Волгограде, 17 – в Севастополе. Из них 5 наименований – общие, например, *Крутая*, *Малая*, *Прямая*. Они составляют 13 % и 30 % соответственно.

Часть именованний, в основе которых находится вещественно-материальный код, могут быть отнесены и группе годонимов, реализующих **колоративный лингвистический код**. Например, *Бирюзовая* и *Изумрудная* с равной долей вероятности отсылают и к колоративам, и к материалам. Всего же колоративный код представлен 9 общими наименованиями. Они составляют 60 % от годонимов, реализующих этот код в пространстве Волгограда (15 названий), и 75 % – в пространстве Севастополя (12 наименований).

Временной лингвистический код положен в основу номинаций, проприатив которых указывает на разнообразные временные интервалы (сезоны, месяцы, время суток). Таких названий 13 в Волгограде и 20 в Севастополе. Общие названия (8 годонимов) составляют 62 % и 40 % соответственно. Этот код представлен, например в номинациях *Апрельская*, *Весенняя*, *Вечерняя*, *Утренняя*.

Продуктивную в целом группу наименований формируют годонимы, реализующие **меморативный код**. Меморативы увековечивают память конкретных исторических фигур, коллективов и свершившихся событий и подразделяются на личностные, групповые, событийные. Номинации, относящиеся к разным видам меморативов, по-разному представлены в Волгограде и Севастополе.

Значимую роль в годонимическом пространстве играют личностные меморативы, составляющие 24 % от общего количества номинаций волгоградских и 40 % севастопольских линейных объектов. При этом сходство таких названий минимально, что объясняется стремлением жителей увековечить память исторических фигур, связанных непосредственно с их городом. Всего зафиксировано 87 совпадений (15 % в годонимическом пространстве Волгограда и 16 % – Севастополя). Среди исторических деятелей, чье имя положено в основу номинации линейного объекта, можно выделить:

– героев и военачальников Великой Отечественной войны. В обоих городах большое количество объектов названо в честь участников локальных событий, поэтому совпадения в этой группе именовании малочисленны (6 единиц) и представляют собой номинации, призванные увековечить имена высшего командного состава: в Севастополе и в Волгограде есть улицы *Ватутина*, *Маршала Крылова*, *Хрюкина*, а также улицы им. героев Советского Союза – *Александра Матросова*, *Лизы Чайкиной*, *Олега Кошевого*;

– героев и военачальников других исторических периодов (6 номинаций), например: улицы им. *Адмирала Макарова*, *Адмирала Ушакова*, *Суворова*;

– участников революционного движения и гражданской войны, причем как отечественных революционеров (19 именовании): улицы им. *Баумана*, *Буденного*, *Герцена*, *Кирова*, *Ленина* и др., так и представителей международного революционного движения (7 годонимов), улицы им. *Димитрова*, *Дундича*, *Либкнехта*, *Марата* и др.);

– героев мирного времени, в соответствии с идеологией, господствовавшей в тот или иной период истории страны, совершивших подвиг, не связанный с боевыми действи-

ями (3 номинации): улицы им. *Леваневского*, *Павлика Морозова*, *Паши Ангелиной*;

– представителей различных сфер профессиональной деятельности, а именно: литературы (31 название: улицы им. *Белинского*, *Бестужева*, *Гайдара*, *Гоголя*, *Добролюбова*, *Куприна* и др.), науки (11 наименований: улицы им. *Дарвина*, *Курчатова*, *Ломоносова*, *Менделеева*), изобразительного искусства (3 номинации: улицы им. *Айвазовского*, *Верещагина*, *Репина*), деятельности по освоению космоса (2 номинации: улицы им. *Гагарина*, *Титова*).

Неоднозначную интерпретацию могут иметь личностные меморативы, совпадение которых по форме не означает совпадения персоналий, чью память увековечивает годоним. Например, в Волгограде и Севастополе есть улицы имени *Богданова*. Однако в Волгограде увековечена память Анатолия Абрамовича Богданова, одного из 26 бакинских комиссаров, а в Севастополе, согласно данным Справочника, – Николая Васильевича Богданова, командира 265-го корпусного артиллерийского полка, отличившегося в боях за Одессу и Севастополь в 1941–1943 гг. (Ляхович и др.). По-разному можно квалифицировать номинацию улицы им. *Кожанова*. В Волгограде улица названа в честь Сергея Викторовича Кожанова, воина-интернационалиста, участника войны в Афганистане, кавалера ордена Красной Звезды, в Севастополе – в честь Ивана Кузьмича Кожанова, флагмана флота 2-го ранга, командующего Черноморским флотом, репрессированного в 1937 г. и реабилитированного в 1956 году. Аналогичная ситуация обнаруживается с номинациями улиц им. *Ефремова*, *Лазарева*, *Руднева*, *Токарева*, *Шварца*.

Неоднозначным именованием, например, является и улица им. *Глазкова*. Маловероятно, что севастопольский линейный объект будет именоваться в честь Василия Андреевича Глазкова, командующего 35-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе 62-й Армии, оборонявшей Сталинград. В то же время пока не удалось установить, чье имя носит эта улица в Севастополе, поскольку в приказе департамента архитектуры и градостроительства отсутствуют инициальные обозначения имени и отчества. Кроме того, невозможность

установить источник номинации связана с наличием у города поселений-спутников, административный статус которых периодически меняется. Так, в 2014 г. территориально удаленный населенный пункт Сахарная Головка был включен в состав Севастополя, что отражено в официальном документе, регистрирующем наименование линейного объекта региона. Однако в 2019 г. в закон города Севастополя были внесены изменения, согласно которым поселок Сахарная Головка отделился от города (Закон). Приказ департамента архитектуры и градостроительства не учитывает этих изменений, так как хронологически предшествует им, а с 2017 г. новых нормативных документов издано не было. Именно поэтому линейные объекты, расположенные в Сахарной Головке (улицы им. *Глазкова*, *Докучаева*, *Костычева*), а также ряд улиц города Балаклавы фиксируются как годонимы Севастополя (Приказ). В силу малых размеров и удаленности от города федерального подчинения поселок Сахарная Головка отсутствует на исторических картах, что делает невозможным однозначное определение персоны, имя которой стало основой номинации.

Групповые меморативы представлены 37 номинациями в Волгограде и 24 в Севастополе, из них совпало только 4 (11 % для Волгограда и 16 % для Севастополя). Эти названия указывают на воинские подразделения, принимавшие непосредственное участие в событиях, происходивших в обоих городах, например, улица *8-й Воздушной Армии* (8-я Воздушная армия – оперативное объединение Вооруженных сил СССР, участвовавшее в обороне и Сталинграда, и Севастополя), либо на участников движений и организаций, значимых для отечественной истории, например, улица *Декабристов*.

Событийными меморативами являются номинации улиц *Бородинская*, *Октябрьская*, *Олимпийская*, *Чесменская*. 4 общих наименования составляют 16 % от количества годонимов этого кода в Волгограде (25 номинаций) и 20 % от таких наименований севастопольских линейных объектов (20 названий). В Перечне номинации улиц *Бородинская* и *Чесменская* связаны с названиями населенных пунктов, что не позволяет однозначно классифицировать эти наименования. В чис-

ло номинаций, обладающих антропонимической природой, но не являющихся при этом меморативами (наименованиями, увековечивающими память исторических персоналий, коллективов и событий), входят 10 годонимов, которые реализуют *отантропонимический код*. Это названия, образованные от имен исторических деятелей (*Екатерининская* в честь императрицы Екатерины II) или их фамилий – *Костомаровская* в честь участника обороны Севастополя 1853–1855 гг., *Лазаревская* по фамилии адмирала Лазарева, военного губернатора Севастополя и Николаева. Отметим, что совпадающие номинации могут быть связаны с именами разных исторически деятелей, например, фамилию Костомаров носил не только участник Крымской войны, но и отечественный историк. Эти исторические личности являются полными тезками: оба они – Николай Ивановичи. В Перечне волгоградская номинация улицы *Костомаровская* соотносится со станцией в Иркутской области. Общие номинации составляют 55 % от таких названий в Волгограде (18 единиц) и 71 % в Севастополе (14 номинаций).

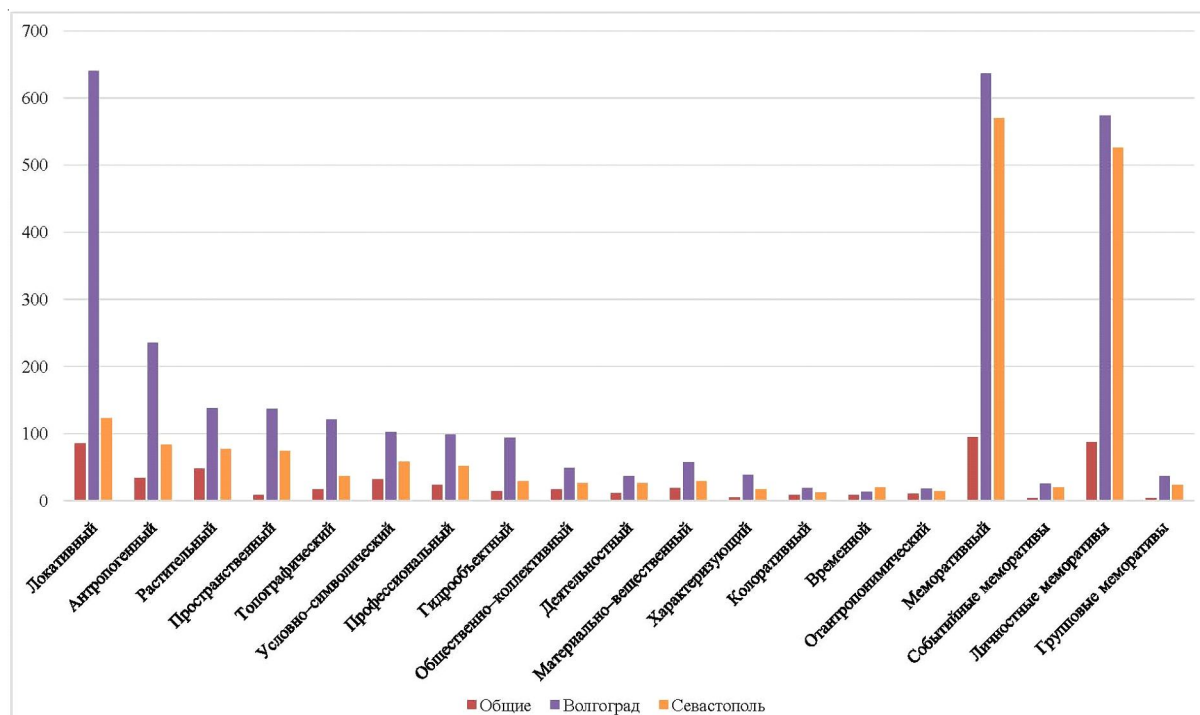
Лингвистические коды совпавших наименований двух городов, а также их соотношение с номинациями одного лингвистического кода Севастополя и Волгограда представлены на рисунке.

Заключение

В результате анализа номинаций объектов дорожно-уличной сети Волгограда и Севастополя, зафиксированных в официальных документах, охарактеризованы лингвистические коды совпавших номинаций.

1. Наибольшее количество совпадений обнаружено в группе годонимов, реализующих локативный код, что объясняется присваиванием таких номинаций в советское время с целью подчеркнуть единство государства.

2. Сходство годонимов связано с современными тенденциями увеличения территории города: Волгоград и Севастополь расширяются посредством присоединения садово-огороднических некоммерческих товариществ, в которых номинации объектов дорожно-уличной сети реализуют растительный и условно-символический лингвистические коды.

Лингвистические коды совпавших именовании линейных объектов
Linguistic codes of coincident names of linear objects

3. Различия обнаруживаются в группе годонимов, реализующих топографический лингвистический код, что объясняется разным рельефом и географическим положением городов, а малое количество совпадений в обозначениях профессий связано со спецификой экономики каждого из населенных пунктов.

4. Несмотря на значимость меморативного кода и личностных меморативов для годонимического пространства Волгограда и Севастополя, количество совпадений номинаций, актуализирующих этот код, относительно мало, поскольку годонимы этих групп отражают стремление жителей увековечить память исторических фигур, связанных непосредственно с их городом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов С. С., 2018. Городское пространство как антропологический феномен // *Праксема: проблема визуальной семиотики*. № 2 (16). С. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31
- Бекасова Е. Н., 2016. К проблеме универсалий урбанонимов провинциальных городов // *Слово: фольклор.-диалектолог. альм.* № 13. С. 22–30.

- Голикова Т. А., 2014. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансформации // *Научный диалог*. № 9 (33). С. 24–36.
- Горланова И. Б., 2011. Микротопонимия города Костромы на историческом срезе XVII–XIX веков // *Язык. Словесность. Культура*. № 3. С. 74–86.
- Егорова Л. В., 2013. Отантропонимическая система урбанонимов Чувашской Республики // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. № 4 (25). С. 103–108.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2020. Лингвистические коды волгоградских годонимов как отражение региональной топонимической политики // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 69–80. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.6.6
- Комарова А. В., 2014. Структурно-семантические особенности номинации улиц городов Тулы и Реймса // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 2. С. 238–241.
- Корнева В. В., Меняйлова Д. Б., 2012. Основные направления изучения топонимов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 21–26.

- Перерва О. Л., Тучина Ю. В., 2014. Мировой процесс урбанизации // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. С. 110–114.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е., перераб. и доп. М.: Наука. 192 с.
- Попов С. А., 2020. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 1 (36). С. 10–23.
- Пушкарева Ю. Г., 2016. Социокультурный аспект урбанизации Квебека (Канада) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. № 2. С. 90–95.
- Рабаданова Л. Н., 2011. Годонимы полиэтничного города в аспекте переименования // Вестник Университета Российской академии образования. № 5. С. 122–124.
- Сидорова Е. Г., 2021. Годонимическое пространство: содержание и объем понятия // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (25 марта 2021 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева. С. 212–217.
- Стаселько Е., 2013. Мотивы номинации внутригородских объектов в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале годонимов Минска и Лондона) // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.Н. Нижнева. Минск: БГУ. С. 87–96.
- Чугунова Н. В., Нарожняя А. Г., Морковская Д. Н., 2022. Структурные особенности ретроспективного использования земель метрополисных ареалов Белгородской, Воронежской, Курской областей в цифровой информационной модели // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. Т. 8, № 2. С. 44–59.
- Шмелева Т. В., 2008. Советское наследие в новгородской топонимии // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: материалы науч. интернет-конф. (Екатеринбург, 28–29 мая 2008 г.). Екатеринбург: [б. и.]. С. 1–20. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part2%202008-28.pdf>
- Закон – Закон города Севастополя от 03.06.2014 № 19-ЗС «Об административно-территориальном устройстве города Севастополя» (ред. от 03.08.2019). URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/iyun_2014/ob_administrativno-territorialnom_ustrojstve_goroda_sevastopolya/tekst_zakona/
- Ляхович и др. – Ляхович А. А., Шорин Л. А., Веникеев Е. В., Шавшин В. Г., 1982. У карты Севастополя: Справочник. Симферополь: Таврия. 221 с.
- Портал – Официальный портал органов государственной власти г. Севастополя. URL: <https://sev.gov.ru/city/>
- Постановление – Постановление администрации города Волгограда от 10.10.2011 № 3060 «Об утверждении Общегородского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» (ред. от 03.08.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446506494>
- Приказ – Приказ департамента архитектуры и градостроительства города Севастополя от 13.07.2017 № 79 «О актуализации сведений, содержащихся в государственном адресном реестре о наименованиях элементов улично-дорожной сети, объектов топонимики и элементов планировочной структуры, расположенных в городе Севастополе». URL: <http://sevarхитектура.рф/docs/officialdocuments/037/>

REFERENCES

- Avanesov S.S., 2018. Gorodskoe prostranstvo kak antropologicheskii fenomen [Urban Space as Anthropological Phenomenon]. *Praksema: problema vizualnoy semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics], no. 2 (16), pp. 10-31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31
- Bekasova E.N., 2016. K probleme universalij urabnonimov provincialnyh gorodov [On the Problem of Universals of Provincial Towns Urbanonyms]. *Slovo: folklor.-dialektolog. alm.* [Word. Folklore-Dialectological Almanac], no. 13, pp. 22-30.
- Golikova T.A., 2014. Oficialnye vs. neoficialnye godonimy Moskvy: modeli tranonimizacii [Formal vs. Informal Moscow Hodonyms: Models of Transonymisation]. *Nauchnyi dialog*, no. 9 (33), pp. 24-36.
- Gorlanova I.B., 2011. Mikrotoponimija goroda Kostromy na istoricheskom sreze XVII–XIX vekov [Microtoponyms of Kostroma City On Historic Space of 18th – 19th Centuries]. *Jazyk. Slovesnost. Kultura* [Language. Philology. Culture], no. 3, pp. 74-86.

ИСТОЧНИКИ

Закон – Закон города Севастополя от 03.06.2014 № 19-ЗС «Об административно-территори-

- Egorova L.V., 2013. Otantroponimicheskaja sistema urbanonimov Chuvashskoj Respubliki [Anthroponymical System of Urbanonyms of the Chuvash Republic]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], no. 4 (25), pp.103-108.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2020. Lingvisticheskie kody volgogradskikh godonimov kak otrazhenie regionalnoy toponimicheskoy politiki [Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 69-80. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.6.6
- Komarova A.V., 2014. Strukturno-semanticheskie osobennosti nominacii ulic gorodov Tuly i Rejmsa [Structural and Semantic Peculiarities of Nomination of Streets in Tula and Reims]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Tula State University. Humanitarian Sciences], no. 2, pp. 238-241.
- Korneva V.V., Menyaylova D.B., 2012. Osnovnye napravleniya izucheniya toponimov [The Main Directions of the Toponyms Study]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 21-26.
- Pererva O.L., Tuchina Yu.V., 2014. Mirovoy protsess urbanizatsii [World Process of the Urbanization]. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika* [Economics and Modern Management: Theory and Practice], pp. 110-114.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Popov S.A., 2020. Memorativy onomasticheskogo prostranstva gorodov-geroev, gorodov voinskoj slavy i naseleennykh punktov voinskoj doblesti [Memoratives of the Onomastic Space of Hero City, Cities of Military Glory and Localities of Military Valor]. *Aktualnye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], no. 1 (36), pp. 10-23.
- Pushkareva Ju.G., 2016. Sociokulturnyj aspekt urbanonimii Kvebeka (Kanada) [Socio-Cultural Aspect of Urbanonymy of Quebec (Canada)]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija* [Buryat State University Bulletin. Philosophy], no. 2, pp. 90-95.
- Rabadanova L.N., 2011. Godonimy polietnicheskogo goroda v aspekte pereimenovaniya [Hodonyms of a Polyethnic City in the Aspect of Renaming]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], no. 5, pp. 122-124.
- Sidorova E.G., 2021. Godonimicheskoe prostranstvo: sodержanie i obyem ponyatiya [Hodonymic Space: Content and Scope of the Concept]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov I Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (25 marta 2021 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication. Collection of Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Online Conference (Orel, March 25, 2021)]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva, pp. 212-217.
- Staselko E., 2013. Motivy nominatsii vnutrigorodskikh obyektov v russkoyazychnoy i angloyazychnoy kulturakh (na materiale godonimov Minska i Londona) [Motives for the Nomination of Intra-City Objects in Russian-Speaking and English-Speaking Cultures (On the Material of the Godonyms of Minsk and London)]. Nizhneva N.N., ed. *Mir yazykov: rakurs i perspektiva: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The World of Languages: Foreshortening and Perspective. Proceedings of the 4th International Scientific Conference]. Minsk, BGU, pp. 87-96.
- Chugunova N.V., Narozhnyaya A.G., Morkovskaya D.N., 2022. Strukturnye osobennosti retrospektivnogo ispolzovaniya zemel metropolisnykh arealov Belgorodskoy, Voronezhskoy, Kurskoj oblastey v tsifrovoy informacionnoy modeli [Structural Peculiarities of Retrospective Use of Land of Metropolis Areas of Belgorod, Voronezh, Kursk Regions in a Digital Information Model]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology], vol. 8, no. 2, pp. 44-59.
- Shmeleva T.V., 2008. Sovetskoe nasledie v novgorodskoy godonimii [Soviet Legacy in Novgorod Godonymy]. *Sovetskaya kultura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy: materialy nauch. internet-konf. (Ekaterinburg, 28–29 maya 2008 g.)* [Soviet Culture in the Modern Social Space of Russia: Transformation and Prospects.

Proceedings of the Scientific Internet Conference (Ekaterinburg, May 28–29, 2008)]. Yekaterinburg, s.n., pp. 1-20. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part2%202008-28.pdf>

SOURCES

Zakon goroda Sevastopolia ot 03.06.2014 № 19-ZS «Ob administrativno-territorialnom ustrojstve goroda Sevastopolia» (red. ot 03.08.2019) [Law of the Sevastopol City Dated June 3, 2014 No. 19-ZS “On the Administrative-Territorial Structure of the Sevastopol City” (As Amended on August 3, 2019)]. URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/iyun_2014/ob_administrativno-territorialnom_ustrojstve_goroda_sevastopolya/tekst_zakona/
Lyakhovich A.A., Shorin L.A., Venikeev E.V., Shavshin V.G., 1982. *U karty Sevastopolya: Spravochnik* [At the Map of Sevastopol. Guide]. Simferopol, Tavriya Publ. 221 p.

Ofitsialnyy portal organov gosudarstvennoy vlasti g. Sevastopolya [Official Website of State Authorities of Sevastopol City]. URL: <https://sev.gov.ru/city/>

Postanovlenie administratsii goroda Volgograda ot 10.10.2011 № 3060 «Ob utverzhdenii

Obshchegorodskogo perechnya naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoy seti i elementov planirovochnoy struktury gorodskogo okruga gorod-geroy Volgograd» (red. ot 03.08.2022) [Decree of the Administration of Volgograd City Dated October 10, 2011 No. 3060 “On Approval of the City-Wide Names of List of Street and Road Network Elements and Elements of City Planning Structure of Volgograd Hero City (As Amended on August 3, 2022)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446506494>

Prikaz departamenta arkhitektury i gradostroitelstva goroda Sevastopolya ot 13.07.2017 № 79 «O aktualizatsii svedeniy, sodержashchikh v gosudarstvennom adresnom reestre o naimenovaniyakh elementov ulichno-dorozhnoy seti, obyektov toponimiki i elementov planirovochnoy struktury, raspolozhennykh v gorode Sevastopole» [Order of the Department of Architecture and Urban Planning of Sevastopol City Dated July 13, 2017 No. 79 “On Updating the Information Contained in the State Address Register on the Names Road Network Elements, Toponymy Objects and Planning Structure Elements Located in Sevastopol City]. URL: <http://севархитектура.рф/docs/officialdocuments/037/>

Information About the Author

Natalia S. Antonenko, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, yala-211_824431@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6316-8044>

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Антоненко, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, yala-211_824431@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6316-8044>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.13>

UDC 81'42:61
LBC 81.055.51.3

Submitted: 11.03.2022
Accepted: 05.12.2022

POPULARIZATION STRATEGIES IN ELIMINATING KNOWLEDGE ASYMMETRY IN EXPERT-LAY DISCOURSE

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines replies of healthcare professionals on ask-a-doctor forums, which have barely been treated in terms of popularization strategies employed in expert-lay interactions where a set of specialized concepts needs to be displayed in a way that enables lay users to understand them. The study was thus motivated by the lack of explicit guidance for healthcare professionals who are to interact with lay persons, and challenges faced by lay users in attempting to understand abstract specialized concepts. The study is based on the assumption that popularization strategies improve comprehensibility of medical information, prevent the emergence of communicative problems, and contribute to the dissemination of medical knowledge to a lay audience. A taxonomy of the strategies used by healthcare professionals in disseminating medical knowledge on ask-a-doctor forums is built, linguistic markers that signify these strategies in expert-lay interactions are identified. A corpus-based analysis revealed that definitions, denominations and reformulations were the most common tools employed by doctors to communicate specialized knowledge to lay-forum users. Metaphors and scenarios were infrequent in the corpus. Combined strategies were also used in doctors' replies, but their share was insignificant. It was concluded that the use of popularization tools in disseminating medical knowledge is an effective discursive mechanism that facilitates understanding among lay addressees and produces specific reactions by resorting to familiar concepts and domains.

Key words: explanatory strategy, knowledge asymmetry, medical discourse, popularization discourse, definition, metaphORIZATION.

Citation. Boginskaya O.A. Popularization Strategies in Eliminating Knowledge Asymmetry in Expert-Lay Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 164-174. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.13>

УДК 81'42:61
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 11.03.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

СТРАТЕГИИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КАК ДИСКУРСИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УСТРАНЕНИЯ АСИММЕТРИИ ЗНАНИЯ

Ольга Александровна Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье на материале ответов врачей на вопросы пользователей медицинских форумов исследуются стратегии популяризации, применяемые в асимметричных интеракциях с целью элиминации асимметрии знания. Практическая значимость данного исследования заключается в разработке рекомендаций, которые могут стать основой эффективного дискурсивного взаимодействия медицинских работников и

пациентов и помогут устранить трудности в понимании абстрактных специализированных понятий последними. В результате анализа выделены две категории стратегий популяризации экспертного знания: 1) описание, включающее деноминацию, дефиницию, перефразирование и метафоризацию; 2) иллюстрирование, включающее экземплификацию и сценаризацию. Установлено, что в изучаемом корпусе к наиболее частотным средствам популяризации медицинских знаний относятся дефиниции, перифразы и примеры, наименее частотными – метафоры и сценарии; доля комбинированных стратегий оказалась незначительной. Сделан вывод о том, что использование экспланаторных механизмов облегчает понимание сложного медицинского контента и способствует достижению прагматического эффекта в коммуникативном процессе, протекающем в условиях асимметрии знания. Предложенная модель анализа асимметричных интеракций на материале медицинских онлайн-форумов, в основе которой лежит выявление стратегий популяризации и сигнализирующих их языковых средств, может быть применена при анализе других типов асимметричного дискурса.

Ключевые слова: стратегия популяризации, асимметрия знания, медицинский дискурс, популяризационный дискурс, дефиниция, метафоризация.

Цитирование. Богинская О. А. Стратегии популяризации как дискурсивные инструменты устранения асимметрии знания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 164–174. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.13>

Introduction

In the beginning of the 21st century, the need to make specialized contents more accessible to lay people contributed to the formation of a new genre – the ask-an-expert online forum. Although these forums deal with specialized issues, popularization strategies employed by experts make their contents comprehensible to a lay public. Interdiscursive texts created in the popularization process combine informative and explanatory elements [Gotti, 2014], “use more informal language in a more direct way, sometimes including conversational style, which makes them suitable as an introductory reading on a specific scientific topic” [Bellés-Fortuño, 2016, p. 28]. Being addressed to lay users, these texts act as mediators making specialized contents accessible to a lay audience through the expressions that are transparent for non-experts.

The growing importance of specialized data in the media has caught the attention of linguists studying how specialized information is addressed to laypeople. For example, E. Gülich conducted an analysis based on a large corpus of transcribed recordings of medical seminars in rehabilitation centers and of interviews with chronically ill patients, focusing on explanatory procedures such as metaphors, exemplification, scenarios, and concretization [Gülich, 2003]. G. Ciapuscio and M. Gotti dealt with the popularization of scientific discourse [Ciapuscio, 2003; Gotti, 2014], while O. Boginskaya and P. Anesa analyzed the issues of popularization of legal knowledge [Anesa,

2016; Boginskaya, 2020]. P. Anesa and A.M. Fage-Butler described the types of dialogic and polylogic doctor-patient interactions and identified explanatory tools used to popularize biomedical knowledge [Anesa, Fage-Butler, 2015]. A.M. Silletti analyzed the role of illustrations in the discourse of medicine through the online versions of American, French and Italian popular science magazines [Silletti, 2015]. She highlighted the importance of visual data and its usefulness and contribution to text understanding by a lay audience. B. Bellés-Fortuño showed how the less conventionalized structure and less formal use of language of popular science articles “make them suitable models for teaching undergraduate students in the field of health sciences, especially those in the first year of their degree” [Bellés-Fortuño, 2016, p. 58]. A. Bagiyan explored discursive mechanisms of popularization of special knowledge, among which thematic reduction, information compression, linguistic creativity, determinologization, and use of paratextual components [Bagiyan, 2017].

Despite the fact that the issues of popularization and specialized knowledge dissemination to lay people have attracted many discourse analysts, the ways how specialized medical knowledge is decontextualized and constructed on medical websites intended to lay users have not been systematically analyzed, and popularization strategies employed by forum doctors have barely been studied from the perspective of knowledge asymmetry. However, in the last decade, it has become natural for lay people to look for medical information online to

get the idea of what steps they should take in this or that health-related situation. The process of information seeking that forces lay citizens to search for answers to medical questions entails their relationship with healthcare professionals. Making medical information available for a lay audience plays a crucial role in making citizens aware of health-related issues, especially in the era of COVID-19 when it is not safe to visit medical care facilities, since any contact increases your risk of developing or spreading the virus. It is my purpose in this article to identify, analyze and assess a variety of popularization strategies employed by online doctors in eliminating knowledge asymmetries. The ask-a-doctor forums offer a rich overview of the communicative problems occurring in this discursive scenario and of the strategies doctors resort to in order to solve them. This type of discourse is an interesting field for observation of the popularization discourse production intended to make the expert-lay communication effective and help a lay audience to understand medical concepts by “relieving the original discourse of lexical and syntactic features too complex and hermetic for the public at large” [Salerno, 2019, p. 30].

The current study is based on the assumption that explanatory strategies improve comprehensibility of medical contents, prevent the emergence of communicative problems, and contribute to the dissemination of medical knowledge to a lay audience.

The study that is based on the taxonomy of popularization strategies suggested by the author intends to answer the following questions:

1. What role popularization strategies used by healthcare professionals play in disseminating medical knowledge on ask-a-doctor forums?
2. What types of popularization strategies prevail on the ask-a-doctor forum?
3. What linguistic markers signalize the popularization strategies in the corpus?

Hence, this article contributes to supporting the view of popularization and examines the explanatory strategies which are employed to explain medical concepts on ask-a-doctor forums.

Corpus design and methodology

The data was drawn from the HealthcareMagic.com and MedHelp.org

websites, where healthcare professionals answer medicine-related questions posed by lay-forum users. Such medical websites, which represent an interesting locus to explore a specific type of expert-lay interactions, allow lay people to get free answers to a variety of medical questions. The forums are intended as a patient resource. The information provided on these forums may help lay users learn the opinions of doctors, and suggest questions they can ask of their doctors or research themselves.

The websites have a particularly clear layout. They are organized into different medical fields, which are then further subdivided into sections with a specific focus on different medical issues such as general health, mental health, female health, coronavirus, sports and fitness, child health, pregnancy, etc.

To compile the corpus for this study, the replies provided by doctors were selected based on the following criteria:

- 1) thematic variety;
- 2) presence of popularization strategies, the replies were required to contain reformulations, definitions, denominations, metaphors, examples and scenarios;
- 3) time, as all posts date back to the period between March 2020 and December 2021.

The replies that met these criteria were shortlisted and selected to build the corpus. The main focus was on the popularization strategies, their types and frequencies. The corpus provides authentic examples to explore how popularization strategies may be used to disseminate medical knowledge on ask-a-doctor forums. The corpus comprises 1,671 replies totaling 1.25 million words. The doctors' replies deal with a variety of medical issues: general health, coronavirus, female health, cardiology, endocrinology, dermatology, cancerology, etc. This compilation provides relevant contextual information, which makes it useful for a context-based analysis and makes available many instances of the target features replicating the language experience of healthcare community members.

This study aims to describe the popularization strategies employed to communicate medical knowledge to lay-forum users. To comply with this aim, both quantitative and qualitative methods of analysis were used. A manual analysis of the corpus texts was used to identify popularization strategies

based on the signaling markers. Metaphors were identified at the level of individual word tokens. Once identified, the metaphors were classified by their target domains.

In order to go beyond a mere list of explanatory strategies typically employed on ask-a-doctor forums, the study applied the interpretative method. The focus of the qualitative analysis in this study was on the ways medical information was popularized and transferred from specialized knowledge to everyday language to enable lay-forum users to understand it. This popularization was investigated through the analysis of explanatory strategies, with the focus on those significantly emerged in the corpus.

Theoretical framework

The theoretical framework for the current analysis on the macrolinguistic level is studies of popularization discourse. It has been investigated from many perspectives and within various research approaches. Studies have focused on its rhetorical functions, strategies employed to make specialized contents understandable to a non-expert audience, lexical choices and grammatical structures, etc. In their attempts to define the concept of popularization, researchers have focused on different aspects. For example, G. Myers claimed that while translating from expert to popularized discourse, specialized information becomes simplified and distorted [Myers, 2003]. Earlier, S. Hilgartner described popularization as simplification and distortion of science by outsiders and showed that it is theoretically impossible to draw a boundary between 'science' and 'popularization' [Hilgartner, 1990]. In the same vein, V.K. Bhatia claimed that in simplifying specialized content, it is not always possible to do much about the terminology [Bhatia, 1983, p. 43]. Most of the specialized terms are associated with particular concepts, and any attempt to replace them will result in a distortion of the intended meaning.

M. Bucchi, who criticized this canonical approach, argued that terms like 'distortion' and 'inaccurate translation' only make sense by reference to the most outdated models of communication. Knowledge, as M. Bucchi puts it, is being transferable without significant alterations from one context to another, so that it

is possible to take an idea or result from the scientific community and bring it to the lay audience [Bucchi, 1996].

One more study on the phenomenon of popularization which does not assume it to be a process of distortion was conducted by Whitley and T. Shinn [Whitley, Shinn, 1985], who claimed that the form in which knowledge is transferred from experts to a lay audience is different, since specialized knowledge has to be explained to a lay audience, so the linguistic features of expert discourse are different from those of popularized discourse. But when adapting the form to a lay audience, knowledge is assumed to remain unchanged throughout the discursive transformation process.

A different methodological approach was adopted by M. Gotti, who argues that "the popularization process is a kind of *redrafting* that does not alter the disciplinary content – object of the transaction – as much as its language, which needs to be remodeled to suit a new target audience [Gotti, 2014, p. 16]. In the process, information is transferred linguistically in a way similar to periphrasis or to "*intralingual translation*". The researcher believes that "the communication of knowledge implies important changes in the cognitive dimension, deriving from the interaction between specialized knowledge and its popularization" [Gotti, 2014, p. 19].

Popularization of specialized knowledge is also considered to be a dynamic process of conversion [Rezina, 2019] that makes information comprehensible through the use of strategies which allow experts to explain abstract concepts in lay. The experts have to adapt to a target audience by evaluating the knowledge held by them and explaining specialized terms with the aim to eliminate the knowledge asymmetry.

On the microlinguistic level, the theoretical framework is based on the studies of discursive strategies identified in corpora of specialized texts intended for the explanatory purpose [Anesa, Fage-Butler, 2015; Anesa, 2016; Bellés-Fortuño, 2016; Calsamiglia, Van Dijk, 2004; Ciapuscio, 2003; Fage-Butle, 2013; Gotti, 2014; Gülich, 2003; Silletti, 2015]. One of the first works on explanatory strategies in medical discourse was E. Gülich's study of medical knowledge transfer to non-experts [Gülich, 2003]. Her analysis was based on a large corpus of transcribed recordings

of medical seminars and interviews with patients and focused on procedures of illustration, which are often combined with reformulation procedures. Ciapuscio explored the oral interaction between scientists and specialized journalists that precedes the writing of science popularization texts targeted for the lay reader and identified two types of recurrent formulation procedures deployed by experts: illustration and reformulation [Ciapuscio, 2003]. H. Calsamiglia and T. van Dijk's analysis of a corpus of texts about the sequencing of human genome that has also identified a group of tools employed for the management of expert knowledge. Besides the metaphors conceptualizing abstract categories, and sequencing as decodification, they found that descriptions of new objects tend to be organized using a limited number of fundamental categories [Calsamiglia, Van Dijk, 2004]. M. Gotti described popularization strategies such as thematization and denomination [Gotti, 2014]. C.M. Salerno dealt with knowledge recontextualization strategies and processes of intralingual translation in pages devised for the mediation of copyright related legislation [Salerno, 2019].

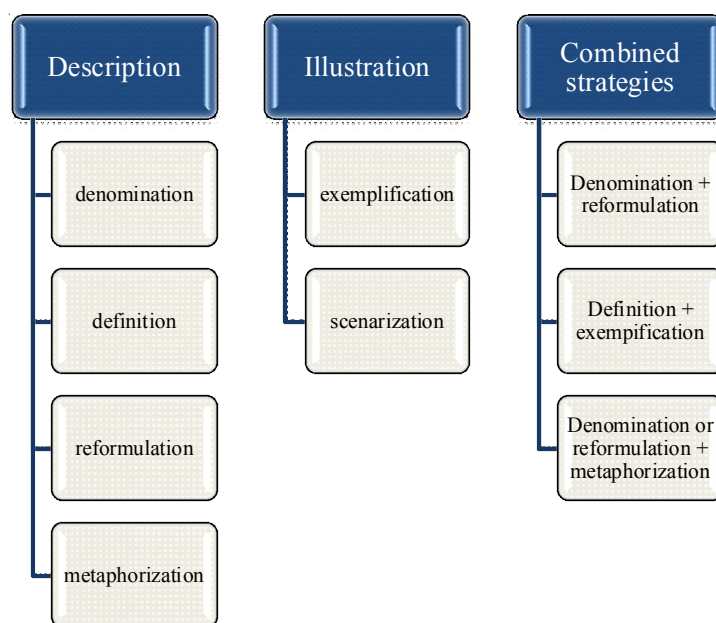
The previous studies allowed me to build up an integrated classification of popularization strategies employed to popularize expert knowledge and to fill a gap of knowledge in interactions of healthcare professionals and lay-forum users (see Figure).

Taking into account a great number of taxonomies of popularization strategies employed in popularization discourse, I suggest that the strategies presented in Figure fully cover the popularization process on ask-a-doctor forums. All of these structures have been referred to instances of explanation applied to the conceptual level of discourse as they try to draw from experiences familiar to the lay audience [Ciapuscio, 2003, p. 212]. Illustration differs from description since it is of a conceptual nature, and it is not confined to the representation of an idea with different words or the introduction of new objects or terms. It can be seen as a strategy, through which specialized information is replaced by other semiotic signs which refer to the medical content. Below is a brief description of the popularization strategies included in my taxonomy.

1. Description and its subtypes.

Denomination is a strategy that introduces new objects or terms and integrated into a sentence by making recourse to expressions such as *known as*, *meaning*, *so called*, *in other words*, etc. The new concept is always introduced after its explanation.

Definition entails an explanation of specialized terms through various categories: composition, quantity, size, localization, time, properties, process, functions, etc. [Calsamiglia, Van Dijk, 2004, p. 379]. Definitions have simple structures and contain information that does not

Popularization strategies

require expert knowledge to be understood. Unlike denominations, when definitions are provided, the method employed is juxtaposition.

Reformulation is “a discourse function whereby the second unit is a restatement or elaboration of the first in different words, to present it from a different point of view and to reinforce the message” [Hyland, 2007, p. 269]. It is “a kind of redrafting that does not alter the disciplinary content – object of the transaction – as much as its language, which needs to be remodelled to suit a new target audience” [Gotti, 2014, p. 19]. Reformulations can be introduced a) by means of appositions, preceding or following the term it clarifies; b) in parentheses, dashes, quotes; c) by means of linguistic markers [Garzone, 2006]. According to H. Calsamiglia and T. van Dijk, “such explanatory moves establish a link between old and new knowledge, where usually a new notion is introduced first, followed by an explanatory reformulation or paraphrase” which makes sense to the target audience [Calsamiglia, Van Dijk, 2004, p. 383].

Metaphorization is a discursive tool that involves talking about one thing in terms of another on the basis of some perceived similarity between them [Semino, 2008, p. 1]. Metaphors determine how thought is structured by relating specialized and everyday domains of experience and reframing complex terms through familiar concepts. “In allowing us to focus on one aspect of a concept a metaphorical concept can keep us from focusing on other aspects of the concept that are inconsistent with that metaphor” [Lakoff, Johnson, 2003, p. 10].

2. Illustration and its subtypes.

Exemplification is “a communication process through which meaning is clarified or supported by a second unit which illustrates the first by citing an example” [Hyland, 2007, p. 270]. These cognitive models are easier to understand and remember; besides they are useful as such an explanatory tool creates reader-friendly texts.

Scenarization can be defined as the drawing up of possible situations, events or reactions. They are the “direct appeal to the interlocutor by creating a possible but imaginary situation to explain a complex fact” [Ciapuscio, 2003, p. 213]. As a type of illustration, they touch on the readers’ everyday activities and represent a way to formulate a hypothesis about potential conditions,

actions and consequences. Along with examples, scenarios can be employed for the popularization purpose when it is not possible to define a specialized term in lay, reformulate it or find a suitable analogy.

3. Popularization strategies combined.

Popularization strategies can be combined in order to communicate specialized knowledge more efficiently. Among these combinations found in the corpus are denomination + reformulation; definition + exemplification; denomination + metaphorization; reformulation + metaphorization. Metaphors, examples and scenarios are often used as supporting rather than main strategies of explanation being preceded or followed by denominations, reformulations or definitions.

Results and discussion

Filling the knowledge gap between medical experts and lay-forum users is a process that takes into account both linguistic expressions and popularization strategies. This part of the article will focus on four types of descriptions and two types of illustrations employed to represent medical phenomena on ask-a-doctor forums.

1. Denomination is seen in the samples:

(1) **Tiredness and muscle cramps** are commonly seen in the condition that you have mentioned – Mcardle’s disease. It is a **glycogen storage disease**;

(2) **Enlargement of the aorta** may be only mild in degree and **termed “ectasia”**.

The new concepts are introduced after explaining them. The denomination markers are the morphological forms of the verbs *to be* and *to term*.

Table 1 shows the most frequent denomination markers as a percentage of all such these markers in the corpus. The preponderance of the first two markers over the other ones implies that forum doctors use a limited set of reformulation means.

2. Definitions are also frequently used to improve the comprehensibility of medical terms. On ask-a-doctor forums, definitions as a unique logical and discursive strategy involving the interaction of language and thinking play a significant role in explaining abstract concepts to lay-forum users. Here is an extract from the

Table 1. Frequency distribution of the denomination markers in the corpus, % of total

Marker	Totals
(is/are) called	36
(is/are) referred to	27
mean	18
include	11
(is/are) termed	8

corpus which contains a definition of the medical term *spinal cord*:

(3) **Spinal cord** is a long, thin, tubular **bundle** of nervous tissue and support cells that extends from the brain. The brain and spinal cord together is known CNS.

The medical term *spinal cord* is explained by providing a definition which fills the knowledge gap and eliminates the knowledge asymmetry between the expert and the lay-forum user. The reply responds to the need of accommodating medical knowledge to the lay audience's cognitive level. The hypernym that is part of the definition is a metaphor *bundle*, which indicates a combination of two popularization strategies in this example.

(4) **Pseudo-dementia** is a **diagnosis** made in people who develop dementia after having had depression that is poorly treated.

In example (4), the medical term *pseudo-dementia* might be unknown to the lay-forum user who can misunderstand its meaning. The definition provided by the doctor consists of the hypernym *diagnosis* employed to define the medical term and followed by a specification in the relative clause. To manifest the definition, the morphological form of the linking verb *to be* is used.

An analysis of the corpus revealed one more way to define medical concepts – in the parentheses, without the use of verbal definition markers:

(5) Systole is the act of contraction by the heart and is governed by 2 cardiac properties (1) **contractility**

(the ability of the muscle to contract) and (2) **afterload (the force against which the heart is pumping).**

This way of providing definitions was infrequent in the corpus (1.2% of all occurrences). An analysis of the corpus has shown that the main structure of definitions is as follows: medical term + definition introduced by verbs such as *is defined, is understood, refer to, mean, is/are*. These markers establish a semantic equivalence between the subject and the predicate. A quantitative analysis of the definition markers intended to identify semantic choices of healthcare professionals is shown in Table 2.

It is evident that the most commonly used definition markers are *is/are* (35.2%) and *is/are understood* (23%) which implies that forum healthcare professionals rarely resort to semantic variations limiting a set of linguistic means.

3. Reformulation occurs when the expert rephrase an utterance by expressing medical concepts in a different way. Reformulations comprised about 12% of the total popularization strategies in the corpus.

(6) You have **fibromyalgia, in other words depression;**

(7) These are bowel problems, **i.e.** mucous, diarrhea, severe cramping.

As the examples above illustrate, the function of reformulations is to restate an idea in different words so that to make it comprehensible to lay readers. Equivalence between the statements is signaled by the reformulation markers, the most common of which are *i.e.*, comprising 38% of all cases, and *in other words*,

Table 2. Frequency distribution of the definition markers in the corpus, % of total

Verb	Totals
Is/are	35.2
Is/are understood	23
Is/are defined	16
Refer to	14
Mean	11.8

comprising 29.2% of all markers. Table 3 shows the most frequent reformulation markers as a percentage of all such markers in the corpus. The preponderance of two markers over the other implies that forum doctors use a limited set of reformulation means.

4. Metaphorization. Being the result of a convention, metaphors relate professional and everyday domains of experience and reframe specialized terms through familiar concepts. The following example illustrates the case:

(8) Chlamydia is often known as a “**silent infection**” because there are often no symptoms at all.

The doctor explains the meaning of the medical term *Chlamydia* through the metaphor *silent infection*. The comparison helps the doctor to avoid comprehension difficulties on the part of the lay-forum user and contributes to the effective popularization of the medical content.

The corpus-based analysis identified two groups of metaphors most commonly employed by doctors on medical forums: *ludic metaphors* and *military metaphors*. The first group includes metaphors that reflect similarities of diseases or treatment methods with ludic elements (e.g., *risks, strategies, injustice, luck, losses*). Here is an example of these metaphors:

(9) This is a typical example of how cheap drugs **lose out** to more expensive ones.

The second group includes metaphors associated with military operations. For example, depression, stretch marks or obesity are often referred to as an enemy which should be defeated. Here are some examples of military metaphors found in the corpus:

(10) **Depression is a war** that is fought day after day;

(11) **Liver is an enemy** of anything superfluous in the body.

The metaphorical use of military vocabulary in relation to medical phenomena reflects the conceptual metaphors *disease is enemy* and *treatment is war*, where “disease” and “treatment” are the target conceptual domain and “enemy” and “war” are the source conceptual domain.

The analysis enabled us to identify 823 metaphor tokens relevant to medical phenomena in the corpus. The distribution of metaphors by two groups is presented in Table 5.

It becomes clear that treatment as war and fight and disease as enemy are the most frequently-used metaphors in the corpus which facilitate the understanding of treatment methods by lay readers and demonstrate difficulties in recovering.

Thus, despite the fact that medicine might not seem to be an appropriate field for metaphors, healthcare professionals often use metaphorical expressions in their replies to allow lay-forum users to visualize medical phenomena, actions, and processes in terms of familiar concepts, actions, and processes.

5. Exemplification includes the resources used by doctors to explain medical concepts in terms of everyday experience. Examples are signaled in a limited number of ways (see Table 4).

The most frequent exemplification marker is *for example* comprising 46.2% of all markers. Other exemplification expressions are rarely employed in the corpus, which suggests the unwillingness of doctors to use semantic variants. What follows is an example from the corpus where the exemplification markers *such as* and *like* are used to provide factual examples of the

Table 3. Frequency distribution of the reformulation markers in the corpus, % of total

Verb	Totals
i.e.	38
in other words	29.2
namely	18.9
or	13.4
In lay	0.5

Table 4. Distribution of the metaphors by groups, % of total

Types of metaphor	Totals
Military metaphors	62
Ludic metaphors	38

Table 5. Frequency distribution of the exemplification markers in the corpus, % of total

Marker	Totals
for example	46.2
one more	17.4
example	11.8
when	10.6
such as	7
namely	4
including	2
for instance	1
like	1

medical concepts with the aim of making them less abstract:

(12) Bone marrow transplant may be recommended for bone marrow deficiency disease caused by **abnormal red blood cell production, such as** thalassemia or sickle cell disease, aggressive cancer treatments like chemotherapy and radiation therapy given for leukemia or lymphoma, lack of normal blood cell production, **immune system disorders such as** congenital neutropenia and severe combined immunodeficiency syndrome, specific **forms of cancer like** leukemias, lymphomas and myelomas.

The doctor explains the meaning of the medical concepts *abnormal red blood cell production*, *immune system disorders* and *forms of cancer* providing examples. By selecting the exemplification strategy, the doctor tries to avoid comprehension difficulties on the part of the lay-forum user and formulates the specialized concepts in a simplified manner that is closer to the lay user therefore facilitating the understanding.

Thus, they play a significant role in expert-lay interactions, providing an easily accessible link between abstract statements and their specific instances.

6. Scenarization is also used to explain medical phenomena and intended to help a lay audience to understand medical concepts. Unlike examples that are restricted by clauses or words, scenarios refer to larger discourse units including case studies:

(13) For **example, if** the nasal passages are blocked due to the runny nose, the sense of smell is reduced simply because the smells do not reach the olfactory receptors.

The doctor makes an attempt to facilitate the understanding of the complex medical phenomenon *smell and taste disorders* by

sketching out a possible situation which might engage with the lay-user's everyday activities.

Conclusions

The article aimed to add to the study of popularization discourse production and was intended as a contribution to specialized discourse from a popularization-centered perspective, considering the transfer of medical knowledge to a lay audience as an indirect accommodation process intermediated by explanatory strategies. The idea that consulting medical websites intended for lay-forum users has great potential in terms of popularizing medical information was taken as a departure point in this study.

The main purpose of this research was to show that ask-a-doctor forums contribute to the dissemination of medical knowledge to a lay audience, and healthcare professionals interact with lay people to eliminate knowledge asymmetries. Doctors' replies were analyzed as medical knowledge popularization tools. Popularization was considered as a discursive accommodation of specialized contents to the knowledge base of a lay audience.

The article described the process of medical knowledge popularization through the use of explanatory strategies intended to present medical information to lay readers. Each of these strategies has specific features that allowed me to distinguish between them:

- 1) description: denomination, definition, reformulation, and metaphorization;
- 2) illustration: exemplification and scenarization.

These strategies can thus serve a popularization function and are used in the negotiation of meaning of specialized terms to facilitate the lay-audience's understanding. The

corpus-based analysis revealed that these strategies can be combined in their contribution to the purpose of making communication of medical knowledge easier for lay-forum users.

The quantitative evaluation of the occurrences of popularization strategies employed by medical experts revealed their frequencies. The results are presented in Table 6.

An analysis of the corpus has shown that definitions, comprising 39% of all strategies found in the corpus, were the most common tools employed by doctors to communicate specialized knowledge to lay-forum users. Metaphors and scenarios, comprising 7% and 6% of all strategies found in the corpus respectively, were infrequent in the corpus. Combined strategies were also used in doctors' replies, but their share was insignificant – 3%. The preponderance of a limited number of definition, denomination, reformulation and exemplification markers indicated the unwillingness of forum doctors to use semantic variants in their replies.

Even though this study does not attempt to exhaust the analysis of explanatory strategies in forum medical discourse, I may conclude that the use of popularization tools in disseminating medical knowledge is an effective discursive mechanism that facilitates understanding among lay addressees and produces specific reactions by resorting to familiar concepts and domains. Thus, the main contribution of the present article is that of improving current understandings of popularization and explanatory strategies as tools realizing the popularization process. In further research, it might be interesting to continue analyzing these strategies and their markers in wider corpora or comparing them in different languages. Further research might deal with other potential explanatory strategies, such as analogies or similes, which may serve to explain specialized concepts. In addition, it could be interesting to put forward a further distinction within the two types of popularization strategies and identify their additional subtypes.

REFERENCES

- Anesa P., 2016. The Deconstruction and Reconstruction of Legal Information in Expert-Lay Online interaction. *ESP Today*, vol. 4 (1), pp. 69-86.
- Anesa P., Fage-Butler A., 2015. Popularizing Biomedical Information on an Online Health Forum. *Ibérica*, vol. 29, pp. 105-128.
- Bagiyan A. Yu., 2017. Diskursivnye mekhanizmy populyarizacii elementov nauchnogo znaniya: kogniolingvisticheskij aspekt (na materiale anglijskogo yazyka) [Discursive Mechanisms for Popularization of Elements of Scientific Knowledge: Cognitive-Linguistic Aspect (On Material of English Language)]. *Nauchnyi dialog*, vol. 6, pp. 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-9-28
- Bellés-Fortuño B., 2016. Popular Science Articles vs Scientific Articles: A Tool for Medical Education. *Medical Discourse in Professional, Academic and Popular Settings. Language at Work*. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters, pp. 21-36.
- Bhatia V., 1983. Simplification v. Easification – The Case of Legal Texts. *Applied Linguistics*, vol. 4, no. 1, pp. 42-54.
- Boginskaya O., 2020. The Simplification of Jury Instructions: Legal-Lay Interactions. *ESP Today*, vol. 8, no. 2, pp. 297-318.
- Bucchi M., 1996. When Scientists Turn to the Public: Alternative Routes in Science Communication. *Public Understanding of Science*, vol. 5, no. 2, pp. 375-394.
- Calsamiglia H., Van Dijk T.A., 2004. Popularization Discourse and Knowledge About the Genome. *Discourse and Society*, vol. 15, no. 4, pp. 369-389. DOI: 10.1177/0957926504043705
- Ciapuscio G., 2003. Formulation and Reformulation Procedures in Verbal Interactions Between Experts and Semi-Laypersons. *Discourse Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 207-233. DOI: 10.1177/1461445603005002004
- Fage-Butler A.M., 2013. Including Patients' Perspectives in Patient Information Leaflets: A Polyocular Approach. *Fachsprache*, vol. 35, no. 3, pp. 140-154. DOI: 10.24989/fs.v35i3-4.1326

Table 6. Distribution of the explanatory strategies in the corpus, % of total

Explanatory strategy	Totals
Definition	39
Denomination	19
Reformulation	15
Exemplification	11
Metaphorization	7
Scenarios	6
Combination of strategies	3

- Garzone G., 2006. *Perspectives on ESP and Popularization*. Milano, CUEM. 230 p.
- Gotti M., 2014. Reformulation and Recontextualization in Popularization Discourse. *Ibérica*, vol. 27, pp. 15-34.
- Gülich E., 2003. Conversational Techniques Used in Transferring Knowledge Between Medical Experts and Non-Experts. *Discourse Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 235-263. DOI: 10.1177/1461445603005002005
- Hilgartner S., 1990. The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, Political Uses. *Social Studies of Science*, vol. 20, pp. 519-539.
- Hyland K., 2007. Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse. *Applied Linguistics*, vol. 28, no. 2, pp. 266-285. DOI: 10.1093/applin/amm011
- Lakoff G., Johnson M., 2003. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 241 p.
- Myers G., 2003. Discourse Studies of Scientific Popularization: Questioning the Boundaries. *Discourse Studies*, vol. 5/2, pp. 265-279. DOI: 10.1177/1461445603005002313
- Rezina R., 2019. Code-Switching in Ads and Its Effect in Culture. *The ESP Journal*, vol. 15 (1.1), pp. 168-213.
- Salerno C.M., 2019. *Popularizing Copyright Law on the Institutional Platform gov.uk. PhD Thesis*. Emilia. 214 p.
- Semino E., 2008. *Metaphor in Discourse*. Cambridge, Cambridge University Press. 347 p.
- Silletti A.M., 2015. The Role of Illustrations in Popularizing Medical Discourse. *Linguae*, vol. 2, pp. 65-81.
- Whitley R., Shinn T., 1985. *Expository Science: Forms and Functions of Popularization*. Dordrecht, Boston, Lancaster, D. Reidel Publishing Company. 275 p.

SOURCES

- Ask-a-Doctor Website*. URL: <https://www.healthcaremagic.com>
- MedHelp Website*. URL: <https://www.medhelp.org>

Information About the Author

Olga A. Boginskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St, 83, 664074 Irkutsk, Russia, olga_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Информация об авторе

Ольга Александровна Богинская, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, 664074 г. Иркутск, Россия, olga_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.14>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 01.03.2022
Accepted: 09.02.2023

RELATIONS AS AN IMPORTANT FACTOR IN DISCOURSE SENSE FORMATION

Victoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the category of relations, establishes its place among other categories. Comprehension of the essence of the stated category opens up wide perspectives for studying complex synergetic processes of discourse system transformation. This determines the relevance of this issue. The objective of the research is to identify the features and aspects of the category of relations, which further lay the basis for the formation of the functional relations and functional space of discourse. Particular attention is paid to functional discourse relations. To characterize them, the author delves into the study of sense relations, which are considered from three main angles: syntagmatic, paradigmatic and derivational. Discourse senses create different types of discursive relations, which, in turn, affect the formation of the functional plane of discourse. It is emphasized that the process of functional discursive relations formation is conditioned by the communicative situation, the cognitive system of the communicants, their social and cultural background. It is concluded that formation of adequate discursive senses corresponding the communicative situation and its goals determines the construction of certain discourse functional relations, which as well affect the transformation of the senses and dynamics of discourse functional system. Discourse sense system formation is a complex multifaceted process implying interdependence and interaction of the senses and relations of discourse. Relations are a discourse-organizing factor, since they contribute to structuring the integral sense plane of discourse.

Key words: category of relations, discourse, sense system, sense, functional relations.

Citation. Malakhova V.L. Relations as an Important Factor in Discourse Sense Formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 2, pp. 175-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.14>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 01.03.2022
Дата принятия статьи: 09.02.2023

ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ДИСКУРСА

Виктория Леонидовна Малахова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье характеризуется природа категории отношения, устанавливается ее место в ряду других категорий. Актуальность изучения данной категории обусловлена тем, что понимание ее сущности открывает перспективы исследования сложных процессов динамики смысловой системы дискурса. Цель статьи заключается в описании особенностей категории отношения, которые составляют основу функциональных отношений и функционального пространства дискурса. Особое внимание уделено функциональным отношениям между компонентами дискурса. В связи с этим в синтагматическом, парадигматическом и деривационном аспектах рассмотрены смысловые отношения между ними. Выявлено, что разные типы отношений формируются смыслами дискурса, которые влияют на создание его функционального плана. Определено, что процесс формирования функциональных дискурсивных отношений зависит от коммуникативной ситуации, когнитивной системы коммуникантов и социально-культурного фактора. Установлено, что создание адекватных коммуникативной цели и коммуникативной ситуации смыслов обуславливает по-

строение функциональных отношений дискурса, которые, в свою очередь, воздействуют на трансформацию смыслов и динамику функциональной системы дискурса. Показано, что формирование смыслового пространства дискурса представляет собой двусторонний процесс, детерминированный взаимозависимостью и взаимодействием смыслов и отношений дискурса. Отношения являются фактором, организующим дискурс, поскольку обеспечивают структурирование его общего смыслового пространства.

Ключевые слова: категория отношения, дискурс, смысловое пространство, смысл, функциональные отношения.

Цитирование. Малахова В. Л. Отношения как фактор формирования смыслового пространства дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 175–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.14>

Введение

Организация смысловой системы дискурса обуславливается многочисленными факторами, к которым можно присчитать формирование значений и смыслов с учетом соотношения формальных и содержательных категорий, взаимодействия языковой семантики с внеязыковым мыслительным содержанием. На основе значений и смыслов в процессе построения прагма-семантического пространства дискурса между языковыми единицами и высказываниями складываются функциональные отношения (связи). Актуальным представляется установление того, каким образом происходит формирование функциональных отношений между компонентами дискурса и какое влияние эти отношения оказывают на трансформацию прагма-семантического смысла и общую динамику смыслового пространства дискурса. Анализ специфики категории отношения как одной из базисных категорий позволяет раскрыть особенности формирования функциональных отношений между компонентами дискурса.

Категории являются объектом исследования многих научных направлений. В философии традиционно считается, что реальная действительность отражается основными категориями вещи, свойства и отношения [Райбекас, 2000; Уемов, 2013]. Признавая центральную роль категории вещи в этом процессе, ученые подчеркивают объективность свойств и отношений. При этом указывается, что, с одной стороны, отношения обусловлены вещью (то есть отношения не могут существовать отдельно от объектов), с другой стороны, они обладают относительной самостоятельностью и могут анализироваться вне вещей. Иными словами, в те или иные отно-

шения вступают не только объекты, но и их свойства и признаки. Описание отношения как репрезентации объектов (вещей) реального мира, их взаимосвязи и взаимодействия позволяет раскрыть особенности формирования функциональных отношений и смыслового пространства дискурса.

Результаты и обсуждение

Категория отношения, по мнению ученых, является наиболее абстрактной среди других категорий, отражающих материальный мир, и обладает особой значимостью по сравнению с ними. Она репрезентирует основные, закономерные связи и взаимозависимости в реальном мире. Поэтому в философии, логике и лингвистике *отношение* принято трактовать через такие понятия, как *связь*, *взаимосвязь*, *взаимодействие* [Левин, 2007; Пивоваров, 2013; Толпегин, 1995]. Предметы и реалии окружающего мира вступают во множество отношений, которые характеризуют объекты (естественные и созданные людьми), их свойства, деятельность человека, его взаимодействие с окружающими объектами и людьми, а также восприятие человеком самого себя. Эта категория объединяет разнопорядковые отношения, возникающие между денотатами (означаемыми) разной природы, между означаемым и означающим, между означающими (см., например: [Варшавская, 1984; Матвеева, 2017]).

Любые отношения – это составляющие речемыслительного процесса, поэтому они так или иначе отражены в системе языка. Связь языка и категории отношения не вызывает сомнения, поскольку язык представляет собой цель и средство – создается, сам является своей целью и в то же время выступает

средством передачи мысли. В этом прослеживается специфика категории отношения – язык выступает как средство, а отношения – как репрезентируемое денотативно-семантическое содержание.

В системе языка, как и в реальном мире, отношения, будучи свойствами языковых единиц, средством их организации и выстраивания в определенные структуры, также формируют наиболее абстрактную категорию. Поскольку содержательная сторона языка не только отражает мыслительные (логические) категории, но и обуславливает понимание и интерпретацию смысла, анализ отношений представляет собой двусторонний процесс: применение к их описанию понятийных категорий и изучение содержания, направленного на достижение коммуникативной цели через смысл.

Рассмотрение категории отношения как понятийной категории обнаруживает ее двойственный характер: с одной стороны, отношения отражают свойства и связи реальной действительности и определяются системой языка (см., например: [Дрожжих, 1999; Levinson, 1997]), с другой, они являются категориями семантики, которые существуют только благодаря выражающим их языковым единицам.

Сложная природа отношения как содержания, репрезентируемого языковыми средствами, должна учитываться исследователями при реконструкции коммуникативной ситуации, обуславливая необходимость включения в нее носителя (носителей) отношения и самого отношения. Смысл включает в себя содержание отношения как такового, но поскольку отношение не существует вне его носителей, то исследователю часто приходится рассматривать синкретичные формы, выражающие и отношение, и его носителей.

Как подчеркивает А.И. Варшавская, в коммуникативном акте отношения представляют собой узуальный смысл, то есть некую понятийную категорию в определенной коммуникативной динамике, объединяющую сведения, информацию, знания об окружающем мире, закрепленные в языковом сознании и передаваемые в социальном коллективе [Варшавская, 1984]. В каждом конкретном акте речи, в конкретном сообщении отношение выступает как информационная составляющая; оно всегда ориентировано на

реципиента через определенные логические операции.

Значение языковой единицы (лексической и синтаксической) узуально. Смысл же может быть узуальным и окказиональным. Поэтому отношение выступает как в качестве узуального, так и в качестве окказионального (информационного) смысла. Смысл является понятием коммуникативной сферы языка, поэтому он актуализируется в определенном контекстуальном окружении коммуникативно значимыми единицами, их свойствами, а также прагматическими и психологическими факторами (см., например: [Pradhan, 2019]). Смысл высказывания включает информацию о самом отношении и носителях отношения. Основой его содержания служит денотативно-отражательная семантика, однако факторы коммуникативного плана неизбежно влияют, а возможно, и определяют способы отражения этого содержания в языке.

Для обеспечения коммуникации и речемыслительного процесса как выражения мыслительного содержания необходимо тесное взаимодействие семантики и прагматики, поэтому значение и функциональность языковых единиц, репрезентирующих отношение, в единстве с другими языковыми единицами, их связи с разными этапам сложного речемыслительного процесса играют первостепенную роль. Результат коммуникации между людьми существенно зависит от понимания ими процессов речевой деятельности и языковых элементов в этих процессах. Это обуславливает выстраивание коммуникации в двух направлениях: от языковых форм к мыслительному содержанию и от мыслительного содержания к языковым формам. Следовательно, для создания определенного смысла и его правильного понимания важность приобретают содержательный компонент и способ его передачи. Из этого следует, что два аспекта смысла находятся в отношении «содержание – форма» и создают некую внутреннюю канву языковых единиц. Таким образом, отношения выстраиваются совокупностью связей объектов, ситуаций, фиксируемых сознанием, и определенным набором способов их репрезентации языковыми средствами.

По мнению А.И. Варшавской, отношения можно назвать содержательными или

смысловыми, поскольку они являются компонентами денотативной и грамматической семантики языковых единиц и представляют собой семантические отношения между ними [Варшавская, 1984]. Причем между любыми двумя смысловыми единицами, выбранными случайным образом, существует своеобразное смысловое отношение, но оно не всегда значимо. Поэтому интерес для исследователей представляет то, какие именно факторы способствуют превращению смысловых отношений в значимые.

Отношение более значимо, если оно соответствует легко понимаемому концепту, выраженному в словесной форме. Если отношение трудно или даже невозможно понять, оно, вероятно, не может быть признано смысловым и тем более значимым. Некоторые лингвисты утверждают, что смысловые отношения возможны только между значениями лингвистических знаков [Kastovsky, 1982]; другие полагают, что смысловые отношения возникают между лексемами [Lyons, 1982]. Ряд ученых придерживается мнения о том, что смысловые отношения формируются между лексическими единицами, представляющими собой сочетание формы и смысла [Lipka, 1992].

Э. Косериу отмечает, что семантические отношения должны быть, прежде всего, отношениями значения, а не отношениями между знаками. Только так можно отличать семантические структуры от простых ассоциативных полей, которые основаны на отношениях сходства между языковыми признаками как по выражению, так и по содержанию [Косериу, 2009].

Хотя смысловые отношения изначально предназначены для обеспечения коммуникативной функции языка, участие языковых единиц в их формировании различно. Многими исследователями признается, что основной функцией языковой единицы является номинативная (см., например: [Бенвенист, 2002]) и что предложение в целом – это знак ситуации. Однако понимание закодированного говорящим смысла высказывания существенно зависит от способности реципиента интерпретировать смысл, соотнося его не только с непосредственным значением лексических средств, но и коммуникативной ситуацией в целом.

Как правило, смысловые отношения специфичны для конкретной ситуации. Для возникновения определенного типа отношения между языковыми единицами важны функции участников, которые они выполняют в коммуникативной ситуации – события, в котором они участвуют. Эти функции рассматриваются как семантические роли, тематические роли или отношения предикат-аргумент [Valin, 2004].

Смысловые отношения делятся на три основных типа: синтагматические, парадигматические и деривационные.

Парадигматические отношения отражают семантический выбор, возникающий на основе особенностей той или иной структуры предложения. Они, как правило, охватывают слова, принадлежащие к одной и той же синтаксической категории (хотя нередко возможны исключения) и могут поддерживаться между членами любой из основных синтаксических категорий.

Синтагматические отношения возникают между элементами в пределах одного предложения; особенно это характерно для тех языковых единиц, которые находятся в тесной взаимосвязи.

Любое правильно оформленное предложение можно рассматривать как цепь элементов, каждый из которых выбирается из возможного набора вариантов, предоставляемых языком. Этот выбор не является полностью свободным – он ограничен другими элементами в предложении, поскольку выбор вне определенного диапазона приведет к семантической несогласованности. Поэтому если выбор языковой единицы в пределах предложения / высказывания / дискурса не логичен, цель речевого акта и в целом коммуникации не будет достигнута. Иначе говоря, синтагматические смысловые отношения обусловлены когерентностью, в то время как парадигматические действуют в рамках возможного набора вариантов развития ситуации. Каждый такой набор представляет собой способ, которым язык соединяет или разъединяет некоторую концептуальную область и определенным образом отображает систематическое структурирование. Парадигматические отношения являются выражением этого структурирования.

Таким образом, синтагматические и парадигматические смысловые отношения взаимообусловлены: синтагматические отношения отграничивают пространство, в котором актуализируются парадигматические отношения.

Установление синтагматических смысловых отношений на базе парадигматических отношений раскрывает взаимосвязь между ними. Отношения синтагматического характера, по сути, не могут быть независимыми от парадигматических отношений. Все отношения связаны с конкретными грамматическими конструкциями или, по крайней мере, с однотипными конструкциями. Иначе говоря, отношения между элементами формируются только тогда, когда слова находятся в определенной грамматической взаимосвязи.

Деривационные смысловые отношения случайно возникают между языковыми единицами, находящимися в парадигматических смысловых отношениях, и так же случайно способствуют связности. Однако они обуславливают структурирование словарного запаса языка, поскольку проявляются между элементами в группах этимологически родственных слов.

Некоторые языковые единицы сочетаются между собой наилучшим образом, поэтому выстраивание отношений между ними носит естественный характер. За счет этого они в той или иной степени влияют друг на друга, являются элементами дискурса и образуют его функциональное пространство. Другие же лексические единицы практически никогда не комбинируются между собой, и достаточно сложно представить ситуацию, в которой между ними могут возникать смысловые отношения.

Отношения между значимыми элементами дискурса достаточно сложны и могут быть двух типов: дискурсивными и синтагматическими (см., например: [Cruse, 2004]). В то же время оба эти типа представляют собой дискурсивное взаимодействие, так как отношение, возникая между отдельными единицами, образует общее дискурсивное поле. Определенные лексические элементы, обладающие разными синтаксическими функциями, служат маркерами степени завершенности дискурса. Вероятностные сценарии разви-

тия дискурса опираются также на фоновые культурные знания участников коммуникации (экстралингвистический фактор).

Формирование и функционирование прагма-семантического пространства дискурса во многом зависит от синтагматико-семантических отношений, в частности от того, какой смысл и в какой степени репрезентирует определенная комбинация значимых единиц, и от того, является ли этот смысл нормальным (логичным) или аномальным (нелогичным).

На адекватность (правильность) смысла, образуемого конкретной цепочкой слов, влияет более широкий контекст, в котором они употребляются. Это объясняется тем, что иногда смысл, кажущийся на первый взгляд нелогичным, приобретает логичность в рамках дискурса.

Причина, по которой смысл расценивается как аномальный (неестественный, странный, неадекватный), может заключаться в том, что значения вступающих в отношения элементов не совпадают; роль контекста / дискурса в этом случае раскрывается в предоставлении необходимого выбора вероятных толкований смысла. Иначе говоря, реализуется не линейное взаимодействие языковых единиц, а расширенная иерархия отношений компонентов дискурса. Довольно часто потенциальная аномалия смысла является своего рода подсказкой того, что нужно выбрать другое понимание некоторого компонента либо создать новое понимание. Именно с помощью контекстных манипуляций странность смысла может быть существенно снижена или полностью устранена. Однако в речевой практике встречаются случаи, когда дискурсивные манипуляции направлены не на устранение аномальности значения, а на создание стилистического эффекта.

Возможности комбинирования лексических компонентов и, как следствие, отношения между ними, обычно имеют свойства направленности, которые выражаются в двух аспектах. Первый связан с тем, каким образом происходит выбор того или иного смысла и отношения, то есть любая комбинация слов имеет более одного прочтения; тем не менее среди смысловых вариантов существует только одна наиболее предпочтительная интерпретация. Второй аспект затраги-

вает особенности определенной грамматической конструкции, налагающие ограничения одного компонента на другой и обуславливающие свойства направленности, которая влияет на отношения между значениями компонентов в этой конструкции.

Для отношений существенна связь языковых элементов с объектами, обозначенными ими, во внешнем, неязыковом мире, природа которого не ограничена конечным набором свойств. Именно это определяет некоторые из причин большей комбинаторности одних языковых единиц по сравнению с другими.

К факторам, детерминирующим комбинаторику компонентов и выстраивание отношения между ними, можно отнести наличие стереотипных сочетаний, которые следует отличать от штампов, клише или идиом: здесь речь идет о привычном способе сказать что-либо, хотя есть и другие альтернативы. Это представляется больше вопросом культуры, чем языка как такового.

Примечателен факт, что комбинация слов, в результате которой формируется адекватный смысл, дает больше информации, чем любой из комбинированных элементов сам по себе, тогда как дополнительную информацию передают отдельные элементы. Таким образом, семантический ключевой элемент комбинации (конструкции) языковых единиц управляет семантическими отношениями этой комбинации, рассматриваемой как единое целое с другими элементами или комбинациями.

Отношения, имеющие нейтрально-ассоциативный характер (соединительные, сопоставительные), по смысловому объему противопоставлены семантически специализированным отношениям с ярко выраженным квалифицирующим потенциалом (причина, цель, следствие, временное соприкосновение и т. д.). Отношения обеспечивают формирование общего смыслового пространства дискурса, поэтому их можно назвать дискурс-организующим фактором, а смысл, в свою очередь, интерпретируется в зависимости от диапазона контекстуально-мотивированных (фоновых) отношений.

Особый исследовательский интерес представляют механизмы формирования фун-

кциональных отношений дискурса: то, каким образом актуализируемые языковыми единицами отношения отражаются в форме и семантике выражающих их средств в определенных коммуникативных условиях (контексте). Функциональные отношения (связи) актуализируются смысловым и структурным взаимодействием компонентов дискурса, которое, с одной стороны, отражает внутреннюю и внешнюю обусловленность свойств этих компонентов от дискурса, а с другой, оказывает непосредственное воздействие на процесс динамического развития дискурса и является комплексной характеристикой системы дискурса.

Т. ван Дейк понимает функциональные отношения английского дискурса как специфическую семантическую функцию, лежащую в основе корреляции высказываний в тексте и отражающую взаимосвязь фактов с их свойствами [Dijk, 1981]. Семантическая нагрузка функциональных связей позволяет рассматривать их как содержательно-смысловое взаимодействие между высказываниями дискурса, то есть как семантические связи в их функционировании [Пономаренко, 2013]. В отличие от семантических свойств языковых единиц, которые являются базовыми и обуславливают существование языковых единиц внутри системы, функциональные свойства определяются парадигматическими и синтагматическими (внутрисистемными) отношениями, зависят от языковой системы и актуализируются языковыми единицами в процессе реализации. В свою очередь, дискурсивные связи регулируют функционирование языковых средств, образующих смысловую систему дискурса. Это означает, что системная организация функциональных отношений коррелирующих высказываний в дискурсе зависит от содержательных характеристик компонентов дискурса, вступающих между собой в определенное взаимодействие, в рамках конкретного фрагмента речи, который находится во взаимосвязи с языком как внешней по отношению к нему средой. В этом прослеживается семантическая иерархия и динамика дискурса, которые влияют на системность его функциональных отношений.

Функциональные отношения, возникающие между компонентами дискурса, являют-

ся ключевыми для правильного построения дискурса, поскольку определяют одно из его наиболее значимых свойств – связность (согласованность, когерентность). Дискурс можно назвать связным, если его элементы / компоненты / части логически дополняют друг друга, а также соотносятся с фактами, событиями, объектами реального (или вымышленного) мира в определенной ситуации. При анализе функциональных отношений необходимо учитывать взаимодействие не только между отдельными компонентами дискурса, но и между его фрагментами, а также между различными структурами контекста, принимая во внимание когнитивные особенности участников коммуникации, уровень их социального и культурного развития. Другими словами, функциональные отношения характеризуют не только пропозициональную микроструктуру дискурса, но и его общую смысловую макроструктуру.

Дискурсивные отношения могут быть явными (эксплицитными), о чем прямо сигнализирует использование соответствующих дискурсивных связей, и неявными (имплицитными), предполагаемыми контекстом высказывания, ситуации в целом и общим знанием мира. Поскольку имплицитные отношения распознать труднее, так как ситуации или эпизоды отображаются в закодированных формах и моделях организации текста, возникает сложность определения и классификации отношений в дискурсе. Затруднение в понимании дискурсивных отношений может состоять и в том, что даже очевидная дискурсивная связка не всегда однозначна и может приводить к появлению нескольких смыслов. Чем более неоднозначны дискурсивные связки, тем сложнее правильно идентифицировать дискурсивные отношения, актуализированные в конкретном фрагменте. В этом и состоит одна из основных задач функционального анализа текстовой структуры – системное описание функциональных отношений между компонентами / высказываниями дискурса.

Как уже было сказано, в процесс формирования функциональных дискурсивных отношений включен социально-когнитивный аспект, то есть эпизодические модели конкретных социально-культурных событий и об-

щие знания или установки об окружающем мире, обусловленные когнитивными представлениями, лежащими в основе конкретного дискурса. Как подчеркивает Т. ван Дейк, функциональность дискурса и его компонентов на разных уровнях описания проистекает из этих когнитивных стратегий, поскольку они демонстрируют, каким образом многие пространственные, временные, логические или концептуальные отношения между отдельными элементами переводятся в отношения между предложениями или речевыми актами, линейно выраженными предложениями текста или диалога [Dijk, 2011].

Формирование функциональных отношений дискурса, таким образом, зависит от коммуникативной ситуации, когнитивной системы человека, социально-культурного фона. Функциональность дискурса показывает не только как организованы предложения или тексты, как они связаны с познанием и социальным взаимодействием, но и то, что дискурс не существует сам по себе и не бывает свободным от контекста. Именно контекст общей ситуации обеспечивает наличие взаимозависимостей в дискурсе и накладывает на него определенные ограничения. Это проявляется в случае, когда коммуникативные цели ограничивают или определяют выбор либо изменение лексических, синтаксических, семантических, прагматических структур дискурса, что в дальнейшем обуславливает формирование функциональных связей между компонентами дискурса.

Заключение

Структурирование смысловой системы дискурса представляет собой сложный динамический процесс. Важную роль в этом процессе играет создание адекватных коммуникативной цели смыслов, которые обуславливают построение определенных дискурсивных отношений. В свою очередь, отношения между компонентами дискурса влияют на формирование надлежащих смыслов дискурса и их адекватную интерпретацию. Это отражает двусторонний характер развития смыслового пространства дискурса, что раскрывается во взаимозависимости и взаимодействии смыслов и отношений дискурса.

Отношения формируются на основе лексического компонента в его взаимодействии с синтаксическим и прагматическим факторами. В то же время отношения подвергаются воздействию когнитивного, социального, культурного факторов, то есть возникают как между компонентами дискурса (внутренние связи дискурса), так и между дискурсом и внешними по отношению к нему системами.

Отношения бывают нескольких типов; они ложатся в основу смыслового пространства дискурса, его связности (когерентности) и коммуникативной значимости. Это определяет характер взаимодействия языковых единиц как на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях, так и на уровне их функционирования в дискурсе. Поэтому можно утверждать, что отношения характеризуют не только микроструктуру дискурса, но и его общую смысловую макроструктуру. Их формирование опосредованно коммуникативной целью, что обуславливает выбор или изменение семантических, синтаксических, стилистических, прагматических параметров дискурса и в результате может повлиять на трансформацию общего смысла. Таким образом, категория отношения в целом и дискурсивные отношения в частности встраиваются в когнитивный и коммуникативный процессы, а также в социокультурное взаимодействие коммуникантов. Функция отношений заключается в репрезентации структурной организации и смыслового содержания предложения / текста / дискурса и представлении общего смыслового пространства дискурса и характера его взаимодействия с внешними системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э., 2002. Общая лингвистика / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. 2-е изд., стер. М.: УРСС. 446 с.
- Варшавская А. И., 1984. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 136 с.
- Дрожацих Н. В., 1999. Взаимодействие языковых категорий // Язык и литература: электрон. журн. Фак. ром.-герм. филол. Тюмен. гос. ун-та. № 5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22746231>
- Косериу Э., 2009. Синхрония, диахрония и история = Sincronía, diacronía e historia: проблема языкового изменения / пер. с исп. И. А. Мельчука. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС. 204 с.
- Левин Г. Д., 2007. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос. 224 с.
- Матвеева Н. В., 2017. Механизмы формирования содержания и смысла текста в процессе его восприятия: психолингвистический подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 82–92. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.8
- Пивоваров Д. В., 2013. Отношение, связь, свойство, вещь (категориальный анализ) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. № 1. С. 63–72.
- Пономаренко Е. В., 2013. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. № 5 (106). С. 80–84.
- Райбекас А. Я., 2000. Категории вещь, свойство, отношение: ист.-филос. очерк. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т. 140 с.
- Толпегин А. В., 1995. Форма явленного бытия. Екатеринбург: УрГПУ: Изд-во Екатеринбург. высш. шк. МВД РФ. 109 с.
- Уемов А. И., 2013. Вещи, свойства и отношения. М.: Книга по Требованию. 184 с.
- Cruse A., 2004. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics (Oxford Textbooks in Linguistics). Oxford: Oxford University Press. 441 p.
- Dijk T. A. van, 1981. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague; N.Y.: Mouton. 331 p.
- Dijk T. A. van, 2011. Introduction: The Study of Discourse // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / ed. by T. A. van Dijk. 2nd ed. S. L.: SAGE Publications Ltd. P. 1–7.
- Kastovsky D., 1982. Wortbildung und Semantik (Studienreihe Englisch). Düsseldorf; Bern; München: Francke. 334 S.
- Levinson S., 1997. From Outer to Inner Space: Linguistic Categories and Non-Linguistic Thinking // Language and Conceptualization / ed. by J. Nuyts, E. Pederson. Cambridge: Cambridge University Press. P. 13–45.
- Lipka L., 1992. An Outline of English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics, and Word-Formation. 2nd Ed. Tübingen: Niemeyer. 212 p.
- Lyons J., 1982. Language, Meaning and Context. L.: Fontana. 256 p.
- Pradhan R. Ch., 2019. Mind, Meaning and World: A Transcendental Perspective. [S. L.]: Springer. 142 p.
- Valin R. D. van, 2004. Semantic Macroroles in Role and Reference Grammar // Semantische Rollen / ed. by R. Kailuweit, M. Hummel. Tübingen: Narr. S. 62–82.

REFERENCES

- Benvenist E., 2002. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, URSS Publ. 446 p.
- Varshavskaya A.I., 1984. *Smyslovye otnosheniya v strukture yazyka (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Semantic Relations in the Structure of Language (Based on the Material of Modern English)]. Leningrad, Izd-vo Leningrad. un-ta. 136 p.
- Drozhashchikh N.V., 1999. *Vzaimodeystvie yazykovykh kategoriy* [Interaction of Linguistic Categories]. *Yazyk i literatura: elektron. zhurn. Fak. rom.-germ. filol. Tyumen. gos. un-ta* [Language and Literature. Electronic Journal of the Department of Romance and Germanic Philology of Tyumen State University], no. 5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22746231>
- Coseriu E., 2009. *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya = Sincronia, diacronia e historia: problema jazykovogo izmeneniya* [Synchrony, Diachrony and History: The Problem of Language Change]. Moscow, Editorial URSS Publ. 204 p.
- Levin G.D., 2007. *Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse* [Philosophical Categories in Modern Discourse]. Moscow, Logos Publ. 224 p.
- Matveeva N.V., 2017. *Mekhanizmy formirovaniya sodержaniya i smysla teksta v protsesse ego vospriyatiya: psikholingvisticheskiy podkhod* [Mechanisms of Building the Text Contents and Meaning in the Process of Its Perception: Psycholinguistic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 82-92. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.8.
- Pivovarov D.V., 2013. *Otnoshenie, svyaz, svoystvo, veshch (kategorialnyy analiz)* [Attitude, Connection, Property, Thing (Categorical Analysis)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 3 Social Sciences], no. 1, pp. 63-72.
- Ponomarenko E.V., 2013. *O funktsionalnoy samoorganizatsii rechevykh sredstv v angliyskom delovom diskurse* [About Functional Self-Organization of Verbal Means in English Business Discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], no. 5 (106), pp. 80-84.
- Raibekas A.Ya., 2000. *Kategorii veshch, svoystvo, otnoshenie: ist.-filos. ocherk* [Categories Thing, Property, Attitude. Historical and Philosophical Essay]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. un-t. 140 p.
- Tolpegin A.V., 1995. *Forma yavlennoy bytiya* [The Form of the Manifested Being]. Yekaterinburg, UrGPU, Izd-vo Ekaterinburg. vyssh. shk. MVD RF. 109 p.
- Uemov A.I., 2013. *Veshchi, svoystva i otnosheniya* [Things, Properties and Relations]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu. 184 p.
- Cruse A., 2004. *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics (Oxford Textbooks in Linguistics)*. Oxford, Oxford University Press. 441 p.
- Dijk T.A. van, 1981. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague, New York, Mouton. 331 p.
- Dijk T.A. van, 2011. *Introduction: The Study of Discourse. Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction*. S.l., SAGE Publications Ltd, pp. 1-7.
- Kastovsky D., 1982. *Wortbildung und Semantik (Studienreihe Englisch)*. Düsseldorf, Bern, München, Francke. 334 S.
- Levinson S., 1997. *From Outer to Inner Space: Linguistic Categories and Non-Linguistic Thinking. Language and Conceptualization*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 13-45.
- Lipka L., 1992. *An Outline of English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics, and Word-Formation*. Tübingen, Niemeyer. 212 p.
- Lyons J., 1982. *Language, Meaning and Context*. London, Fontana. 256 p.
- Pradhan R.Ch., 2019. *Mind, Meaning and World: A Transcendental Perspective*. S.l., Springer. 142 p.
- Valin R.D. van, 2004. *Semantic Macroroles in Role and Reference Grammar*. Kailuweit R., Hummel M., eds. *Semantische Rollen*. Tübingen, Narr, S. 62-82.

Information About the Author

Victoria L. Malakhova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, English Language Department № 4, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, v.l.malakhova@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0261-5493>

Информация об авторе

Виктория Леонидовна Малахова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, v.l.malakhova@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0261-5493>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года
2610 руб. 33 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The Journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; assembling in a single issue together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different scientific schools, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the Journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with the latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through "The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals". Vol. 1. The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023
is 2610.33 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://l.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

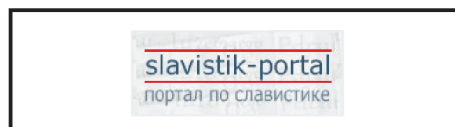
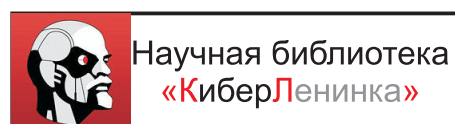
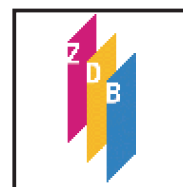
The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics

is indexed by:

ISSN 1998-9911

65 >

9 771998 991007